

Герберт УЭЛЛС
ОБЛИК ГРЯДУЩЕГО

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

Библиотека фантастики и приключений

ОБЛИК ГРЯДУЩЕГО

СЕВЕРО-ЗАПАД 2023

Составитель серии *А. Лидин*
Выпускающий редактор *М. Чернова*

УДК 82/89 ББК 84 (7 Сое) У98

У98

Г. Уэллс

Облик грядущего. — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2023. — 447с.
— Библиотека фантастики и приключений.

ISBN 978-5-93830-033-0
ISBN 978-5-93830-033-0

© ООО «Издательство «Северо-Запад». 2023 © Перевод В. Трутников

КНИГА СНОВИДЕНИЙ ДОКТОРА ФИЛИПА РЕЙВЕНА

В ноябре 1930 года в Женеве скончался доктор Филип Рейвен. Для секретариата Лиги Наций это стало невосполнимой утратой. Швейцарский город лишился знакомой фигуры — длинной согнутой спины, неуверенной походки, насмешливо склоненной набок головы. Из мира ушел оригинальный и пытливый ум. Согласно сообщениям в некрологах, неустанная преданная работа и необычайная умственная энергия высоко оценивались как самыми способными последователями, так и самыми известными поклонниками. После смерти великого человека широкая публика внезапно о нем узнала.

Редко бывало, когда кто-то за пределами обычных тем газетных сенсаций производил такой необъятный переполох. Об этом человеке писали практически везде, от Осло до Новой Зеландии и от Буэнос-Айреса до Японии, а замечательные, хоть и короткие, мемуары сэра Годфри Клиффа преподнесли широкому читателю описание исключительно простой, прямой, преданной и энергичной личности. Вероятно, для публикации оказались доступны только две чрезвычайно непохожие фотографии: ранняя, где Рейвен выглядит как гремучая смесь Шелли и мистера Макстона¹, и более поздняя, где он криво опирается на палку и разговаривает с лордом Пармуром в кулуарах Ассамблеи. Тонкая рука вытянута в характерном картинном жесте.

Будучи непрестанно занятым, он, тем не менее, всегда находил время помочь коллегам разобраться с той или иной сложной проблемой. И

¹ Перси Биш Шелли (1792-1822) — английский писатель, поэт и эссеист. Один из классиков британского романтизма. Был женат на Мэри Шелли. Джеймс Макстон (1885-1923) — британский левый политик и лидер Независимой рабочей партии, пацифист. (Прим, автора)

теперь они хотели его хоть как-то отблагодарить. В этом посмертном публичном всплеске выражалось признание бесценной полезности его помощи и советов. Знавшие его люди стремились доступно донести до окружающих важность этой личности и возмущались тем, что общество не знает ни самого этого человека, ни тем более его работ. Собраны, но все еще не опубликованы три тома наиболее важных статей, докладов, меморандумов и обращений доктора Филипа Рейвена.

Поскольку я имел честь дружить с ним, в самых разных кругах меня просили внести вклад в хор некрологов. Мое положение в академическом мире не позволяло отделаться простой характеристикой. В обычных обстоятельствах я бы не удержался от попытки набросать портрет ученого с его странной непринужденностью и обаянием. Однако этого не сделал, потому что оказался в чрезвычайном замешательстве. Смерть доктора Рейвена оказалась настолько внезапной, что мы очень боялись ошибиться. Только сейчас, когда прошло уже почти три года, посоветовавшись с его самыми близкими друзьями, я решил опубликовать ряд фактов и поделиться самой сутью нашего необычного сотрудничества.

Это в полной мере касается и данной книги. Все это время я утаивал доверенную мне рукопись, или, скорее, собрание разных бумаг и сочинений. Это своего рода коллекция, в отношении которой, полагаю, все еще оправданы мои колебания. Это — краткая мировая история на ближайшие полтора столетия. Подозреваю, что читатель на этой строке примется протирать глаза и воспримет ее досадной опечаткой, но это именно то, чем является эта рукопись. Краткая история будущего! Современная книга Сивилл¹. Только теперь, когда события трех лет полностью уложились в предвосхищающую историю, у меня хватило мужества связать репутацию моего друга с невероятными требованиями этой работы и найти для нее издателя.

Позвольте мне очень кратко рассказать, что я о ней знаю, и как она вообще попала мне в руки. Я познакомился с доктором Рейвеном... Точнее, это он познакомился со мной в последний год войны. Это случилось еще до того, как он уехал из Уайтхолла в Женеву. Он всегда был страстным поклонником новых содержательных идей, и его привлекли те рассуждения о деньгах, что я излагал в тоненькой книжице прогнозов под названием «Что грядет?», опубликованной в 1916 году. Я выдвинул предположение, что растрата ресурсов на войне в сочетании с накоплением долгов обанкротит известный нам мир, и что класс кредиторов в состоянии его задушить. И мне казалось, что единственным способом ликвидировать мировое банкротство является беспристрастное сокращение долгов путем сокращения количества золота, обеспеченного

¹ Книги СИВИЛЛ — сборник античных стихотворений с пророчествами. (Прим. переводчика)

фунтом стерлингов¹. То же касалось и доллара, и всех других мировых валют, обеспеченных золотом. Тогда мне казалось это очевидной необходимостью. Теперь я понимаю, что мои рассуждения были грубыми и поверхностными. Очевидно, я тогда еще не отошел от идеи внутренних ценных денег. Никто из нас в те дни еще не имел внятного представления о воспитательной пользе денежных и кредитных потрясений, последовавших за Версальским миром². У нас отсутствовал опыт, думать о деньгах считалось зазорным, и в лучшем случае мы мыслили, как не по годам развитые дети. Спустя семнадцать лет идея ценить золото многими воспринимается, как очевидная. Но тогда ее посчитали дилетантским комментарием невежественного автора. Сама тема называлась таинственным делом «денежных экспертов». Но моя работа привлекла внимание доктора Рейвена. Ему захотелось со мной познакомиться и обсудить послевоенные перспективы.

Доктор Рейвен был так же свободен от интеллектуальной помпезности, как и Уильям Джеймс³; так же откровенно восприимчив к нестесненному мышлению. Он мог запросто побеседовать на интересующую его тему, скажем, с художником или журналистом. Или даже с обыкновенным посыльным. Если думал, что таким образом сможет заполучить оригинальную точку зрения.

«Очевидно!» — это было слово, которое он всюду носил с собой.

«Очевидно, дело в том, мой дорогой друг, — он назвал меня «мой дорогой друг» в первые пять минут разговора, — что все достаточно умны, чтобы задуматься об этом на мгновение. Пока не станет слишком поздно. Но есть еще те, от кого в этой жизни что-то зависит. И вот как раз их крайне сложно убедить в том, что после войны наступит громадная финансовая путаница. Победители, несомненно, мстительно потребуют репараций, а проигравшие, конечно же, возьмут на себя обязательства их выплатить, но никто из них не захочет понять, какую трансформацию совершат измененные деньги с самими людьми. Сейчас их занимает лишь то, что одни люди собираются в рамках нового мироустройства на законных основаниях ограбить других людей. А то, что сами деньги сделают и с грабителями, и с ограбленными, никого не волнует».

¹ В 1932 году правительство Великобритании отказалось от так называемого золотого стандарта, что, по мнению ряду историков, послужило толчком для тяжелейшего кризиса во всей Британской империи. (*Прим. переводчика*).

² **Версальский мир** — система мировых взаимоотношений по итогам окончания Первой мировой войны. (*Прим. переводчика*).

³ **Уильям Джеймс** (1842-1910) — американский философ и психолог. (*Прим. переводчика*).

Я до сих пор, как сейчас, вижу его произносящим эти слова своим пронзительным и укоризненным голосом. Должен признаться, что в первые полчаса, пока я не привык к его вкусу, он мне не нравился. Слишком уверенный, слишком быстрый и, в целом, слишком яркий для моего медленного англосаксонского восприятия. Мне не понравилась ни совершенно очевидная подготовленность его выступления, ни тот факт, что он намеренно способствовал такому впечатлению самыми необычными жестами. Он не хотел садиться; хромал по моей комнате или разглядывал книги и картины. Говорил надтреснутым голосом и размахивал длинными худыми руками, словно плыл в пучине собственных размышлений. Я сравнил его с Макстоном и Шелли. Но это уже гораздо позднее. В первую встречу мне пришел на ум Свенгали из некогда популярного романа «Трильби»¹ Джорджа Дюморье². Бритый Свенгали. Я чувствовал, что он — иностранец, а в отношении иностранцев я замкнут и космополитичен. Совсем как мои инстинкты и принципы. Я никак не мог смириться с тем, что он — ученый Баллиола³ и ярчайший представитель министерства иностранных дел. До того, как переехал в Женеву.

Мне представляется, что основная часть нашей английской застенчивости состоит из преувеличенной осторожности. Мы подозреваем другого человека в своих собственных моральных шероховатостях. Мы часто сдерживаем себя до неискренности. Возможно, я — опрометчивый человек с пером, но я также осмотрителен и уклончив, как и любой другой из моих соотечественников, когда дело доходит до общественных отношений. Я нашел что-то почти неделикатное в прямой атаке доктора Рейвена на мои идеи.

Вне всяких сомнений, он хотел поговорить о моих идеях. Но, по крайней мере, в равной степени ему хотелось поговорить и о его собственных. У меня было больше, чем подозрение, что на самом деле он пришел ко мне, чтобы поговорить сам с собой и услышать, как это звучит против меня, как резонатора.

¹Роман «Трильби» вышел в 1894 году, имел шумный успех, неоднократно экранизировался еще при жизни Г. Уэллса. Центральный персонаж — злодей, но гениальный музыкант Свенгали путем гипноза превратил девушку Трильби О'Фаррел в великую певицу. (Прим. переводчика).

²Джордж Дюморье (1834-1896) — английский писатель, дед писательницы Дафны Дюморье. (Прим. переводчика).

³Баллиол — один из колледжей Оксфордского университета. (Прим. переводчика).

Тогда он назвал меня Дилером Очевидного и повторил эту не очень лестную фразу неоднократно, когда мы встречались.

— Ваши недостатки, — сказал он, — это — ваш дар. Быстрая, но не точная память на детали, быстрое понимание пропорций и отсутствие терпеливого отношения к деталям. Вы спешите к целому. Как, должно быть, деловые люди возненавидят вас, если когда-нибудь о вас услышат! Они, должно быть, подумают, что вы — ужасный болван! Знаете, какие неприятности вас ожидают, и все равно двигаетесь в этом направлении! Сложности — это их жизнь. А вы пытаетесь от этих сложностей избавиться. Вы — стриптизер, чертовски нетерпеливый стриптизер. Я бы тоже стал стриптизером, если бы у меня не было работы, которая заставляет меня ее выполнять. Но это действительно необычайно освежающе — проводить эти редкие часы в вашей компании.

Читатель должен простить меня за мой эгоизм. Да, я цитирую его комментарии о себе. Но они чрезвычайно необходимы, если мы хотим прояснить мои отношения с доктором Рейвеном и понять дух этой книги.

На самом деле я представлял собой отдушину для его определенной душевной избыточности, которую до сих пор ему было трудно в себе подавлять. В моем присутствии он мог себе позволить сбросить Баллиол и министерство иностранных дел, а позднее и Секретариат Лиги Наций. Он мог позволить себе ненадолго уйти. Он мог бы стать восточноевропейским космополитом, каким был по природе и происхождению, а я стал бы для него воображаемым собутыльником, бесчестным другом, своего рода интеллигентной задницей, его Ватсоном. Мне должны были понравиться такие отношения. Я привык к его экзотичности, к его жестам. Я все больше и больше сочувствовал его раздражению и огорчению по мере того, как разворачивалась конференция в Версале. Мое инстинктивное недоверие померкло перед пылающей энергией его интеллектуального любопытства. Мы обнаружили, что дополняем друг друга. У меня было готовое ничем не замутненное воображение, а у него — знания. Вместе мы отправились в умозрительный загул.

Среди других одаренных и оригинальных друзей, кто изредка оказывает мне честь, приходя поболтать, был мистер Данн. Много лет назад он изобрел один из первых и самых «непревзойденных» самолетов. С тех пор производит невероятное количество тонких размышлений об отношении времени и пространства к сознанию. Данн цеплялся за идею, что определенным образом мы можем предвидеть будущее, и он привел ряд замечательных наблюдений, подтверждающих этот постулат, в своем известном исследовании «Эксперимент со временем». Эта книга опубликована в 1927 году, и я нашел ее настолько привлекательной и вдохновляющей, что написал о ней пару статей, которые разошлись по

всему миру. Это было так захватывающе свежо.

Среди тех, кто видел мой отзыв об «Эксперименте со временем» и прочитал саму книгу, а затем написал об этом мне, был доктор Рей-вен. Обычно его общение со мной состояло из кратчайших заметок. Он сообщал, что будет в Лондоне, или о смене адреса, или, напротив, спрашивал о моих передвижениях и так далее; но это было довольно длинное письмо. По его словам, опыт Данна не являлся чем-то новым. Доктор Рейвен сказал, что мог бы многое добавить к рассказанному в книге и даже РАСШИРИТЬ данное исследование. Ожидания между сном и бодрствованием — эксперименты Данна касались главным образом предчувствий в момент дремоты между бодрствованием и забвением — не обязательно должны представлять собой мелкие заботы завтрашнего дня или следующей недели; они могли иметь и большую дальность. Если, конечно, у вас имелась привычка мыслить дальновидно. Но это происходило в те дни, когда скептицизм показывал жесткие гримасы жадным суевериям. Общественный долг состоял в том, чтобы воздерживаться от опрометчивых заявлений о надуманных подозрениях. Было очень сложно отличить научные доводы от фантазий. Это получалось сделать разве что только в собственном уме. Выказывая слишком живой интерес к подобного рода изысканиям, можно пожертвовать собственной репутацией.

Пустившись в глубокомысленные обобщения, он внезапно закончил. Письмо производило такой эффект, будто он хотел сказать гораздо больше, чем сказал.

Появившись в Лондоне, он неожиданно заглянул ко мне в кабинет и чистосердечно признался:

— Это дело Данна. Не мое.

— Как это? — опешил я.

— Он нашел способ ловить мимолетные видения между бессознательным сном и бодрствованием.

— Тут я с вами согласен.

— Он держит блокнот у кровати и записывает свой сон, как только просыпается.

— Таков его метод.

— И он обнаруживает, что какая-то часть его сновидений — иногда довольно явно — предвосхищает то, что придет ему в голову в реальности через несколько дней, недель или даже лет.

— В этом он и есть.

— Ничего подобного.

— Но почему?

— Все это — ничто по сравнению с тем, чем я занимаюсь уже много времени.

— Вот как?

Он уставился на корешки моих книг. Забавно! В кои-то веки застанешь доктора Рейвена в растерянности.

— Поясните, — настоял я.

Он повернулся и посмотрел на меня с каким-то неохотным выражением, которое затем перевоплотилось в слабую улыбку. Казалось, он собирается с духом.

— Как бы это сказать? Я никому не расскажу, кроме вас. В течение последних нескольких лет, время от времени — между сном и бодрствованием — я, по сути, читаю книгу. Несуществующую книгу. Книгу сновидений, если хотите. Это всегда одна и та же книга. Всегда. Это — история!

— Из прошлого?

— О прошлом. О, да! Правда! Там много чего есть о прошлом. Очень много такого, о чем я не знал. Эта книга заполнила множество пробелов в моих знаниях. Например, очень необычные события произошли в Северной Индии и Центральной Азии. И это все продолжается. И продолжается, и продолжается.

— Продолжается?

— Переходит в настоящее. А потом далее.

— Куда? В будущее?

— Совершенно верно.

— Это... Это БУМАЖНАЯ книга?

— Там не совсем бумага. Отчасти похоже на ту газету вашего друга. Бранлоу. Не совсем печать, какой мы ее знаем. Очень живые и яркие карты. И довольно легко читается, несмотря на странные буквы и орфографию.

— Возможно ли?

— Да, я знаю, что все это — сущий вздор! — сказал он и, немного помолчав, добавил: — Но выглядит ужасно реально!

— Вы переворачиваете страницы?

Он на мгновение задумался.

— Нет, не переворачиваю. Это меня бы разбудило.

— Значит, это просто продолжается само по себе?

— Да.

— До тех пор, пока это осознаете?

— Пожалуй.

— А потом вы просыпаетесь?

— Вот именно. И больше ничего нет!

— И вы всегда ЧИТАЕТЕ?

— В большей степени.

— То есть время от времени?

— О! Это точно, как читать книгу, когда бодрствуешь. Но при этом вы еще и ВИДИТЕ события. Как будто смотришь на движущуюся

картинку на странице.

— Но книга при этом все еще там?

— Да, всегда. Ну, то есть, я так думаю, что она всегда там.

— А вы часом не делаете пометок?

— Сначала не делал. Теперь делаю.

— Сразу же?

— Я вроде как стенографирую... У меня куча ТАКИХ пометок.

Он присел на столешницу моего камина и внимательно на меня посмотрел.

— Значит, теперь вы мне все рассказали.

— Теперь все.

— Даже не знаю, что и сказать.

— Сомневаюсь, мой дорогой друг, что кто-то, кроме меня, способен это понять и оценить по достоинству. Вы ведь не видели, что я написал. Я сам с трудом могу прочитать написанное спустя неделю или около того. Но в последнее время я свои записи начал переписывать.

— Какая в том польза?

— Видите ли, — продолжал он, расхаживая по моей комнате. — Если это... реальность, то в мире нет ничего важнее этого. Но у меня нет доказательств. Вообще никаких. Но вы? Вы верите, что такое возможно?

— ВОЗМОЖНО? — я задумался. — Скорее, я склонен думать, что да. Хотя, чем именно все это может быть, я сказать затрудняюсь.

— Никому, кроме вас, я об этом рассказать не могу. Никак нельзя. Очевидно, они сказали бы, что я сошел с ума или, что я — обманщик. Только подумайте, какой бы это был скандал! Посмотрите на Оливера Лоджа¹. Посмотрите на Шарля Рише². Это разрушило бы и мою работу, и мое положение. И все же, знаете ли, это такая достоверная информация... Я говорю вам, что я в это верю.

— Если бы вы что-нибудь из этого написали. Мне бы увидеть хоть что-нибудь из этого.

— У вас будет такая возможность.

Он, действительно, смог убедить меня в том, что ему интересно мое мнение. «Самое худшее в этом, что я всегда верю, когда он говорит. Это все равно, как если бы это был я, а не он».

Он не прислал мне ни строчки, но, когда я в следующий раз встретил его, а это было в Берне, он передал мне целую папку с бумагами. Позднее еще две.

¹ Оливер Лодж (1851 -1940) — английский физик. Написал книгу о спиритических контактах со своим сыном, погибшим на войне. (Прим. переводчика).

² Шарль Рише (1850-1935) — французский физиолог, нобелевский лауреат в 1913 году. Автор книги «Сомнамбулизм, демонизм и яды интеллекта». (Прим. переводчика).

Большинство страниц исписаны карандашом, некоторые — чернилами, и около пятидесяти напечатаны, вероятно, под его диктовку. Он попросил меня о них позаботиться, внимательно прочитать, сделать отпечатанные копии и вернуть ему оригиналы. Нам обоим следовало подумать о целесообразности анонимной публикации. Те или иные события могли бы подтвердить или, напротив, опровергнуть изложенные в этой истории различные утверждения и таким образом саму историю либо похоронить, либо высветить ее подлинность.

А потом он умер.

Умер совершенно неожиданно после экстренной операции. Какой-то вывих, связанный с выраженным искривлением позвоночника, привел к острому кризису.

Как только я услышал о смерти доктора Рейвена, тотчас поспешил в Женеву, где рассказал о книге сновидений его наследнику, мистеру Монтефьоре Рено. Я в большом долгу перед этим джентльменом за его любезность и быстрое понимание ситуации. Он приложил огромные усилия, чтобы собрать воедино все возможные обрывки уникального материала и предоставить все это в мое распоряжение. В дополнение к трем папкам, которые доктор Рейвен уже передал мне, была еще одна. Там находилась целая стопка бумаг, исписанных от руки. Очевидно, это касалось той самой Истории. Четвертая папка содержала материалы, которые составляют заключительную часть этой настоящей работы. Страницы даже не были пронумерованы, но именно они послужили материалом для предпоследней части, которой предстояло стать моей собственной компиляцией. Похоже, доктор Рейвен записывал свои впечатления от книги сновидений как мог, до того, как память исчезла, и, поскольку он намеревался переписать все это сам, то не особенно заботился о восприятии потенциального читателя. Материал предназначался только для собственного пользования. Скорее, это можно было назвать смесью на скорую руку для избранных. Пунктуация обозначалась пробелами. Нередко под одним словом подразумевалось целое предложение или даже абзац. Примерно треть материала уже была представлена в виде рукописей и печатных страниц в папках. Это был мой Розеттский камень³. Если бы не эти указания, не думаю, что мне удалось бы расшифровать остальное. Как бы то ни было, я обнаружил, что невозможно составить плавное повествование, целиком состоящее из фрагментов с четкими вступительными и заключительными положениями. Некоторые отрывки выходили довольно ясными, а затем

³ **Розеттский камень** — стела, найденная в 1799 году в египетском городе Розетта. Содержала три идентичных текста на разных языках, в том числе на древнегреческом и древнеегипетском, что при сопоставлении позволило расшифровать египетские иероглифы. (Прим. переводчика).

наступали путаница и расплывчатость. Я переписал все, что мог, и заполнил пробелы там, где они показались мне совершенно безнадежными.

Мне хотелось бы думать, что в целом я составил более или менее внятный рассказ о ходе событий во времена противостояния и изменений в Мировом правительстве между 1980 и 2059 годами, когда так называемая Воздушная диктатура во всем мире уступила место Современному государству. К моменту публикации Истории оно все еще процветало. Читатель найдет обширные пробелы, вернее, обширные сокращения, но ни одно из них не оставляет сомнений в основных чертах того, как консолидировался мир.

А теперь позвольте мне сказать еще несколько слов о реальной ценности этого странного «Плана будущего».

Определенно, некоторые соображения противоречат идее о том, что История — всего лишь плод воображения блестящего публициста. Я поставлю их перед читателем, но не стану оказывать на него давление. Со временем История получила несколько очевидных подтверждений. Последняя часть датируется 20 сентября 1930 года, все остальное написано еще раньше. И, тем не менее, текст прямо намекает на смерть Ивара Крюгера¹ и на похищение ребенка Линдберга² весной 1932 года, на полеты Моллисона³ в том же году, на обсуждение долга Америке в декабре 1932-го. Что касается 1933-го, то предсказаны и приход к власти Гитлера в Германии, и вторжение Японии в Китай, и победа Франклина Делано Рузвельта на президентских выборах в США, и лондонская Всемирная экономическая конференция. Эти ожидания мне сложно объяснить в деталях. Не думаю, что они обладают некой природой, которая позволяет их предсказать. Это не те события, какие можно вывести из какой-либо предыдущей ситуации. Откуда Рейвен мог о них знать в 1930 году?

Еще меня беспокоит другая мысль, которая, вероятно, в гораздо меньшей степени будет беспокоить читателя, — это тот непреложный факт, что у доктора Рейвена не было никаких причин меня мистифицировать. Ни на земле, ни на небесах не существовало ничего,

¹ **Ивар Крюгер** (1880-1932) — шведский промышленник. Контролировал до двух третей мирового производства спичек. В Великую депрессию обанкротился и покончил с собой. (Прим. переводчика).

² Похищение и убийство 20-месячного сына знаменитого авиатора Чарльза Линдберга с целью выкупа. Деньги были предоставлены, однако ребенка так и не вернули. Позднее был обнаружен его сильно разложившийся труп. Выдвигались самые разные версии случившегося, в том числе конспирологические. (Прим. переводчика).

³ **Джеймс Моллисон** (1905-1959) — шотландский пилот, совершил в 30-е годы XX века самые быстрые перелеты из Австралии в Англию, из Англии до мыса Доброй Надежды, а также из Ирландии в Канаду. (Прим. переводчика).

что могло бы сподвигнуть его мне солгать о том, как этот материал попал к нему или с какого источника он его переписал.

Не будь этих соображений, думаю, всякий согласился бы с тем, что написание Истории доктор Рейвен преднамеренно избрал в качестве выхода своей творческой энергии. Согласился бы и с тем, что это действительно художественное произведение покойного сотрудника Женевского секретариата с необычайными возможностями для формирования суждений о тенденции развития тех или иных событий. Или, если сказать по-другому, пророчество, произнесенное в квазивдохновенном настроении. В стиле, в котором написана История, узнается неповторимый язык доктора Рейвена. Но, помимо этого, встречаются в тексте разные слова, появление которых разумно было бы ожидать через сто семьдесят с лишним лет. С другой стороны, проявленное отношение противоречит публичным высказываниям доктора Рейвена. Сама идиома мысли явно ему не принадлежит, каким бы ни было выражение. Либо маргинальное видение превзошло убеждения наяву, либо что-то оказало подавляющее действие, выравнившись на поверхность. Так какой же она будет, эта история?

Должен признаться, что сначала, когда во мне еще теплилась догадка, что речь идет всего лишь об умозрительной разминке, у меня возникло искушение довольно подробно прокомментировать текст доктора Рейвена. Мне захотелось поиграть. В результате это отняло у меня несколько месяцев, а сами мои заметки стали толще его истории. Но когда я их пересмотрел, то пришел к выводу, что многие из них суетливы и навязчивы, и буквально единичные, вероятно, смогут быть полезными умному и хорошо информированному современному читателю. Чем больше привлекала доктора эта книга, тем больше, вероятно, он делал пометок для себя. И чем меньше он ценил те или иные фрагменты, тем меньше склонялся к тому, чтобы ценить массу разъяснений. Мои заметки могли бы оказаться такими же раздражающими, как карандаши, которые сегодня иногда обнаруживаются в книгах публичных библиотек. Даже если история была бы просто сборником домыслов, то все равно это стало бы неслыханной дерзостью. Если бы в этом оказалось что-то большее, чем спекуляция, дополнения и в этом случае следовало бы воспринимать не иначе, как дерзкими. В конце концов, все накопленное я выбросил.

И все-таки мне пришлось привести главы в порядок. Вмешательство было неизбежно, и здесь я бы настоял на том, что оно должно остаться. Мне действительно пришлось их мучительно расставлять и переставлять, поскольку они, вероятно, прочитывались и записывались в ненадлежащем хронологическом порядке. Возникла необходимость сглаживать переходы. Позднее я надеюсь опубликовать специальное издание заметок доктора Рейвена в том виде, в каком он их оставил.

Мы начнем здесь с того, что, вероятно, является началом книги по истории, хотя на самом деле это — не первая страница в переданных мне папках. Ход мирских событий освещается здесь очень удобно для читателя свежим и чрезвычайно убедительным образом. Основные факторы Великой войны анализируются под новым углом. Из этого обзора следует, что история «Эпохи разочарования», в первые годы которой мы сейчас живем, развивается довольно последовательно. Помимо этой вступительной части, повествование охватывает сто семьдесят шесть лет, с 1929 года нашей эры до конца 2105-го. Последнее событие произошло перед Новым 2106 годом; вскользь упоминается о реконструкции «скелетов» знаменитых «Небоскребов» Нижнего Нью-Йорка. Печать и публикация произошли, вероятно, в начале 2106 года; произошли — или мне следует написать «произойдут»?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: НАСТУПАЛА ЭПОХА
РАЗОЧАРОВАНИЯ*

Глава 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

В XIX и XX веках история человечества на нашей планете претерпевала смену эпох. История расширялась. История консолидировалась. Она переставала быть разношерстным клубком взаимосвязанных случаев и становилась осознанно единой. Происходило слияние расовых, социальных и политических судеб. Перед человеческим воображением открывалась картина неизведанных возможностей, которая приспособлиwała под себя прежние идеи.

Первая фаза этой реорганизации обязательно разрушительна. Представления о жизни и обязательствах, которые до сих пор служили и удовлетворяли даже самых энергичных и умных личностей, а также концепции, которые являлись естественно пристрастными, сектантскими и ограниченными, десятилетие за десятилетием, теряли свою убедительность и руководящую силу. Ослабевали и исчезали. Это век растущего умственного беспокойства, навязанных убеждений, лицемерия, цинизма, самозабвения и нетерпения. То, что до сих пор являлось окончательным и непроницаемым фоном убеждения в правильности методов поведения, характерных для национальной или местной культуры каждого индивида, превращалось, если можно так выразиться, в рваную, расползающуюся по швам занавеску. За преломлением, искажением, медленным растворением традиционных завес проступили поначалу смутные и туманные намеки на тип поведения, необходимый для того единого мирового сообщества, в котором мы живем сегодня.

До тех пор, пока Хронологический институт не завершит свой нынешний пересмотр и не определит кардинальные даты в социальной эволюции, лучше всего отнестись к нашему отчету о развитии человеческого разума и воли к неуклюжим и неуместным вычислениям до и после христианской эры. В предыдущей книге¹ подробно разъяснено, как мы унаследовали систему исторических ячеек христианского мира. Эта произвольная работа на протяжении многих столетий навязывалась в средиземноморской и атлантической литературе и таким образом искажала взгляды на историю даже в самых бдительных умах. Молодому студенту необходимо постоянно быть на чеку, чтобы не допускать ложного разделения. Как заметил Питер Лайтфуд, говоря о характерных для периода от Вестфальского договора 1642 года до краха Наполеона «восемнадцатом веке», мы думаем о моде, обычаях и взглядах, в 1815-м.

¹ Ничего подобного нельзя найти в работах доктора Рейвена (*Прим, автора*).

Говоря о «девятнадцатом веке», представляем себе газовое освещение и паровой транспорт, начиная с после наполеоновского восстановления и заканчивая огромным потрясением Мировой войны в 1914 году. «Двадцатый век» вызывает образы электрификации и самолета. Но самолеты редко появлялись в воздухе до 1914 года (первый поднялся лишь в 1905 году), а полная замена паровозов и пароходов на электровозы и теплоходы произошла лишь после сороковых годов. Какая это утомительная трата времени и энергии, когда каждое поколение молодых умов приходится заставлять сначала зазубривать бессмысленную последовательность столетий, а затем исправлять грубое расположение хронологическим пересмотром с тем, чтобы облегчить задачу учителя. Тем самым он получает возможность сглаживать историю нашей расы в значительной степени.

Хронологический институт справлялся с этой задачей с помощью полезной рекламы, приглашая к обсуждению самые разные стороны. Известная история поддавалась ежегодному исчислению. Это позволяло разделить ее на ряд неодинаковых по продолжительности эпох. Естественно, выбор этих эпох являлся причиной чрезвычайно оживленных дискуссий. У большинства из нас имелись свои собственные оценочные суждения о тех или иных событиях. Многие сложности, касавшиеся ранних цивилизованных сообществ, оставались в разгоряченном состоянии. Наша хронология достаточно точно определяла каждый год того или иного важного события за последние 4000 лет во многом благодаря тщательному и терпеливому труду Комитета Селвина-Корнфорда, который занимался исследованиями аллювиальных отложений. Что касается последних 3000 лет, то сегодня почти не осталось сомнений в том, что основными разделительными точками будут являться СПЕРВА эпоха Александра и эллинские завоевания, которые положат начало фазе великого эллино-латинского денежного империализма в западном мире; и это будет эллино-латинская эпоха. Начнется она с пересечения Геллеспонта Александром Македонским и закончится либо битвой при Ярмуке (636 год), либо сдачей Иерусалима халифу Омару (638 год). Затем наступит эпоха мусульманского и монгольского давления на Запад, которое открыло эпоху феодального христианства и противостояния с феодальным исламом; эпоха азиатского господства. Закончится она битвой при Лепанто (1571 год). Затем наступит ТРЕТЬЯ эпоха, эпоха протестантской и католической контрреформации, которая положила начало эре конкурирующих суверенных государств с организованными постоянными армиями. Это — эра европейского господства, или, как ее еще можно назвать, эра национального суверенитета. И, наконец, наступила катастрофа мировой войны 1914 года, когда внешнее стремление к новым экономическим методам, разработанным

атлантическими цивилизациями, уступило место внутреннему напряжению европейского национализма. Эта война и ее затянувшиеся последствия открыли человеческому разуму возможности и опасности несовершенного европеизированного мира, который бессознательно стал единой взаимосвязанной системой, все еще одержимой Вестфальским договором и идеей конкурирующих суверенных государств. Этот шок разума и последующая разрядка ознаменовали начало эпохи Современного государства. Начальной фазой этой последней эры является эпоха разочарования, с которой мы сейчас и столкнулись. Это первая стадия периода Современного государства. Вторая стадия, но не новый период, началась с провозглашения Межевской декларации, которую общим здравым смыслом человечества приняли сорок семь лет назад. Эпохе разочарования пришел конец. Следовательно, длилась она чуть меньше полутора веков.

Дата на титульном листе первой публикации этой Истории — 2106. Прежде чем исчерпаются многие издания, появится новое летоисчисление; *М.Е.*¹ соответственно — 192 год, 189-ый или 187-ой до Современной эры в зависимости от того, определяют ли наши хронологи в качестве точки отсчета дату начала Великой войны — 1914 год, начало социальной революции в России — 1917-ый, или подписание Версальского договора, как окончательное открытие Эпохи разочарования и конфликта за мировое единство — 1919-ый. В настоящее время представляется, что вторая дата выглядит наиболее практичной.

В 1914 году могло показаться, что концепция организованного мирового порядка недоступна человеческим возможностям. В 1919-ом она уже стала активной силой в неуклонно растущей доле человеческих мозгов. Мысль о Современном государстве окончательно сформировалась. И принялась разрастаться. Одна система, советская система в России, уже утверждала, что является мировой системой. Большинству в том настрадавшемся поколении Великая война казалась абсолютным злом, катастрофой и потерей. Для нас же, кто видит те ужасные годы в перспективе общей тупости, которая и привела к этому конфликту, уничтожение жизней и материальных ценностей, каким бы беспрецедентным оно ни было, не обладает таким же подавляющим качеством. Мы рассматриваем это как неуклюжее и произвольное освобождение от устаревших допущений путем их доведения до трагического абсурда и, следовательно, как практически неизбежный шаг в диалектике человеческой судьбы.

¹*М.Е.* — *Modern Era* — Современная эра (англ.). (Прим. переводчика).

Глава 2

КАК ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛИСЬ ИДЕЯ И НАДЕЖДА НА СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В чем существенное различие между миром до Великой войны и миром после нее? До этой бури страданий и разочарований четкое осознание того, что, несмотря на все современные бедствия, мировой порядок и счастье доступны человечеству, было уделом лишь нескольких исключительных личностей. После мировой катастрофы оно распространялось на все большее количество людей, стало отчаянной надеждой и желанием и, наконец, рабочим убеждением, которое сделало возможными организованные массовые действия.

Даже те, кто воспринял эту идею еще до эпохи Великой войны, по-видимому, высказывали ее с необъяснимой для нас робостью и слабостью. Помимо великой звезды Шелли, которая сияла все ярче по мере того, как его преемники уменьшались в перспективе, во всех этих довоенных утверждениях о возможном мировом порядке ощущался привкус нереальности. У большинства доминировал викторианский ужас перед «экстравагантностью». Писатель притворно улыбался или даже насмехался над собственными предложениями в манере, которая, очевидно, действовала обезоруживающе. Вряд ли пророк осмеливался поверить в свое же предсказание. Максвелл Браун недавно раскопал

брошюру «Великий анализ»¹, датированную 1912 годом, где с величайшей робостью, даже без имени автора, предлагался проницательный и обоснованный прогноз первичной структуры Современного государства, удивительно пророческий для того времени. Это был план преобразовать мир революционным способом. Писатель не хотел называть творение своим именем, и он в этом признался, потому что это могло бы выставить его на посмешище.

Занимательные предсказания Максвелла Брауна в отношении Современного государства перед Великой войной — это исчерпывающее исследование психологических процессов, с помощью которых сама идея стала основой нашей жизни. Эта идея вытеснила воинствующий патриотизм и утвердилась в качестве практической и необходимой формы действий для человека доброй воли полтора века назад. И эта идея прослеживалась вплоть до зародышевого состояния. Ее ранние проявления представляли собой мечту о всеобщем завоевании. Рассказывалось о вековой борьбе с повседневным использованием и практическим здравым смыслом. В первом из своих огромных томов писатель привел тысячи цитат из дохристианской эры. Все монотеистические религии по духу являлись религиями мирового государства. Вавилонская башня рассматривалась как попытка некоего первобытного космополита, некоего провидца до рассвета, объяснить разделение человечества (теперь существуют веские основания приписать эту историю Эмесалу Гудеке из Ниппура, раннему шумерскому сказочнику).

Максвелл Браун показывал, как синкретические религиозные верования, обусловленные ростом ранних империй и официальным объединением богов, неизбежно приводили к монотеизму. По крайней мере, со времен Будды и далее где-то в мире всегда существовало чувство, если не живая вера, в единое и неделимое человеческое братство. Но простое чувство и колеблющаяся симпатия достигли незнакомца, способного начать что-то осуществлять, совсем недавно. Никак не достигались необходимые условия.

Браун кратко исследовал новшества, которые предшествовали более важным вкладам в историю человечества. В течение десяти тысяч лет, то есть, по крайней мере, с тех пор как кроманьонцы научились шить себе одежду и укрытия от непогоды, искусство печати появлялось и исчезало снова и снова. Но никогда оно не достигало кульминации в печатной

¹ Тот редкий случай, когда редактор осведомлен лучше, чем автор Истории. Эта брошюра написана драматическим критиком Уильямом Арчером и переиздана под именем ее автора с предисловием Гилберта Мюррея в 193) году. По-видимому, книжные коллекционеры будущих времен будут очень скучать по этой книге (*Прим, редактора*).

книге и всех ее далеко идущих последствиях. Никогда не приобреталось первостепенное значение в человеческих делах, вплоть до XV века. Браун собрал доказательства повторяющихся неудач человека в попытках летать. Планеры четвертой династии, недавно найденные в Бедрашене, разбитая машина Ю-чжоу, интересные обломки, украшения и человеческие останки, найденные в прошлом году в заливе Мирабелла (последние впервые отмечены в 2104 году после землетрясения в глубоких водах на фотографиях исследовательского самолета Кроуфорда; впоследствии они были найдены и извлечены водолазами подводной лодки «*Salvemini*», принадлежащей биологической станции Неаполя. В настоящее время профессор Джулио Маринетти идентифицировал их как останки легендарного планера Дедала и Икара). Максвелл Браун также проследил непрерывно повторяющиеся открытия и переоткрытия Америки со времен олесундских табличек и ранних китайских надписей в пещерах близ Байя-Коки до окончательного установления непрерывных коммуникаций через Атлантику западными европейцами в XV веке. Всего в настоящее время зарегистрировано шестнадцать отдельных неэффективных открытий Америки либо с востока, либо с запада, и, возможно, было еще много других, которые не оставили после себя никаких следов.

Эти ранние примеры неадекватной предприимчивости человека помогают нам понять и переосмыслить долгую борьбу Эпохи разочарования с трудностями, которые подталкивали наших предков к тому, очевидно, единственно разумному устройству человеческих дел, какое установилось ныне на этой планете.

Бесплодность всех этих преждевременных изобретений очень легко объясняется. В случае трансатлантического перехода ранние мореплаватели добирались до Америки, но не могли вернуться обратно. Если же они все-таки возвращались, то не могли найти поддержку и средства для того, чтобы вернуться. Или же вследствие многочисленных трудностей они погибали во время второй попытки. Истории о морских путешественниках искажались, превращались в сказочные легенды, и в них переставали верить. Это действительно было довольно бесполезное приключение — плыть в Америку, пока усовершенствованная навигация и компас не стали для моряка обыденностью.

Но вернемся к вопросу печати. Лишь тогда, когда китайцы развили систематическое производство дешевой бумаги в виде листов стандартного размера, печатная книга — и последующее распространение знаний — стали осуществимыми на практике. Наконец, задержка в освоении полетов являлась неизбежной, потому что, прежде чем люди смогли продвинуться дальше опасного скольжения по воздуху, металлургии требовалось достичь точки выпуска двигателя

внутреннего сторания. До тех пор нельзя было создать ничего достаточно прочного и легкого, чтобы сражаться с воздушными вихрями.

Точно так же концепция единого человеческого сообщества, организованного, чтобы служить общему благу, должна была подождать, пока быстрая эволюция средств коммуникации не сможет остановить разрушительную силу географического разделения и пообещать когда-нибудь его победить. Эта быстрая эволюция произошла, наконец, в XIX веке, и она описана в предыдущей главе этой всемирной истории¹. Паровая энергия, нефтяная энергия, электроэнергия, железная дорога, пароход, самолет, передача по проводам и по воздуху очень быстро следовали друг за другом. Они связали человеческий род крепко как никогда. Незаметно, менее чем за столетие, совершенно невыполнимое стало не просто возможной, но и срочно необходимой корректировкой пути развития человеческой цивилизации.

И вот теперь кардинальное значение Великой войны в истории заключалось в том, что мировая бойня ясно продемонстрировала необходимость этой корректировки. Раньше это никогда не считалось необходимым. Признание всегда отставало от достижений. Ни один из довоенных пророков Мирового государства не смог внушить окружающим понимание, что консолидация жизненно необходима. Все они делали вежливые реверансы и робкие жесты в сторону единства. Говорили об этом, как о чем-то приятном и желательном, но никогда, как о жестком императиве. До войны самый ясный запрос на всемирное сотрудничество исходил от Второго Интернационала. И даже после войны, и после туманного и колеблющегося представления Лиги Наций о федеральном сверхгосударстве в Женеве большинство даже самых продвинутых авторов, похоже, все-таки пребывали под впечатлением, будто необходима максимальная корректировка существующей системы, дабы предотвратить или смягчить последствия войны и сдерживать мятежные порывы непрофессиональных правителей.

И даже коммунистическое движение, которое, как мы уже говорили, в результате случайного заговора смогло захватить Россию и продемонстрировать ценность своих теорий, в конечном итоге отступило от идеи космополитического социализма, а не продвинулось к ней. Как мы уже показали, эти теории оказались безнадежно неадекватными по отношению к практическим потребностям. Развитию идеологии сильно препятствовал консервативный догматизм, навязанный неизлечимым эгоизмом Карла Маркса. Нетерпимость, врожденные дурные манеры, тщеславная настойчивость в том, что он произвел на свет окончательную

¹ Ничего подобного в записях доктора Рейвена нет. (*Прим, автора*).

доктрину, превзошедшую дарвинизм, бросила длинную тень нетерпения и упрямства на последующее развитие коммунизма. Маркс горько завидовал утопической школе социализма, и поэтому, когда Ленин столкнулся с необходимостью взять власть в свои руки, «ортодоксальный» марксист испытал совершенно идиотскую гордость за бесплановое мировоззрение. «Свергните капитализм!» — провозгласил он, и что тогда сможет произойти, кроме тысячелетнего блаженства? Коммунизм действительно настаивал на необходимости экономической социализации, но — до тех пор, пока не пришел к власти в России — не обращал внимания на технические сложности. Через одиннадцать лет после прихода к власти, то есть в 1928 году, он произвел на свет запоздалый и несоразмерный пятилетний план. До той поры никакой рабочей схемы для реализации социализма попросту не существовало. Коммунизм бросили в пучину социального эксперимента, и само это явление оказалось вынуждено прибегать к отчаянно срочным маневрам, импровизациям и смене взглядов, а также защищаться настолько безвкусной и прозрачной апологетикой, что общемировое движение вышло из-под контроля.

Читатель этой всемирной истории уже знает, как моральная и интеллектуальная сила Коммунистической партии оказалась неспособной контролировать саму себя и противостоять диктатуре этого достойного, но ограниченного человека из Грузии, Сталина. Преждевременная смерть творческого и способного к адаптации Ленина и нетерпеливое подавление умных, беспокойных, но необходимых личностей, таких, как Троцкий, — если бы не явный недостаток такта и достоинства этот человек вполне мог бы стать преемником Ленина, — искалечили решительно все. Не исключено, что именно в России могло впервые появиться Современное государство. Ужасная судьба постигла верных учеников творческой личности. Ленин расслабился и перевернул догматизм Маркса, а Сталин превратил то, что считал ленинизмом, в новый и более жесткий догматизм. После этого политический доктринер подавлял и калечил техника в борьбе, которая требовала технической компетентности. Подобно тому, как богословские споры обедняли и опустошали Европу на протяжении долгих веков христианского мира и сводили к нулю преимущества объединяющего влияния, так и в России педантичность политических теоретиков мешала эффективной организации. Молодежь воспитывалась в тщеславии и ксенофобии, неотличимых по своим практическим последствиям от грязного патриотизма таких стран, как Франция, Германия, Италия или Шотландия.

Подчинение умственного развития политике привело Россию в такую политическую и социальную фазу, какая, по меткому замечанию Ростовцева в своей Социально-экономической истории Римской

империи, во всеобщем обнищании и отсутствии критической энергии уподобилась благонамеренному, но бессодержательному самодержавию императора Диоклетиана. С самого начала русская революция потерпела неудачу в своем стремлении возглавить человечество. Русский космополитизм просуществовал едва ли дольше, чем космополитизм Великой Французской революции дюжиной десятилетий ранее.

Это почти неизбежное отставание конструктивного движения в России от западных разработок предвидел проницательный ум Ленина еще на этапе своего очевидного лидерства (см. №3090 в сборнике «Исторические документы», «Левое крыло коммунизма»). Но его наблюдение не нашло отклика в неизлечимо нелиберальной мысли марксистской традиции.

Именно в Западной Европе концепция организованного и дисциплинированного Мирового государства как революционной цели в конечном счете достигла своих полных масштабов. Поначалу смысл всего этого оставался неясным. В 1933 году любой наблюдатель мог быть введен в заблуждение фактом наличия фашистского режима в Италии, волнениями нацистской партии в Германии, аналогичными национал-социалистическими движениями в других странах, увеличением тарифных барьеров и других ограничений повсюду. Складывалось впечатление, что везде космополитическая идея отступает под натиском навязчивых идей расы, вероисповедания и национализма. И все-таки в то время зародыши Современного государства как-то умудрялись подрастать. Его приверженцы учились и набирали силу.

Прелюдией послужили 1928 и 1929 годы. Потребовался финансовый шторм и неуклонно прогрессирующий крах всей мировой экономической жизни, чтобы придать пророкам Мирового государства смелость в своих убеждениях. Тогда они и в самом деле начали высказываться. Вместо сдержанной, частичной и неубедительной критики общественных дел, которая до сих пор их удовлетворяла, они теперь прямо настаивали на необходимости всемирной реконструкции, то есть мировой революции — хотя «революция» все еще оставалась словом, от которого всячески уклонялись. То, как возникло это возросшее определение цели и воли, характерно для меняющегося качества социальной жизни. Дело заключалось не в том, что однажды, внезапно пробудившись, один или два выдающихся человека стали заметными. Вовсе нет. Тем более, что у них не было шансов стать лидерами. Но широко распространилось само движение человеческой мысли.

И у нас имеется великолепная возможность кратко изложить те выводы, к которым пришли разумные люди. Пришло осознание того, что человеческое общество становится единой неделимой экономической системой с новыми и огромными возможностями для благосостояния. К 1931 году эта концепция стала заметной даже в упрямо

интеллектуалистическом восприятии Франции; например, в прощальной речи на американском континенте малоизвестного и временного французского премьер-министра Лавала. На его речь незамедлительно откликнулись британский премьер-министр Рамзи Макдональд и американский президент Гувер.

Идея превратилась в настолько популярную программу, что политики обрели возможность использовать ее на словах. И снова только интеллигентное меньшинство пришло к логическим последствиям ее реализации. Только оно смогло понять необходимость отречься от суверенитета современных правительств, установить над ними авторитетный центральный контроль, который будет их дополнять или даже замещать. А еще нужно было вывести производство вооружения и экономических продуктов за пределы досягаемости возмутительных манипуляций, связанных с извлечением прибыли. Тем самым рабочие получили бы защиту от разрушительных недостаточных выплат.

Тем не менее, к 1932-1933 годам это понимающее меньшинство говорило очень прямо и открыто. Большие изменения отныне не представлялись просто желательными; теперь их следовало воспринимать, как нечто совершенно необходимое для спасения цивилизации от глобальной катастрофы. И самое главное — речь уже шла не только о спасении. Уже тогда, как видели самые продвинутые личности, альтернативой катастрофе была не просто мрачная и напуганная безопасность. Это являлось последним выбором из всех возможных. Не осталось никакой альтернативы беспорядку и нищете, кроме «такого изобилия, такого процветания и богатства возможностей», какого еще никогда не знал человек (эти слова являются цитатой из шотландской газеты 1929 года). Просвещенные люди в 1932 году были так же уверены в возможности мирового порядка, всеобщей достаточности и постоянно растущей жизненной силы человека, как и мы, живущие сегодня в достаточном владении своей жизнью среди практической реализации этой возможности.

Ясность видения не способствовала счастью просветленных. Умы измучились не только современными страхами и страданиями, но и несомненным знанием о возможном мире свободной деятельности, доступной человеку и, так сказать, магически скрытом. Просветленные люди видели сотни миллионов жизней, стесненных и искалеченных, скудно прожитых, несвоевременно принесенных в жертву, и не видели никакой первостепенной необходимости в этом упадке и голоде человеческой жизни. Они видели, как миллионы людей скатывались к жизни, полной насилия, увечий, преждевременных и ужасных смертей. А за всем этим стояла наша безопасность, насыщенность событиями и свобода.

Максвелл Браун в главе под названием «Тантал 1932» приводит сорок

примеров таких реализаций. Но легендарный Тантал оказался в пределах досягаемости беспощадной воли всемогущих богов. Человечество же отнюдь не обречено на такую безжалостную судьбу. Современное государство во всем мире ярко осветило живое воображение нашей расы в течение десятилетия после Великой войны, абсурдно близкое, фантастически недостижимое. В течение столетия путаницы и беспорядка страстей это нынешнее состояние должно было рано или поздно реализоваться.

К истории сражающихся, потерянных и страдающих поколений, «поколений полумрака», мы теперь и перейдем. Отглядываясь на разрозненных и разнообразных индивидуумов, впервые выразивших идею Мирового государства, что зародилась в человеческом разуме, оценивая первые общие усилия по ее реализации, нам нужно, прежде чем мы сможем воздать должное этим людям, попытаться в какой-то мере преодолеть невежество, предрассудки и другие инерции, привычки уступать и объединяться, стадную любовь и стадный страх, с которыми им приходилось бороться не только в обществе, где они оказались, но и внутри самих себя. Надо понимать, что это не было конфликтом света и тьмы. Боролись подслеповатость со слепотой. Мы должны осознавать, что наших предков преследовало видение современного цивилизованного мира, но они все еще принадлежали не нашему миру, а своему собственному. То, что представлялось в их сознании, являлось чем-то совершенно отличным от нынешней реальности. Максвелл Браун посвятил несколько глав и третий большой дополнительный том специальной подборке пророков раннего Современного государства, которые вдохновляли окружающих. Он убедительно показал, что в третьем и четвертом десятилетиях XX века быстро росло число мужчин и женщин с четким общим представлением о возможностях современного мира. Он цитировал записи и речи, часто поразительно пронизательные и ясные, а затем прослеживал, как жизни цитируемых авторов менялись после приведенных высказываний. Несоответствие веры и усилий являлось полезным и действительно поразительным напоминанием о коварной природе индивидуальной жизни.

«В безопасности и спокойствии кабинета эти мужчины и женщины могли ясно видеть, — писал он. — В эти часы отвлеченности хрупкое тонкое вещество мозга могло убежать от непосредственности, осознать причинно-следственную связь в четырех измерениях, приблизиться к постоянным значениям социальных событий в пространственно-временных рамках. Но даже в кабинет проникал гул внешнего беспорядка. И как только дверь приоткрылась, на человека устремились беспорядок, война и рынок. Разбушевавшийся вопрос о насущной необходимости сиюминутных действий развеял прекрасную мысль о нашей общей судьбе по четырем небесным ветрам».

Максвелл Браун добавил яркую иллюстрацию к этому отрывку. Это факсимильное изображение первого наброска Питера Раута, американского прогрессивного лидера и его Революционного манифеста 1937 года. Бесспорно, в свое время это был очень вдохновляющий документ. Став мучеником, Рут доказал свою верность наилучшему. На полях черновика внимание привлекает лабиринт маленьких фигурок — маленькие суммы со знаками сложения и умножения. Благодаря своему почти вдохновенному дару доказательства и работе последователей, Максвелл Браун смог продемонстрировать, насколько точны эти числа. Рут планировал наш новый мир, насколько позволяло предвидение. Но мысли гения еще не обладали способностью полностью сосредоточиться на цели. Они бродили. Какое-то время манифестом пренебрегали, пока мыслитель делал свои расчеты. Он словно играл на бирже. Активная кипучая часть мозга размышляла, пришло ли время сбрасывать акции.

Глава 3

КАК НАКАПЛИВАЛИСЬ ДИСПРОПОРЦИИ СТАРОГО ПОРЯДКА

Давайте рассмотрим некоторые основные явления, которые заставили многие умы ожидать возникновения мирового сообщества в начале XX века. Во-первых, было достигнуто очень значительное финансовое единство. Кредит Лондонского сити простирался до края земли, и золотой соверен стал мировой монетой. На местном уровне ее можно было обменять. Курс колебался, но незначительно. Экономическая жизнь превращалась в обобщенную структуру. На обширных территориях торговые отношения продвигались с малозначимыми препятствиями. Британцы все еще надеялись, что их космополитическая концепция свободной торговли будет принята всем миром. Международный институт сельского хозяйства в Риме разрабатывал ежегодную перепись производства основных продуктов питания и стремился к мировому контролю за их транспортировкой. Население активно перемещалось, и правительства этому не препятствовали. Так, например, поляки отправлялись в Восточную Германию на уборочные работы, а затем возвращались домой. Сотни тысяч итальянцев отправились в Соединенные Штаты, где проработали несколько лет, отправляли заработок в родные деревни. Обычные путешественники могли

отправляться куда угодно, и нигде у них не спрашивали паспорта. Требовался этот документ лишь для того, чтобы на почтовом отделении получить заказное письмо или подтвердить свою личность.

Появились пока еще немногочисленные, но значимые федеральные службы, которые уже имели прочную юридическую силу во всем мире. Например, Почтовый союз. До 1914 года письменный документ передавался в руки адресата почти в каждой точке планеты. Происходило это, правда, не так быстро, как сегодня (Совет по историческим документам недавно переиздал небольшую книгу Л. С. Вульфа «Международное правительство», подготовленную для немногочисленного старого Фабианского общества в период Великой войны, где преподносится краткое описание соответствующих договоренностей. Перечислены двадцать три важных мировых союза, занимавшихся в то время торговлей, промышленностью, финансами, связью, здравоохранением, наукой, искусством, литературой, лекарствами, борделями, преступностью, эмиграцией и иммиграцией, а также второстепенными политическими делами). Всемирное сотрудничество казалось — в особенности англоязычным народам — предвестником прямого и сравнительно плавного перехода от лоскутного политического одеяла XIX века, когда различия постепенно ослабевали, к стабильной конфедерации человечества. Мысль о грядущем Мировом государстве уже можно было кое-где отыскать, например, в стихотворении «Локсли-холл» лорда Альфреда Теннисона (издано в 1842 году). Однако не прикладывалось никаких усилий для достижения, и, действительно, не ощущалась необходимость в таких усилиях. Ожидалось, что Мировое государство возникнет само по себе вследствие воздействия неких сил, присущих развитию материи.

Эта вера в скрытую доброжелательность неконтролируемых событий являлась распространенной ошибкой, можно даже сказать, самой распространенной ошибкой того времени. Это повлияло на каждую школу мышления. Точно так же последователи Маркса (до вдохновляющего прихода Ленина и большевистской реконструкции коммунизма) считали свою мечту о мировом коммунизме неизбежной, а ученики Герберта Спенсера¹ нашли благое Провидение в «свободной конкуренции». «Доверьтесь Эволюции», — сказал крайний социалист и крайний индивидуалист, так же благочестиво, как христиане уповают на Бога. Именно большевистское движение в XX веке вложило волю в коммунизм. Мысль как революционера, так и реакционера XIX века пропиталась самоуверенной безответственной ленью. Как заметил

¹Герберт Спенсер (1820-1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, идеолог либерализма. Считал, что небелые расы на эволюционной лестнице стоят ниже европейцев (*Прим. переводчика*).

профессор Набин Чандра Сен¹, надежда в викторианский период являлась не стимулятором, а опиумом.

Мы, живущие в дисциплинированном порядке, победители упорной битвы, понимаем, насколько поверхностными и необоснованными были все эти обнадеживающие проявления. Великие процессы механического изобретения, какие описаны в нашем общем отчете об освобождении экспериментальной науки от дедуктивного интеллектуализма, увеличивали мощь и дальность каждой действующей материальной силы совершенно независимо от ее пригодности или непригодности для новых возможностей человечества. С одинаковой беспристрастностью эти процессы приносили в человеческие устремления и всемирное понимание, и всемирную бойню.

Не по вине изобретателей и исследователей созданные ими новые возможности использовались не по назначению. Неизменно это оставалось за пределами досягаемости. Еще не сформировалась общая собственная культура. Кроме того, поскольку каждый работал в своей узкой области, лучшие умы не могли нести ответственности за фрагментарность своих открытий. Биологические и особенно социальные изобретения значительно отставали от практических достижений точных наук. Применить эти изобретения на практике было делом невероятно сложным. Затрагиваемые вопросы глубоко укоренились в традициях и привычках. Новинку было никак не вставить свободно и с легкостью. На усыпанной щебнем дороге легко заменить карету и лошадей паровым двигателем и железной дорогой. Вызывая изменение, не нужно что-либо делать с каретой, лошадьми и даже с дорогой. Эти субстанции просто оставляют в покое, а железная дорога и, позднее, автомобиль аккуратно вытеснят устаревшие бытовые аксессуары. Но нельзя тем же способом создавать новые социальные институты, новые социальные, политические и производственные отношения бок о бок со старыми. Это должно стать сложной и медленной работой. Ведь речь зашла не о вытеснении, а о реконструкции. Старое должно быть преобразовано в новое, ни на мгновение не переставая оставаться постоянной заботой. Замена биологически старого на механически новое была неизбежна, и она достигла своего максимума в XX веке.

Здесь может оказаться уместной патологическая аналогия. В прошлом, то есть еще до того, как начала изучаться взаимосвязь развития в живых организмах, люди беспомощно и ужасно страдали от всевозможных нарушений роста в их телах. Медицинские службы того времени, какими бы они не были, совершенно не умели это лечить. Одно из таких

¹Набин Чандра Сен (1847-1909) — бенгальский писатель и поэт. Основным лейтмотивом его произведений являлась необходимость возрождения Индии (*Прим. переводчика*).

патологических состояний называли «соотношением Нурми в крови»; речь шла о перепроизводстве костной ткани, как локально, так и по всему организму. Тело больного постепенно приобретало искаженные черты; несчастный превращался в неуклюжую карикатуру на себя самого прежнего. Лицо приобретало грубый и массивный вид, кости черепа чудовищно расширялись, изменялись пропорции конечностей, и мышцы отныне работали совсем по-другому. Человек выглядел гротескным, становился все более выраженным калекой и, в конце концов, умирал. Нечто строго параллельное произошло и с человеческим обществом за сто лет до Великой войны. Под влиянием механических изобретений и экспериментальной физики оно достигло, если и дальше следовать нашей метафоре, гипертрофии костей, мышц и желудка без какого-либо соответствующего расширения нервных органов управления.

Задолго до Великой войны эту прогрессирующую диспропорцию стали смутно замечать многие наблюдатели. В качестве излюбленной формулы объявлялось, что «духовное», — в те дни все еще принималось изначальное противостояние духа и материи, — не поспевает за «материальным» прогрессом. И произносилось это с видом морального превосходства над всем миром. То есть подразумевалось, что если бы другие люди энергично воздерживались от использования современных изобретений, чаще ходили в церковь, вступали бы в браки в более молодом возрасте, читали более «духовную» литературу, воздерживались от смешанных купаний, работали усерднее и получали более низкую зарплату, проявляли больше почтительности по отношению к авторитету и были ему послушны, вот тогда, дескать, все еще могло бы быть хорошо. Но такого рода взгляды не получали обширного признания в широкой и растущей дисгармонии социальной общности вплоть до окончания Великой войны.

Юный читатель спросит: «А где было Центральное наблюдательное бюро? Куда смотрел профессорско-преподавательский состав и студенты? Ведь именно они должны регистрировать нарушения и составлять план корректировки!»

Центрального наблюдательного бюро в те времена еще не существовало. И оно не появится еще целое столетие. О такой сложной организации обсуждений, расчетов, критики и прогнозов не могло быть и речи. Эти города из мыслей, полные безмятежной деятельности, появились только после организации Сети архивов и библиотек при Воздушной диктатуре между 2010 и 2030 годами. Даже материнский город мысли, учреждение Всемирной энциклопедии, был основан только в 2012 году. В начале XX века все еще не существовало адекватной оценки экономических сил и связанных с ними социальных реакций. По всей земле разбросало лишь несколько десятков профессоров и любителей, кто

занимался принципиально важными исследованиями. Этих людей рассеяло во всех смыслах — даже связь между ними осуществлялась бессистемно. У них не было ни полномочий на поиски, ни адекватной статистики, ни мало-мальски значимого престижа; мало кто прислушивался к высказываниям зарождающихся провидцев.

Вполне возможно, что они не заслуживали большего. Они глупо препирались и дискредитировали друг друга. Не слушали друг друга и намеренно друг друга неверно интерпретировали. Невозможно читать такую социальную и экономическую литературу, какую создавал этот период, не осознавая чрезвычайной отсталости мировой интеллектуальной жизни. В наши дни трудно поверить, что авторы публикаций, одновременно и утомительных, и поразительно скучных, жили в то же время, что и оживленное множество работников экспериментальной науки, которые ежедневно изменяли и дополняли знания, добиваясь новых практических триумфов. С 1812 года, когда впервые организовалось газовое освещение, и до начала Великой войны, когда мир создавался заново газом, паром и нефтью, а затем и стремительным развитием электротехники, когда были исследованы и нанесены на карту последние неизвестные земли, когда появилось множество доселе немислимых элементов и соединений и сотни тысяч новых веществ, в то время, когда эпидемические заболевания сдерживались и подавлялись, в то время, когда смертность сократилась вдвое, а средняя продолжительность жизни возросла на десятки лет, социальные и политические науки оставались застойными и непригодными для практического использования. За все это столетие материальных достижений не обнаружено ни одного случая успешного применения социального, экономического или образовательного обобщения.

Из-за этой запоздалости социальных наук прогрессирующее смещение утонченной, хотя и социально ограниченной и нестабильной цивилизации более развитых суверенных государств XVIII и XIX веков продолжалось без какого-либо эффективного современного понимания того, что именно разрывает ее на части. Европейцы и американцы начала XX века воспринимали социальные и политические силы, которые разрушали человеческие жизни, едва ли более отчетливо, чем граждане Римской империи во время ее краха. ВОЗНИКАЛО мнимое ощущение безопасности, вследствие чего ВОЗНИКАЛО неизбежное. Тем не менее, по-прежнему не появлялось никакого внятного анализа причинно-следственных связей. В течение многих лет события преследовали даже смелых и продвинутых мыслителей. Люди поняли, что на самом деле произошло, только много позднее и поэтому никто ничего не смог предвидеть. Не существовало никакого предвидения, и, следовательно, не могло существовать никакого осмысленного контроля.

Глава 4

РАННИЕ ПОПЫТКИ ПОНЯТЬ И РАЗОБРАТЬСЯ С ДИСПРОПОРЦИЯМИ; КРИТИКА КАРЛА МАРКСА И ГЕНРИ ДЖОРДЖА

Невозможно не затронуть одно или два исключения из этого всеобщего отсутствия диагностики в истинном положении дел XIX и XX века. Даже тот, кто изучает общую историю, не может игнорировать занимающие особое место анализ и прогнозы экономического развития, сделанные Карлом Марксом и его единомышленниками.

В любом случае марксизм потребовал бы нашего внимания, как любопытная современная квинтэссенция саморазрушительных элементов в методах ведения бизнеса XIX века, но случайный выбор этого социального течения в качестве якобы кредо революционной России после краха царизма придал марксизму почти первостепенное значение в истории кинетических идей.

Карл Маркс (1818-1883), являясь сыном христианизированного еврейского юриста из Тревиса, обладал значительными социальными притязаниями, сделав отличную университетскую карьеру в Бонне и Берлине. Он усвоил радикальную мысль своего времени и стал пожизненным другом куда более скромного и одаренного торговца ситцем из Ланкашира Фридриха Энгельса (1820-1895). Под его личным

вдохновением и влиянием английского социалистического движения Роберта Оуэна Маркс разработал теорию экономического развития, которая является сущностью марксизма. Сама концепция воплощена в огромном незавершенном труде «Капитал» и обобщена в коммунистическом манифесте, составленном Марксом и Энгельсом в 1848 году (этот и другие труды Маркса с подходящим сборником и кратким изложением вы можете найти в Библиотеке исторической мысли, тома 17252-9). Главная заслуга Маркса заключается в четком признании предельной зависимости социальных и политических форм и реакций от физической необходимости («Материалистическая концепция истории»). Его главной ошибкой являлась безумная ненависть к среднему классу (буржуазии), главным образом из-за того, что он изображал аристократа зависимым от торговца Энгельса, аристократа, озлобленного своей материальной и интеллектуальной зависимостью от него же. Собственные попытки Маркса применить свои теории на практике с помощью заговора и политических действий оказались неумелыми и тщетными. Он умер в Лондоне разочарованным и обиженным человеком, совершенно не подозревая о посмертной славе, ожидающей его доктрины. Объединение его последователей в дисциплинированную Коммунистическую партию и модернизация самих доктрин гениальным Лениным внесли имя Маркса в историю.

Интересно будет рассмотреть общие положения марксистской теории в свете свершившихся событий, отметить успехи и промахи героических рассуждений — героических в том смысле, что они измеряются интеллектуальным мужеством своего времени.

В наши дни каждый школьник знает, что существенным и постоянным конфликтом в жизни является конфликт между завершенным прошлым и будущими усилиями. Этому школьника убеждают в том, что конфликт заключен в его собственном биологическом поведении. Так он приходит к пониманию постоянной автоматической борьбы за достигнутое, за удержание нового, за сохранение новорожденного индивида, новорожденной идеи, расширяющихся потребностей вида. И все это в условиях ^прекращающегося рабства. Показанный конфликт проходит через всю историю. В старой классической мифологии консервативный бог-глава Сатурн пожрал всех своих детей, но один из них сбежал и стал Юпитером. О том, как Юпитер связал Прометея, в свою очередь, может рассказать каждый любитель Шелли. Нам нужно только направить студента к записанной в истории борьбе Республиканского Рима и Иудеи между должником и кредитором; к плебейским Сецессиям¹ Вечного города и Юбилейному году его восточной провинции²; к легенде об Иосифе в Египте (так богато интерпретированной сегодня благодаря тщательному изучению современных египетских документов студентами

Фонда памяти и совести); к английскому уставу мертвой руки³; к ясному исследованию Остина Айврайта «О банкротстве на протяжении веков» (1979) и напомнить этому студенту, как вечно борются кредитор и мертвая рука. Но Маркс, как и большинство его современников, был глубоко несведущ в исторической науке и пристрастился к странной «диалектике», разработанной псевдофилософом Гегелем. Плохо оснащенный знаниями ум воспринял этот извечный антагонизм только с точки зрения финансов промышленного производства. Дескать, предприниматели и капиталисты стали злодеями в собственных пьесах, используя преимущество своего капитала для присвоения «прибавочной стоимости» производства. Так доля покупательской способности этого класса становилась все более и более непропорционально большой.

Маркс, по-видимому, никогда четко не различал ограничительную и производительную собственность, которую в настоящее время мы признаем как различие фундаментальной важности. Эксплуатация ради наживы — это радикальный сын, удушение ради господства — это консервативный отец. Для Маркса же эти принципиально разные ипостаси являлись единым целым. Предложения по экспроприации прибыли «капиталиста» являлись очень расплывчатыми. Маркс не имел ни малейшего представления о реальной психологии экономической деятельности и сложной организации мотивов, необходимых для замены стимулирующей роли прибыли. В самом деле, у него вообще не было никаких практических способностей, и никто не удивится, узнав, что он никогда не зарабатывал себе на жизнь. Он претендовал на все привилегии пророка, на всю распушенность и лень гения, но при этом даже не закончил свою великую книгу.

Гораздо более способный и тонко мыслящий Ленин (1870-1924, у власти в России после 1917 года), а не Маркс, организовал на практике революционные силы коммунизма и сделал Коммунистическую партию самой жизненной творческой силой в мире, пока Сталин все это начинание не свернул. Существенное интеллектуальное различие между Марксом и Лениным очень ясно объясняется Максом Истманом (1895-1980), чей компактный научный труд, который так и называется

¹**Сецессии** — массовый уход населения из древнего Рима. Являлся довольно эффективной формой борьбы за свои права, поскольку был способен парализовать экономическую жизнь. Применялся на протяжении трех столетий (*Прим. переводчика*).

²**Юбилейный год** — в иудаизме наступает каждые пятьдесят лет и связан с особым отношением к имуществу (*Прим. переводчика*).

³**Устав мертвой руки** — законодательный акт XIII века, введенный с целью не допустить переход земельных участков во владение Церкви. Тем самым король Эдуард 1 стремился увеличить налоговые поступления в королевскую казну. Под правом мертвой руки подразумевалось право феодала изымать часть имущества у крестьянина после его смерти (*Прим. переводчика*).

«Маркс и Ленин», прекрасно воспринимается сегодняшним студентом. В свое время Ленину пришлось выдавать себя за ученика и выразителя Маркса. Только гораздо позднее критика раскрыла тонкий блеск ленинских усилий, направленных на извлечение практического здравого смысла из устаревших доктрин старого пророка.

Другим писателем XIX века, возможно, более ясно осознававшим удушающий эффект ограничительной собственности в отличие от стимулирующего эффекта эксплуатации был американский печатник Генри Джордж (1839-1897), который приобрел популярность благодаря своим взглядам на экономические вопросы. Он видел, что жизнь человечества ограничена и ничтожна из-за постоянного повышения арендной платы. Наивное средство — обложить налогом землевладельца. Не менее наивно полагать, будто экспроприация имущества капиталиста сама по себе приведет к далеко идущим положительным последствиям. Маркс не давал ученикам четких указаний, как именно следует управлять экспроприированными заводами и мировыми ресурсами. Генри Джордж также не удосужился объяснить, как в мире непримиримого индивидуализма, который он так горячо отстаивал, налоговый орган должен будет найти применение для своих постоянно растущих налоговых поступлений.

Сегодня мы можем только улыбнуться ограниченности этих ранних пионеров. Но возможность улыбаться по этому поводу обретена нами благодаря позитивному опыту последних двух столетий. Мы живем гораздо позже тех, кто ошибался. И мы должны быть им благодарны за их доблестную бескорыстность в работе.

Наш долг перед ними, скорее, в том, от чего они избавились, нежели в том, чего они достигли. Общие черты мировой экономической жизни довольно просты, поскольку мы видим их откровенно разоблаченными сегодня, но эти люди родились в атмосфере некритического использования возникающих идей, секретности, устоявшихся со временем заблуждений, фетишизма, рабочих вымыслов, — которые часто очень плохо реализовывались, — и почти безумного подавления мыслей и высказываний. Люди использовали термины, значения которых не понимали или понимали только частично. Термины искажались, воспринимались уклончиво и непоследовательно. Люди заставляли свой разум стремиться к выражению реальности через сложный ментальный и моральный клубок. Они разрушили прежнее представление о постоянстве устоявшихся институтов и обычаев, и хотя сейчас это кажется нам мелочью, в то время это являлось чрезвычайно важным освобождением человеческого сознания. Детская привычка считать неизменным то, что есть, в те времена представляла собой почти универсальную догму.

Марксистские доктрины, по крайней мере, указывали на то, что

экономический рост обязательно должен определяться стремлением к получению прибыли, концентрацией контрольной собственности, прогрессирующим относительным обнищанием все больших и больших слоев мирового населения и последующим окончательным сокращением рынков. Быстрое свертывание человеческой деятельности после 1928 года широко признавалось в качестве подтверждения марксистского прогноза. Это был быстрый ментальный скачок, характерный для того времени. Коммунистическое стремление решить социальную проблему полностью одобрялось.

Несмотря на то, что нас сегодня не особенно смущает беспорядок в головах наших предков, фундаментальные процессы, происходившие в течение тяжелых третьего и четвертого десятилетия века, не представляются нам сложными. Нам хорошо известно, что постоянное благополучие человека определяется общим уровнем цен, который никогда не должен падать, и у нас в Валютном совете существует достаточно эффективный и постоянно совершенствующийся всемирный орган для обеспечения этой цели. Из года в год доллар, каким мы его знаем сегодня, эквивалентен товарам и предметам первой необходимости¹. Уменьшение его стоимости бесконечно мало. Никакого увеличения никогда не допускается. Если свой доллар человек не потратил, это не обернется для него ни приращением без заработка, ни убытком от бездействия. По мере роста производительной энергии нашего вида стоимость всего богатства в долларах неуклонно увеличивается в соответствующих пропорциях. Кредитор не обогащается и не лишается своих существенных ожиданий, а должник не сталкивается с необходимостью делать выплаты, выходящие за рамки его возможностей.

Сегодня не осталось никаких способов обогатиться, ничего не делая. Азартные игры безжалостно искоренены при Воздушной диктатуре и больше никогда не возвращались. Ростовщичество наравне с подделкой документов расценивается как финансовое преступление. Деньги даются людям, чтобы те могли получить, что хотят, но деньги при этом не являются средством для дальнейшего приобретения денег. И мы понимаем, что дух азартных игр является проблемой для специалиста по образованию и психологии. Это подразумевает фундаментальное непонимание жизни. У нас нет спекулянтов, акционеров, частных ростовщиков и арендодателей. Все эти «независимые» типы исчезли с лица земли. Сельскохозяйственные угодья и природные ресурсы в настоящее время принадлежат и управляются напрямую или путем делегирования иерархией административных советов, представляющих

¹ После отказа Великобритании от золотого стандарта для фунта, Европа в считанные месяцы превратилась из стерлинговой зоны в долларовую. (Прим. переводчика).

весь наш вид. Арендаторы-культиваторы и эксплуатирующие корпорации не имеют права на субаренду. Равно как и никто не имеет права на частную собственность в отношении природных ресурсов. Никто не может получать прибыль просто за счет увеличения арендной платы. И поскольку существует и, вероятно, будет существовать всегда постоянное повышение нашей средней индивидуальной производственной эффективности, за счет которой прибыль получает все сообщество, то будут постоянно расширяться наши коллективные предприятия, прогрессивно высвобождаться досуг и повышаться уровень индивидуальной жизни, в результате чего не произойдет уменьшение количества мозгов и рук для выполнения работы в нашем мире. Живя в условиях постоянно растущей эффективности производства, человеческое общество ОБЯЗАНО из года в год повышать стандарты потребления и расширять деятельность, иначе оно рухнет. Если движение в этом направлении не будет продолжаться, человек неизбежно скатится в рутину, скуку, порок и разложение. Неуклонно ДОЛЖНО увеличиваться количество и разнообразие вещей.

Эти императивные условия, составляющие основу существующего порядка, сегодня кажутся настолько очевидными, что нам с трудом удастся поставить себя на место людей XX века, которым они казались странными и новыми. Людей пока еще не очеловечили, они продолжали оставаться заложниками менталитета «борьбы за существование». Благодаря значительным умственным усилиям и после тщательного изучения постепенной эволюции цивилизованного менталитета из хаотических импульсов и конкуренции изначально очень асоциального животного, мы можем начать смотреть на вещи глазами наших предшественников полуторавековой давности.

Глава 5

КАК КОНКУРЕНЦИЯ И ДЕНЕЖНАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДОРВАЛИ СТАРЫЙ ПОРЯДОК

В XX веке христианской эры все еще не существовало единой валюты для измерения мирового экономического обмена. По этой причине транзакции формировались неточно, и, более того, они намеренно фальсифицировались. Казалось, прийти к эффективному упрощению невозможно. В самом деле, во время так называемого Первого периода Всеобщего процветания, с 1850 до 1914 года, существовала своего рода действующая мировая система валюты и кредита, основанная на Лондонском сити и золотом фунте; но это был чисто случайный рост, ставший возможным благодаря последовательным открытиям золотых приисков, которые предотвратили слишком катастрофическое падение цен по мере повышения эффективности производства, а также обстоятельствам, которые дали островным англичанам лидерство в развитии парового транспорта на суше и на море и реальные стимулы для практической пропаганды мировой свободной торговли.

Этот первый проблеск космополитического солнечного света угасал по мере того, как набирал силу, без какого-либо современного понимания действующих реальных сил, не говоря уже о какой-либо попытке

ухватиться за них и организовать в единое постоянство. Финансовое могущество и инициатива Лондонского сити рухнули после войны, и, казалось, ничто не способно занять его место. Квазикосмополитическая система, основанная на накоплении золота, изначально была обречена на увядание по мере истощения мировых запасов этого драгоценного металла. После войны мировую промышленность душили американцы и французы как раз путем ускоренного золотого накопления.

И во время все этой фазы возможностей не предпринимались никакие существенные усилия, чтобы овладеть природными, — будь то земельными, или морскими, — планетарными ресурсами и привести их из состояния фрагментарной, хаотичной и расточительной эксплуатации в общую схему. Оставалось шестьдесят с лишним «суверенных» правительств, каждое из которых претендовало на высший контроль над всеми природными богатствами в пределах своих границ. Существовали частные корпорации и частные лица, свободно распоряжающиеся тем или иным захваченным фрагментом. Повсюду основополагающим принципом эксплуатации полезных ископаемых, солнечных и энергетических ресурсов земного шара являлась прибыль отдельных частных лиц, и лоскутные правительства того времени вмешивались в борьбу за выручку только в интересах своих граждан и в ущерб иностранным конкурентам. В течение целого века, благодаря удачному притоку золота и изобретений, этой системы получения прибыли, связанной с металлической денежной системой, хватало для поддержания и расширения человеческой жизни и было чрезвычайно трудно убедить процветающих фабрикантов, торговцев, шахтеров, земледельцев и финансистов, то есть, тех, кто доминировал в государственных делах, что это не постоянная система и что мир нуждается в очень существенных изменениях экономических методов. Прежде чем разочароваться, все эти люди претерпят море страха и страданий и придут к фазе нервного срыва.

В XIX веке обрел немалую популярность лозунг: «индивидуальное предпринимательство и свободная конкуренция», но конечным продуктом любой конкуренции всегда является торжество одного конкурента. В Америке впервые проявились феномены Большого бизнеса, которые ярко продемонстрировали силу трюизма. Во многих местах появились торжествующие организации, которые попросту сокрушали конкурентов, парализуя и ограничивая новые инициативы. Иными словами, подавлялось все, что мешало твоему преобладанию. В Европе правительства слабо сопротивлялись созданию промышленных альянсов с целью ограничения конкуренции, и те быстро развивались в масштабах, выходящих за рамки политических границ. В Соединенных Штатах более настойчиво пытались ослабить развитие предприятий в монопольном направлении. Заметным лидером в области данных превентивных усилий

являлся первый президент Рузвельт, чей главный плод — закон Шермана об антимонопольной деятельности (1890) оказался богатой добычей для юристов в последующие десятилетия.

Эти мощнейшие объединения, завершившие фазу свободной конкуренции, оказались настолько эффективны в контроле над торговлей и остановке новых разработок, что Хилари Хукер в своих «Исследованиях по свертыванию бизнеса в первый период всеобщего процветания» смогла привести более двух тысяч примеров, когда полезные улучшения, такие, как электрические автомобили, реконструктивные домашние хозяйства, искусственный лунный свет для дорог в сельской местности и экономичное железнодорожное производство — успешно устранялись с рынка в интересах устоявшихся систем получения прибыли. После 1900 года во всем мире снова прекратилась ежедневная газетная инициатива и сократилась свобода слова. Распространение, поставка бумаги и новостные службы попали в руки могущественных групп, способных и желающих уничтожить новые типы периодических изданий или любые враждебно настроенные школы общественного внушения. Эти группы принялись формировать стереотипы общественного сознания.

Те же самые системы получения прибыли сыграли большую роль в сдерживании конкуренции путем подкупа и лоббирования тех политических решений, которые поддерживали защитные тарифы. Задолго до того, как мир рухнул, опыт обычного потребителя по-прежнему опровергал оптимистическую теорию о том, что свободная конкуренция — это способ бесконечного прогресса. Потребитель все еще жил в своем доме, носил одежду, пользовался бытовой техникой, путешествовал в транспорте и был досыта накормлен стандартными идеями своего времени и места обитания. По усредненным расчетам Хукер, разработанные в те времена изобретения задерживались в прошлом на четверть, а то и на полвека. Для исправления всего этого имелись доступные и обильные средства, но их использование сдерживалось существовавшими системами взимания арендной платы и получения прибыли.

Модернизация отставала, значительно повышая производство в результате выбраковки тех огромных масс обездоленных безработных, которые начали появляться почти повсеместно, подобно гнойным выделениям больного организма. XX век перешел в третье десятилетие.

Глава 6

ПАРАДОКС ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ

Этот так называемый «парадокс перепроизводства», широко фигурировавший в расплывчатых дискуссиях «послевоенного» периода, объяснялся очень просто. Точно так же, как неизбежным завершением процесса свободной конкуренции являлась консолидация успешных конкурентов и аресты предприятий, так неизбежным завершением поиска прибыли в производстве являлось устойчивое сокращение затрат за счет повышения эффективности, что, в свою очередь, неизбежно приводило к неуклонному снижению занятости по отношению к выпуску. Этот вывод лежит на поверхности, поэтому нам кажется почти невероятным, что нашим предкам не удавалось доходить до него собственным умом. Столь же неизбежным являлось то, что эти необходимые сокращения предприятий и занятости приводили к увеличению доли безработных. Географическая экспансия и повышение уровня жизни как среди занятых, так и среди имущих классов, наряду со стимулирующим эффектом постоянного притока золота, в течение полувека маскировали и сдерживали вытеснение все большего количества остальных из общей экономической жизни. Вместе с тем происходили колебания, «циклы торговли», как их тогда называли, когда оборудование

угрожало остановиться с тем, чтобы затем работу возобновить. Но к началу XX века тот факт, что метод управления человеческими делами, как открытое соревнование за прибыль, по своей природе являлся завершающим методом, привлекал к себе внимание даже тех, кто извлекал из существующего положения дел наибольшую выгоду. Тем не менее, перспективой образования экономического тупика пренебрегали вне зависимости от осведомленности в вопросах марксистского анализа.

Теперь мы знаем, что главная задача мирового управления состоит в том, чтобы остановить вытеснение людей из активной экономической жизни путем постоянного расширения новых коллективных предприятий, но в то время такие идеи еще не озвучивались. Простые люди, более мудрые, в своих инстинктах, чем политические экономисты в своем интеллектуализме, были склонны одобрять расточительство, потому что деньги «циркулировали», а рабочие «находили работу». Читатель не сможет понять мировую терпимость к растущему вооружению и военным приготовлениям в этот период, если только не осознает насущную потребность, присущую системе, в невозвратных государственных расходах. Сэкономленная энергия где-то должна была найти выход. Мир частных финансов не потерпел бы большого переселения, больших образовательных и социально конструктивных предприятий со стороны относительно слабых правительств того времени. Все это должно было позволить в максимальной степени накопить прибыль. Постоянно растущая продуктивность нашла свое выражение в древних традициях ведения войны, которая теперь допускала уход значительной части мужского населения. Теперь можно было оставить место работы на год или даже более среди огромного скопления фортов, линкоров, орудий, подводных лодок, взрывчатки, казарм и тому подобного, что до сих пор не оставляет нас равнодушными. Без этого ракового роста армий и флотов парадокс перепроизводства, скрытый в конкурентном частном предпринимательстве, вероятно, проявился бы в подавляющей массе безработицы еще до конца XIX века. Тогда, возможно, произошла бы социальная революция.

Милитаризм, однако, смягчил революционное напряжение, предоставив широкие прибыльные каналы для отходов. Это, в свою очередь, усилило социальные репрессии. Средства уничтожения накапливались в масштабах, которые почти не отставали от увеличения потенциального богатства человечества. Следовательно, постепенное порабощение человеческого рода военной тиранией являлось неотъемлемой частью свободной конкуренции за достижение прибыли. Последняя система обусловила и породила предыдущую. Одна нуждалась в другой ради достижения балласта. Нужен был выброс к разрушению и смерти всякий раз, когда система начинала тонуть. Милитаристская фаза начала XX века и парадокс перепроизводства являются взаимосвязанными

асpekтами одной и той же реальности; реальности бесплановой гипертрофии социального тела.

Интересно отметить, как это болезненное накопление энергии в воинственности и ее неспособность найти выход в других направлениях становились все более и более очевидными на физиономии мира по мере продвижения XX века. Человеческие собрания заполнились мундирами. Эти замечательные альбомы с цветными картинками, «Историческими сценами» в сотне томов, которые в настоящее время размещены во всех наших школах и выставочных залах и бесплатно поставляются в каждый дом, где есть дети, очень интересно демонстрируют появление, преобладание и исчезновение военных забот в повседневной жизни наших предков. Все это репродукции реальных картин, гравюр или фотографий, либо, как в случае с более ранними томами, сложная реконструкция более реалистичных методов нашего времени в доступных иллюстрациях. Военные операции привлекали художников во все времена, и существует множество изображений битвы всех эпох, от маленького поединка на поле для крикета в Средние века до сражений на сто миль в последнюю Великую войну. Но наш интерес заключен не в сражениях, а в общих чертах общественной жизни. Даже в раздираемом войнами XVII веке общий поток жизни продолжался без какой-либо явной военной службы. Война представляла собой особое занятие. Во время гражданской войны в Англии (1649-1660), и у нас есть тому свидетельства, люди занимались соколиной охотой в пределах слышимости выстрелов на поле брани. Романы Джейн Остин (Англия, 1775-1817) проходили своим ровным путем без малейшего отголоска сухопутных и морских военных кампаний. Гете в Веймаре (немецкий литературный «Великий человек» в период «Великого человека» в европейской литературе, 1749-1832) не беспокоился о поставках древесины и продовольствия для немецких войск перед битвой при Йене¹. Более того, он оказался рад встретиться со своим «врагом-иностранцем» Наполеоном в обществе во время этой кампании.

Мы редко видели монархов XVIII века изображенными в военном облике; мода цеплялась, скорее, на мантии и величие, нежели на шпоры и перья короля-воина Бантама². Беспрецедентная горячность наполеоновской авантюры заполонила европейскую общественную жизнь униформой, заразила женскую моду и даже заставила изнеженных пухлых полководцев с золотыми кружевами и обнаженными саблями

¹**Битва при Йене** (1806) — между Наполеоновской Францией и Пруссией. Закончилась сокрушительным поражением прусской армии. (*Прим. переводчика*).

²**Бантам** — город в Индонезии, где разводили мелкую домашнюю птицу. Отсюда возникло название для солдат британской армии, чей рост составлял менее 160 см. (*Прим. переводчика*).

неуверенно шагать во главе своих подразделений. С приходом на престол «одомашненных монархов», таких, как Луи Филипп во Франции или Виктория в Великобритании, произошло временное возвращение к гражданской одежде. Эти правители ознаменовали краткую реакцию на наполеоновскую моду. Но с середины XIX века престиж солдата возобновил свое продвижение, и военная форма вновь распространилась. Флагов в городах стало заметно больше, а «дни флага» усеяли календарь. После 1870 года толпу без солдата уже не изображали.

Великая война значительно усилила военный элемент среди уличного населения не только в Европе, но и в Америке. В то время в различные вспомогательные отряды зачисляли женщин, и они шествовали по миру в аппетитных солдатских нарядах. В Соединенных Штатах, за исключением разве что столицы, или когда в стране проходил парад ветеранов гражданской войны, солдат в форме являлся редчайшей птицей. Да он и чувствовал себя среди людей странно и неуютно. Он оскорбил бы восприимчивость сознательно освобожденного народа. Великая война все это изменила. После войны Германию разоружили, но нацистское движение восстановило свободу немца носить то, что он считает нужным. Между Англо-бурской (1899-1901) и Великой войной модель полувоенных — полу-гражданских организаций распространилась по всему миру благодаря движению бойскаутов.

О нацистском движении, итальянских фашистах и Польском братстве можно будет рассказать чуть позже. Черные и коричневые рубашки можно привести в качестве примера видимого разрушения границ между военной и гражданской жизнью, которое происходило во время и после Мировой войны.

До сих пор война представляла собой дело относительно незначительное, она, как правило, не выходила за пределы «фронтов», и обычные граждане в тылу жили в состоянии относительной безопасности, но самолеты и бомбардировки с воздуха, а позднее и воздушные торпеды дальнего радиуса действия все это изменили. Широкое использование пропаганды в качестве оружия и растущая опасность социального мятежа в условиях военного напряжения также сыграли свою роль в превращении всей территории воюющей страны в зону военных действий и уничтожении любых остатков гражданской свободы, сначала во время реальной войны, а затем в связи с войной. Перспектива подчинения приказам со стороны всего населения под присягой и соответственно под страхом незамедлительных дисциплинарных мер в случае неисполнения или исполнения в недостаточной степени становилась для правительств все более и более заманчивой вехой.

Таким образом, в течение столетия внешний вид человеческой толпы трансформировался из разноцветного собрания несогласованных свободных индивидуумов в мешанину униформ. Наконец-то одежда

каждого человека указывала на его функцию, обязанности и готовность. Милитаризация европейского населения достигла максимума во время Польских войн. Примерно с 1942 года противогазы стали обычным атрибутом солдата, как и ножи в ножнах для ликвидации спасшихся авиаторов из сбитых самолетов. А еще появились металлические каски в виде коленных чашечек и металлические эполеты для защиты головы и тела от дождя из отравленных игл. Некоторые гражданские стали выглядеть более грозно, чем военные.

Военные власти тех дней оказались перед дилеммой: как, с одной стороны, предоставить населению средства защиты и легкое вооружение, которые оказались бы эффективны против вооруженного врага, а, с другой, чтобы предоставленное было бесполезным для целей неповиновения и восстания? Несмотря на усиленное подавление агитации в те беспокойные десятилетия, возможное восстание человечества против войны и возможность полной «потери боевого духа», какими бы нелогичными и бессвязными они ни казались, были восприняты профессиональными солдатами, как нарастающая угроза.

На улицах большинства городов старого света в то время появились характерные желтые (во Франции синие, а в Америке в красно-белую полоску) столбы воздушной тревоги со стеклянными кожухами, которые можно было разбить только после официального сигнала тревоги. Внутри находились респираторы и наборы первой помощи для возможных жертв газовой атаки. Именно к этому периоду относится массовое распространение ярких указателей на каждом углу той или иной улицы. Устанавливали их таким образом, чтобы те отбрасывали вверх минимум света, обозначая направление движения к газовым камерам¹ и больницам. В сороковых годах мир стал «газовым». Изъятие с улиц других ярко освещенных знаков являлось естественным следствием этой озабоченности. В первой половине XX века города пестрели рекламой. Более того, это был период максимальной рекламы. Великий белый путь Нью-Йорка, площадь Пикадилли в Лондоне и Большие бульвары Парижа с их многоцветным визуальным шумом все еще поражают нас своей отвлекающей живописностью. После 1928 года города овладело прожекторное освещение. А потом свет снова погас, и визуальный шум стих. Когда вернулась воздушная тревога, «затемнение» стало обязательным требованием, за исключением ярких, но скрытых указаний на убежище и первую помощь, о которых мы чуть ранее уже упомянули.

Страх войны очень быстро распространился после 1930 года. Ночные

¹ *Gas chambers* — газовые камеры (англ.). Название, прямо скажем, весьма зловещее для человека, имеющего представление о Второй мировой войне, однако, в данном случае автор явно подразумевал некое средство спасения от газовой атаки (Прим. переводчика).

города вновь окутала тьма. «Ночная жизнь» стала скрытной и неясной, с растущим оттенком преступности. Все гражданские больницы и все частные врачи в мире исчезли к 1945 году, а службы здравоохранения были юридически демилитаризованы только после 2010 года. Объединение военных госпиталей и гражданских больниц началось во Франции в 1933 году. К 1945 году каждый врач в Старом свете находился на квази-военной основе; носил отличительную форму, подчинялся строжайшей дисциплине, а его помещения выкрашивались в черный и желтый цвета. То же самое — с медсестрами. Наконец, дело дошло до того, что обычные граждане, прежде чем попасть на лечение, обязаны были принести присягу. К 1948 году в тех городах, где в достаточной степени пережили общую социальную деморализацию, соблюдая такие правила, стало невозможно простудиться или сломать лодыжку, не попав сразу в категорию пациентов, не будучи пронумерованным, одетым в черно-желтую униформу и отправленным маршем или увезенным на лечение. Теоретически эту систему лечения следовало бы назвать Универсальной, но на практике с униформой и медперсоналом возникали значительные трудности. Регулирование и милитаризация проходили на фоне огромного противодействия вследствие социальной дезинтеграции. Чем чаще человечество надевало униформу, тем более поношенной та становилась.

До Польских баталий на общую архитектуру военные потребности оказывали небольшое влияние. Милитаризация костюмов предшествовала милитаризации декораций. Даже казармы и подобные им армейские строения возводились военными архитекторами, как простая вульгаризация обычных моделей жилья, по типу *«jerry-built» house*¹. До сих пор потрясают воображение фотографии викторианской милитаристской готики и викторианских милитаристских Тюдоров при Британском военном министерстве. На этих фотографиях изображены дома, пригодные для проживания разве что только инструкторов по строевой подготовке. Растрезоженный опытом Польского конфликта, военный разум привел к глубокой реконструкции обычного города. Она стала по-настоящему необходимой. До этого времени даже в укрепленном городе сами укрепления не очень-то меняли городскую обстановку. Раньше крепость сама по себе являлась гражданским городом, окруженным на расстоянии от трех до пятидесяти миль фортами, опорными пунктами, системами траншей и тому подобным. Сначала новую концепцию реализовали в Берлине, затем в Данциге, Варшаве, Париже и Турине, а еще позднее воздушная война потребовала от всего мира укреплять города не только по периметру. Важнее

¹*«Jerry-built» house* — низкокачественное жилье на скорую руку (Прим. переводчика).

оказались укрепления не вокруг города, а НАД ним. Мир, который в 1930 году оказался слишком глуп, чтобы понять, что прямой выход из экономических трудностей лежит в модернизации и восстановлении собственных домов, в состоянии военной паники после 1942 года приступил к полному пересмотру своей архитектуры перед лицом опасности, связанной с бомбовыми и газовыми атаками. Архитектура изменялась настолько, насколько позволяло углубляющееся обнищание. То, что не делали ради процветания, запоздало предприняли от страха.

Первым наиболее очевидным начинанием стало строительство огромных, обычно плохо построенных, бетонных, похожих на пещеры систем для убежища, остатки которых все еще могут посещать любопытные туристы в Париже и Берлине (все лондонские рухнули после великого оползня и пожара). Высотное строительство прекратилось, и дизайнеры сконцентрировались на проектах панцирных крыш, гигантских опорных столбах и крепком фундаменте. Только все более глубокая нищета, растущая промышленная дезорганизация и быстротечность последней фазы войны спасли город от полного погружения в приземистые массивные покрытия.

То время так сильно влияло на умы, что архитектурный дизайн слабел вплоть до 2020 года. Едва ли какое-либо скопление городских построек, возведенных между 1945 годом и концом века, высоко поднимает голову и прямо смотрит миру в лицо. Не без основания этот период назван Вторым египетским. Так оно и было. Множились новые возможности для изящества и легкости, поскольку стальные каркасы уходили в прошлое; им на смену доставлялись прочные и гибкие нео-бетонные материалы. Но как же робко их использовали! Мы больше не унижались, потому что перестали бояться друг друга. Парящие дома, которые постоянно улучшаются и в которых мы живем сегодня, заставили бы наших прадедов броситься в свои подвалы от экстатического ужаса.

Глава 7

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1914-1918 ГОДОВ

У нас накопилось чудовищно огромное количество скучных трудов о Мировой войне. Каталог исторических материалов, хранящихся в Атакаме, содержит список из 2 362 705 книг и полных досье. Из них 182 000 касаются непосредственно причин возникновения этой войны. Ничто так не привлекает студента к глубокому различию в умственном оснащении между нами и людьми того времени, как посещение длинных тихих галерей великой библиотеки мертвых споров и почти полностью забытых записей. Он вряд ли увидит посетителя среди сияющих чистотой полок. Возможно, это будет вытирающая пыль тихая уборщица, или молодой студент-ревизионист, терпеливо сверяющий данные со своим конспектом, или черная кошка. В остальном же, сверху и снизу, справа и слева — чистота, сияние и тишина. Бумаги пребывают в полнейшем покое.

В одном большом разделе этой книги пытливым студент найдет записи, касающиеся «спора о виновности в войне», который будоражил мировую общественность на протяжении десятилетий после Версальского мира. Позвольте ему занять место, где угодно, на всякий случай возьмите в руки и перелистайте страницы. В настоящее время можно прочитать

почти все, независимо от языка оригинала, поскольку практически вся коллекция теперь чередуется с переводами на базовый английский. Сегодня эти тексты покажутся излияниями сумасшедших; до такой степени доминировали навязчивые идеи того времени.

Планировала ли «Германия» войну? Лежит ли часть вины на «Франции»? За что отвечать «Британии»? Лишь с большим трудом студент сможет погрузить свой разум в сказочный мир вымерших фантазий, где странные олицетворения, чудовищные и невероятные, как древние индийские боги, относились к реальным и морально ответственным личностям; ненавидели их, доверяли им, боялись и любили. Война представляла собой бесцельную и бесплодную резню на алтарях величественных божеств. Ранено и искалечено двадцать миллионов человеческих существ, сожжено несметное материальное богатство. В своих безумных фантазиях наши предки смотрели на войну, как на благородное и значимое средство борьбы. К счастью, сегодня у нас нет никакой необходимости возрождать все это сумасшествие. Вопрос о «вине в войне» так и не был решен. Его просто перестали рассматривать, им пренебрегли, он уплыл в абсурд, и мало что, кроме сотни метров высотой или около того забытых книг и грубых папок, осталось, дабы засвидетельствовать исчезнувшую важность брэнного вопроса.

Причина возникавшей борьбы предельно проста. Она возникала из естественного и неизбежного, из беспорядочного и неуправляемого роста человеческого потенциала по сравнению с расширением политического и социального интеллекта, о чем мы уже говорили.

Новые средства связи и транспорта, новая экономическая жизнь, требовали новых продуктов для реорганизации человечества по типу Мирового государства. Для разделенного на шестьдесят с лишним суверенных государств мира оставались открытыми только два возможных пути: либо организовать объединение этих правительств путем международных договоренностей для удовлетворения новых потребностей, либо позволить неуклонно нарастающему взаимному давлению перерасти в более или менее тонко замаскированные попытки мирового завоевания. В десятилетия, предшествовавшие войне, британская, французская, немецкая, русская, японская и американская системы являлись, как тогда говорили «империалистическими», — то есть пытались стать Мировыми государствами на планете, на которой, очевидно, было место только для одного Мирового государства. Ничего подобного не отмечалось, пока разрабатывались методы европейской государственной политики. Более широкие возможности открылись позднее. XVIII и XIX века были веками ограниченных войн за ограниченные преимущества. В XX веке масштаб войны расширился сверх всякой меры, а преимущества стали исчезать. Но политики и дипломаты вели свою освященную временем игру друг против друга с

какой-то ужасающей неизбежностью. Они были ведомы; они не могли контролировать ситуацию, или, по крайней мере, ни у кого из них не было энергии и воображения, что попытаться этим контролем завладеть. Их вела экономическая необходимость, о чем мы уже рассказывали в предыдущем разделе. Им пришлось нелепо вооружаться. Они должны были угрожать. И они должны были довести свое дело до конца.

Эти силы объясняют вспышку и всеобщность Великой войны, но никак не объясняют ее ни с чем не сравнимые ужасы. Важно понимать, что правительства пытались расширить свое влияние под огромным давлением взаимного сдерживания, но не существовало никаких ограничений на гипертрофию финансовых и промышленных предприятий. Все находилось под влиянием неустанного и безудержного прогресса. Люди постоянно что-то расширяли, изобретали, внедряли, продавали. Оружие становилось все более ужасающим и эффективным вопреки мелким затухающим и устаревающим дискуссиям о предосторожности. К этой оружейной гипертрофии мы еще вернемся, потому что Великая война представляла собой первое проявление особенной диспропорции между экономикой и политикой. После формального завершения военных действий по Версальскому миру (1919), зло все равно продолжало распространяться невиданными темпами. Но давайте сперва уточним, что именно нужно знать о подробностях Великой войны.

Как мало этого сейчас! Существует обширная литература, основанная как на общественном опыте, так и на личных воспоминаниях. Некоторые художественные произведения превосходно написаны. Почти каждое из них можно прочесть с интересом и для назидания, но в них мало научной точности и достоверности. Мы до сих пор содрогаясь от картины начала той войны. Серьезность угрозы не осознавалась даже теми, кто несколько месяцев страдал и умирал. Многие из рассказанных историй начинаются одинаково; с вечеринки, приятной встречи в загородном доме или какой-нибудь подобной яркой обстановки. В том августе (1914) погода была исключительно хорошей.

Подробности сражений настолько ужасающие, насколько и непоследовательные, и никому, кроме специалиста, нет надобности в этом как-то разбираться и приводить в порядок разрозненные факты. Старомодная история с ее списками имен, дат, боев и так далее разрабатывалась скорее для того, чтобы доступно пометить материал для студенческих экзаменов, чем для того, чтобы предоставить какое-либо представление об историческом процессе. Экзамены давно вышли из образовательной практики; они канули в лету подобно «глобусам», деревянным счетам и грифельным доскам, но память о них сохранилась в популярной игре «экзаменационные билеты», когда игроки пишут как можно быстрее и больше о случайно выбранном предмете.

Немногие из нас смогли бы сейчас написать даже краткий обзор Великой войны. Имена таких генералов, как Хейг, Китченер, Френч, Жоффри, Фош и Людендорф, и сражения, такие как при Танненберге, Марне, Сомме, Пасендале, Фолклендских островах, Ютланде и многие другие, сегодня ничего не значат и не должны ничего значить для обычных граждан. Они даже не знают, был ли Фош французом или немцем. Больше склоняются к последнему мнению. Не знают, кто выиграл и кто проиграл, и, по большому счету, им на это наплевать. У них даже нет спортивного интереса к этому вопросу. Бои были однообразными. Почти все командиры являлись скучными и непривлекательными личностями и делали утомительную работу. Большинство спланированных ими военных операций на практике оказались чрезвычайно глупыми и крайне запутанными, как в замысле, так и в исполнении. Можно с таким же успехом слушать, как ребенок не очень точно и бесконечно долго рассказывает о тонкостях карточной игры, в которую играл или воображал, что играет, как и читать мемуары — слишком часто наполненные самооправданием, личными обидами и злобой. Слабые и блеклые, но огромные и далекие трагедии. Это борьба, которая должна была ошеломить потомков, почти полностью стерлась в умах, кроме нескольких специализированных, и едва ли более ярка сейчас в нашем коллективном сознании, чем битвы Пелопоннесской войны или кампании и завоевания Тамерлана. В ней не было ничего такого, что могло бы сравниться с первостепенным историческим значением и стратегическим величием гигантских военных концепций Чингисхана, занимающими сегодня свое неотъемлемое место в нашей общеобразовательной программе.

Не остается ничего лучше, чем заглянуть в страстное повествование о Мировом кризисе Уинстона Черчилля. Там можно найти весь стереотипный расцвет героизма в истории XIX века с британской точки зрения; «историческая драма» в изобилии, сосредоточенном на одной из самых бдительных личностей этого конфликта. Черчилль проявлял энергичную наивность, которая до сих пор придает его истории искупительное очарование. Он обладал бесчувственностью тринадцатилетнего ребенка. Для него солдаты — игрушечные солдатики, и он любил опрокидывать их целыми рядами. Он наслаждался войной. Воспринимал себя и всех ныне забытых генералов и государственных деятелей в этой войне с мальчишеской серьезностью. Он выносил мрачные суждения об их трагических глупостях, щедро раздавал комплименты и обвинения, часто в самой любезной манере, убежденный, что пишет для дотошно восхищенного и объятого завистью потомства. Дескать, те будут читать и восхищаться. Он был одним из тех, кто верит, что, рожая детей, создает аудиторию. Его ввел в заблуждение собственный трепет от чтения самим собой написанной истории. Он не

только измерил для нас огромную пропасть между менталитетом его времени и нашим, но и позволил нам преодолеть эту пропасть с веселым и всепрощающим сочувствием.

Менее привлекательный дух проявился в мемуарах таких деятелей, как Людендорф, Бюлоу, Клемансо, Фишер, Фош и им подобных. Война стала величайшим событием в жизни большинства этих людей, и, по-видимому, впоследствии они никогда не могли думать ни о чем другом. В них не возрождалась невинность Черчилля, его терьерский интерес ко всему окружающему. Все они на склоне лет принялись яростно писать, и ничто иное не могло бы проклясть их так же сильно. Они взрослые и все же недостаточно развитые люди такие же взрослые, как старые шимпанзе. Они не могли претендовать на такую же пользу для школьника, какую принес Черчилль. В их морщинистых подлостях и зависти, в грубом энтузиазме, искренней кровожадности и ненависти присутствовал настоящий ужас. Большинство их взаимных обвинений слишком непонятны, чтобы представлять сейчас хоть малейший интерес. Злоба и болтовня остаются злобой и болтовней, даже если пропитаны кровью. Самый доступный образец для современного читателя — это жизнь и дневники фельдмаршала Генри Уилсона, худощавого неприглядного человека бесконечной энергии, вкусов и тщеславия. Именно он привел к катастрофе. Это последнее издание серии «Исторические документы». Оно богато иллюстрировано и обильно снабжено комментариями. С ним связаны блестяще презрительные замечания современника Уилсона, сэра Эндрю Макфейла и более научный анализ Стивена Фрейдхайма, как о высшем типе «солдатского ума».

Для более мрачных реалий войны существует обширная и унылая литература. За последние пятнадцать лет Историческое бюро собрало для потомков изображения войны, сделанные с помощью ручки, карандаша или фотоаппарата. Каждый должен увидеть эти странные и невероятные примеры выносливости, бессердечности, преданности и безумного мужества, чтобы понять, на какие крайности толкают человека суровые силы социального принуждения.

Более ранние тома в основном посвящены психологии более чем наполовину цивилизованных граждан Атлантических и североευропейских государств, внезапно сброшенных в пучину разрушения. На первом этапе мы видим ликующие толпы на улицах столичных городов, потоки молодежи, которая возвращается с работы, чтобы «присоединиться»; и все это на фоне лишенной воображения свирепости и героизма. Затем начались первые боевые контакты, деревни охватило пламя, раздалась пальба по зевакам, потому что их принимали за шпионов или партизан, пришло осознание ужаса и волны страха, завоеватели вторглись, а местные жители под их натиском стали уходить,

и толпы беженцев, бредущих неизвестно куда, заполонили дороги. Грохот винтовок, пулеметов и орудий и радостная предприимчивость наступающих армий перешли в фазу поразительного насилия и лишений. Новая война была совершенно не похожа ни на одну из предыдущих. Французы на своем восточном фронте пошли в атаку с огромной силой, в яркой униформе, вдохновленные «Марсельезой». Их перебили. За три недели потери составили треть миллиона человек. Немцы численностью более миллиона человек хлынули через Бельгию. Их остановили, ошеломив, почти что у самого Парижа. На фотографиях изображен улыбающийся пейзаж восточной Бельгии, Франции и восточной Пруссии в июле 1914 года, и та же сельская местность пару месяцев спустя — разорванная, избитая, изрытая траншеями, оскверненная окровавленными телами, сотрясаемая стонами бесчисленных грязных, голодных, изможденных, измученных невыносимой жестокостью человеческих существ.

По полосам соприкосновения противников распространялись боль и смятение. «Зоны боевых действий» простирались от Северного моря до Альп и по всей Восточной Европе. Огромные территории, где каждый дом обратился в руины, каждое дерево — в расщепленный ствол, где миллионы людей, скорчившись, перемещались по траншеям, как крысы, а разорванные снарядами мертвецы лежали непогребенными. Днем и ночью избыточная энергия спекулятивной экономической системы, лишенная всех других выходов из-за предубеждений и жестких исторических традиций, скомкалась под градом снарядов и непрерывном уничтожении человеческих жизней.

Доселе не испытанное новое оружие войну расширяло и усиливало. Аэроплан и примитивный дирижабль могли проникать глубоко во вражеский тыл и атаковать гражданское население в городах. Мы видели, как бомбы разносят в клочья городские постройки того времени, обращая в прах и прикованных к постели стариков, и младенцев в колыбелях. Мы видели охваченные паникой толпы, ищущие укрытия в подвалах и тоннелях. На ранних стадиях воздушной войны использовались только взрывчатые вещества, но затем появились усовершенствованные газовые бомбы. Для тех, кто не участвовал в боевых действиях и жил в тылу, помимо взрывов авиационных бомб, пламени и разрушений, добавилось мучительное удушье.

Очень интересной новинкой Великой войны была подводная лодка. Сначала ее использовали против боевых кораблей, а затем обратили против всех морских судов. У нас имеется яркое описание того, как «Лузитанию» атаковали без предупреждения и потопили. Утонули 1198 мужчин, женщин и детей. По меркам того времени это был великолепный и роскошный корабль. Тогдашние писатели нашли в случившемся зловещую символику. Свет, комфорт и уверенность

погрузились в ночную пучину отчаяния и безнадежности. Многим тогда казалось, что все достижения цивилизации образца XIX века отправились на дно вслед за «Лузитанией».

Служба на ранних подводных лодках изматывала людей до предела. Субмарина являлась продуктом войны, и ей были присущи все недостатки изобретений на ранней стадии. Внутри не было ничего от безопасности и комфорта больших подводных барж, которые сегодня используются для обслуживания шахт на дне Средиземного моря и Атлантического океана. С прекрасно отрегулированными системами давления и неограниченной глубиной погружения эти современные машины, скорее, введут в заблуждение, нежели просветят нас относительно возможностей примитивных подводных лодок Великой войны. Подумать только, они не могли погружаться глубже ста метров; ниже под давлением водной массы пластины прогибались и стыки между ними начинали протекать. Соленая морская вода могла повлиять на аккумуляторы, откуда выделился бы газообразный хлор и отравил членов экипажа. Ниже ста пятидесяти метров эти хрупкие машины разрушались полностью. Воздух при погружении быстро загрязнялся, несмотря на наличие сжатого кислорода. Постоянная конденсация выдыхаемой влаги приводила к большому дискомфорту. Под водой можно было двигаться не более двух суток за счет энергии электрических батарей, но затем нужно было обязательно всплывать на поверхность и несколько часов заряжать эти батареи за счет работы двигателей внутреннего сгорания. Вооружившись стрелковым оружием, минами, бомбами и торпедами, подводники намеревались преследовать и уничтожать надводные корабли противника.

Это была трудная и невероятно опасная задача. В морской глубине подводники были невидимы, но и слепы. Под самой поверхностью они имели очень ограниченный обзор за счет перископа. На поверхности у них имелась возможность видеть все вокруг, но теперь они сами легко обнаруживались с надводных кораблей. По этой причине экипажи странно грозных и странно хрупких устройств в условиях крайнего дискомфорта и нехватки воздуха в погруженном состоянии подкрадывались к своим жертвам фактически на ощупь, а чтобы убедиться в поражении цели, приходилось всплывать и подвергать субмарину огромному риску попасть под убийственный ответный огонь. Стальная шкура у этих уязвимых монстров была очень тонкой; подлодку обычно уничтожали одним-единственным точным попаданием из орудия. Часто при погружении она невольно выдавала свое местонахождение пузырьками газа и утечками нефти.

Несмотря на многочисленные сложности, подводные лодки доказали, что являются очень эффективным оружием, особенно в руках центрально-европейских держав. Подводники утопили великое

множество кораблей и десятки тысяч человек. Постепенно методы противодействия улучшились. За субмаринами стали охотиться целые флотилии, а также боевые корабли класса «Q», замаскированные под гражданские суда. Подлодку выманивали на поверхность, а затем опускали фальшборт и открывали огонь, поэтому вскоре субмарины перестали бросать вызов даже тем судам, которые выглядели совершенно безобидными. На возможных путях следования подводных лодок выставлялись мины, а поперек гаваней и каналов устанавливались противоторпедные сети. За подводными хищниками следили с самолетов и дирижаблей; при обнаружении передавали сигнал эсминцам, которые быстро устремлялись к добыче. Для более эффективного обнаружения стали использовать хитроумные средства прослушивания. По субмаринам стреляли с поверхности, таранили их, преследовали «глубинными бомбами», которые деформировали обшивку и приводили к затоплению лодки даже если взрыв происходил на расстоянии в десятки метров.

Таковыми, вкратце, являлись условия ведения подводной войны в 1917-18 годах. До окончания боевых действий находились те, кто уничтожал и топил, и соответственно за ними самими охотились, уничтожали и топили. Строительство и выпуск подводных лодок никогда не прекращался. Люди погружались в холодное заточение, в вечную тревогу о mine или таране, в дрожащую угрозу далекой глубинной бомбы, в разумную вероятность мучительной смерти, от которой не спасет никакая человеческая помощь. Немногие субмарины возвращались в свои гавани с десятков раз; куда больше уходили в свое первое плавание и исчезали навсегда. Одни только немцы потеряли двести подлодок; каждая потеря — это боль, трагедия, страдание и отчаяние. Ближе к концу противники заявили, что экипажи теряют боевой дух. Все чаще происходили случаи, когда экипаж неповрежденной субмарины сдавался в плен, считая себя загнанным в угол. Молодые командиры демонстрировали растущую тенденцию возвращаться в порт для незначительного ремонта или даже вообще под самым смехотворным предлогом. Но в целом невообразимая героическая покорность нашего вида оставалась прежней; люди продолжали служить. Немцы предоставили особенно обильную часть плоти на этот особенный алтарь. Послушные и дисциплинированные, они отдали честь и понесли свою ношу вниз по лестнице в этот мягко покачивающийся неуклюжий механизм убийства, которому было суждено стать их общим гробом.

Послушание приводит нас к одному из самых фундаментальных уроков, какие преподала нам Великая война: осознание даже самых очевидных новых условий пробивается чрезвычайно медленно сквозь пелену привычного принятия. Миллионы человеческих существ с открытыми глазами пошли на рабство, издевательства, лишения, страдания и резню, безропотно и с какой-то фаталистической гордостью.

Повинуясь диктату самых слепых предрассудков и самых бессмысленных привязанностей, они делали все возможное, чтобы убивать людей, по отношению к которым у них не было никаких обид. Этих людей самих, в свою очередь, доблестно убивали, сражаясь до последнего. Тома «Картин войны» пугают наше воображение колоссальными масштабами массовых убийств. После того, как французы понесли в начале войны огромные потери, а русские — в битвах при Танненберге и на Мазурских озерах, наступил тупик, прозванный периодом окопной войны. Потери на Западном фронте сократились. Боевые действия свелись к артиллерийским дуэлям, перестрелкам из пулеметов и винтовок и мелкими рейдами, которые сопровождались ожесточенными рукопашными схватками. На Востоке у русских заканчивались боеприпасы. Тем не менее, русские удерживали свои окопы только благодаря великому человеческому мученичеству. К концу 1914 года Россия потеряла более миллиона своих солдат, но оставшиеся в живых все же продолжали подчиняться приказам. В отдаленных от Европы регионах проходили мелкие военные кампании. В «Картинах войны» имеется ужасающий рассказ о страданиях нескольких тысяч простых британских солдат, попавших в плен к туркам в Куте на территории Месопотамии (при этом генералы и другие офицеры, повинные в сдаче, чувствовали себя в плену более чем комфортно; им даже было позволено развлекаться). В отчетах отсутствует то негодование, которое выражали британские солдаты.

В 1916 и 1917 годах во Франции англичане и французы периодически возобновляли широкомасштабные военные действия. Недавно обученные британские подразделения наступали сомкнутым строем. Генералы, которые выстраивали солдат в такие порядки, не могли не знать, какая участь их ожидает. Если они, конечно, не были полнейшими имбецилами. Если же они не были слабоумными, то, значит, преступно не желали учиться и оставались слепы душой к страданиям и утратам. Менталитет этих людей все еще остается предметом обсуждения. Бедные мальчишки, которыми они командовали, шли вперед плечом к плечу, волна за волной, а шрапнель и пулеметные очереди рвали их на части. В батальонах, где численность обычно составляла шестьсот-семьсот бойцов, сквозь заградительный огонь прорывалась едва ли сотня. После яростной рукопашной схватки с применением штыков солдаты попадали в немецкие окопы, где и сдавались в плен. Небольшие изолированные группы в воронках от снарядов удерживали захваченные позиции в течение нескольких дней. Так погиб цветок целого молодого поколения, собранный из сотен тысяч домов, более или менее любимых и образованных. Этот цветок завербовали, обучили и бросили на поля сражений только лишь за тем, чтобы он в итоге превратился в гниющую груду, поедаемую крысами. На протяжении многих месяцев, как

показывают фотографии, солдаты рядами продолжали продвигаться вперед; они поднимались и падали, снова поднимались, чтобы броситься в атаку. При ближайшем рассмотрении все это выглядело не более чем испорченностью. Костлявые руки, безглазые глазницы, разлагающиеся лица.

Британский главнокомандующий в своих депешах не преминул превознести мужество своих потерянных батальонов и выставить эту чудовищную трагедию величайшей победой. В ходе июльского наступления было завоевано несколько миль бесполезной земли и взято в плен с десятков немецких солдат. В плен к немцам попало вдвое больше британцев, но в депешах об этом писать не стали.

Ужасающая природа этой невиданной катастрофы наружу просачивалась очень медленно. Британская цензура действовала весьма эффективно, и генералы, больше ни на что не способные, лгали великолепно. Ла-Манш позволял легко скрывать неудобные события от британской общественности. На британские войска это производило особенное впечатление. У солдат появлялось ощущение, будто они находятся в другом мире, отличном от «дома», в мире войны, где жестокость и множество других ужасных вещей становятся нормой. В самом деле, эта чудовищная бойня была задумана и проведена не просто без бунтарских настроений, но даже без едва слышного протеста со стороны родителей, родственников, друзей и выживших товарищей. Сонмы жертв впустую так и не вызвали желание роптать.

Командующие русскими армиями в Австрии, Армении и других странах объявляли о столь же дорогостоящих и героических победах, а немцы и австрийцы допускали в своих заявлениях самые немыслимые противоречия. Там тоже проигрывали достаточно чудовищно, хотя и в меньших пропорциях, чем противники. В следующем году (1917) послушные, как всегда, англичане с немного улучшенной тактикой снова приступили к большим наступательным операциям.

Но теперь во французских войсках проявилось движение оживленного разума. Французские солдаты находились среди знакомых вещей, ближе к своим домам и в меньшей степени отрезаны от подрывного влияния, чем англичане. Генерал Робер Нивель, в то время главнокомандующий французской армией, провел то, что Черчилль назвал «экспериментом», в результате которого погибло в общей сложности около двух тысяч человек. Речь шла о продвижении плотных масс пехоты по открытой местности под интенсивным огнем. Через час, как рассказал лейтенант Ибарнегарай (во время дебатов во Французской палате, июнь 1917), все они превратились в «сумасшедшую толпу», где утратился всякий порядок и отличия по званиям. Раненых было чуть менее 15 000, то есть в семь раз больше, чем убитых. Большинству пострадавших в течение трех дней не уделялось должного внимания. Это приводило к гангрене, ампутациям

и тысячам смертей, которых можно было избежать. А потом пришло понимание, что и человеческому терпению рано или поздно наступает предел. Французская дивизия, которой приказали продолжать эту бессмысленную жертвенность, отказалась идти в бой. Черчилль сказал, что это «глубоко обеспокоило», доставило боль и привело в уныние каждого разумного сторонника войны. Это конкретное подразделение уговорили передумать. По словам Черчилля, в дальнейшем оно наравне с остальными участвовало в боевых действиях, но сам дух ее сопротивления начал распространяться вокруг.

Следующим признаком пробуждающейся вменяемости стал крах гротескного русского самодержавия. Мы уже говорили об умственном и моральном упадке царизма в нашем общем исследовании вырождения монархии. Глубоко прогнившее правительство рухнуло в один момент. Обширные владения охватил хаос. В течение нескольких месяцев призрачные имитации западных революционеров, вдохновленные воспоминаниями о Французской революции и легендами о британской парламентской мудрости, оккупировали столицу. И все это на фоне накопленного категорического нежелания русского народа вести братоубийственную войну дальше. Тем не менее, первое республиканское правительство во главе с Александром Керенским, красноречивым политиком, имевшим юридическое образование, оказалось неспособным ни вести войну, ни положить ей конец. Стал распространяться приглушенный призыв к «миру путем переговоров» во всех воюющих странах. Это был крик, который не смогли заглушить ни самые строгие репрессии, ни самое тщательное сокрытие в прессе. Была предпринята попытка созвать что-то вроде мирной конференции радикалов в Стокгольме, а затем в России произошла вторая революция, которая привела к власти Коммунистическую организацию; просто и потому, что не существовало никакой другой альтернативы, а еще потому, что ясно и уверенно обещала мир — мир на любых условиях. Русские армии растаяли по ее сигналу; люди устремились домой. Германские военачальники на Востоке обнаружили, что окопы перед ними никто не защищает, и со всей учтивостью приветствовали русских офицеров старого режима, спасаясь от запоздалого негодования собственных солдат.

В 1917 году человечество, казалось, начало пробуждаться и осознавать весь тот кошмар, что принесла ему война. Мятежи вспыхнули в шестнадцати французских армейских корпусах, было задействовано 115 полков. Избранные солдатские советы направили делегатов в Париж требовать разумного плана завершения боевых действий. По словам Пьера Лавала, последнюю надежду отчаявшиеся солдаты возлагали на Стокгольм. Разочарование сделало жизнь невыносимой. Буря утихла, когда в войну вступили Соединенные Штаты. Державы,

контролировавшие западный мир, получили возможность продвигать свои ужасные навязчивые идеи еще целый год.

«Картины войны» для потомков пером, карандашом и с помощью фотоаппарата посвящают целый том (XXI-ый) трагедии русского пехотного корпуса во Франции. Пятнадцать тысяч русских были направлены туда в 1916 году. Их снарядили, вооружили и поставили на одну линию с французскими армиями. Многие из этих бедных парней едва ли улавливали разницу между французом и немцем, и предполагаемые цели войны находились далеко за пределами их понимания. Но они слышали о революции в своей стране и решили обдумать свое отношение к происходящим событиям. Они выбрали представителей и поставили на голосование вопрос о своем дальнейшем участии в войне. Это случилось прямо накануне «эксперимента Нивеля»¹. Они выбрали то, что показалось им великодушием, и пошли в бой. Французское командование попросту использовало их в качестве пушечного мяса; около шести тысяч человек были убиты или ранены. Остальные взбунтовались. Французы окружили этих беззащитных людей и открыли по ним огонь. Фотографии с ужасающими подробностями этой бойни — в то время фотографии были спрятаны и обнародованы гораздо позже — приведены в уже цитированном резюме.

В течение года французы теряли уверенность в боевом духе своих людей и больше не отваживались проводить крупные наступательные операции, но их союзники бросили еще 400 000 человек в битву при Пашендейле против 300 000 немцев. Весной немцы предприняли широкое наступление на Западе, которое на начальных этапах развивалось успешно, а затем захлебнулось. Противники немцев, усиленные новыми армиями из Америки, через новую кровь добились ужасной окончательной победы. За последние девять месяцев конфликта было убито больше людей, чем за весь предыдущий год. С 21 марта 1918 года по 11 ноября того же года британцы потеряли 830 000 человек, французы и бельгийцы — 964 000, а немцы — 1 470 000. В Европу прибыло два миллиона американцев, но из них в боевых действиях фактически приняла участие лишь половина. Американские потери составили не менее 350 000 человек. Португальский и другие контингенты также внесли свой вклад в список погибших, но точную численность этих незначительных сил мы сегодня назвать не в состоянии.

Это грубый анализ военных действий того времени. Но «Картинам войны» посвящены три тома, пожалуй, самые ужасающие среди всех

¹ Эксперимент Нивеля — речь идет о крупнейшей наступательной операции (апрель-май 1917), окончившейся полным провалом и ставшей символом бессмысленных человеческих жертв. Робер Нивель был отстранен от командования (*Прим. переводчика*).

остальных. В этих трех томах изложены различные детали боевых действий, во время которых пострадало и погибло множество людей. Эти три тома, как микроскопические срезы в книге анатомических образцов, показывают нам, как из выбранного тканевого кусочка формируется текстура целого. Выбранные другими людьми, маленькие фигурки увеличивались, писали, разговаривали или несли фотоаппарат, чтобы представлять безымянные миллионы, не оставившие никаких записей. Мы располагаем историями о людях, на несколько дней оставленных между своими и неприятельскими траншеями, мучимых жаждой и задыхающихся от зловония, что источала собственная разлагающаяся плоть. И все-таки эти люди выживали, чтобы поведать о своих историях. Мы располагаем историями о тех, кто падал на груды гниющих мертвецов и неподвижно лежал там, задыхаясь. И о тех, кого травил газом. Сами газовые смеси становились очень разнообразными. Даже если человеку посчастливилось выжить после газовой атаки, он навсегда оставался инвалидом. Мы располагаем описаниями грубой хирургии того времени и психических расстройств, посредством которых ум убегал от реальности. Также имеются ужасающие фотографии изуверченных людей, безликих, искалеченных, гротескно искаженных, и автобиография ослепшего («В ожидании моего приветствия» Фрица Шиффа, 1923). Десятки тысяч этих несчастных фрагментов человечества следовало надежно спрятать в специально отведенных учреждениях и держать там до самой смерти; таких ужасающих, жалких и безнадежных. Мир забыл о них прежде, чем те умерли.

Между тем искажение душ оказалось еще более ужасным, нежели искажение тел. Одним из самых зловещих элементов в этом ужасающем скоплении реальностей явилась лекция об использовании штыка, которую случайно напечатали, а затем перепечатали антивоенные пропагандисты, поэтому она сохранилась для нас, прочитанная сержантом-майором Франклином английским курсантам в Лондоне. Для нас она совершенно непостижима в своей свирепости. Мы с трудом можем поверить, что этот человек, произнося эти слова, не был пьян и не был сумасшедшим. Свои высказывания он сопровождал шутками-прибаутками, а командиры сердечно благодарили его за выступление. Им тогда казалось, что он просто выражает дух военной службы, как это тогда понималось.

«Увидели раненого немца, — говорил он, — заколите его, и дело с концом».

Он выступал категорически против взятия противника в плен. Считал, что неприятельских солдат необходимо немедленно умерщвлять сразу после того, как те сдались. Он с симпатией и одобрением рассказал, как капрал под его началом зарезал нескольких немецких мальчишек.

«Могу я ими заняться?» — спросил капрал, указывая на

обезоруженных врагов.

«Валяй», — ответил сержант-майор.

Когда дело «было сделано», искренне настроенный капрал, будучи недавно выпущенным заключенным из Дартмурской тюрьмы, вернулся к сержанту-майору очень довольный и польщенный похвалой, и, все еще находясь под впечатлением, обсудил с ним технические сложности быстрого извлечения штыка из плоти. Не получалось молниеносно переходить от одной жертвы к другой.

Это и был тот дух, в который война приводит человека. Таких, как сержант-майор Франклин, имелось множество во всех действующих армиях. Мы можем легко процитировать опубликованные английские документы. В других странах свободы было куда меньше. В целом англичане являлись такими же кроткими солдатами, как и все остальные. Страх и жажда крови, это очевидно, быстро и полностью уничтожают все медленно приобретаемые ограничения и терпимость социального порядка у любой породы человека. История не должна писаться в розовых тонах. Пленные были не просто заброшены, и с ними не просто плохо обращались. Многих замучили до смерти для устрашения остальных; других же по причине совершенно бессмысленной жестокости. Также существует серия фотографий отвратительно изуродованных тел; изуродованных и непристойно выставленных на всеобщее обозрение. Причем одних фотографировали после смерти, а других незадолго до нее. Все эти миллионы вышли из цивилизации и окунулись в смрад войны. И они спустились к чему-то более гнусному, чем скотство.

Осень 1918 года принесла уверенность в окончательном поражении Германии. Военная энергия этой страны иссякла. По причине жесткой блокады везде царили нищета и голод. Дисциплина резко ослабла; страна наполнилась дезертирами. Высшее немецкое командование оказалось теперь, как и его противники, не в состоянии бросать людей в атаки. И оно теперь даже не могло заставить их сопротивляться чужому наступлению. Теперь они захотели сдаться, даже с риском попасть в лапы к капрам-экспериментаторам из Дартмура.

Однако повсюду, где еще сохранялись верность и послушание, люди по-прежнему безжалостно приносились в жертву Высшему командованию. «Картины войны» (том XXVII, 23842 и далее) показывают в окопах немецких пулеметчиков, которые пытаются защититься от наступающих британских и американских войск. Эти люди позволили накачать себя наркотиками и приковать к оружию. Они продолжали стрелять и убивать, пока к ним не подошли вплотную. Вряд ли они могли ожидать от противника какого-то милосердия. Их закололи штыками или вышибли мозги. Пулеметчики сполна заплатили за изобретения своих хозяев. А еще они платили за всеобщую ненависть к

Германии, широко применявшей газовые атаки. Остатки бессмысленной преданности ничего не могли противопоставить нарастающему давлению, которое, наконец, истощило Германию. В ноябре кайзер, повелитель войны, бежал. Страна согласилась на унизительное перемирие, и немецкие армии в беспорядке хлынули домой, неся с собой революцию.

На этой «революционной» ноте наш рассказ пора заканчивать. В заключении стоит лишь отметить поражение и деморализацию итальянских армий в битве при Капоретто, когда 800 000 человек были убиты, ранены, взяты в плен или (наиболее разумные) «разошлись по домам». Нет надобности описывать морские сражения, последним и главным из которых стал Ютландский бой. Последним он стал, потому что германские адмиралы оказались перед угрозой мятежа, в случае если попытаются снова вступить в морскую схватку. Принесла ли битва победу для британцев, так и осталось спорным вопросом. Полемика на эту тему улеглась во время Польских войн.

В томах «Картин войны» содержится множество фотографий и рассказов о морских баталиях. Например, серия снимков британского крейсера «Дифенс» в Ютландском сражении. Боевой корабль на полном ходу пытался добить разбитый и тонущий германский линкор «Висбаден». Натиск этого свирепого механизма потрясал. Он выглядел непобедимым и всепоглощающим. В нем сияло неоспоримое величие. Несколько внезапных ослепительных вспышек показали, что на помощь умирающему линкору пришел другой линкор. Все решилось в одно мгновение. Британский крейсер взорвался и исчез. На его месте остались только столб дыма, падающие обломки и водяные брызги. Погибло восемьсот человек.

Этим фотографиям нет конца.

Но давайте вернемся к нашей фразе о «революционной» ноте. Это ключ ко всей ситуации того времени. Отвращение к войне в мире было огромным, если не на первых этапах, то, безусловно, еще до того, как наступил второй год. Это вызывало омерзение. В событиях еще не проступила сокрушительная решимость, способная захватить воображение. Даже великое Ютландское морское сражение, с точки зрения зрелищности, закончилось полным провалом. Сравнительно небольшое количество решительных воинственных личностей сохраняли способность заставлять остальных людей жутко страдать. Война соответствовала господствовавшим идеям того времени. Но, с другой стороны, сотни миллионов людей, чье изумление и смятение с каждым днем усиливались по мере того, как ужас разворачивался за пределами ужаса, не имели представления о каком-нибудь альтернативном способе жить, который позволял бы укрыться от безжалостных последствий извращенных дум.

Крик «Конец войне» не привел ни к чему полезному, потому что не

давал никаких указаний на то, чем следует заменить воюющие правительства, и кто должен осуществлять разумный контроль над человеческими делами. Мир, которого жаждали массы, пока еще представлял собой лишь невыразительный негатив. Но мир должен стать позитивной вещью, задуманной и устойчивой, ибо мир менее естественен, чем война. Мы, те, кто добился *Pax Mundi*¹, знаем, насколько сильными и решительными, насколько хорошо экипированными и бдительными, должны быть хранители мира.

¹ *Pax Mundi* — Мировой порядок (лат.) (Прим. переводчика).

Глава 8

ИМПУЛЬС К ОТМЕНЕ ВОЙНЫ, КОРАБЛЬ МИРА ГЕНРИ ФОРДА

По ужасающим записям тех военных лет очень красноречиво проплывает одна причудливая экспедиция, гротескная и даже какая-то инфантильная. И все же это следует считать предзнаменованием великих событий. Речь пойдет о рейсе пассажирского парохода из Нью-Йорка в Норвегию. Темные шторы забвения опускались над грохочущими линкорами сумеречной Ютландской битвы. Забытые имена тонули в смутном общем впечатлении от гигантских огненных масс, что неслись сквозь дым и туман навстречу своей судьбе. Сегодня только специалист может сказать нам, «Лютцов» или «Фридрих дер Гроссе», «Лайон» или «Айрон Дьюк», «Вэнгард» или «Колосс», погибли вместе с людьми или с повреждениями вышли из боя. Все это стало чудовищно неуместно. Нет ничего, кроме их размеров, а также того, что в них погибли сотни людей, что делало бы их более значимыми для нас, чем взорвавшаяся коробка с фейерверком. Но за несколько месяцев до Ютландской битвы Атлантику пересекло пассажирское судно американо-скандинавской линии «Оскар-Н». Рейс этого корабля и поныне остается чрезвычайно важным и интересным. В самой простой и бесхитростной манере еще только

зарождающиеся новые представления о жизни смешались с превалирующими слабостями того времени. «Оскар-Н» более известен в истории, как Корабль мира Генри Форда. Это был проблеск трагикомедии посреди всеобщего ужаса.

Генри Форд — прирожденный гений механики, без какого-либо особенного образования или социальной искушенности, большой друг и единомышленник Эдисона, чья карьера прослеживается в главе «Человеческой истории», посвященной разработке и использованию изобретений в конце XIX — начале XX века. Форд родился и вырос в период экономической экспансии и относился к ней, как к безусловной необходимости. В постоянном научно-техническом прогрессе он нисколько не сомневался до тех пор, пока ему не перевалило за семьдесят. Ему практически во всем сопутствовала удача. Это придало ему уверенности, что он сможет спроектировать автомобиль, настолько хороший и дешевый, насколько это возможно в его время, и организует массовое производство своей модели с необычайной энергией и мастерством. Разум этого необыкновенного человека не беспокоила мысль, что число потенциальных покупателей может быть весьма ограниченным. Он продавал свой «*flivver*», или «*tin Lizzie*»¹, как его ласково называли, в огромных количествах, и в результате произвел революцию в автомобильном транспорте и городском планировании Америки. Он изменил саму форму каждого растущего города, позволив маленькому домохозяйству жить дальше от рабочего и делового центра, чем когда-либо прежде. Он сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы согнать лошадь с дорог и полей, производя сельскохозяйственные тракторы. Он создал заводы в Дирборне, которые даже сегодня кажутся огромными. Он стал невероятно богатым и выдающимся «персонажем» в мире, и особенно в Америке. И при этом он оставался удивительно простым и прямым человеком в своих взглядах на жизнь.

Первым впечатлением от Великой войны, как для него, так и для значительной части англоязычных народов, стало недоверчивое изумление. Конечно, он знал, что в мире существуют армии и суверенные нации, но, очевидно, никогда не предполагал, что они станут сражаться. Он чувствовал, что, должно быть, произошла какая-то ошибка. Обмениваясь мнениями с другими американцами, он понял, что те пребывают в таком же недоумении. К началу 1915 года в воюющих странах было собрано достаточное количество доказательств, что люди там поражены не меньше, и стремятся положить конец кровопролитию и жестокости. К президенту (президенту Вильсону) были направлены делегаты. В гармонии со своей страной он являлся в то время пацифистом

¹ «*Tin Lizzie*» — «Жестяная Лиззи» (англ.) (Прим. переводчика).

в высшей степени. Широко распространилось стремление к тому, чтобы Соединенные Штаты, будь то в одиночку или совместно с другими, все еще нейтральными, странами, создали своего рода постоянный арбитражный совет, который должен, так сказать, стоять на краю поля боя и продолжать предлагать воюющим правительствам свои посреднические услуги до тех пор, пока они не будут приняты. Возникла идея отправить в Европу делегацию. Но как ее участники пересекут Атлантический океан? Форд предложил зафрахтовать судно.

Своеобразное воображение этого человека всерьез ухватило за собственную задумку. Это будет не простой корабль. Форд сделает его необыкновенным кораблем; «Кораблем мира». Требовалось тщательно подобрать делегатов и придать делу настолько громкую огласку, чтобы по мере приближения судна сама война оторопела и обрела готовность быть арестованной. Одно его появление должно было заставить взбешенную Европу прийти в себя.

«Я хочу вытащить этих парней из окопов, — сказал Форд. — Они не хотят сражаться и с радостью пожали бы друг другу руки».

В глубине души у него, похоже, зародилась идея объявить на фронтах всеобщую забастовку.

«Выходим из окопов к Рождеству, и больше туда не возвращаемся», — такими были его слова во время короткого ноябрьского выступления в Вашингтоне.

Присоединиться к миссии пригласили самых видных и энергичных людей. Форд добивался ее открытого одобрения со стороны президента, но тот представлял собой слишком опытного политика и не собирался растрачивать свою популярность на чужие «жесты». Вильсон обдумывал свой собственный жест.

В то время в Америке стали популярными звезды, воплощавшие идеалы величия и добра. По разным причинам некоторых из них до сих пор помнят историки. Например, Джейн Аддамс и Томас Эдисон, Уильям Дженнингс Брайан («Последний креационист») и Лютер Барбанк. Эти имена все еще можно найти даже в Энциклопедии младших классов. Форд пытался включить их всех. А еще были приглашены губернаторы всех штатов и группы самых представительных университетских студентов. Историческая коллекция в Атакаме собрала все сохранившиеся оригиналы и копии приглашений Форда, а также ответы, в которых выдающиеся личности колебались или уклонялись от его предложений. Некоторым помешали внезапные приступы плохого самочувствия. Не составило труда прийти множеству газетных репортеров, кинооператоров, стенографисток, машинисток, переводчиков и рекламных агентов. Дама из Венгрии, Розика Швиммер, воссияла и снова исчезла из истории, как главный организатор отбора. Когда проект Форда обнародовали, свои услуги предложили

многочисленные искатели приключений и просто сумасшедшие. Пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы таким личностям не позволить взойти на борт.

В деталях этой экспедиции все еще имеется обильный материал для великого писателя, но наш интерес связан не с Фордом и не с другими задействованными лицами. Нас привлекла идея, которая вспыхнула и угасла; идея призвать отказаться от войны, опираясь на человеческое здравомыслие. И нам интересны превратности этой идеи.

Первое, что следует отметить, это — широкий отклик. Выдающиеся люди, как в Америке, так и в Европе, сочли целесообразным проявлять сочувствие, даже если это бесполезно. Президент Вильсон как будто был «за», но никакого практического участия в этом начинании не принимал. Претенциозные флюгеры потихоньку стали разворачиваться в эту сторону. В те годы проявилось всеобщее стремление создать мировой «РАХ», но вскоре положение начало меняться, и флюгеры отвернулись.

Почему они дрогнули? С самого начала по отношению к этому проекту существовал устойчивый и злобный антагонизм. Постепенно он набирал силу и энергию. Американская, а вслед за ней и европейская, пресса принялась преувеличивать и искажать каждую слабость, каждую незначительную оплошность экспедиции; либо эти слабости и оплошности попросту выдумывать. Наступила кампания насмешек, настолько искусная и настойчивая, что она легко удаляла из созвездия одну краснеющую знаменитость за другой и тем самым подавляла основное здравомыслие проекта в их вялых извинениях. Газетчики, которых Форд взял с собой, стряпали ложь и абсурдные истории о своем хозяине.

Теперь-то мы понимаем, что журналистов инструктировали на берегу недруги Форда. Исторические документы полностью это подтверждают.

По мере того, как наши студенты распутывают нить за нитью эту давнюю скрытую историю, мы все яснее осознаем сбивчивое двоемыслие того времени. Экспортная торговля Соединенных Штатов процветала в условиях войны, как никогда раньше. Боеприпасы всех видов продавались воюющим сторонам по чрезвычайно завышенным ценам. Такие крупные банковские дома, как «*Morgan and Co.*», способствовали финансовому подчинению Европы Америке через крупные долги за эти поставки. Американские финансисты и крупные бизнесмены не могли этого предвидеть. У них отсутствовала исключительная дальновидность. Но внезапно они оказались в очень выгодном положении и просто обязаны были им воспользоваться. И Форд в своей бесконечной бесхитростности, «вмешиваясь», как они говорили, «куда его не просят», намеревался разрушить благоприятное положение дел.

В этом начинании присутствовало достаточно правдоподобия, чтобы показаться опасным. Форда невозможно было игнорировать, поскольку

он являлся более чем известной личностью. Он ни в коем случае не заслуживал презрения, поэтому его нужно было сделать презренным. Со всей серьезностью, достойной лучшего применения, пресса обрушилась на Форда. Одна из странных традиций американской прессы заключалась в том, что журналист не должен испытывать угрызений совести. Обычный репортер, являясь моральным извращенцем, искренне гордился своей деградацией. Никакие уловки, ложь и подвох не воспринимались слишком подлыми, если они могли дискредитировать Форда.

И цель была достигнута. Недоиспеченного гения покинули друзья, и он разочаровался в собственном проекте. Он стал подозревать союзников в предательстве и доверять врагам.

Мы должны принять сохраненные для нас доказательства, но, даже располагая ими, сложно поверить в некоторые особенности той кампании в прессе. В Атакаме хранится сотня папок с газетными вырезками, самые удивительные из которых воспроизведены в избранных «Исторических документах». Гости Форда — репортеры и писатели — отправляли по радио нелепые сообщения о спорах и драках между членами миссии, о том, что секретарша приковала его наручниками к кровати, и прочую подобную дребедень. О Форде говорили, что у него была возможность предотвратить отправку этих сообщений — ведь в настоящее время это был его корабль — но своего рода фанатизм в отношении свободного мнения (хотя на практике оно подразумевало под собой свободное распространение наглой лжи) — удерживал его.

«Пусть они делают то, что в их силах, — сказал он, не теряя мужества. — Наша работа скажет сама за себя».

Но вскоре он подхватил тяжелый грипп, и под неумелым медицинским наблюдением прибыл в Европу, опустошенный и усталый, физически и морально, готовый поверить, что все мероприятие, по сути, представляло собой несусветную глупость. Его обильно осыпали насмешками. Не в силах сопротивляться, он уступал. И, в конце концов, он уступил. Он сдался.

«Наверное, мне лучше вернуться домой к маме», — сказал мистер Форд, будучи больным и не вставая с постели в Христиании, хотя вся Норвегия была взволнована; она готова была его приветствовать и поддержать.

Тем не менее, его движение продолжалось согласно приобретенной инерции. Делегацию с большим энтузиазмом приняли в Швеции, Швейцарии, Дании и Голландии, тех небольших суверенных государствах, которые так ловко сумели не вмешиваться в конфликт до самого его конца. Люди в этих странах, очевидно, очень стремились поверить в то, что такое вмешательство и в самом деле способно остановить войну. Если Форд был обескуражен, то некоторые из его коллег оказались более стойкими. Они провели большие публичные встречи в Швеции,

Голландии и Швейцарии, и последствия их деятельности, безусловно, оказали обнадеживающее влияние на движение за мир в Германии и Великобритании. Им удалось поговорить с рядом государственных деятелей, и они вызвали настороженную враждебность у военных властей Германии и Великобритании, поскольку военачальники обеих сторон очень правильно расценили эту миссию, как нападение на боевой дух. В Стокгольме возникла так называемая Нейтральная конференция непрерывного посредничества — весьма ненадежная и вызывающая вопросы структура. В то время утверждалось, что это движение стремилось вовлечь Швецию в войну на стороне немцев.

Постепенно организация Форда утратила известность. На нее падали тени более активных движений в сторону переговоров. В частности, президент Вильсон начал делать большие неопределенные жесты. Его переизбрали, как «человека, который удержал Соединенные Штаты от вступления в войну». В 1917 году он вывел свой народ из фазы лицемерного пацифизма и интенсивного вооружения в фазу настоящей войны. После этой кульминации мыльный пузырь «Корабля мира» лопнул окончательно. Последние участники получили денежный расчет, а сам Форд уже готов был укрыться одеялом забвения. Но последствия оказались слишком далеко идущими.

Более пяти недель Генри Форд отказывался возглавлять, даже номинально, те силы, что привез в Европу. В Норвегии он не выходил из отеля, избегал встречаться со своими более восторженно настроенными коллегами, принялся сокращать свои финансовые обязательства и, наконец, сбежал домой. Фактически выходило так, что он дезертировал. Отель в Христиании он попытался покинуть тайком, в пять часов утра. Кого-то успели предупредить буквально в последнюю минуту, те повскакивали с постели и попытались главу удержать, отговорить, но все тщетно. Еще до конца Форд полностью свернул финансирование тех людей, кто ради высокой цели бросил карьеру и должности. Теперь эти люди столкнулись с насмешками и ненавистью. Оставалось лишь найти обратный путь в свои прежние ниши или найти новые.

Так что же случилось с великой идеей Генри Форда? Что за странная смена устремлений обуяла мозг и сердце этого Борца за мир? И вот здесь любопытному историку следует порассуждать, ибо эти мозг и сердце вышли далеко за пределы самого пристального взгляда.

Прежде всего следует отметить, что пока «Корабль мира» пересекал Атлантику, в Вашингтоне происходило кое-что очень важное. Хозяева быстроразвивающейся американской военной промышленности обнаружили, что внутренний рынок для их продукции с превосходной платежеспособностью может быть дополнен огромными потребностями воюющих за океаном стран. Утверждалось, что Америка может держаться в стороне от войны, — и это хорошо — но ей следует быть к

ней «готовой». Дескать, Соединенные Штаты должны, не воюя, усиленно вооружаться. Президент это предложение очень тщательно взвесил с учетом голосов на предстоящих выборах и мнения прессы. Немного поколебавшись, скорее, для укрепления собственного авторитета, он признал, что Америке следует «готовиться». Боеприпасы нужно собрать, войска — обучить. Развернулись флаги, — американский выглядел наиболее опьяняющим — зазвучали барабаны и трубы. Тихое население вдруг взволновалось, и это волнение принялось расти.

А у Форда имелся мощнейший промышленный конгломерат, занимавшийся производством автомобилей и материалов для сельского хозяйства, но способный быстро переориентироваться на выпуск военной продукции. Это было его творение, его воплощение. Именно это существенно отличало его от любого парня, какого можно встретить на улице. Его семья и друзья, безусловно, с глубоким опасением наблюдали за тем, как он бросает бизнес ради мира во всем мире. Возможно, они еще до него самого поняли, что, если он выйдет из этого движения «готовности», рядом появятся другие крупные заводы, которые поначалу действительно будут производить продукцию для военных нужд, но, когда война закончится, смогут превратиться в крупнейших производителей автомобилей и тому подобного. Во Франции этот переход от боеприпасов к автомобилям фактически был предусмотрен и осуществлен организацией «Ситроен». Следовательно, подобного рода перспектива не могла прошмыгнуть мимо Генри Форда.

Тем не менее, он поспешил заявить, что против «готовности», и даже пригрозил водрузить над своими производственными мощностями «международный флаг» вместо звездно-полосатого...

Совершенно очевидно, что в этом одном живом мозгу работали все основные силы того времени. И этот мозг живо и щедро откликнулся на новое стремление к миру во всем мире.

Во время отплытия из Нью-Йорка Луи Лохнер («Американский Дон Кихот, 1924») спросил Форда:

— Хотите что-нибудь сказать напоследок?

— Да. Скажите людям, пусть кричат о мире и военной готовности!

— А что, если экспедиция провалится?

Форда этот вопрос нисколько не смутил:

— Провалится эта, организую другую.

— Говорят, вы неискренни.

— Мы говорим о мире, и я буду продолжать этот разговор до конца!

А потом пришли вторые мысли. К тому времени, когда в 1917 году Соединенные Штаты вступили в войну, «Корабль мира» уже воспринимался несмешной устаревшей шуткой, и вдруг выяснилось, что огромные заводы Форда заранее подготовлены к производству боеприпасов.

Форд оказался образцом своего времени. Вот почему мы придаем ему такое важное значение в нашей истории. Обычный человек XX века не являлся ни пацифистом, ни разжигателем войны. Но при этом и тем, и другим он до некоторой степени, безусловно, был. Форд стал обычным человеком, который благодаря случайности и исключительной энергии добился чего-то большего.

Главная нить истории XX века — это, по сути, драма нерешительности, проявленной Фордом в ее элементарной простоте на борту «Корабля мира». Таким образом, это путешествие стало похожим на соло с жестяным свистком в качестве увертюры к сложному оркестру человеческих мотивов в великой борьбе за человеческое единство, которой еще только предстояло развернуться.

Глава 9

КАК ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАПРЯМУЮ ПОДДЕРЖИВАЛА ВОЕННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Настала пора рассказать, как гипертрофированные «оружейные фирмы» организовывали и поддерживали массовую бойню во время Великой войны. Важно понимать, почему вплоть до середины XX века в мире насильственной смертью умирало так много людей.

Эти «оружейные фирмы» стали результатом роста черной металлургии в промежутки между 1700 и 1850 годами. Скромная ремесленная деятельность за полтора века перевоплотилась в индустрию гигантских производственных возможностей. Промышленность покрыла мир сетью железных дорог и произвела железные, а затем стальные пароходы, которые вытеснили из морей деревянные парусные суда. И промышленники еще на ранних стадиях (все это подробно изложено в книге Люка Циммермана «*Entwicklung und Geschichte von Kruppismus*»¹, 1913; «Исторические документы», 394 112) обратили свое

¹ *Entwicklung und Geschichte von Kruppismus* (нем.) — История и развитие крупн-пизма (подразумевается семья Круппов — крупнейших немецких промышленников) (Прим. переводчика).

внимание на оружие в мире.

Орудия увеличивались в размерах, возрастала их дальноточность. Линкоры списывались в пользу более крупных и сложных моделей. Промышленники нашли наиболее важное и неисчерпаемое поле для извлечения прибыли. Правительства всего мира были застигнуты врасплох, и через некоторое время промышленники, используя общепринятые методы управления продажами, смогли навязать свои новинки этим древним институтам с их традициями непримиримого взаимного антагонизма. Очень скоро стало ясно, что великая система извлечения прибыли станет враждебно относиться к любому ослаблению патриотизма и лояльности, а промышленная отрасль сбыта либо купит напрямую, либо сможет контролировать большинство крупных газет того времени и проявлять бдительность в отношении того, чтобы в учебных заведениях не ослабевало преподавание воинственности. Следуя установленным правилам и обычаям маркетинговой индустриализации и мало думая о каких-либо последствиях, кроме наращивания прибыли, руководители огромных концернов новую войну фактически создали своими собственными руками. Она и проявилась в Великой кровавой бойне 1914-18 годов и взрастила свои последние отчаянные и ужасные потрясения в Польских войнах 1940 года и в последующие десятилетия.

Даже в самом начале, то есть в 1914-18 годах, новые методы ведения боевых действий были чрезвычайно чужды человечеству. Это даже не соответствовало обычным боевым инстинктам человека. Чего хочет разгневанный человек, так это поколотить обидчика, но никак не быть растерзанным снарядом, выпущенным с расстояния в десять миль, или отравиться газом, сидя в яме. Вместо того, чтобы испытать восторг битвы со своими сверстниками, мужчины испытали весь ужас землетрясения, которое губит всех без разбора. Хранящаяся в Атакаме военная литература, о которой мы уже упоминали, наполнена тщетным протестом против грязи, непристойности и механического пренебрежения человеческим достоинством, исходящих от новой тактики. Но сам по себе такой протест являлся неизбежно бесполезным, поскольку не приводил к четкому обвинению тех сил, что создавали, поддерживали и искажали войну. Ребенок выл и плакал, но не предпринималось никаких попыток понять, что же его так мучило.

В наши дни нам кажется безумием, что частным лицам и компаниям разрешалось производить оружие и продавать его всем желающим. Но человеку XIX и XX века это казалось самым естественным явлением в мире. Оно выросло логичным и необходимым образом, без каких-либо ограничений на обычные маркетинговые методы торговли в мирное время, от более широкого применения новых промышленных продуктов, ориентированных на войну. Даже после катастрофы Мировой войны, после яркой демонстрации ее тщетности, люди по-прежнему позволяли

загонять себя, как овец, в казармы, позволяли обучать себя потреблять и потребляли новые линии убойных товаров, производимых и продаваемых активными торговцами оружием. Опасная масса военных материалов все накапливалась и накапливалась.

Сохранилось коротенькое псевдонаучное эссе бенгальского сатирика (профессор К. Чондра Сен, 1897-1942), переизданное в Индии и претендующее на исследование глупости у относительно разумных животных. Автор обеспокоился тем, с какой обреченностью основная человеческая масса наблюдала в этот период за подготовкой собственного уничтожения. Он рассматривал судьбу вымерших видов пингвинов — XX век стал эпохой истребления сотен биологических видов — и сделал вывод, что человечеству уготовано нечто подобное. Повествование начинается с того, как именно пингвинов убивали. Вынесены фотографии этих необычных существ на пляжах океанических островов. К ним подбирались охотники, а они просто наблюдали. И пока на длинном пологом берегу продолжалась бойня, животные стояли неподвижно, или нелепо ковыляли, хлопая короткими крыльями. Они казались заинтересованными в убийстве своих сородичей, но и сами не стремились ни к бегству, ни к сопротивлению (мы не можем отметить, что когда-либо проводились тщательные научные наблюдения за ментальностью пингвинов, возрождение экспериментальной психологии слишком запоздало, и теперь нам остается только гадать, что происходило в странных мозгах во время охотничьих рейдов. Остались свидетельства того, что эти удивительные существа обладали любопытством, добротой, сочувствием и юмором; и они были в высшей степени обучаемы. Они стояли довольно высоко на шкале птичьего интеллекта. И все же допустили собственное вымирание). Профессор Сен настаивал, наполовину серьезно, наполовину с усмешкой, что дело тут не столько в психологии, сколько в общей ущербности и неправильности. Существовала способность создавать разные идеи, но не идею социального сохранения. Автор предположил, что то же самое справедливо и в отношении морских слонов, которых также очень быстро уничтожили (японский сумасшедший, страстно желавший «бессмертного имени», убил последнего морского слона, что называется «для галочки»; в 1985 году Защитный патруль был отозван с морских коммуникаций из-за «восстания морских пиратов»). Взвесив разные случаи, профессор Сен пришел к выводу, что пальму первенства за покладистую социальную глупость следует вручить человеку.

В своей прекрасной пародии на методы социальных исследований профессор Сен приводит множество фотографий тех, кого он назвал «человеческими пингвинами» образца начала XX века. Эти жалкие существа собирались в огромные толпы, чтобы поглазеть на спущенные на воду боевые корабли, радовались парадом и с восторгом устремляли

свои взоры в небо, где парили военные самолеты. Рядом он привел фотографии пингвинов, которые, либо по чистой случайности, либо методом тщательного подбора соответствующих особей, в позах и мимике практически идентичны людям. В книге приведены списки акционеров оружейных фирм, в том числе епископ Херефордский, президент Совета свободной церкви, великое множество священнослужителей, художников, судей и всякого рода благородных людей. Широко цитируются записи Хансарда о различных дебатах в Палате общин Великобритании (в дебатах о военно-морских оценках в начале 1914 года радикальный социалист Филип Сноуден, впоследствии ставший виконтом Сноуденом, был особенно откровенен), ясно показывая, что характер опасности был отчетливо виден и публично заявлен. Просто это не ОЩУЩАЛОСЬ. Между фактическим восприятием и восприятием, способным привести к эффективным действиям, существует небольшая разница, которая сосредоточена на этих страницах в наших интересах.

Почему человечество тупо уставилось на оружие и ничего не сделало? И почему поколение, ставшее свидетелем мучительной и преждевременной гибели двадцати миллионов человеческих существ, по-прежнему ничего не делало, чтобы изменить ситуацию к лучшему? При том, что подготовка к следующей войне и ужасные потенциальные возможности той новой войны увеличивались и разворачивались прямо на глазах. Великая колыбель Вифлеемской стальной корпорации Америки раскрылась в 1929 году, после выступления против разоружения военно-морского флота на Женевской конференции двумя годами раньше. Дело касалось трех судостроительных фирм, на которые подал в суд некий мистер Ширер, утверждавший, что якобы отрабатывает чье-то задание. Но, похоже, и до этого конфликта интересов никому не было дела. Пингвины не стали что-либо предпринимать ни в отношении заинтересованных компаний, ни в отношении мистера Ширера. Какие-то единицы выразили свое негодование; и это все. Так и на охотников за нефтью время от времени нет-нет да и крикнет какая-нибудь птица. Получить подробный отчет и ссылки можно здесь: «Военно-морской флот: оборона и предзнаменование, К.А. Бирд, 1930, перепечатано в «Исторических документах», серия 4 270 112».

Разгадка лежит на поверхности. В мире практически не существовало философского образования. Отсутствовала разумная критика обобщений и общих идей, равно как и наука о социальных процессах. Людей не учили замечать взаимосвязь вещей. По большей части люди даже не знали, что она вообще существует. Они просто воображали, что какая-то сторона жизни может измениться, а какая-то другая останется неизменной. Промышленники и финансисты создали чудовищное оружие и навязали его правительствам того времени, игнорируя

последствия, которые сегодня очевидны даже идиоту. Большинство из этих пропагандистов вооружения были достойны восхищения в своей личной жизни: нежные любовники, отличные мужья, любящие детей и животных, просто хорошие парни, вежливые с подчиненными и так далее. Сэр Бэзил Захарофф¹, величайший торговец оружием и боеприпасами, каким его можно увидеть на картине (ее авторство приписывают Уильяму Орпену), недавно обнаруженной в Париже. Захарофф в треуголке, с аккуратными усиками и бородкой, с лентой какого-то рыцарского ордена на шее; выглядит довольно милым, хотя и слегка нелепым джентльменом невысокого роста. Среди духовенства, владеющего акциями, также встречалось немало очаровательных личностей. Но все они хотели получить свои дивиденды. И для того, чтобы их выплатить, в общественном сознании должны были сохраняться страх перед войной и ее необходимость.

Наиболее удобно это было делать через прессу. В то время крупную газету можно было купить за сумму от пяти до десяти миллионов долларов. Прибыль от одного-единственного линкора значительно ее превосходила. Разумеется, в соответствии с лучшими деловыми традициями, газеты продавали себя военным покупателям. В самом деле, а что в этом плохого? В то время рассказывать новости было ремеслом, а не общественным долгом. Ежедневная газета, которая добросовестно освещала бы накапливающуюся опасность, столь же естественно и неизбежно обнаружила бы, что ее распространению препятствуют. Она обнаружила бы, что более обеспеченные конкуренты энергично ее превосходят. Скупив, благодаря своему богатству, самые привлекательные функции, те успешнее взаимодействуют со среднестатистическим читателем.

Не то чтобы владельцы газет и торговцы оружием хотели чьих-то страданий. Они только хотели продать оборудование и посмотреть, как оно будет использовано. У тех, кто выпускал газеты, не было желания калечить людей и разделять трупы. Журналисты страстно желали высоких продаж своей продукции и рекламы. Между прочим, массовые убийства рассматривались, как побочная сложность законного бизнеса. Близорукость не являлась дьявольской, даже если приводила к дьявольским результатам.

А что же солдаты? Фредхайм в своем анализе солдатского разума изобразил того самого сэра Генри Уилсона, о котором мы уже упоминали. Выйдя на пенсию, тот, одетый в рубашку с короткими рукавами, скромно копался у себя в саду. И тот же самый человек был

¹ Василий Захарофф (1849-1936) — греческий торговец оружием, руководитель компании «Vickers Limited». В период Первой мировой войны утверждалось, что он продает оружие обеим воюющим сторонам (*Прим. переводчика*).

изображен ухмыляющимся, во всей своей красе, при погонах, с пуговицами и «украшениями», в качестве руководителя военных операций. Это удивительный скачок от провинциальной незначительности отставного клерка к божественной важности. В мирное время, судя по его собственным дневникам, Уилсон представлял собой ничтожного самоуверенного зануду. В условиях войны он вышел за пределы критики и стал богом. Сразу начинаешь понимать, насколько жизненно важными для человека могут стать работа и продвижение по службе. Насколько мы можем судить, он не желал смертей РАДИ смертей. Напившись крови, он, вероятно, тяжело заболел бы. И все же его жизнь подпитывалась из резервуаров с кровью.

Профессиональные солдаты старались думать о кровопролитии как можно меньше. Нелепо утверждать, будто они хотели проливать кровь; и уж тем более, что злорадствовали по этому поводу. Возможно, людям жилось бы легче, если бы они чаще об этом думали. За века у них сформировалась сентиментальная преданность своей стране, торжественное ощущение большой личностной ценности и оргиастическое наслаждение битвой. Они не видели и не хотели видеть, что лежит за пределами их занятий, а религиозные учителя уверяли учеников, что те все делают правильно.

Дряхлые христианские Церкви того времени действительно имели очень прямой интерес к войне. Заметная тенденция игнорировать и высмеивать существующие религиозные обряды становилась все более очевидной, но под давлением потерь и смерти люди снова обратились к алтарю. Это легко прослеживается в художественной литературе того времени. Ранее презираемый священник вдруг снова стал неявно героическим «падре» сентиментальных военных историй.

Основная проблема, с которой столкнулось растущее меньшинство, осознавшее опасности и возможности нашего вида в третьем и четвертом десятилетиях XX века, сводилась к следующему: как сосредоточить людские умы на состоянии ошарашенности, как подвести их к грубым реалиям и организовать гигантские усилия, чтобы стряхнуть с себя и лихорадку войны, и обнищание, связанное с мировым социальным распадом.

Не существовало никакого центрального противника, никакого правящего дьявола, с которым могли бы сражаться эти беспокойные духи. Это сделало бы саму кампанию прямой и понятной. Между тем, пресса с определенным привкусом благочестивых намерений выступала в некотором роде против. Старые социальные и политические традиции, какие бы позы они ни принимали, также выражали несогласие. История же все это преодолевала; войны велись с тех самых пор, как появилась письменность. Не только тогдашний епископ Херефорда и тогдашний президент Совета свободной церкви были уличены в получении

дивидендов с продажи оружия. Сами Церкви и Католическая церковь, да и вообще все христианские Церкви, несмотря на их верность мировому Князю, спокойно конкурировали или противостояли светскому мировому контролю, а ведь только он мог сделать возможным здоровый мир во всем мире. Признание неспособности взять на себя руководство стало бы необходимой прелюдией к новым моральным усилиям.

Нельзя сказать, что мысль о естественности и неизбежности войны поразила абсолютно все умы, но вокруг немногих дальновидных собралось слишком много тех, у кого отравленное самосознание было в крови и укоренилось в привычках. Выискивался способ напасть не на саму крепость, а на постоянно восстанавливающиеся джунгли смешанных мотивов, запутанных интересов и перекрестных целей, как внутри себя, так и снаружи.

Глава 10

ВЕРСАЛЬ: ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ БЕДСТВИЙ

Формально «Мировая война» закончилась 11 ноября 1918 года поражением и подчинением Центральных держав. В Версале, в том же дворце, где торжествующие немцы диктовали условия мира поверженным французам после предыдущей войны 1870-71 годов, состоялась конференция. У этого изменения ролей двух стран появился излишне драматический привкус. Теперь условия диктовала Франция и ее союзники. Естественно, в данной ситуации доминировала идея романтической реставрации, а также сурового, но справедливого суда. Предполагалось, что теперь ошибки будут исправлены, проступки бабушек и дедушек приведут к заслуженному наказанию. Даже в то время все это казалось слишком запоздалым. Но, прослеживая работу конференции, мы совершенно отчетливо обнаруживаем развивающийся конфликт между исторической традицией и растущим чувством человеческого единства в мире. Если Мировое государство и не присутствовало в Версале, то, во всяком случае, голос нового образования «слышался снаружи».

К тому времени (1919 год) в мире действительно существовало довольно значительное число разумных людей, кто осознавал

нарастающую необходимость Мирового правительства. И еще больше тех, кто, как и ранее нами описанный Генри Форд, воспринял это инстинктивно. Но еще не было никого, кто мог бы со всей мощью своей интеллектуальной энергии серьезно взяться за проблему смены существующих правительств мировой системой. Умы и сердца дрогнули перед этим начинанием. И все же, как мы теперь ясно осознаем, это было единственное, что люди тогда могли сделать. Это была единственная альтернатива постоянно расширяющейся и углубляющейся череде бедствий. Вместе с тем новизна и необъятность удерживали человечество. Останавливала иррациональная привычка хвататься за древние исторические течения.

Наши предки кажутся нам утопающими, которые в желании спастись хватались за соломинки и даже пузырьки воздуха, но упорно отказывались схватиться за лестницу и выбраться из воды, раз и навсегда.

Вряд ли кто-либо в своих представлениях о мировой системе осмеливался выйти за рамки чисто политического соглашения о недопущении войны. Потребовалось еще полвека человеческих страданий, прежде чем произошло сколько-нибудь глубокое осознание, что воинственность — это лишь один из симптомов человеческой разобщенности. Причем далеко не самый серьезный и тяжелый.

Американский президент Вудро Вильсон из всех делегатов на Мирной конференции оказался наиболее восприимчивым к намекам на будущее. Недостатки и ограниченность его вклада в это урегулирование дают нам представление о политическом воображении тех дней. Он привел то, что осталось от индивидуалистического либерализма, который создал Американские республики, к решению мировой проблемы. Никто из других участников этой замечательной дискуссии — Клемансо (Франция), Ллойд Джордж (Великобритания), Соннино (Италия), Сайонджи (Япония), Хаймане (Бельгия), Падеревский (Польша), Братиану (Румыния), Бенеш (Богемия), Вензелос (Греция), Фейсал (Хиджаз¹) и так далее по длинному списку ныне исчезающих из памяти человечества имен — казалось, не осознавали, что, помимо любых соображений о национальном преимуществе, вся планета целиком может заявить о своей заинтересованности в урегулировании. Все вышеприведенные люди являлись твердыми «представителями» своих стран, национальными защитниками. В течение короткого промежутка времени Вильсон один стоял за все человечество. И тогда же по всей земле прокатилась очень необычная и значимая волна отклика. Ситуация оказалась настолько напряженной, что люди принялись приветствовать и

¹**Хиджаз** — государство в западной части Аравийского полуострова на берегу Красного моря. В 1916 году оно провозгласило независимость от Османской империи. Пролетело до 1925 года (*Прим. переводчика*).

прославлять Вильсона за каждую фразу, за каждый жест. За него ухватились, как за символ. В глазах людей он преобразился. Он перестал быть обычным государственным деятелем; он стал Мессией. Миллионы верили в него, как в несущего неисчислимыя благословения; тысячи проявляли готовность за него умереть. Это стало одним из самых ярких событий начала XX века. Очевидно, Мировое государство было зачато именно тогда; и теперь оно шевелилось в материнской утробе. И оно было живым.

А потом оно перестало шевелиться. И в таком состоянии пережило несколько тревожных десятилетий.

Среди разных декораций и в разных костюмах история Вильсона повторила историю Форда, человека, которого подняла идея, оказавшаяся для него слишком великой. На какое-то время человек оказался на заметном месте, но потом человека подбрасывает, как случайный лист; уносит порыв ветра перед штормом. Настоящий Вильсон, как вскоре узнал мир, представлял собой тщеславного показушника, без глубокой мысли и широкой щедрости. Он был далек от того, чтобы отстаивать интересы всего человечества; по-настоящему выступал только за демократическую партию Соединенных Штатов и за самого себя. Поддержку народа в Америке и престиж в Европе он променял на сомнительные бонусы от собственной партии. В течение короткого сезона он оставался величайшим человеком на свете. Еще какое-то время — просто заметным. Он посетил все уцелевшие европейские дворы. Его разгромили и уничтожили в каждой европейской столице. Это триумфальное шествие к тщете не должно нас больше занимать. Нас интересует его идея.

Очевидно, он стремился к созданию некой единой мировой структуры. Тем не менее, весьма сомнительно, что он когда-либо осознавал значение Мирового порядка, ведь таковой подразумевает тотальный мировой контроль над всеми жизненно важными общими интересами человечества. Похоже, он никогда не задумывался всерьез над той работой, за которую так уверенно взялся. Он не хотел, а если и хотел, то не осмеливался просить о таком централизованном контроле над миром, которым мы сегодня обладаем. Вероятно, все это было просто за пределами его понимания. В его воплощении эта затея от начала и до самого конца являлась политическим проектом.

Задуманная им модель представляла собой наивную адаптацию парламентских правительств Европы и Америки под более широкий союз. После Версальской конференции появилась Лига. Это было типичное правительство XIX века, увеличенное до планетарных размеров и сильно выцветшее в процессе своего развития. Оно состояло из Верхней палаты, Совета, Нижней палаты и Ассамблеи. В знак уважения к национальным чувствам в этом уродливом учреждении так и не

появились исполнительные полномочия. Оно не имело никаких определенных доходов; у него не было армии и полиции. И, по сути, оно вообще не могло что-либо делать на практике. Даже как политический орган Лига оказалась совершенно неэффективной и бесполезной. В отличие от правительств, она никоим образом не представляла народы. Практически ничего не было сделано, чтобы простые люди почувствовали, что Лига принадлежит именно им. Делегаты назначались внешнеполитическими ведомствами тех же самых правительств, чьей единственной мыслимой задачей являлось ограничение потенциальных возможностей новой международной структуры. Удивительный парадокс! Делегаты являлись национальными политиками, но от них ожидалось, что они отправятся в Женеву и усердно возмутятся за ликвидацию национальной политики. Разумеется, человечество попросту обманули и предали. Возникшая Лига фактически представляла собой симулятор, высмеивающий и развеивающий первое более или менее серьезное желание объединиться.

Но что еще, кроме этого, в те времена возможно было создать? Если Вильсон, как тогда казалось, воплощал бесформенные устремления человечества, то не может быть никаких сомнений в том, что он произвел впечатление на политиков, с которыми ему приходилось иметь дело, как глубоко неискренний провидец. С ним и поступили соответствующим образом. Единственным способом добиться чего-либо реального, чем эта бесполезная Лига, явилось бы революционное обращение к измученным войной народам с призывом сбросить с себя гнет национальных правительств. Если бы Вильсон сказал это в 1918 году, возможно, за ним и пошли бы. Настало бы время Всемирного государства, и это веяние докатилось бы до самых отделенных уголков планеты.

Но он не был человеком, способным это сделать. У него отсутствовала в достаточной степени сила воображения. Он не обладал смелостью по отношению к правительствам. Ему была присуща обычная манера политика использовать великие предложения как средство достичь малые цели. Будь он посмелее и величественнее, мог бы потерпеть неудачу и даже погибнуть. На деле же он все равно потерпел неудачу и погиб. Более смелая заявка на мировое единство могла бы навсегда поставить перед человечеством настоящий результат и сократить Эпоху разочарования на многие десятилетия.

Что он сделал, так это немедленно собрал урожай народных аплодисментов и представил человеческой надежде застывшее в самоутверждении белое лицо, кланяясь из роскошных экипажей и украшенных балконов, а затем с серьезным видом удалился на секретную конференцию с дипломатами и политиками старого порядка и, наконец, почтил своим присутствием Лигу Наций, которая ничего не начинала и ничего не заканчивала и ушла с исторической сцены всего через пару

десятилетий.

Все потому, что Лига создавалась не для того, чтобы положить конец суверенитетам, а для того, чтобы их сохранить. Оговаривалось, что чрезвычайно плохо продуманные границы должны гарантироваться Лигой НАВСЕГДА. Германию и ее союзников наказали так же жестко, как в свое время римляне наказали Карфаген после катастрофы при Заме. Сама система наказаний делала дефолт в Германии вопросом времени. У победителей на руках имелось вечное оправдание унижению побежденных. Это не являлось урегулированием, это было перманентное наказание. Немцы должны были стать перед завоевателями кающимися илотами¹. Целые поколения должны были родиться и умереть в долгах. Для обеспечения безопасности этого соглашения Германию следовало эффективно разоружить и сохранить ее разоруженной.

Единственной идеей французов была «*Delenda est Germanica*»² (см. исследование Морриса Хенбейна о Пертинаксе³, 1939). Представители других союзников собрались в Париже и среди мстительных воспоминаний Версаля с превеликим удовольствием согласились реализовать карательную концепцию своей задачи. Это была самая простая концепция, которая ставила сотни трудных вопросов на второстепенное место. Людям с плохим воображением всегда казалось, что гораздо проще засунуть вещи обратно в шкаф, нежели нести их куда-то дальше. Если французы опасались возрождения германских армий, то англичане — возрождения германского флота и немецкой промышленной конкуренции. Италия и Япония искали компенсацию в других сферах. Их вполне устраивало, что составлявшие основу континента немецко-говорящие народы разделены и низведены до вассалитета. Устаревшая форма идей Вильсона привела к еще более пагубным последствиям, которые выражались в увеличении количества суверенных правительств в и без того слишком компактной европейской зоне. Введенный в заблуждение неясными намеками на единство, воплощенное в Лиге, Вильсон с готовностью взялся за реконструкцию карты Европы по строго национальным линиям. Восстановилась польская нация. Наша история уже изучала три раздела этой страны в XVIII веке. Этот большой регион Центральной равнины в независимом состоянии

¹**Илоты** — земледельцы в древней Спарте, которые по социальному положению находились чуть выше рабов (*Прим. переводчика*).

²**Delenda est Germanica** («Германия должна быть разрушена») — отсылка к знаменитой фразе римского политического деятеля Марка Понция Катона Старшего «*Carthago delenda est*» («Карфаген должен быть разрушен») (*Прим. переводчика*).

³**Пертинакс** — римский император, правивший всего 87 дней (193 год). Его особенностью являлось то, что он был сыном вольноотпущенника, то есть бывшего раба (*Прим. переводчика*).

становился все более неудобным для развития торговли и коммерции в Европе. То есть против Польши боролась сама география. Это был свободный союз аристократов-индивидуалистов, доминировавших над крестьянством. Польшу с необыкновенной жестокостью поделили между собой Россия, Пруссия и Австрия. После Наполеоновских войн романтическая легенда об этом потерянном королевстве завладела чувствами французов, англичан и американцев. Дворян вместе с крепостными распределили по соседним государствам. Поляки преобразились в деликатный, храбрый и в целом замечательный народ; народ с душой, разорванной на части и растоптанной сытыми и обутыми угнетателями. Восстановление Польши — чрезмерное восстановление Польши — являлось одним из самых ярких и амбициозных устремлений президента Вильсона.

Польшу восстановили. Казалось, что великодушный народ, вышедший из ста двадцати лет порабощения, оправдывал симпатии и надежды мирового либерализма, но появилось узко патриотическое правительство, которое принялось воплощать агрессивную, мстительную и безжалостную диктатуру. Оно изошренно преследовало несчастные этнические меньшинства (около трети всего населения), попавшие в сети слишком широкого пространства. Настоящая Польша прошлого — это склонный к набегам, агрессивный народ, в свое время доходивший до стен московского Кремля. Она не изменила свою природу. Отошел к Польше литовский город Вильно, ее юго-восточная граница продвинулась далеко вперед в Галиции. С украинцами, принимавшими участие в освобождении Польши, поляки обращались еще более жестоко, чем ранее с поляками — бывшие угнетатели. В 1932 году треть бюджета этой новой воинствующей державы уходила на вооружение.¹

Вернули на карту не только Польшу. После тщательного изучения исторических традиций вернули к жизни целый ряд суверенных держав: Чехословакия, Югославия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, ослабленная Венгрия и расширенная Румыния. Все эти новые страны усложняли проблемы человечества своими суверенными свободами, амбициями, военными действиями, союзами и конфронтацией, пониманием и непониманием, открытыми и секретными договорами, таможенными тарифами, торговыми войнами и тому подобным. Россию исключили из первой попытки создания Всемирного парламента, потому что она отказалась выплачивать огромные долги царского правительства. Это всегда вызывало серьезную озабоченность со стороны западных кредиторов. Ну и, наконец, самый странный факт во всей этой очень странной истории — Соединенные Штаты, Всемирный арбитр и

¹ Вильно — ныне Вильнюс (*Прим. переводчика*).

Восстановитель наций, не стали вступать в Лигу, потому что упрямая решимость президента Вильсона монополизировать бессмертную славу Спасения мира для себя и своей партии оттолкнула большинство сенаторов.

После нескольких неудачных попыток достигнуть компромисса сенат полностью отверг Соглашение Лиги, от мировых дел умыл руки, и президент вместо того, чтобы навсегда остаться в людской памяти Князем Вечного мира и Чуда веков, быстро уменьшился до обычных человеческих размеров. Вскоре он умер сломленным и беспредельно разочарованным. Подобно Форду, Соединенные Штаты вернулись к нормальному бизнесу, к отчетам о прибылях и убытках, а европейцы остались с именем Вильсона во всех городах, на улицах, проспектах, железнодорожных вокзалах, парках и площадях, извлекая из всего этого выхолощенную Лигу, которую американский президент оставил опустошенной войной и обедневшей Европе.

Россию и Германию не стали включать в Лигу, потому что их народы сочли Плохими. При этом китайцев и японцев включили как бы само собой. По-видимому, предполагалось, что они были «просто товарищами» по универсальному образцу Вестфальского договора¹. Европейский мир имел скромное представление о ментальных процессах этих древних отдаленных сообществ. Более того, вряд ли европейские государственные деятели понимали, что политические процессы основываются на образе мышления. После нескольких лет многочисленных затруднений Лига, наконец, создала Комитет интеллектуального сотрудничества, но, насколько сегодня можно судить о его деятельности, он касался преимущественно дилетантского интеллектуализма; нет никаких указаний на то, что он когда-либо интересовался Лигой как идеей.

Учитывая последующие события, было бы неплохо, если бы Лига Наций совершила харакири после отказа участвовать со стороны Сената СЕГА. Осознав свою неспособность стабилизировать планету, европейские державы могли бы приступить к организации Лиги примирения и сотрудничества в рамках европейского пространства. Полная неспособность Лиги контролировать или даже в некоторой степени менять внешнюю политику Японии (хотя бы по образцу европейских договоров XIX века) в итоге оказалась решающим фактором, вследствие чего все скатилось к банальным комментариям по текущим делам.

¹ Вестфальский договор (1648) — положил конец Тридцатилетней войне и начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Главы независимых государств Европы, имевшие титулы королей, уравнивались в правах с императором Священной Римской империи (*Прим. переводчика*).

Любопытно, что по мере того, как авторитет снижался, смелость и острота докладов, напротив, возрастали. Некоторые из наиболее поздних являются замечательными историческими документами. Постепенно правительства государств-членов свернули субсидирование, и секретариат превратился в ничто. Как и Гаагский трибунал, Лига прекратила свое существование до или во время Голодных Пятидесятых¹. После первой Польской войны о ней уже не упоминают, хотя ее официальные здания оставались нетронутыми вплоть до 1965 года, а в 1968 году и в течение нескольких лет позднее они использовались в качестве вспомогательных офисов западным отделением Транспортного союза.

Наложение огромных контрибуций на Германию явилось фактически единственной частью Версальского соглашения, которая касалась непосредственно финансовой и экономической сферы деятельности. Сегодня это представляется нам элементарным, но тогда версальские политики допустили вполне естественное для своего времени упущение. Политическая жизнь все еще глубоко погружалась в старую военизированную традицию, все еще концентрировалась на границах и стратегических преимуществах; и она оказалась чрезвычайно невинной перед лицом экономических реалий. Требующие экономического объединения могучие силы, как мы убедительно показали, являлись настоящими причинами Великой войны, но в Версале их проигнорировали, словно их никогда и не существовало.

Только один выдающийся голос, голос британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса («Экономические последствия мира», 1919) слышался, как знак протеста против нелепого нарушения кредитных и торговых отношений, связанного с выплатой репараций. Не появлялись договоренности о ликвидации долгов, накопленных союзниками ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА (!), не прослеживалось никакой экономической параллели с политической Лигой Наций. Никакого контроля над экономической войной даже не предполагалось. Американцы, включая Вильсона, все еще находились в стадии финансового индивидуализма; они считали, что зарабатывание денег — это забота определенной головы в рамках закона. Между тем, американская концепция права скорее представляла собой заслуживающие внимания препятствия, нежели эффективные барьеры для просвещенного эгоизма. Тогдашней формой взаимного развлечения являлась партия в покер, поэтому большие люди не нашли ничего слишком враждебного в том, чтобы рассестись и немного поиграть в эту азартную карточную игру. Главными противниками оказались вчерашние союзники и, соответственно,

¹ Таким образом, получается, что автор не только предсказал развал Лиги Наций вследствие своей полной функциональной несостоятельности, но и почти не промахнулся со сроками (*Прим. переводчика*).

победители в Великой войне. Поскольку все три игрока представляли собой метрополии крупнейших империй, играть приходилось на золото и кредиты по всему миру.

В течение третьего десятилетия XX века коллективный разум человечества начал постепенно осознавать, что Версальский договор не положил конец войне. Он прекратил кровопролитие, но лишь для того, чтобы развернуть более субтильную и в конечном счете более разрушительную фазу в традиционной борьбе между суверенными государствами. Само существование независимых суверенных государств — это война, белая или красная, но сложное неправильное образование ослепило мир, не позволяя в полной мере осознать этот элементарный факт. Народы побежденных наций тяжело страдали от смутного чувства, что Договор глубоко несправедлив по своей сути. Их заставили его подписать и тем самым признать себя правонарушителями, привлеченными к ответственности. Вполне естественно, что их вдохновляла плохо скрываемая решимость пересмотреть, обойти или проигнорировать его положения при первой же возможности. Вместе с тем, державы-победительницы сознавали, что не только унизили своих побежденных врагов, но и поставили в крайне невыгодное положение. Мысль о реванше в равной степени присутствовала поэтому и у победителей, и вместо того, чтобы разоружаться, как это вынуждены были сделать немцы, они нарушили обязательства по Договору; сохранили и увеличили свои военные учреждения.

Оружейные фирмы и подвластные им газеты, естественно, делали все возможное, чтобы усилить это упорство в вооруженной «безопасности». Любое желание французской общественности, скажем, как-то ограничить стремительно возрождающуюся гонку вооружений незамедлительно пресекалось рассказами о секретных арсеналах и таких же секретных учениях в Германии. Патриотические силы во Франции не только поддерживали ее чрезмерно вооруженной против поверженного врага, но и вели тонкую безжалостную финансовую войну, которая, наряду с американскими дипломатическими играми, подавляла любые германские попытки восстановиться социально и экономически.

Более того, державы-победительницы, посчитав, что с их бывшими противниками окончательно покончено, откровенно и в полном соответствии с традициями суверенной государственной системы, занялись первостепенной задачей одолеть бывших союзников при разделе трофеев. Их так называемые союзы не вызывали чувства общности. Не прошло и года после подписания Версальского мирного договора, когда в Малой Азии развернулись ожесточенные бои между греками и турками. Греков поддержали англичане; французы и итальянцы — турок. Война завершилась катастрофическим разгромом греков и сожжением города Смирна¹. Последнее обернулось страшной резней; над женщинами

надругались, мужчин и мальчиков грабили, кастрировали или вовсе убивали. Все, кроме турецкого квартала, было разграблено и сожжено. Набережные пылающего города заполнились толпами, охваченными ужасом. Люди в отчаянии пытались ускользнуть на каком-нибудь корабле, прежде чем на них нападут, ограбят, убьют или просто толкнут в воду.

Незадолго до этого турки изгнали французов из древней провинции Киликия и продолжили уничтожать армян; народ столь же древний, как и хетты. Великая война закончилась, но армянам от этого было мало проку, поскольку на них по-прежнему шли с огнем и мечом. Турки убили более двух миллионов.

После Великого мира боевые действия продолжались. На севере и юге России, в Восточной Сибири. Китай стал добычей для полчищ мародеров. Польша захватила Вильно, вторглась в восточную Галицию и сражалась с Россией на Украине, а патриотически настроенные итальянцы изгнали смешанный союзнический гарнизон из Фиуме.

На юго-востоке России разразился настолько страшный голод, что его последствия не смогли смягчить ни Америка, ни Европа². Всегда до войны голод в любой части света поднимал благотворительный дух в англосаксонском сообществе. Но теперь филантропии заметно поубавилось. В Америке старые обычаи постепенно отмирали. В Британии их вовсе не осталось.

Вот к чему привела Версальская конференция!

Теперь настала пора прояснить несколько деталей Договора. Отнятый у турок Константинополь удерживался смешанными силами союзников вплоть до 1923 года. После резни в Смирне и воинственной дипломатической перепалки с англичанами Второй Рим вернули Турции.

Определяя границы новых и пересмотренных государств европейского лоскутного одеяла, экономическим здравым смыслом победители пренебрегли практически полностью. Так, например, крестьяне оказались отрезанными от зимних и летних пастбищ, а также от рыночных городов. Крупные литейные и химико-металлургические заводы — в одной стране, а месторождения и руды — в другой. Обезглавили Вену — финансовый и деловой центр всей Юго-Восточной Европы. Но самым невероятным и

¹ Автор скромно умалчивает, что сначала турки несли катастрофические поражения, сдали Константинополь и откатились в Малую Азию. Перелом в войне наступил благодаря всеобъемлющей военной и финансовой помощи со стороны Советской России, которая была крайне заинтересована в свободном проходе своих транспортных судов через Босфор (*Прим. переводчика*).

² ДОВОЛЬНО любопытная формулировка, обусловленная, по-видимому, упорным нежеланием англосаксонского мира воспринимать Сибирь частью России. В данном случае под «юго-востоком России» явно подразумевается Поволжье (*Прим. переводчика*).

катастрофическим безумием Версаля явилось создание свободного города Данцига и того, что стало называться Польским коридором¹.

Теперь проиллюстрируем Конференцию в ее худшем проявлении. В большей степени, чем когда-либо, возобладала простая романтическая идея, что все немцы Плохие; следовательно, всех, кто им противостоит, автоматически следует воспринимать Хорошими. По такой логике поляки попадали под вторую категорию; соответственно, их выбрали в качестве союзников, и они находились под особой американской защитой. Америка пришла, чтобы свергнуть сильных, а смиренных и кротких возвысить. Подразумевалось, что голодные и страждущие наполнятся добром, а богатые, некогда богатые, уйдут обездоленными. Нырять в ад, Германия должна была поднять глаза и увидеть Польшу, подобную Лазарю воскресшую на груди у Вудро Вильсона. Хорошие поляки не только обрели власть над украинцами, белорусами, евреями (которых особенно ненавидели), литовцами и немцами, но и получили важную часть для экономического развития — «выход к морю».

На этом аспекте президент Вильсон особенно настаивал. Швейцария преуспела в довоенной Европе без выхода к морю, но это была совсем другая история. Основная сложность заключалась в том, что никакими этническими красками на карте не указывалось, что Польша может и должна граничить с морем. Пояс померанцев и немцев тянулся через устье Вислы. Польша сильно нуждалась именно в этой транспортной артерии, чтобы вести полноценную торговлю с соседями. Путь для достижения этой задачи виделся довольно простым. В устье Вислы стоял полностью немецкий город — Данциг. Но, будучи немецким, он процветал именно как польская торговая точка. По большому счету польскому импорту и экспорту ничего мешало. Это был древний, честный, чистый и процветающий город. Девяносто шесть процентов его жителей являлись немцами.

Именно на эту ситуацию и обратила внимание Версальская конференция, вдохновленная волшебной фразой «выход к морю». Даже глубокое убеждение победителей в том, что хороших немцев не бывает, не могло оправдать передачу Данцига под власть Польши. Победители отделили его от Германии и превратили в «свободный город», а к западу добились «выхода к морю» для польского государства, как и задумывал Вильсон. Соответственно, Польша получила широкую полосу Померании (данная территория фактически превратилась в «Коридор» разногласий).

У поляков не было порта, сравнимого с Данцигом, поэтому они

² **Данциг** (ныне Гданьск) стал основным требованием нацистской Германии накануне вторжения в Польшу в сентябре 1939 года, что и явилось фактическим началом Второй мировой войны. То есть в данном случае мы имеем дело с еще одним паразитально точным прогнозом Герберта Уэллса (*Прим. переводчика*).

вознамерились создать немцам соперника в Гдыне, который должен быть чисто польским и который в конечном итоге выдавит немецких торговцев из Данцига.

А для того, чтобы воды Вислы оставались чистыми и сладкими для поляков, насколько позволяло существование Данцига в устье, миротворцы провели границу между Польшей и Восточной Пруссией не обычным способом на середине реки, а на небольшом удалении от прусского берега (*Jacques Kayser, La Paix en Peril*, 1931; «Исторические документы», 711 711). Восточно-Германское население — крестьяне-земледельцы, рыбаки, пастухи со своими стадами, которым нужно ходить на водопой, — остановилось перед линией пограничных постов и польской винтовкой в пределах видимости реки. Более того, эта восточная страна была плоской и низменной, и до сих пор от наводнений и возврата к болотным условиям ее защищала линия дамб. Теперь же граница пересекала эту линию пять раз, и поскольку поляки не проявляли никакого интереса к этим сооружениям, те быстро вышли из строя. Города Гарнзе и Бишофсведер оказались отрезанными границей от собственных железнодорожных станций.

Но не станем слишком углубляться в детали этого возмутительного урегулирования. Максимум обоснованного раздражения вызывал своей абсурдностью сам Коридор. Грузы курсировали между востоком и западом, параллельно им проходили железнодорожные ветки. Движение между севером и югом осуществлялось через Данциг вдоль великой реки. Теперь поляки решили перекрыть оба потока с тем, чтобы избежать Данцига. Каждый немец, направлявшийся на восток или запад, подвергался ряду пограничных досмотров, вынужден был осуществлять тарифные платежи, и вообще его всячески задерживали по времени. Еще и окна курьерского поезда, проходящего через Коридор, требовалось закрывать. Отрезанный от торговли с Германией, Данциг обнаружил, что его польский бизнес перенаправляется в Гдыню. Туда же потек французский капитал. В частности, французы вложили средства в строительство новой южной железной дороги.

Унижение Данцига не могло не отразиться на немецком самосознании. Коридор волновал немцев, как ничто другое. Это стало доминирующей политической проблемой. Открылись кровоточащие раны в Верхней Силезии и Сааре. Воспоминания и обиды копились в Берлине и Вене.

После подписания Версальского договора Польский коридор являлся, безусловно, самым опасным фактором в европейской политической ситуации. По сути, само наличие этого коридора делало смешными любые попытки разоружения. Загипнотизированное и бессильное европейское государственное управление направилось прямо к возобновлению войны. Фаталистическое отношение к войне как к чему-

то по-настоящему ужасному, но неизбежному, что среди европейских политических деятелей было подмечено еще до 1914 года, вновь проявилось и распространилось.

Начало складываться впечатление, что история повторяется. Никто не предлагал ничего конкретного. Политики избегали произносить речи, которые могли бы показаться спорными, непатриотичными или способными нанести ущерб заинтересованным державам.

Глава 11

ИМПУЛЬС ОТМЕНИТЬ ВОЙНУ: ПОЧЕМУ ЛИГЕ НАЦИЙ НЕ УДАЛОСЬ УСПОКОИТЬ МИР

Прежде чем мы полностью покинем мрачного идеалиста Вудро Вильсона, чьи усилия оказались напрасными, обратим внимание обучающихся на главные факторы его неудачи. Недостатки его личности не должны отвлекать нас от тщетности его амбиций. Эгоизм и карательное отношение к Центральным державам ярко подчеркивали тот дефект, благодаря которому любая межгосударственная структура была обречена на провал. Для надежной работы мировой системы попросту не существовало должной умственной подготовки. Для поддержания планетарной структуры требовалась крепкая идеология, а ее не было вовсе. Мировое государство в современном виде еще только смутно кем-то задумывалось. О тщательной разработке еще не могло идти речи. Лига оказалась самой поспешной из импровизаций.

Потребовалась жизненная энергия де Винда и его соратников, о чем мы сейчас и расскажем. Хаос суверенных государств можно было заменить только путем развития и применения социальной психологии. Вильсон, вероятно, наивно полагал, что сможет, встретившись с

несколькими близкими по духу людьми, написать рецепт эффективного человеческого единства. О гигантских масштабах, сложности и глубине стоящей перед ним задачи он, похоже, имел самое поверхностное представление. Он попытался подлатать изношенную систему и выдать ее за что-то новое. У него отсутствовали планы реконструкции денежной системы, всестороннего развития социализма и революционных изменений в области образования, а ведь только после этого можно было начинать думать о переустройстве мира и безопасности человечества. Да, он был слеп, но, похоже, именно он опередил общую мысль своего века.

Преждевременная и неэффективная Лига являлась скорее препятствием, нежели помощью в достижении мира во всем мире; по сути, почти непреодолимым барьером. Эта организация не позволяла людям свободно размышлять об истинном происхождении основных трудностей. Организации благонамеренных людей, такие, например, как Союз британской лиги наций, стремились поддержать великое начинание, но и они в большей степени мешали, а не помогали. Они, вероятно, могли бы сказать, что это «лучше, чем ничего», хотя правильнее было бы сказать, что фальстарт хуже, чем ничего. В послевоенное десятилетие объем активной конструктивной мысли в общем представлении о мировой политике был необычайно мал. Только когда несостоятельность Лиги вышла за рамки самой очевидности, люди снова начали искать способ объединить мир.

Спустя полтора десятка лет Современное государственное движение все еще проявлялось в отрывочных попытках найти всесторонний набор общих формул для либеральных прогрессивных усилий. Пацифисты, коммунисты, социалисты и прочие «исты», по-прежнему были разобщены, не в полной мере и сбивчиво выражали человеческое недовольство и не могли объединиться ради взаимопонимания и сотрудничества. Большая часть их энергии растрачивалась впустую на бесполезные перепалки, взаимную подозрительность, мелкие пристрастные стычки. Только в середине века появилось крохотное тельце Современного государства, стройная пропаганда и образование.

Глава 12

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ И МОРАЛЬНЫЙ ДУХ ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ ВЕРСАЛЯ

Беспрецедентные масштабы и разрушения Мировой войны, как мы уже отмечали, в значительной степени объяснялись гипертрофией мировой черной металлургии по сравнению с политическими и социальными концепциями. В первое «послевоенное» десятилетие страдания, вызванные непропорциональными событиями, начали проявляться в различных слабых местах слабо связанной ассоциации нашего вида. Война, с экономической точки зрения, являлась судорожным использованием избытка продукции, которую потребитель не успевал распределить и приобрести. Необходимость вести боевые действия и вмешательство в международную торговлю привели к значительному увеличению производственных мощностей во всем мире, и как только открытые военные печи перестали сжигать излишки, миллионы задействованных рабочих оказались вытеснены с рынка труда. Со временем это становилось совершенно очевидным. После войны не прекратилась подготовка к войне, несмотря на бесконечные разговоры о разоружении. Многие люди оставались при деле, боеприпасы не утилизировались и не уничтожались. Все это не могло выправить

ситуацию; только усугубить.

Кроме того, расширяющееся производство энергии сопровождалось сокращением распределительных механизмов, определяющих потребление. Чем эффективнее выпускалась продукция, тем меньше оставалось тех, кто получал зарплату. Чем меньше персонала, тем меньше потребителей. Чем меньше потребителей, тем меньше валовая покупательская способность акционеров и индивидуальных предпринимателей. Таким образом, она сократилась на обоих концах производственного процесса, и обычный инвестор пострадал вместе с получателем зарплаты. Это был так называемый «Парадокс перепроизводства», который очень сильно беспокоил писателей и журналистов третьего десятилетия XX века.

Сегодня сам собой возникает вопрос: «Почему они не приспособились?». Но давайте спросим себя: «А кому там было приспособливаться?». Сейчас на нас работают современная надстройка прикладной экономической науки, бюро Дэвида Любина и Совет генеральных директоров. В нашем распоряжении — обширнейшие архивы, сотни тысяч специальных станций и наблюдателей, направляющих, корректирующих, распределяющих. А в те времена ничего этого еще не существовало. Корректировку возложили на плечи слепых и скверно организованных сотрудников. Безусловно, человечество было заинтересовано в том, чтобы процветать, но никто фактически не стремился заниматься удержанием общественных дел в рамках процветания. Возникла необходимость пересмотреть свободы предпринимательства, но предприимчивые люди, контролировавшие мировую политику, разумеется, отнюдь не торопились с ними расставаться.

Одновременно с гипертрофией производственной деятельности наблюдалась гипертрофия банковской и финансовой организации. Тем не менее, это была вялая гипертрофия, как результат расширения материального производства, а не компенсаторного и контролирующего развития.

Сегодня нам ясно, что распределение общего мирового продукта является средоточием социальной справедливости и политики. Его следует рассматривать в свете общественной критики и на основании тех или иных нужд. Нам сложно понять отношение людей XX века к этим аспектам. Мы не можем доверить эффективный контроль над судами и образовательными учреждениями частным рукам, потому что они тяготеют к извлечению прибыли. Но люди в 1935 году ничего подобного не осознавали. Этот урок человечеству еще только предстояло усвоить.

Состояние дел в банковской сфере образца начала XX века сегодня представляется настолько невероятным, что оно стало одной из самых привлекательных и плодотворных областей для тех, кто изучает

историческую психологию. Система превратилась в запутанный клубок. Она развивалась, но не в рамках какой-либо отчетливой структуры. Поразительно, но не предпринималось даже попыток спрогнозировать, куда все это в конечном итоге приведет. Люди пробовали и то, и это, но не делились друг с другом получаемыми результатами. Важнейшее значение в системе стали приобретать резервы, но необходимость публичности в данных вопросах не воспринималась понятной. Фундаментальные решения, влияющие как на покупательскую способность простых людей, так и на кредитование промышленных предприятий, принимались в тайне. Торговые и трудовые взаимоотношения ограничивались или стимулировались также в обстановке секретности. В школах и университетах этому вообще никак не обучали. Право частного предпринимательства и неприкосновенность частной собственности уважались как Церквями, так и судами. При этом простые люди либо нанимались на работу, либо лишались ее. У человека появлялись накопления, и он не бедствовал, а потом он их лишался. Но никто не мог внятно объяснить, по каким именно причинам так происходит. В отличие от нас, наши предшественники не обладали четкими знаниями об экономических законах. Странные Таинственные Люди высматривали в тумане уверток и лживых заявлений возможности манипулировать ценами и биржами.

Одним из самых выдающихся Таинственных Людей являлся Монтегю Норман, управляющий Банком Англии с 1920 по 1935 год¹. Наименее уважаемая фигура во всей истории, о Нормане накопилось множество легенд. По правде говоря, единственной заслуживающей внимания загадкой в этом человеке был его загадочный внешний вид. На портрете изображен стройный бородатый мужчина, одетый скорее, как преуспевающий художник или музыкант, чем как обычный банкир своего времени. Монтегю Норман слыл застенчивым; по тогдашней фразеологии «очаровательным». Он возбуждал общественное воображение привычкой путешествовать под вымышленными именами и появляться в самых неожиданных местах. Почему он это делал, нынче никто не знает. Возможно, только ради забавы. Он давал показания при расследовании финансовой деятельности в 1930 году (проводилось Комитетом Макмиллана с целью выявления коренных причин экономической депрессии). Из его задокументированного выступления становится ясно, что его образование являлось совершенно недостаточным для того вида деятельности, которым он занимался. Его высказывания относительно социальных и экономических процессов сегодня не признает адекватными даже самый обыкновенный гражданин.

¹ В реальности Монтегю Норман управлял Банком Англии до 1944 года. (Прим., переводчика).

Находясь на очень ответственной должности, Норман не обладал достаточной квалификацией. Он пользовался некоторым практическим опытом, приобретенным в процессе сотрудничества с различными частными банковскими фирмами до того, как поступил на службу в Банк Англии. Как нам сегодня известно, вышеуказанный опыт накапливался вместе с накоплением денежных средств, но обильная мзда ума ему не прибавляла. Ему был присущ извращенный разум, подверженный влиянию прибыльной банковской деятельности в ненормальных условиях. Тем не менее, какое-то время он считался «экспертом» почти магического качества. Во время потрясений послевоенного периода он был в состоянии навязывать договоренности, которые одних обогащали, а других обездоливали. Причем последние исчислялись миллионами едва ли не в каждой европейской стране.

Другой большой и крайне мутной финансовой силой в военный и послевоенный периоды являлся комплекс крупных частных банковских узлов, из которых «*Morgan and Co*» был наиболее типичным. Фирма вела бизнес в масштабах, которые затмевали многие правительства. Посредством предоставляемых кредитов она поддерживала или сметала режимы. Основатель, Джон Пирпонт Морган, представлял собой странное сочетание янки «джентльмена» и немецкого юнкера, чье врожденное стяжательство проявлялось в огромных коллекциях картин и предметов «искусства». Он умер накануне войны, но фраза, которую он использовал в споре с первым президентом Рузвельтом, позднее использовалась в качестве оружия против частного банковского мира.

«Рузвельт, — возмущался Морган, — хочет, чтобы у всех нас были стеклянные карманы».

Теперь второму президенту Рузвельту предстояло возродить это требование.

Ничто не могло лучше выдать склонность к теневым финансовым маневрам, чем эта фраза. Морган никогда не брезговал лицемерием. Таково было правило игры. Он не переставал настаивать на непрозрачных карманах, скрытых мотивах и пунктуальном выполнении сделки. Традиция пережила его самого, а фирма превратилась в кредитного спрута. Переплетающиеся сделки покрыли сетью паутины всю европейскую жизнь. Это происходило подобно тому, как живет паук. Никакого злого умысла, просто паук по своей природе не может по-другому. Наш современник вряд ли способен это понять. Детали каждой конкретной ситуации обычный исследователь сможет распутать лишь частично; к тому же на это уйдут многие месяцы изучения.

Взаимодействуя с такими таинственными системами, как в банковском мире, другие темные фигуры и группы, контролировавшие обширную промышленную деятельность, одержимо извращали общую покупательскую способность. В качестве самого наглядного примера

можно привести продавца оружием Бэзила Захарофф. Ивар Крюгер создал всемирную систему монополий, предоставлял огромные суммы правительствам и, наконец, был пойман на подделке крупных пакетов облигаций. Затем он инсценировал самоубийство в Париже¹, чтобы избежать наказания за мошенничество (Мы должны помнить, что в то время спички, которые сегодня можно увидеть разве что только в музеях, в то время потреблялись миллиардами. Другого способа добыть огонь в бытовых условиях не существовало. Производство и распространение спичек фактически сконцентрировалось в одних руках). В отличие от Моргана, Крюгер не являлся человеком стяжательского типа. Он не копил и не собирал. Ничего не хранил, щедро строил и раздавал деньги на научные исследования (например, открытие Пекинского человека, памятное событие в ранней археологии, стало возможным благодаря пожертвованиям Ивара Крюгера). Морган играл на опережение и накапливал; Крюгер грабил и отдавал. Часть своих доходов Морган потратил на приобретение «Старых мастеров», бесспорно подлинные и ценные рукописи. Крюгер тратил доверенные ему деньги в несколько ином ключе. Проводил необычные эксперименты в декоративном искусстве, электрическом освещении и строительстве футуристических зданий. Но и тот, и другой действовали бесконтрольно. Финансовый механизм того времени работал по настолько непонятному алгоритму, что Крюгер заимел возможность выдавать за подлинный целый пакет поддельных итальянских облигаций на сумму около полумиллиона долларов и получать по ним авансы от уважаемых кредиторов. Сегодня такой трюк в один день обнаружило бы Бюро транзакций в ходе стандартной проверки. Но в наши дни никому и в голову не придет проворачивать подобного рода мошеннические схемы. Таинственные Люди и различные группы спекулянтов (например, Балканская банда) манипулировали обменом национальных валют Восточной Европы. На этих манипуляциях также наживались различные группы прихлебателей, чьи биографии можно отыскать в соответствующем словаре. Авантюристы всех мастей подстерегали добычу, оступившуюся в финансовом тумане. Они отличались кипучей энергией и проявляли удивительную активность, но и они были слепы в отношении последствий своей деятельности. Они были подобны кротам. Рыли, но ничего перед собой не видели.

В финансовых документах того времени, когда движение золота имело важное значение для ценообразования и кредитной политики, можно увидеть такие заголовки, как «Неизвестный покупатель взял два миллиона

¹ В деле о самоубийстве Крюгера, действительно, возникло множество вопросов. Однако, тело было идентифицировано, как принадлежавшее Крюгеру (*Прим. переводчика*).

золотом» или даже более расплывчато «Золото приобретено неизвестным покупателем». Тогда все мелкие манипуляторы с деньгами принялись высматривать, шпионить, догадываться и подстраивать свой бизнес под возможный сдвиг равновесия, который мог предсказать тот или иной смутный намек.

Другими Таинственными Людьми, или точнее, Таинственными Людьми вне офиса, являлись министры финансов. Наиболее типичным, пожалуй, следует назвать британского канцлера казначейства. Каждый год велось множество перешептываний, намеков, подглядываний и подсчетов в стремлении предугадать ход выстраивания государственного бюджета и корректировки налогообложения на следующие двенадцать месяцев. Предстояло выполнить арифметическую мистерию под названием «сбалансированность бюджета». По мере того, как приближалось великое откровение, бизнес приостанавливался, а страховые операции, напротив, множились. И все из-за намеренной утайки объективной информации. Жена, семья, родственники и секретари Человека Судьбы ощущали себя приближенными пророка с ослепительной значимостью. И вот, наконец, наступал тот великий день. Законодательный орган собирался с необычайной силой, взволнованный и наполненный любопытством. Знахарь занимал свое место в Палате общин, затем величественно поднимался и начинал «Бюджетную речь».

Ни одна из бюджетных речей не обходилась без «сюрпризов». Может ли что-нибудь более ярко свидетельствовать о хаотической небрежности XX века? Все могло облагаться налогом, и все могло от налогов освободиться. То есть налоговую нагрузку можно было смещать в любом направлении и в любых объемах. В экономической темноте такой произвол никому не казался существенно важным. Сложно объяснить, как система могла шататься так долго. Это настоящее чудо!

Такое положение дел сегодня кажется совершенно невероятным или даже фантастичным. Это как если бы трансатлантический лайнер мчался через океан с ярко освещенными палубами и каютами, в барах и салонах всюду веселились, а внизу с основными механизмами явно что-то не в порядке. Никаких приспособлений для освещения. Либо горит случайная спичка, либо тускло светит изношенный электрический фонарь; либо вообще тьма. Люди работали без бригадира. Да что там без бригадира? Вообще без указаний. Но рукояти двигаются, валы скользят.

Как только закончились боевые действия, то есть с 1918 года, стало очевидно, что машина работает с серьезными перебоями. Экономическая история того времени — это история самых тревожных отклонений и колебаний. Каждое из них приводило к сбою. Каждое последующее — тяжелее предыдущего. В предвоенные годы колебания реальной стоимости разных валют также случались, но это были колебания в умеренных пределах. Подъем или падение происходили на протяжении

сравнительно длительного периода. После войны начались лихорадочные скачки. Ценовые изменения приобрели беспрецедентный размах. Валюты возвышались и разбивались подобно волнам в океане, и люди вдруг обнаружили, что солидный банковский вклад может обратиться в бесполезные бумажки за какие-нибудь считанные месяцы. Вести международную торговлю становилось все труднее из-за нарастающей неопределенности в платежах. Обрабатывающая промышленность внутри страны, не получая материал из-за границы, начинала задыхаться. Торговля и производство сворачивались в пагубной неопределенности. Это было похоже на землетрясение, когда одинаково небезопасно и стоять на месте, и бежать. Число безработных неуклонно увеличивалось. Экономические войны вынуждали нации прятаться за тарифами, манипуляциями с выдачей кредитов, отказами погашать задолженность, внезапными инфляциями и дефляциями, и никакая сила в мире, казалось, не могла привести к согласованности действий и остановке всей этой безумной экономической чехарды.

В середине XX века *Homo sapiens* оказались в самом странном положении. На планете существовало более здоровое и многочисленное население, чем когда-либо прежде. Оно уже не испытывало недостатка в доступных ресурсах, и по этой причине, как казалось, могло себе позволить полноценную и счастливую жизнь. То есть речь уже могла заходить об изобилии. Но во всеобщей разнообразной путанице наш род оказался не способен протянуть руку и взять это изобилие, хотя оно находилось в пределах досягаемости. Перелистывая периодические издания и литературу того времени, мы видим, что опасения и страдания только усиливались и углублялись. Умиравших на полях сражений Великой войны согревала вера в то, что новые поколения будут жить в мире и счастье. Оставшимся в живых обещали «дома, достойные героев». Но депрессия 1930 года и последующие события характеризовались невиданной жесткостью. Люди были разочарованы и сбиты с толку. Как выразился один современный писатель, они жили в «заколдованном мире».

Экономические последствия денежной дезорганизации не замедлили сказаться, но глубокое разрушение общественной морали проявилось далеко не сразу. До начала XX века мировая система поддерживалась общим достойным поведением простых людей, честностью и пунктуальностью клерков, а также рабочих любой квалификации и торговцев. Общая безопасность зависела от обычного приличного поведения на улице и в сельской местности. Но простой человек вел себя хорошо не просто так. Он верил, что его жалованье в безопасности. В нем присутствовала, хоть и мизерная, но уверенность в завтрашнем дне, в определенном комфорте и относительно достойной жизни. Он представлял собой неявную сделку между собой и обществом. Она

предоставляла ему работу в обмен на почитание законов и послушание. Общество гарантировало ему сохранность сбережений. И он предполагал, что правительство станет заботиться о стабильном состоянии денег. Он был хорошим мальчиком, потому что не боялся в любой момент быть ограбленным. В условиях нестабильной финансовой системы миллионы мужчин и женщин по всему миру спрашивали себя, а «стоит» ли быть трудолюбивым, умелым и законопослушным? После 1918 года доверие к социальной структуре неуклонно падало. Мир захлестнула волна уголовных преступлений.

Глава 13

1933 ГОД: «ПРОГРЕСС» ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

В первой трети XX века социальное развитие стало ощутимо замедляться. 1933 год закончился с тревожными предчувствиями. Это походило на холодную тишину, на бессловесное ожидание перед бурей. Колеса экономической жизни вращались неохотно и неуверенно. Миллионы безработных накапливались и становились все более очевидным вызовом и угрозой. По всему миру людские массы погружались в страдания и дефицит, граничащий с голодом. Но люди не предпринимали ничего действенного в знак протеста или борьбы. Повстанческий социализм таился и роптал в каждой крупной агломерации, но восстание само по себе не могло ничего исправить без конструктивных идей и следующих за ними сил и энергии. Репрессивный аппарат легко сдерживал народный гнев. Людские страдания поддерживались в состоянии застоя, а ярость — в бездействии.

Наступал упадок во всех сферах жизни. Заметно ухудшилось состояние общественного здравоохранения. После 1933 года снижение устойчивости к инфекциям и рост детской смертности уже невозможно было скрывать.

Война явно приближалась. И в Восточной Азии, и в Восточной Европе.

Война медлила; то продвигалась, то останавливалась. Но никто по-прежнему не проявлял желания или способности для того, чтобы предотвратить ее неторопливое и прерывистое приближение.

Тем не менее, инерция старого порядка продолжала действовать. Под темнеющим небом большинство людей занимались своими делами в соответствии с привычками и обычаями. Убыточные отрасли промышленности продолжали сокращаться и сокращать штат. Владельцы магазинов теряли покупателя. Безработные по привычке выстраивались в очередь на бирже труда, и некоторые даже трудоустраивались. Агент арендодателя теперь требовал предоплату. Голодные дети нищих родителей продолжали ходить в школу, где их чему-то обучали унылые учителя с пониженной зарплатой. Но учебные заведения при этом не закрывались. Доведенные до банкротства железные дороги и пароходные линии предоставляли уменьшенные, но пунктуальные услуги. Гостиницы оставались открытыми не столько для получения прибыли, сколько для смягчения убытков. Дорожное движение растеряло новизну, элегантность и быстроту, но все еще текло. Толпы на улицах текли менее оживленно, но людей определенно стало больше. Полиция, хотя и менее бдительная, чем прежде, поддерживала относительный порядок.

После Версальского мира наметился строительный бум, но после 1930 года строительство стало увядать. Тем не менее, скажем, после пожаров дома активно восстанавливались. В 1935 и 1937 годах мир охватили эпидемии гриппа высочайшей вирулентности. Всеобщее снижение сопротивляемости человеческого организма, уже отмеченное статистикой, явилось логическим следствием возвращения к средневековым условиям. Врачи и медсестры продолжали оказывать обедненную медицинскую помощь, а фармацевты и гробовщики, объединившись, сколачивали крупные бизнес-направления. Прибыль лилась рекой.

Картины жизни в тени смерти во время этой фазы девитализации не слишком многочисленны, а то, что есть, плохо передает невыносимые страдания, в которых родилось, выросло и умерло целое поколение. Видны ряды полуразрушенных домов, убогие интерьеры, и бедно одетые мужчины и женщины. Описательная журналистика приближает нас к жизненным реалиям без пространства, цвета, движения, надежды и возможностей. В британских, американских и французских газетах рассказывалось о колесах, которые не крутятся, заводских воротах, которые не открываются, дымовых трубах, которые не дымят и ржавых рельсах. Вот так выглядели дела миллионов людей в эту странную фазу человеческого опыта. Вышеприведенную картину набросал один из лучших английских писателей, Х. М. Томлинсон (1873-1969), и назвал ее яркой современной виньеткой.

На прошлой неделе я заехал в маленький городок под Кардиффом. В

некотором роде, по чистой случайности. Раньше я никогда не слышал об этом месте. Городок типичен для этих долин, так что по большому счету не важно, как он называется. У него может быть много названий. Его население составляет или составляло около 6 000 человек. Местные и раньше сталкивались с серьезными проблемами; меньше двадцати лет назад разорвалась мина и убила более трехсот жителей. Мы не станем говорить, что город это пережил, потому что я говорил с теми, для кого бедствие — непреходящий ужас. Страшное поражение в борьбе с самим естеством, но выжившие вернулись к сражениям и больше об этом не говорили.

Когда я впервые увидел этот населенный пункт издалека среди унылых голых холмов, мне вспомнились когда-то знакомые города, что находились слишком близко к линии фронта во Франции. Полдень, солнечно, но этот угольный городок оставался тихим-тихим и казался околдованным.

Он и в самом деле находился под закланием. В каком-то смысле омертвел. Но люди продолжали цепляться за пустую оболочку. Было ли им куда пойти?

На первый взгляд, казалось, что люди там жить не могут. Здания в руинах. Ржавая колымага в яме, похоже, не ездил с начала времен. Котельная с щелями в почерневших стенах стала домом для летучих мышей и сов. Магазины не только закрыты, но и заброшены.

Первым человеком, которого я встретил, был изможденный мужчина средних лет в изношенной одежде.

— Что случилось с этим городом? — спросил я.

— Безработица.

— И вы тоже безработный?

— Конечно.

— Как долго?

Он вытянул пять пальцев.

— Месяцев?

— Лет.

— А остальные здешние мужчины?

— Большинство из них. И ничего не меняется.

Он повел меня к мусорной куче, где коза жевала бумагу, и я увидел шахту.

— Вот почему мы больше туда не спускаемся, — сказал он. — Ее закрыли.

Не знаю, по какой причине, но стальной пешеходный мост рухнул поперек железнодорожного полотна, ведущего к карьеру. Добытое больше нельзя было вывезти. Ремонтные работы проводить не стали, и вскоре все заросло травой. Заброшенные хозяйственные постройки быстро обветшали. Теперь они походили на привидения.

— Кое-кто, из тех, кого я знал, — пробормотал мой проводник, — предпочел остаться. Уже девятнадцать лет прошло. Может быть, кому-нибудь придет в голову назвать их счастливыми.

Пять лет назад из крупного угольного месторождения ушли две с половиной тысячи человек. Вот почему внутри пыль и солома. Многие деревянные строения разобраны на дрова. Даже ломбард, и тот закрыт. А в часовнях выбиты окна.

Хуже закрытых магазинов и разрушенных зданий смотрятся только люди в лохмотьях. Вялые и молчаливые жители все еще чего-то ждут.

Но чего именно? Здесь уже давно ничего не происходит и ничего не может произойти.

Сплошная обреченность. Родители наблюдают, как растут их дети; поколение с худыми ручками и мраком в головах. Дети познают медленную смерть вместо того, чтобы играть и радоваться. Дети без детства.

Их дома находятся на кладбище человеческих устремлений.

Пресса и литература того времени вызывают любопытство. Ощущаются какие-то мрачные колебания между неискренним оптимизмом и безнадежным отчаянием. Недостойная злоба и сарказм вторглись в популярное искусство и литературу; «сильные» скорее по манере и вкусу, нежели в понимании происходящего. Кроме того, обнаружилось обильное производство и потребление успокаивающих и нарочито «жизнерадостных» книг, движение в сторону религиозного мистицизма и потустороннего мира и заметная тенденция к репрессивному пуританству. Распушенность провоцировала разгул цензуры и суеверного подавления, что явилось прямым следствием утраты человеческого достоинства. Перед лицом финансовых и политических трудностей человечество становилось неврастеничным.

Любая неврастения, по-видимому, обладает труднообъяснимыми элементами. Нам сегодня кажется невероятным, что люди не видели выхода из своих бед. Людей охватила слепота и беспомощность, что до сих пор является обширнейшим предметом для изучения со стороны социальных психологов. С нашей точки зрения, путь был совершенно очевиден, и его нельзя было не разглядеть; тем более, что на него прямо указывали сотни талантливых наблюдателей еще в тридцатых годах XX века. Максвелл Браун в своей работе, посвященной изучению идеи Современного государства, привел два дополнительных тома цитат на эту тему. Например, такое выражение как «Космополис, инфляция и государственная занятость» (из статьи в британской провинциальной газете в 1932 году), в общих чертах достаточно внятно излагает концепцию выхода из тупика. Да, безусловно, это грубые и нечетко сформулированные термины, но в них заложена форма окончательной реконструкции. «Космополис» предвещал рациональный мировой

контроль. «Инфляция» представляла собой ясное свидетельство нынешней полной сдержанности в отношении увеличения долгов и ценовых колебаний. «Государственная занятость» — это концепция социалистического предпринимательства наших предков.

Но, прежде чем прийти к миру и свободе, следовало прийти к ясному пониманию средств достижения этой цели. Концепция революционного переустройства мира должна была распространиться от немногих ко многим, распространиться не просто как идея или предложение, а с такой силой, чтобы насытить умы и наполнить жизнь. Тогда, и только тогда, можно было собрать воедино необходимую силу воли и направить ее на эффективную реорганизацию земных дел.

В коллективном мозге должна была развернуться борьба за здравомыслие, великий отказ от ложных представлений, традиционных искажений, не подвергаемых критике догм и недостижимых «прав». Должно было произойти переосмысление идей о моральных, материальных и биологических отношениях. Эта борьба затронула три поколения. Перейдем же теперь к анализу факторов и решающих сил в этой борьбе.

Всего в Эпоху разочарования прожито от восьми до десяти миллиардов человеческих жизней. Люди в те времена жили гораздо меньше, чем сейчас, и чаще болели, потому что были гораздо в большей степени подвержены инфекционным заболеваниям. В подавляющем большинстве наши предки проживали в убогой и грязной обстановке, в хижинах, лачугах, многоквартирных домах и подвалах, почти таких же мрачных, как пещеры предков, а условия проживания были почти такими же антисанитарными. Меньшинству прислуживало большинство. Меньшинство жило в относительном комфорте и даже с определенной свободой и роскошью. Платило оно за них денежные суммы, недоступные для остальных. Это процветающее меньшинство сократилось после 1931 года. В России оно вовсе исчезло после 1917-го.

В последующие годы в мире уменьшилось чувство личной безопасности, зато изнуряющий страх и неуверенность в завтрашнем дне, наоборот, безмерно разрослись. Все это обернулось взаимным недоверием, подозрительностью, раздражением и незатухающими конфликтами. Лишь небольшая часть мирового населения дожидаясь спокойной старости на этой стадии тотальной деградации. Болезнь со смертельным исходом и насильственная смерть снова стали обычным делом. Одна из первых общих историй из когда-либо написанных называлась «Мученичество человека» (Уинвуд Рид, 1871). В Эпоху разочарования многим казалось, что всеобщее мученичество приближается к стадии безнадежной агонии.

И все же в адской суматохе не переставали звучать смех, сочувствие, готовность помочь и мужество. Беспокойные и болезненные жизни тесно

переплетались с ослепительно яркими нитями. Из этой мешанины человеческих страданий, из мечущихся человеческих мозгов, лени, самодовольства и сгущающейся тьмы сначала появилась надежда, затем широкий план и усилия и, наконец, достижение того плодотворного порядка, в котором собрались красота и счастливая уверенность сегодняшнего дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕЗАВТРА: ЭПОХА РАЗОЧАРОВАНИЙ

Глава 1

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ: КРАХ СТАРЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ; РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИКТАТУР И ФАШИЗМА

В предыдущих главах мы объяснили, как старый порядок XIX века, Капиталистическая система, как ее называли, потерпела крах во втором и третьем десятилетиях XX века из-за непропорционального развития промышленного производства, ненадежности и уязвимости денежных связей и политической непригодности. У этой системы отсутствовала врожденная способность к восстановлению или хотя бы к частичному преобразованию. По этой причине нам неизбежно придется продолжить свой рассказ о непрекращающихся катастрофах.

Механизмами для совместных действий, и то лишь с помощью разрозненных рывков, обладали только суверенные правительства. Большинство из них являлись либо парламентскими монархиями, либо парламентскими республиками. Парламенты избирались путем голосования. У кого больше голосов, тот и победил. Эту эпоху назвали Эпохой демократии. Однако демократия тогда не означала того, что она означает сейчас, то есть равные возможности для каждого человека в соответствии с его способностями и вкладом в коллективное дело. Это также не означало братского равенства в небольшой общине. По сути, речь шла политической профанации очень необычного толка. Дескать, каждый субъект государства в равной степени способен принимать любые коллективные решения.

Великие республики далекой древности — Карфагенская, Афинская, Римская — являлись преимущественно аристократическими. Демократическими республиками, то есть республиками, где человек участвует в управлении на равном основании со всеми остальными, вплоть до конца XVIII века являлись Ури, Унтервальден или Андорра, маленькие, бедные и расположенные в недоступных местах. Мир о них не знал. Их незначительные дела вполне укладывались в рамки понимания обычных граждан.

С Эпохой европейского господства наступил поворотный момент в человеческих устремлениях. В XV веке стали выпускать больше книг, и разгорелись дискуссии. Наступило и большое оживление, и замешательство. Разрушительная критика вероисповедания и послушания вырвалась на свободу, а высвобождение новых экономических сил привело к разрушению старого феодального порядка. Новые торговые принципы, финансовые условия и промышленное развитие создали новый тип людей, неуверенных в своих силах,

нуждающихся и требующих новых правил свободной игры. Они не знали точно, чего именно хотят. У них отсутствовало представление о структурной реформе человеческих отношений, несмотря на то что Платон обрисовал ее двумя тысячелетиями ранее. Его план создания обученного сословия правителей был им неизвестен, хотя многие пытались эту задумку возродить. Они просто как-то реагировали на изменяющиеся условия. Низшие слои перестали доверять и наследственной аристократии, и абсолютному монарху.

По сути, движение, развившее фразеологию демократии XIX века, представляло собой восстание против «рождения» и «привилегий», против монополизации власти и преимуществ наследственного класса в соответствии с догмами. Поскольку восставали энергичные и обиженные, скверно организованные интеллектуально и социально, на ранних стадиях движение приобрело форму борьбы за равные политические права для всех людей.

Радикалы XVI и XVII веков не выступали за правление общей массой, но они были враждебно настроены по отношению к правящим классам и верховным правителям. Новые люди составляли энергичное мятежное меньшинство, которое смогло пробудиться, насколько позволяли место и время, и потащить за собой апатичное большинство покорного человеческого стада. Таким стал характер демократических движений Эпохи европейского господства. Толпе полагалось стать требовательнее и решительнее. На этом пути ее постоянно подталкивали и пытались вести. Народные «лидеры» выделялись ярче, чем короли и священники. Из наследственных монархов разве что только Вильгельм Оранский и Фридрих Великий Прусский упоминаются чаще, чем Кромвель, Вольтер, Мирабо, Вашингтон, Гладстон, Робеспьер, Бонапарт и Маркс.

Позднее (например, в Англии, Америке, Скандинавии, Германии, Финляндии) точно так же меньшинство недовольных и агрессивно настроенных женщин, борющихся за равные права с мужчинами, навязали право голоса равнодушному большинству своего пола. Но на этом их достижения и закончились. Помимо сексуального оправдания женщины мало что могли внести в решение мировых проблем, и, по сути, ничего не внесли.

Исследования в области социальной психологии все еще только начинают раскрывать неясные процессы, благодаря которым вера в «демократию» стала на целое столетие господствующим убеждением практически всей Америки и большей части Европы. Часто даже у тех, кого в ту эпоху называли «Мыслителями», чувствовалась глубокая внутренняя неискренность. В глубине души такой «Мыслитель» боялся суровой реальности. Он инстинктивно приспособливал свою ересь к непреодолимым предрассудкам. Основной концепцией демократии являлась какая-то далекая, простая маленькая республика, где все люди

управляют делами кантона на народном собрании путем честных речей и одобрения. Все практически равны по богатству и власти. Все демократии Старого света, вплоть до Римской республики и включая ее, управлялись, по крайней мере чисто теоретически, такими собраниями всех граждан. Люди, как им представлялось, смотрели, слушали, говорили, и за этим якобы следовала всеобщая мудрость.

Этот извращенный идеал распространился на большие общины Нового света, пришедшие на смену феодальному порядку. Сопряженные с идеалом явные трудности и даже абсурдные явления привели к мистицизму в народе, который посчитал себя сувереном общины. Мистическая интерпретация принималась безо всякой оглядки на последствия под сильнейшим страхом, что тирания, ограничения и привилегии могут вернуться.

«Любой ценой мы не должны допустить, чтобы старые неравенства вернулись!» — говорили авантюристы нарождающегося капиталистического века.

Убежав от одного подчинения, люди поспешили к другому.

Изложенную Жаном-Жаком Руссо доктрину естественной добродетели человека сочли чрезвычайно полезной и эффективной. Простой человек, когда его не обманывает священник или король, всегда прав. В результат простолюдин стал мистическим существом, по сути, Богом, чей алтарь был суетой, а оракул — урной для голосования. Этот Бог Эпохи европейского господства двигался медленно и неуклюже. Мельничные жернова демократии крутились еле-еле, но люди пребывали в уверенности, что делают дело с максимальной точностью. Между тем все это нужно было постоянно как-то раскручивать и подогревать.

«Вы можете обманывать какое-то количество людей все время, — как-то заметил Авраам Линкольн, — или всех людей иногда, но вы не сможете обманывать всех и всегда».

То есть для таких важных целей, как развязывание войны или эксплуатация экономической ситуации, степень человеческой глупости следовало доводить до зашкаливающих пределов.

Это запоздалое и неизбежное божество оказалось теперь слишком тугодумным для насущных политических и экономических загадок, связанных с разорением и смертью, которые надвинулись на человечество в начале XX века. Опыт тщетных конференций по разоружению и экономических конференций 1932 и 1933 годов, массовое сопротивление в каждом законодательном органе любой внешнеполитической инициативе, кроме своей собственной, глубочайший эгоизм в урегулировании международных дел, неспособность всего мира установить какое-либо единодушие в действиях перед лицом надвигающегося экономического хаоса выявили окончательное банкротство парламентской демократии.

Неспособность номинальных мировых правителей избавиться от своей пожизненной привычки разговаривать со смутно представляемой толпой предвзятых избирателей, а также неистребимое отвращение власть предержащих к четким заявлениям сводили на нет все усилия по достижению реальных результатов. Правитель отшатывался от любого предложения, связанного с конкретными или обновленными действиями по предлогу того, что должностная функция является чисто представительной. За всем этим внимательный читатель раскусит тревожное расплывающееся присутствие Избирателя — бедного беспозвоночного божества, которое легко поддается панике и патриотической чепухе, бросается подавлять новые радикальные меры, проявляет одновременно и недоверие, и бессилие, и нападает на тех решительных людей, кому в иных обстоятельствах могло бы довериться. Совершенно безответственная, корыстолюбивая и пристрастная пресса играла на низменных эмоциях, на которых так легко было играть, и не зывала ни к разуму, ни к совести.

Необразованный Избиратель не видел Избирателя, за которым можно пойти. Искренних руководителей нигде не готовили. Вот чем объясняется полное бессилие всех этих кульминационных конференций что-либо изменить. Всемирная экономическая конференция в Лондоне являлась, безусловно, наиболее значимой. Вооружение и разоружение — это поверхностные симптомы, но основополагающее значение имеет экономическая жизнь. Это лондонское собрание стало предметом сотен исследований наших глубокоуважаемых социальных психологов. Даже сегодня многие его противоречия потрясают нас до глубины души. Надо признать, что собравшиеся превосходно умели шевелить мозгами. Во всяком случае, не хуже наших современников. Выдвинутые на Конференции проекты были тщательно изучены Мортонем Кэнби. Любопытно, что участники, судя по оставшимся документам, прекрасно понимали насущные потребности мирового сообщества, и все же коллективно из-за навязчивого парализующего давления со стороны массы избирателей и прессы, среди неисчислимых импульсов и мелких обид наделенные полномочиями люди достигли высочайшего уровня бессмысленности, намного превосходящего напыщенные ошибки Версаля.

В первую очередь Лондонская конференция представляла собой попытку исправить огромные упущения более ранней встречи. Предполагалось немного дополнить благонамеренное лоскутное одеяло Вильсона умеренной корректировкой денежных и экономических проблем. Сам же Вильсон, вероятно, оказался либо слишком ограничен, чтобы их предвидеть, либо слишком слаб, чтобы избежать. Призрачные концепции какой-то расплывчатой денежной Лиги Наций в Беле, а также какого-то Тарифного Совета и Ассамблеи проплывали в тумане

первого заседания. История с ее склонностью к неточным повторениям сотворила на второй всемирной ассамблее одну из главных фигур, президента Соединенных Штатов, также принадлежащего к Демократической партии и в соответствии с ее ритуалом ссылающегося на имя Томаса Джефферсона, как коммунисты ссылаются на Маркса, а мусульмане на Магомета. Это был второй Рузвельт. Он оставил после себя не столь яркое впечатление, как предшественник, поскольку не так долго блистал на европейской сцене¹. В течение нескольких месяцев до и после избрания американским президентом и проведения Лондонской конференции в мире снова затеплилась надежда, что появился настоящий «Человек», который будет видеть просто и ясно, а говорить прямо. Весь мир, казалось, поработили навязчивые идеи и дилетантизм, и Рузвельт виделся тем «Человеком», который способен освободить наш вид. Но говорить прямо он не стал.

Черпая мудрость из личной неудачи Вильсона, он не приехал в Лондон и не стал подвергать себя и свои речи слишком пристальному изучению. Он предпочел иметь дело с постоянно сменяющимися друг друга кризисами в Лондоне с борта своей яхты «*Amberjack II*» в гавани Нантакета. Общался с участниками через уполномоченных посредников. В истории человечества «*Amberjack II*» стал почти таким же значимым кораблем, как и Корабль мира Генри Форда. Значимым в равной степени как в отношении намерений, так и несоответствий действительности.

По мере приближения конференции люди всюду спрашивали об этом возможном новом лидере:

«Это ли Мессия, которого мы так долго искали или следует поискать кого-то другого?»

Едва ли не в каждом европейском книжном магазине предлагалась недавно изданная книга высказываний Рузвельта «Глядя вперед». То есть в какой-то степени имелась возможность оценить, с каким складом ума предстоит взаимодействовать. Между тем, чтение изрядно сбивало с толку беспокойные умы. Очевидно, этот человек был тверд, честен и любезен. Об этом свидетельствовал портрет на обложке с ясными искренними глазами и большим решительным лицом, но текст являлся политической пропагандой. Будучи пропитанным доброй волей, он, тем не менее, тяжело читался и требовал серьезной доработки.

«Этот человек хорош, — говорили люди, — но достаточно ли этого?»

Всеобщая надежда на благоприятный исход упорно не желала сдаваться. Не было видно никакой другой личности, которая хотя бы обещала изгнать чары, наложенные на экономическую жизнь. Это была

¹ Вот здесь Уэллс, конечно, очень смачно промахнулся. Франклин Делано Рузвельт среди всех президентов США остается непревзойденным рекордсменом, поскольку находился у власти четыре срока (1933-1945) (Прим. переводчика).

конференция Рузвельта или ничего. И несмотря на то, что книга разочаровывала, хотелось надеяться на лучшее. В частности, утверждалось, что на президента можно положиться. Его соратниками были бесспорно очень способные и современно мыслящие люди; такие как профессора Тагвелл, Моли и Дикинсон, чья более поздняя работа сыграла наиважнейшую роль в реконструкции правовых и политических методов. В конечном итоге это стало большим вкладом Америки в общую идею Современного государства. Говорили, что Рузвельт обладал скромностью и величием, очень внимательно прислушивался к взвешенным и зрелым мнениям. На деле оказалось не совсем так. Возможно, если бы он прислушивался в той же степени, в какой о нем говорили, дело и вправду сдвинулось бы с мертвой точки. Но, так или иначе, он был на один пункт лучше всех остальных европейских политиков и глав государств. Прежде всего потому, что, в отличие от них, иногда слушал не только банкиров и крупных бизнесменов.

Но как именно он слушал? Улавливал ли он тройственную природу рассматриваемой проблемы? Казалось, он понимал необходимость денежной инфляции для уменьшения долгового бремени и чрезмерной капитализации. Вроде бы понимал и необходимость постепенного расширения государственной службы. Вероятно, колебался между «общественностью» и «общественной взаимопомощью». Был ли он верен необходимости сделать эти меры всемирными? Да, он сделал некоторые неожиданные изменения. Но сегодня их следует воспринимать скорее непостоянными тактическими маневрами, за которыми не таилась глубоко запрятанная, последовательная и решительная цель. Разумно ли было действовать тактично, когда весь мир нуждался в ясной речи и простых директивных идеях? Рузвельт зачастую действовал обескураживающе. Складывалось впечатление, что он своих советников и слушает, и нет. Он заигрывал с биметаллизмом¹. Между тем, все выглядело так, словно никто не желал лечиться.

Конференция открылась с твердым намерением стать яркой и насыщенной. Гостиницы полны, улицы украшены флагами, программа развлечений восхитительна. Казалось, даже английская погода прилагала определенные усилия. Вступительные речи английского короля Георга V и его премьер-министра Рамсея Макдональда сегодня выглядят довольно любопытными. Выражалось острое осознание критического положения, в котором оказался весь мир. И король, и премьер-министр многословно заявляли, что провал конференции ускорит мировую катастрофу. Они настаивали на необходимости общемирового сотрудничества.

¹ **Биметаллизм** — денежная система, при которой роль всеобщего эквивалента закрепляется за двумя металлами (обычно золото и серебро) (*Прим. переводчика*).

Требовалось упростить денежное обращение и увеличить занятость населения. В этом они, безусловно, оказались правы, но не дали ни малейшего намека на то, каким именно образом следует достигать поставленных задач. Эти люди делали жесты, которые сегодня нам непонятны и которые вынуждают нас подозревать отсутствие представления об основных элементах сложившейся ситуации. Больше всего озадачивает смесь решимости и неспособности сделать что-нибудь по-настоящему полезное. Разные детали мировой проблемы не виделись, как единое целое, и план действий не выстраивался в единую линию.

Не менее значимой фигурой был глава американской делегации Корделл Хэлл. Произнесенные в лучших американских традициях благочестивые слова навеки вписаны в свиток истории:

«Эгоизм должен быть изгнан. Если — не дай Бог! — какая-нибудь нация сорвет эту Конференцию, полагая, что местные интересы принесут больше пользы, то эта нация заслужит проклятие всего человечества!»

Премьер-министр Франции Эдуард Даладье начал с широких и здравых рассуждений. Он решительно настаивал на необходимости, которую две вступительные английские речи свели к минимуму; а именно: на необходимости, настоящей необходимости развивать крупные общественные работы во всем мире с тем, чтобы всех обеспечить работой и восстановить потребление. На второй неделе начало казаться, что американцы шагают в ногу с этими утверждениями. Однако, начав с предельной ясности, Конференция постепенно скатилась к второстепенным вопросам. По-видимому, она попросту не смогла долго поддерживать высокий уровень осознания реальности. Начало сказываться давление Избирателя и прессы на каждого делегата. Национальные представители начали со все большей ясностью настаивать на том, что национальные интересы не должны приноситься в жертву общему благу, и через какое-то время стало достаточно очевидно, что они понятия не имеют, что это такое — общее благо. Всемирная экономическая конференция незаметно превратилась в Мировой экономический конфликт точно так же, как Лига Наций превратилась в торговую площадку для дипломатических сделок. Замечательная прелюдия первых сцен увяла до бесплодия, потому что мировому разуму еще только предстояло осознать огромные моральные и воспитательные усилия, которые требовались для великого политического объединения. Неспособность к самоотречению стала непреодолимой психологической преградой для представителей разных стран. Эти люди не могли отречься от условий, которые сами и создали. Как они могли, будучи назначенными на роль национальных представителей, согласиться на объединение национальных интересов? Да, они действительно были готовы изменить мировую ситуацию революционным путем. Но только

так, чтобы не меняться самим и не менять ничего существенного для себя. Ведущие идеи Конференции были туманно верны, но разрушительные устремления личного, партийного и национального эгоизма оказались сильнее.

Чрезвычайно любопытно, что представители Советской России не предприняли ничего, чтобы пролить свет на мрак мировой загадки. Многие авторы до сих пор утверждают, что большевистский режим являлся прямым предшественником нашего Современного Мирового государства в том виде, в каком оно существует сегодня, но прямой преемственности не существовало. Современное государство действительно возникло из тех же социальных императивов и тех же конструктивных импульсов, которые породили марксизм и ленинизм, но как независимая, более зрелая и более здравая революционная концепция. Советская система, безусловно, предвосхитила многие черты нашего нынешнего интернационального порядка в его самом реальном социализме, и особенно в присутствии преданной контролирующей организации, Коммунистической партии, которая стала прообразом нашего Современного государственного братства. Но в России всегда существовало большое расхождение между теорией и практикой. От имени первого великого эксперимента по планированию выступал Народный комиссар по иностранным делам СССР Максим Литвинов, который был слишком озабочен спорами между его страной и западным миром. Например, торговыми эмбарго и кредитными трудностями. По этой причине он не очень-то стремился обращаться ко всему миру в целом. Он не стал применять руководящие принципы коммунизма к мировой ситуации. Острая необходимость в планировании не сподвигла его рассказать миру о Пятилетнем плане. Ситуация требовала коллективной занятости, но Литвинов даже не стал настаивать на неизбежности мирового социализма. Очевидно, он забыл о мире, который следовало бы рассматривать целиком. Его взгляды стали такими же, как и у капиталистических делегатов. Он думал о России, точно так же, как и любой другой представитель того или иного государства. То есть, по сути, он превратился в самого обыкновенного патриота-капиталиста.

Претензии других делегаций оказались еще более недальновидными и бездуховными. Поскольку на выступления накладывались жесткие временные лимиты, порой упоминания об общей гуманитарной благожелательности сжимались до одной фразы или около того, а затем докладчики сразу переходили к частным вопросам. Только сенатор Коннелли из Ирландии яростно протестовал против зашоренных взглядов своих коллег-ораторов и призывал тщательно рассматривать «любые теории, какими бы неортодоксальными они не казались». При этом его собственная речь конструктивных идей не содержала. Он был слишком

одержим эмбарго, которое Англия наложила на ирландский экспорт. На этом Коннелли и заикнулся.

Согласно мнению Мортон Кэнби, идея Современного Мирового государства прослеживается, хотя и в искаженной и стерилизованной форме, в идейных системах у американцев, британцев, французов и русских на Конференции. В американских заявлениях это окутано индивидуалистическими фразами о предосторожности. В британских — империалистическими мотивами. Русские все испортили ложной психологией и грубым марксистским жаргоном. В первом случае переодеваться отказался деловой человек, во втором — империалистический администратор, в третьем — партийный функционер. Вопреки утверждениям об общих принципах всеми этими людьми на самом деле двигали туманные эмоции, обусловленные патриотизмом и партийными установками. Тем не менее, несомненно, что первый набросок Современного Мирового государства был сделан именно здесь и тогда; в Лондоне в 1933 году. Оно висело над миром подобно призраку из будущего. Его присутствие ощущал почти каждый, хотя худшие фазы Эпохи разочарования еще только предстояло пережить. Еще должны были пройти через череду ужасных мук несколько поколений, прежде чем появится живая реальность нормальной политической жизни.

По словам Кэнби, призрак не материализовался, потому что не существовало никакого материала. Каждая крупная страна нащупывала пути к основам постоянно прогрессирующего мирового государства, но ни одна из них не достигала реализации даже частично и локально. Усилия Рузвельта №2 по реконструкции Америки показали Кэнби особенно интересными. Президент четко осознавал необходимость снижения долга путем инфляции, но не мог контролировать рассеивание высвобожденной энергии на спекуляции. Ему приходилось взаимодействовать с людьми, воспитанными в традициях покера, для которых торжество коварства стало второй натурой. Он просил (в том числе и путем скрытых угроз) проявлять более открытую готовность помочь. У него не было под рукой надлежащей гражданской службы, способной контролировать крупные общественные работы. Не существовало возможности одним махом превратить американских технических специалистов в честных служащих за зарплату. Он пытался побудить спекулянтов отказаться от прибыли и организовать промышленность по альтруистическим принципам с помощью угроз социализации. Однако для того, чтобы их выполнить, следовало располагать соответствующим руководящим классом, которого не было. Второй Рузвельт не понимал ни британский, ни европейский менталитет. В этом новый американский президент был схож с Вильсоном. Это было взаимное непонимание, но манеры Рузвельта оказались слишком

самодовольными и провокационными. Он принялся ворчать и браниться задолго до того, как закончилась Конференция. К 1935 году все указывали на своего рода контрастный параллелизм между Америкой и Россией. И та, и другая страна явно боролись за создание более научно организованного государства, и обе испытывали трудности в согласовании эффективности производства в общих интересах с политическим контролем. Техник и политик должны были каким-то образом переплестись друг с другом. Все великие диктатуры вынуждены были бороться с теми, кто наживался на ценовой разнице. Каждый диктатор исповедовал слабую надежду на космополитическое сотрудничество, но сосредотачивался при этом на установлении внутреннего процветания. То есть движение к общей цели осуществлялось с разных полюсов производственной эффективности и социальных предпосылок. Рузвельт отталкивался от демократического индивидуализма, а Сталин — от марксистского коммунизма. Британская система и другие страны, которые в каком-то смысле следовало бы назвать промежуточными, изо всех сил старались оставаться консервативными в хаосе финансового краха. В мире еще не существовало средства, способного синтезировать добрую волю.

Лондонская конференция не достигла такой драматической кульминации, как подписание Мирного договора в Версале. Мероприятие в британской столице привело к нулевому результату. Начавшись с наивысшей точки, оно неуклонно скатывалось куда-то вниз. Если Версаль породил чудовище, то Лондон — вообще ничего. Никогда еще столь многообещающее начало не разваливалось настолько сокрушительно.

В прессе того времени присутствовало множество намеков (см. «Ощущение катастрофы в 1930-е годы» Хэбрайта, краткое изложение цитат из серии «Исторические документы», 173- 192) на то, что политическая и экономическая мораль попросту имитировалась. Вместо политических деятелей Старого света в Лондон можно было отправить кого угодно, и результат был бы тем же. Британский премьер, мистер Рамсей Макдональд, этот чудесный цветок профессиональной политики, обреченно обвел глазами участников Конференции. Казалось, он все еще питает какие-то надежды, что вот-вот какая-нибудь благоприятная случайность из пустоты спасет его и ему подобных от сурового приговора истории. Фотографы щелкали своими аппаратами, запечатлевая каждый жест, впоследствии тщательно изученный. И прекрасный голос с богатым акцентом тоже записывался. Секретари сутились, делегаты внимали с чопорной серьезностью. Казалось, что американцы разделяют точку зрения британского политика. Возможно, последняя сублимация демократического государственного управления действительно верила, что под руководством Макдональда происходит какое-то благоприятное заклинание. Он, должно быть, чувствовал это восприятие среди

собравшихся. В противном случае, не смог бы остаться на месте и продолжать свою речь. Заклинания творили его самого. Голосом и жестами он ненадолго развеял тьму. Вполне возможно, что он не верил в заклинания, но сейчас ему больше не во что было верить. В убеждение, что еще можно что-то поправить, он цеплялся до самого конца. Сейчас он все еще держался. Но вряд ли у него имелись силы пережить критику на протяжении следующих нескольких месяцев. Предстояли долгие бессонные ночи в осознании того, что личные заклинания оказались тщетными.

Всемирная экономическая конференция утратила свой блеск примерно через неделю или около того. Город, который так загорелся всяческими надеждами, теперь походил на военное кладбище. Он снова впал в депрессию. Мировой кризис не стал дожидаться окончания конференции. Растянутый радужным предвкушением Лондон сжимался и сморщивался в предсмертном вопле отчаяния.

По словам Хэбрайта, к июлю 1933 года думающие люди заявляли следующее:

«Эти люди ничего для нас не делают. Точнее, они делают хуже, чем ничего. Они только усугубляют бедствие».

Другие, прозрев, возможно, даже неожиданно для самих себя, пошли еще дальше. Они вдруг начали задавать правильные вопросы:

«Почему историки, социологи и экономисты ничего нам не рассказывают? Чем объясняются постоянные неудачи политиков, если действуют они в демократических условиях? Неужели наши университеты вообще ничего не делают? Неужели о том, что происходит, нет никакой науки? Нет никаких знаний? Неужели история ничего не знает о причинах сложившейся ситуации? И разве нет глубокого научного анализа тех социальных процессов, что ведут нас к гибели?»

Слишком занятые выставлением оценок по истории общественным и политическим наукам профессора не дали внятного ответа.

Еще до конца тридцатых годов всему миру стало ясно, что неотвратимо надвигается всемирная социальная катастрофа. Самое разумное, что оставалось сделать здравомыслящим людям, — это построить некий аналог Ноева ковчега и попытаться спасти все то, что пока еще подлежало спасению. Им предстояло сохранить остатки цивилизации с тем, чтобы начать все заново, когда иссякнет поток несчастий. Провидцы говорили об этом уже давно, но теперь одержимость спастись распространилась, как эпидемия. Это подготовило почву для движения Современного государства, на котором зиждется наш нынешний миропорядок. Однако в то время всеобщий пессимизм почти не смягчался реальной надеждой на выздоровление. Один писатель, которого цитирует Хэбrait, сравнил человека с одомашненной обезьяной:

«Она обладает разумом и способностью подтаскивать соломенный матрас к огню, когда становится холодно, но не имеет ни ума, ни дальновидности, чтобы предотвратить пожар».

Краткое изложение Хэбрайтом финансовых операций по мере того, как нарастало ощущение приближающейся катастрофы, полностью оправдывает этот мрачный образ.

В указанное десятилетие уверенность в том, что парламентская демократия подошла к концу, распространилась повсюду. Между колебаниями в международных делах после Версаля и войнами 40-х годов люди обсуждали и размышляли, какую форму правления принять. Теперь эти усилия приобретали новую актуальность. Повсеместно думы о смене правительств и чиновников приобрели форму истерии.

Возникшая тяга к решительным действиям привела к грубым результатам. По послевоенной Европе, от Польши до Испании, прокатилась волна кричаще безвкусных «диктатур». По большей части эти политические авантюры копировали воззвания маленьких южноамериканских республик. Случайные и непоследовательные примеры вряд ли достойны того, чтобы сегодня их пристально изучать. Но затем последовало всемирное развитие директивных или, по меньшей мере, кажущихся директивными политических ассоциаций, которые очень ясно предвосхитили организацию Современного государственного братства, на котором покоится наш нынешний мировой порядок.

Фашистская диктатура Муссолини в Италии подразумевала под собой нечто более прочное, чем большинство других замен парламентских методов. Она возникла не как личная узурпация, а как организующее выражение с собственной целью и своего рода доктриной. Интеллектуальное содержание фашизма представлялось ограниченным, националистическим и романтическим. Его методы, особенно на начальной стадии, являлись грубыми и жестокими; но, по крайней мере, он настаивал на дисциплине и государственной службе для своих членов. Он появился как противодействие хаотичному трудовому коммунизму, но его поддержка все еще существующих монархии и Церкви отличалась значительной смелостью в обращении с образованием и частной собственностью на благо общества. В самом деле фашизм не являлся слишком уж плохим течением. По большому счету он не был ни хорош, ни плох. Да и Муссолини умудрился оставить свой след в истории.

В России нечто еще более основательное и широкое вошло в действие после 1917 года. Это была Коммунистическая партия. В какой-то степени ее можно назвать изобретением Ленина. Эту организацию и ее доктрину он продолжал модифицировать и адаптировать под меняющуюся реальность вплоть до своей безвременной кончины в 1924 году. Пока он был жив, российский эксперимент казался по-настоящему способным привести мир к новому порядку сквозь тщетные отрицания и паралич

парламентского правления. По-прежнему чрезвычайно интересно отметить современность многих аспектов раннего большевистского режима.

Ленину удалось достичь этой современности, несмотря на целый ряд трудностей, порожденных марксистской традицией. Согласно представлениям психологов середины XXI века, Маркс был «запоренно оригинален». Он не мог видеть дальше пелены из демократических сантиментов. Даже на заре современной демократической идеи существовала тенденция исключать привилегированные классы из Истинной демократии простых людей. Маркс и его последователи усилили и сделали стереотипом эту тенденцию в их особой версии обожествленной пролетарской демократии. Тем самым Пролетариат стал некой Чистой Массой; мистической сверх всякой меры.

Но в самом начале русская революция контролировалась очень практичным Лениным. Великую социальную реконструкцию он смог защитить от паралича массовой инерции и паники. Так называемое «демократическое» правительство Советов на самом деле представляло собой иерархическую пирамиду, которая сводила администрацию с тщательно отобранными опытными представителями. Более того, Ленин установил полный контроль за образованием и прессой и тем самым направлял мысли номинально независимых масс в строго определенное русло. А для того, чтобы как-то оживить управление всей машиной, он и выделил прослойку, названную Коммунистической партией.

Коммунистическая партия, как и итальянская *fascisti*, обязана своей общей концепцией зародышевой идее Современного государства, опробованного так называемыми Хранителями в Республике Платона. И здесь следует сказать о том, что если кого и следует назвать Отцом Современного государства, так это Платона. Члены Коммунистической партии были очень похожи на Хранителей. Еще в 1900 году критики демократических институтов обсуждали возможность создания культа, посвященного, в первую очередь, общественному и политическому служению, самоидентификации, самообучению и самодисциплине. Англоязычное социалистическое движение обсуждало такого рода проекты в 1909 и 1910 годах (см. «Фабианские новости» в «Исторических документах» за 1909-1910 годы), но потребовались опасности и страдания послевоенной европейской ситуации, чтобы создать типы рабочего класса и молодежи, достаточно обособленных, отчаявшихся и многочисленных, чтобы те объединили свои усилия в деле постоянного революционного контроля.

С самого начала Коммунистическая партия являлась скорее политической, нежели технической по духу. Она напоминала наше собственное Современное государственное братство своей настойчивостью в непрерывном обучении и подготовке в течение всей

жизни, свободной критикой в рамках партии, доступностью (при должных ограничениях) для всех, кто хотел ей служить, и правом отказаться от привилегий и строгостей для всех, кто хотел бы вернуться к относительной безответственности. Но Российская Коммунистическая партия была обречена остаться заложником марксистских взглядов даже после тщательной ленинизации. Коммунизм — этот характерный конечный продукт радикализма XIX века — все еще сохранял многие из своих старых сентиментальностей, все больше и больше возвращаясь к ним после смерти Ленина во время правления стойкого, но неоригинального, подозрительного и властного Сталина.

На спине российской системы лежал тяжелый груз демократии и уравниловки, как на итальянском фашисте — патриотизм и религиозность. Даже Конституция Соединенных Штатов не провозглашала демократическое равенство и не настаивала на вдохновенной мудрости необразованных более упрямо, чем новый российский режим. И хотя вряд ли кто-либо из правящей группы россиян был крестьянского или рабочего происхождения — между прочим, в общественной жизни Западной Европы и Америки было гораздо больше политиков этого социального уровня — в России существовала мощная претензия на универсальную общность. Они позволяли себе плевать в общественных местах, ходили небритыми и без воротничков, притворяясь равнодушными к буржуазному комфорту. Предопределялось, что при словах «Классовая борьба», каждое колено должно преклониться. Когда коммунистические лидеры ссорились между собой, «буржуа» или «мелкий буржуа» стали излюбленными оскорблениями. Часто они несли на себе смертоносный заряд, поскольку почти всегда утверждение оказывалось правдой. Пройдут долгие годы, прежде чем какое-нибудь движение направится к Современной государственной системе и освободится от этого мерзкого наследия.

Одним из самых прискорбных аспектов запутавшегося нового эксперимента в России с его парадоксальной социальной смесью из зависти и ненависти к старому порядку явилась неспособность направить компетентных техников, организаторов и педагогов по правильному пути. В попытке усовершенствовать общество экспериментаторы отказывались от помощи наиболее перспективных его представителей. Поскольку они обладали специальным образованием и знали то, о чем не знало большинство, на них сложно было повесить пролетарский ярлык. Именно по этой причине, как в России, так и в Америке, красноречивый, но неискренний политик имел возможность вмешиваться и препятствовать намеченному движению. А иногда он и вовсе становился непреодолимым барьером для научного развития нового экономического и социального порядка.

Трудности с реализацией Пятилетнего плана Сталина многому

научили. Он усвоил, что подчинение технических способностей политической конъюнктуре работает во зло. В июне 1931 года он произнес речь о «Старой и новой технической интеллигенции» («Исторические документы», «Сталинизм», ХМ 327 705). Советский лидер откровенно признался в первостепенной необходимости использовать в современном сообществе «беспартийного» человека в вопросах науки и специальных знаний. К несчастью, руку партийного политика вскоре стали жестко укреплять странные защитники марксистской власти, входившие в состав организации, которую сначала называли ЧК, а затем переименовали в ГПУ. Начиная с 1928 года, даты начала Первой пятилетки, несмотря на огромную движущую силу восторженного энтузиазма, Россия шла вяло, медленно и неуклюже. Тяжелая претенциозно-политическая диктатура пропагандировала, но не исполняла, разочаровывая своих доброжелателей за рубежом и отталкивая лучшую интеллигенцию, которую сама же и произвела. Когда планы пошли наперекосяк из-за отсутствия точного материального предвидения, она обвинила в этом инженеров и тому подобных технических работников. Либо пересажала их по тюрьмам, либо вовсе расстреляла.

Еще одним плохим результатом неискоренимой порчи советской системы стало растущее отчуждение российского процесса от западных творческих усилий. Вместо того, чтобы стать союзниками, они стали противниками. По мере того, как проблема социальной дезинтеграции становилась все более актуальной в странах на западных и восточных берегах Атлантики, становилось все яснее, что надежда на спасение цивилизации от катастрофы заключается в скоординированных усилиях разумных, способных и энергичных людей каждой нации и каждого класса. Революция, безусловно, была необходима, но не революция по устаревшей формуле уличных сражений и баррикад, и уж тем более не путем классовой борьбы. Должна была произойти революция в самом характере революций. В повстанческой революции больше не было необходимости, поскольку теперь система разрушала саму себя. Наступила фаза смелой конструктивной революции, и в каждой точке, где предпринимались конструктивные усилия, появлялся назойливый антагонизм фанатика Классовой борьбы, препятствующий и разделяющий (в качестве примера см. книгу «Выход» Аптона Синклера, 1933, в серии переизданий, «Исторические документы», подраздел «История мнений»).

Огромная и бессмысленная растрата творческой энергии наблюдалась не только в России, но и во всем мире. В каждом цивилизованном сообществе множество молодых мужчин и женщин истощали свою щедрую молодость и жизненную энергию на ожесточенные конфликты по чисто доктринерскому вопросу. Националистический яд ситуацию

еще более усугублял. Дело дошло до того, что многие вообще отвернулись от прогресса и захотели вернуть мир в некий воображаемый потерянный век добродетели. Так они стали членами Ку-клукс-клана, националистами и нацистами. Этот процесс казался естественным импульсом к более энергичным и эффективным действиям. Кому-то это казалось правильным. Энтузиасты объединялись духом, хотя и страдали от смешения языков. Долго время во всеобщем воображении идея Современного государства никак не могла проявиться прежде всего из-за очевидных противоречий внутри России.

Казалось, Россия вела за собой. Но на самом деле она только пыталась это делать, воодушевляя собственным примером. Вот только пример этот оказался липовым. Она попросту говорила неправду. Тем временем, выжившие в значительной степени из-за отвлечения творческих сил, старые методы парламентской демократии и старая националистическая дипломатия по-прежнему владели большей частью Западного мира, и социальный крах только усугублялся, потому что ни у кого не нашлось сил, чтобы его остановить.

Глава 2

ОСЛАБЛЕНИЕ СТАРОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Фабер в своем интересном и наводящем на размышления историческом анализе (2103) рассуждает, в какой степени войны, кризисы, мор, эпидемии, фазы полу-голода и периоды фактического голода за сто лет с 1914-го по 2014-й являлись необходимыми, и в какой степени человечество могло их избегать, применяя те или иные ресурсы. Автор придерживался мнения, что бремя традиций явилось настолько великим, что на протяжении всего этого периода мученичество нашего вида стало неизбежным. Он утверждал, что без страданий этих поколений людские умы никогда не смогли бы в достаточной степени очиститься от упрямой склонности к зависти, страхам и суевериям. Людская воля никогда не пробуждалась от усилий, дисциплины и жертвенности, которые требовались для установления Современного государства.

Свою критику Фабер применял более конкретно применительно к так называемому образовательному упадку, который наметился после (приблизительно) 1930 года. Обычно упадок школьного строительства и школьного образования связывался с падением общего уровня жизни и

ухудшением общественного здоровья, но этот автор выдвинул несколько веских аргументов в пользу версии, что голод и уничтожение старосветского учебного оснащения отнюдь не являлись общественным злом. Как раз, наоборот, они стали необходимым предварительным условием для эффективного социального переустройства.

«Общая школа, — настаивал он, — должна родиться заново, будучи фундаментально переделанной. Но прежде ее следует разрушить до основания».

С явным презрением он отметал убежденность в том, что XIX век представлял собой образовательную эпоху. Утверждал, что нас вводит в заблуждение простое сходство между школами и университетами прошлого и современности. Образовательные учреждения занимали время молодежи тогда и делают это сейчас, но сам процесс отличается от прежнего самым кардинальным образом. Наше образование — это введение в непрерывный и революционный жизненный прогресс. Между тем, образование до XXI века являлось, по сути, консервативным процессом. Строгое и полностью традиционное. Его обширная дезорганизация стала неизбежной предпосылкой для создания нового мира.

Слово «образование» стало охватывать практически всю интеллектуальную деятельность на протяжении всей жизни, за исключением научных исследований и художественного творчества. Это не являлось первоначальным назначением. Первоначально предполагалось подготовить молодежь ко взрослой жизни. Коренное отличие заключается в том, что мы ни в каком возрасте не подводим черту, как это делали наши предки. Обучение сегодня не прекращается по достижению того или иного возраста. Основная общественная информация, публичные обсуждения и решения — все это входит в сферу деятельности нашего Образовательного Контроля. И все это оказывалось за пределами того, что считалось образованием в начале XX века.

В то время люди получали знания случайным образом. Частные газеты сообщали то, что хотел слышать читатель или что хотел донести до читателя владелец. То же самое касалось кино и радио. Средства донесения информации полностью «коммерциализировались». В Америке они подстраивались под рекламу товаров. В Великобритании контролировались и направлялись в интересах наиболее влиятельных политиков. Книгоиздание и даже публикации научных работ превратились в спекулятивный и конкурентный оборот. В мире не существовало даже такого понятия, как Центр знаний.

Весьма показательным признаком является невероятно долгий период существования человечества в условиях отсутствия вообще какого-либо структурирования получаемых знаний. Никаких энциклопедий, даже

энциклопедии книготорговца, не существовало до XVII века, поскольку так называемая Китайская энциклопедия представляла собой литературный сборник. Соответственно не существовало системы учета записей даже после появления торгашеских энциклопедий. И более того, не спешила появляться концепция постоянного упорядочивания новых знаний. И так продолжалось вплоть до конца XX века. Для людей Эпохи разочарования наши взаимосвязанные исследовательские, комбинационные, дискуссионные, проверочные, уведомительные и ознакомляющие организации показались бы чем-то нереальным. Наша Система фундаментальных знаний со специальными региональными подразделениями, с центром в Барселоне, с семнадцатью миллионами активных работников, с пятью миллионами корреспондентов и резервных осведомителей не уложилась бы в рамки обычного человеческого воображения. Структура воспринималась бы невероятно огромной, несмотря на то что совершенно непродуктивные армии и военные учреждения, которые поддерживались народом в условиях всеобщей нищеты, являлись почти такими же многочисленными.

Мы не останавливаемся на достигнутом. Мы все еще расширяем Мозг человечества. Увеличиваем количество его клеток. Расширяем осведомленность и обеспечиваем более быстрое и эффективное взаимодействие между клетками. Рядом с общественным Мозгом процветает обширная независимая литература. По сравнению с сегодняшним днем наш вид в Эпоху разочарования был безмозглым; коллективным беспозвоночным с несколькими беспорядочно разбросанными и плохо связанными ганглиями. Летаргически невежественный. Ему еще только предстояло развиваться из грубых зачатков скоординированного знания.

Но дело заключалось не только в том, что знания являлись рудиментарными, случайными, ошибочными, да и просто плохими. Со старым образованием все обстояло еще хуже. Знания явно выходили за рамки образования, вообще за рамки формального школьного образования. Потребность в здоровой общей идеологии — это своего рода послы Современного государства. Старые, так называемые «начальные» школы, как показал Фабер, только притворялись, будто передают знания. Что касается директивных идей, то они отреклись от этого намерения. Автор процитировал обзор ситуации в Америке, проведенный доктором Г. С. Каунтсом («Американская дорога в культуре», 1930), где ярко показана полная идеологическая стерилизация общеобразовательных школ. Стерилизацию следует считать преднамеренной.

«Что касается предоставления исчерпывающей информации, — продолжает Фабер, — то в этот период образовательного краха не было уничтожено абсолютно ничего ценного, потому что ничего ценного еще не было включено в учебные программы. В общеобразовательных школах

преподавалась история, которая, по сути, являлась пагубной патриотической болтовней. Биология — либо не существующая, либо ханжеская и детская. «Сексуальные факты», как их тогда называли, ПРЕПОДАВАЛИСЬ путем препарирования цветов. И никаких экономических инструкций. «Образование» XIX века никоим образом не являлось просвещением; это было антипросвещением. Родители, политические и религиозные организации ревностно следили за тем, чтобы все так и оставалось».

Фабер цитировал школьные расписания, общественные обсуждения и выдержки из школьных учебников.

Он настаивал, что упадок научных исследований того времени сильно преувеличен. В результате разрушения системы частных пожертвований и того, что называлось «экономикой», значительно сократилось количество фактических работников, но, несмотря на замедление темпов роста и международного обмена идеями, упорядоченная наука не переставала развиваться даже на худших этапах социального распада. Исследования показали, что она способна выживать и приспосабливаться к самым ужасающим условиям. Она перешла от покровительства миллионера к покровительству оружейного барона. Нашла убежище в России, Испании и Южной Америке. Отправилась в ангары для самолетов, чтобы в свое время возродиться и стать мировым гегемоном. Режим частного капитализма никогда ее не баловал. На протяжении всей Первой Эпохи процветания безупречные научные исследования передавались из рук в руки.

«Как только наука окупалась, — заявил Синклер Льюис в своем романе «Мартин Эроусмит», — ее объединяли с коммерцией. И наука вырождалась».

Когда наступили голодные времена, паразиты отпали от науки. Но подлинный научный работник, привыкший к скудным припасам, потуже затянул пояс и во всевозможных труднодоступных местах упорно продолжал свою работу.

Что действительно произошло между 1930 и 1950 годами, так это систематическое обучение масс по алгоритму, сформированному в течение XIX века. Помимо элементов чтения, речи и счета учителя с учениками упражнялись в традиции. Проводились какие-то реформы, в частности в методике, достигались какие-то ничего не значащие успехи, появлялись школы с тем или иным уклоном, но, по сути, мало что менялось. Вплоть до начала Великой войны число школ росло почти в каждой стране. Доля «грамотных», то есть тех, кто хотя бы умел читать, неуклонно росла. После этого темпы продвижения постепенно упали практически до нуля (за исключением России после 1917 года, где массовое преподавание только набирало силу). С детьми не столько занимались обучением, сколько прививали обязательные традиции

старого общества.

История конфликта между религией и наукой — это и есть история XIX века. Стабильную структуру христианской веры подорвали открытия новых геологических и биологических горизонтов. До 1850 года более девяноста девяти процентов населения Европы и Америки безоговорочно верили, что Вселенная создана в 4004 году до н. э. Интеллект был подобен одной клетке современного мозга. А вырваться за пределы клеточной мембраны было страшно. Человечество поддалось агорафобии¹. Сегодняшние студенты знают о трудностях, с которыми столкнулось христианское служение в те годы умственного высвобождения и расширения в «символизации» Грехопадения и Искупления, которые до сих пор преподносились как исторические факты. Из-за неизбежной двусмысленности утратились и доверие, и авторитет. Последовавшие за этим споры, разгоревшись, перешли в шепот и иронию, но последствия этих споров становились все более очевидными в последующих поколениях. Проявилась универсальная моральная неопределенность. Возникла парадоксальная необходимость отменить и старое, и новое.

Общепринятое христианское мировоззрение, как предписанное Католической Церковью, так и различными инакомыслящими протестантскими сектами, несло на себе грубый, но довольно эффективный моральный императив. Ад являлся эталонным противопоставлением хорошему поведению. Церкви, хотя и сильно пострадали в споре, оставались хорошо обеспеченными и прочно закрепились в образовательной организации. Практическое сопротивление оказалось на поверку более эффективным инструментом, нежели противоречивые моральные усилия. Люди привыкли принадлежать Церквям и вверять им своих детей. И это вполне объяснимо в условиях отсутствия школ и подготовленных учителей. Традиционные ортодоксии препятствовали развитию современной этики в гармонии с новыми представлениями о месте человека в пространстве и времени, несмотря на потерю значительной части прежней силы неоспоримого убеждения.

Постепенно в течение Первой Эпохи Всеобщего процветания относительная ценность религиозного мировоззрения уменьшалась, Церкви теряли интеллектуальный и моральный престиж. Но только с экономическими спадами послевоенного периода церковные материальные основы разрушились полностью. Какое-то время эти великие организации делили с народом несчастья в общей катастрофе. Когда же производство восстановилось, церковнослужители уже не смогли восстановить свою прежнюю важность. Прежний вклад

¹ **Агорафобия** — расстройство психики, связанное с боязнью открытого пространства (Прим. переводчика).

растворился без следа. В той же степени пострадали и помещики, когда их земельные участки стали заниматься представителями новых общин. К 1965 году для обычного молодого человека уже не осталось никакой возможности зарабатывать на жизнь служением той или иной Церкви. Для амбициозного учителя в серьезное бремя превратились священные ордена, поскольку подразумевали мировоззрение старого мира. Поразительно, с какой легкостью пастыри и паства сменили ошейники и растворились в толпе по мере того, как исчезала возможность кормиться с подаяния. Организованные христианские Церкви наконец исчезли из истории почти так же быстро, как и жрецы Ваала после персидского завоевания. В утверждении Фабера, что религиозные культы не могли исчезнуть никаким другим способом, присутствует немалая доля истины.

Масштабное разрушение общественной морали, характерное для того времени, обычно рассматривалась как следствие переходного периода между угасанием христианской этики и установлением морально-интеллектуальной манеры современного поведения. Фабер смело поставил это под сомнение. Он признавал, что моральный дух западной цивилизации в значительной степени создавался за счет христианских организаций, но отрицал, что они его поддерживали. Он испарялся, по мнению автора, потому что вследствие диких колебаний экономической безопасности и стоимости денег разрушалось социальное доверие. Люди перестали уважать общество, поскольку чувствовали, что оно их обманывает и предает.

Глава 3

РАСПАД И КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ МАГМЕ; ГАНГСТЕРЫ И ВОИНСТВУЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Нравственные перетасовки в умах всегда привлекали внимание социального философа. Простой человек терял веру в дружественного Бога, веру в социальную справедливость, в свои образовательные и социальные услуги. Будучи безработным, он страдал от неудовлетворенных appetитов. Освященная веками, связанная с работой и семейными ценностями жизнь стала недостижимой потребностью для растущего бесправного большинства.

То, что сегодня мы называем социальным зарождением, терпело неудачу. В семьях и рабочих сообществах не происходило объединения. Люди теряли терпение. Социальная уверенность и дисциплина преобладали на протяжении всего XIX века. В XX веке они быстро ухудшились. Социальная безопасность стремительно покатилась вниз.

В истории человечества бесчисленное количество раз происходили эпизоды неуверенности, запутанной мотивации и свертывания побуждений. Все это зачастую приводило к массовым миграциям населения. На протяжении веков периоды спокойной уверенности являлись скорее исключением, нежели правилом. Но в прошлом люди

принимались плевать на законы из-за истощения продовольственных запасов, эпидемий или чьею-либо жестокого вторжения, которое разрушало социальную структуру. Новый распад отличался принципиально иным характером. Это обуславливалось, в первую очередь, увеличением, а не уменьшением материальных и энергетических затрат в социальной системе. Процесс расширения пошел как-то не так из-за несоответствия традиционного права и деятельности правительства.

Разрушительные силы стали заметными и ощутимыми уже в XVIII веке. Их выявили социальные и политические потрясения, последовавшие за Французской революцией. Но господствующее положение они заняли только после Мировой войны.

В XVII веке, когда население оставалось немногочисленным и почти никто не перемещался на дальние расстояния, за порядком можно было следить с помощью деревенского констебля, судить злоумышленника местным судьей и присяжными, которые досконально его знали и понимали его позицию и мотивы. Соответственно все лежало на поверхности. Экономический рост XVIII века увеличил размеры городов и движение по недавно проложенным дорогам. А вот соразмерного увеличения сил порядка за этим не последовало. Новые условия породили разбойника с большой дороги. Местный констебль и местный судья перестали справляться с возросшими требованиями. Неудивительно, что преступность стремительно поползла вверх.

После эксцессов первой французской революции жестокое наказание применялось с некоторой робостью. В каждой европейской столице творить суд пыталась толпа, но правительственная машина вскоре приспособилась к новым условиям. Более или менее модернизированные полицейские силы появились по всему миру и положили начало новому этапу обеспечения порядка и безопасности; этапу, который достиг своего апогея накануне Великой войны. На какое-то время мир, во всяком случае, многие его места, стали почти так же безопасны, как сегодня. Безоружный человек мог относительно безопасно перемещаться по большей части Европы, Индии, Китая и Америки. Случаи ограбления или прямого насилия стали редкими. Полицейские в англоязычных и европейских странах не носили никакого оружия, кроме дубинки.

Мировая война разрушила многие запреты на насилие и кровопролитие, выпестованные годами прогрессивного XIX века. Все больше интеллигентных и деятельных, но безработных мужчин в новом мире автомобилей, телефонов, витрин магазинов, загородных домов без решеток и доверчивых социальных привычек оказались перед незаконными возможностями, куда более привлекательными, чем любая законная манера поведения. После мирового спада безумие государственной экономики стало работать, как болезнь, на протяжении всего XX века. Оно препятствовало любому расширению и модернизации

существующих образовательных, юридических и полицейских структур. Престиж суда и полиции неуклонно падали по мере роста всеобщего стресса и недоумения.

Наступала стадия беззакония. По сути, преступник освобождался от эффективной системы местного самоуправления и слежения за общественным порядком. Криминал проникся силой этого освобождения. Он окреп и принялся двигаться вперед широкими шагами, а закон, запутавшись в традиционных одеяниях, за ним не поспевал.

Криминальные сводки производят странное впечатление. Ужасные события кажутся сегодня каким-то гротеском или живописным абсурдом. Они подобны средневековым пыткам, праздникам каннибалов, военным зверствам или человеческим жертвоприношениям. Мы изумляемся и не верим; этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Нам никак не прочувствовать, что плоть и кровь изнывали от страданий всего какие-то полтора века назад.

Преступники из более благополучных стран европейской системы в Первую Эпоху Всеобщего процветания перед Мировой войной, как и в тех немногих случаях нетерпимого поведения, с которыми общество иногда имеет дело сегодня, составляли ненормальное, постоянно падающее по численности, меньшинство умственно отсталых низших типов. Большинство преступлений были грубыми и происходили на фоне эмоционального перевозбуждения. В бизнесе присутствовали и воровство, и устойчивая доля мошенничества, но в объемах, не способных серьезно нарушить общественный порядок. Все изменилось, когда рухнул моральный дух прежнего порядка. Умные и предприимчивые оказались в конфликте с обществом, потому что оно их обмануло. Патриотизм не дал им ничего, кроме нищеты и войны. И они отказались от общества, сколотив мелкие группы.

«Подельник» всегда был под рукой. Если он «подводил», до него легко можно было добраться. Небольшие банды возникали везде, где людей слишком унижали, и где таланты страдали от безработицы и нужды.

В 1900 году европейское общество еще находилось под воздействием общепринятого поведенческого кодекса. В 1950 году люди сбивались в банды, группы или сообщества по интересам, либо просто растворялись в толпе. Универсальные стандарты хорошего поведения попросту исчезли.

Грабеж — первое преступление в каталоге антиобщественных деяний. Каждое эффективное правительство оставляло за собой исключительное право лишать собственности, и каждое разумное правительство осуществляло это право с крайней осмотрительностью. В условиях нерегулируемой частной собственности всегда происходили кражи мелких или плохо охраняемых предметов. В Первую Эпоху Всеобщего процветания в Великобритании были достигнуты наивысшие уровни

социального порядка. Воровство (отнесем к нему также мошенничество и разного рода хищения) при этом оставалось главным преступлением в списке. Другие встречались гораздо реже. Но всякий раз, когда наблюдался спад общего благосостояния, появлялись более активные методы грабежа, дополняющие кражу. Похититель брался за сумки и часы. Взломщик становился более изворотливым. Затем последовали простое ограбление под угрозой или с нападением. В мире всеобщей уверенности безоружные и никем не сопровождаемые люди всюду надевали дорогие украшения и носили с собой значительные денежные суммы. Но атмосфера доверия быстро охладилась. Даже в Великобритании конца XIX века наблюдались эпидемии грабежей. Преступники работали либо по одному, либо парами. Вошло в обиход нападать со спины и выхватывать часы или кошельки. Бывало, что жертве заклеивали рот пластырем, вымоченным в смоле. В отдельные периоды становились небезопасными целые пригородные районы Лондона и Парижа. В относительной безопасности могли себя чувствовать только жители центра города. Такие явления заметно усилились на всей Земле после Мировой войны.

У роста преступности были свои пределы. Она могла угасать сама по себе по мере того, как у окружающих ослабевало ощущение безопасности. Грабить людей становилось тяжелее. Волна грабежей — это острое, а не хроническое общественное заболевание. Люди перестали надевать на себя много украшений и носить много денег, избегали темных улиц и дорог, предпочитали гулять компаниями и вооружались. Эпидемия грабежей достигла пика и пошла на спад.

Преступно настроенные элементы вскоре осознали важность объединения и создания новых сфер противоправной деятельности. Жертва стала более бдительной, ее стало сложнее выловить одну, и теперь у нее было оружие. С той поры преступления стали тщательно планироваться заранее. Повсеместно множащиеся преступные очаги стали укреплять дисциплину. Теперь вызов закону бросали достаточно хорошо организованные и террористически настроенные бандитские группировки. В Европе усиливающиеся тарифные войны увеличивали ставку на предприимчивость контрабандистов, а те, в свою очередь, все охотнее развивали тайные контакты и новые подзаконные правила, которые оказались весьма эффективными в борьбе против более агрессивных усилий правоохранительных органов. В Америке антиалкогольные законы создали необходимые условия для того, чтобы бандитские группировки подняли уровень политической коррупции и терроризма. Экономический спад продолжался на протяжении тридцатых и сороковых годов XX века, а социальное обеспечение в Америке сокращалось еще быстрее, чем в Европе. Но и там, и там набравшая мощь преступность с новыми силами обрушилась на

законопослушных граждан распадающегося порядка.

Силовые задержания становились все более смелыми и частыми. История повторялась с вариациями. На место разбойника с большой дороги XVII и XVIII веков пришли автомобильный бандит и железнодорожный грабитель. Поезда класса «люкс» сначала успешно задерживались вооруженными бандами в Восточной Европе и Америке, а затем и повсеместно. Группы по десять-двенадцать человек действовали согласованно, заранее прорабатывали пути отхода и заботились о способах сбыть добычу. Позднее стали подвергаться нападениям загородные дома и клубы, полные богатых гостей. У телефонов перерезали провода, и в результате жертвы оказывались не в состоянии позвать на помощь. Подвергались рейдам налетчиков рестораны, игорные клубы и другие места отдыха людей с набитыми карманами. Хранить деньги в банках тоже становилось небезопасно. До 1930-х годов городской банк представлял собой большой и открытый красивый офис с распашными дверями, низкими стойками и стеклянными перегородками. Десять лет спустя лицо банка изменилось до неузнаваемости. Вооруженные револьверами клерки под стальной защитой вели переговоры с клиентом через малюсенькие окошки, которые при необходимости можно было быстро захлопнуть пуленепробиваемой шторкой.

Изменение масштабов и качества агрессивной преступности нашло отражение в общественных манерах. Стало сложнее демонстрировать себя состоятельным человеком. Дабы не подвергать себя риску быть ограбленным, он дважды думал, прежде чем нацепить ювелирное украшение, золотую цепочку для часов или дорогие запонки. Костюм стал более «застегнутым» и сдержанным. Карманное оружие перекочевало из Америки в Европу. Женское платье и украшения улучшились в художественном качестве, но уменьшились во внутренней ценности. Социальная показуха сошла на нет. Дома стали строить с узкими наружными окнами, на которых устанавливались железные решетки и массивные ставни. В толстые двери врезались замки, на косяки крепились засовы. Магазины стали охранять куда тщательнее, чем раньше.

Страх и потребность в защите заметно отразились на дизайне автомобилей. В середине XX века вид среднестатистического авто представлял собой угрюмого и воинственно настроенного хищного зверя. И пассажиры невольно вступали с ним в зловещую гармонию. До Мировой войны зрелище разбитого транспортного средства на обочине заставляло почти любого водителя проезжающей рядом машины остановиться и предложить помощь. В новых условиях люди опасались приманки. Они отказывались останавливаться с наступлением сумерек. Спешили дальше и днем, даже в тех случаях, когда на обочине лежали явно пострадавшие.

Новые условия привели к тому, что люди стали реже путешествовать. Статистические сводки того времени нередко выдавали противоречивые данные. Тем не менее, с достаточной долей уверенности можно сказать, что в период с 1928 по 1938 год число туристов, путешествовавших по шоссейным и железным дорогам континентальной Европы, сократилось более чем на восемьдесят процентов. Безусловно, еще одним немаловажным фактором в таком состоянии дел являлось всеобщее обнищание. И все-таки главным оставалась неуверенность в завтрашнем дне.

Дороги становились все менее посещаемыми по мере того, как их оставляла безопасность. До нынешних времен они не дожили. Дорожные знаки и бензоколонки стали достоянием школьных музеев.

Что касается криминальной деятельности, то модернизация коснулась не только грабежей. Гораздо более печальным аспектом явилась организация террористического шантажа, направленного сначала против отдельных лиц, а затем и против целых общественных классов. Человек перестал путешествовать, чтобы не быть ограбленным, и тогда грабитель принялся преследовать его до самого дома. И снова американские изобретательность и предприимчивость преобразовали мир. Мало-помалу обычный преуспевающий гражданин обнаружил, что опутан угрозами и смутными тревогами. Ценные бумаги перестали быть надежными, а позиции — стабильными. Но теперь, помимо постоянно растущей нестабильности имущества и доходов, появлялась все более острая необходимость откупаться от дополнительных неприятностей. Прорвавшись сквозь слабую защиту полиции, шантажист, похититель и террорист стал действовать все более нагло и открыто.

Особенно жестокой формой нападения на незащищенных частных лиц стали похищения маленьких детей. Это было своего рода логическим продолжением похищений с целью выкупа домашних животных. Многие сотни детей были украдены, спрятаны и возвращены за вознаграждение до того, как похищение и убийство ребенка полковника Линдберга по-настоящему всколыхнуло общественность. Однако никаких эффективных мер для предотвращения киднеппинга так и не было разработано, и вскоре эта форма преступности распространилась и по Старому свету. Похищали уже и мужчин, и женщин, пытали или угрожали пытками, длительное время держали взаперти. Если преследование становилось слишком интенсивным, жертвы исчезали, и больше о них ничего не было слышно. Убийства множились. Люди стали объединяться в группы под такими названиями, как Общество защиты граждан или Ассоциация гражданского порядка. Тот, кто хотел, чтобы оставили в покое его самого и его домочадцев, должен был отдать дань уважения банде. Иначе в мире он мог уже и не остаться. Но даже если ты расплатился с одними бандитами, у тебя не появлялось гарантии, что вслед за этими не явятся

другие с тем же предложением, от которого невозможно отказаться.

И не только богачи столкнулись с подобного рода неприятностями. Все больше мелких служащих и торговцев оказывались перед необходимостью делиться с бандитами своими доходами. «Неприятности» — стало характерным американским словом.

«Ты же не хочешь неприятностей?» — мягко, но настойчиво спрашивал шантажист.

Новое поколение выросло в мире тайных компромиссов и закулисной капитуляции. Простой человек осторожно пробирался сквозь заросли самых разнообразных неприятностей. Никто не осмеливался жить, не будучи членом (и слугой) какого-либо Союза. Фактически это являлось возвращением в очень древние условия. Например, такие преобладали в Китае, на Сицилии, в Южной Италии. Это был рецидив свободы и уверенности лучших дней конца XIX века посреди угасания повседневного человеческого счастья.

Людей похищали не только с целью получить выкуп. Еще их продавали и заставляли заниматься проституцией. Насилие высвобождалось в личных ссорах, множились преступления из мести. На фоне угасания уверенности и удовлетворенности людей больше не отпугивал трагический финал угнетающих событий. Они брали закон в свои руки. Стали драться и убивать, за что их неизбежно настигал закон.

Оставшиеся богачи, финансовые авантюристы, видные политические деятели, временные «короли» преступного мира — все они окружили себя телохранителями. Здоровенные частные слуги состоятельных американцев напоминали самураев японской знати. По мере развития экономического спада набор вассалов стал универсальной практикой для тех, кто мог себе это позволить. Телохранители защищали и самого человека, и его дом, тем самым в некотором роде дополняя полицию.

Соответственно стал неизбежным переход от защищающего к агрессивному телохранителю. В главных преступников превратились американские бутлегеры¹, которые и подали пример остальным. «Потасовки» вассалов с Америки перекинулись на Германию и Ирландию. Эти драки обычно представляли собой небольшие уличные баталии; иногда во время политических митингов и шествий. После 1938 года политики перестали появляться на людях без охраны. Более того, сотрудников расставляли даже на некотором удалении от хозяина на стратегически важных точках. Сам же хозяин начал носить под пиджаком бронежилет. В наших музеях таких средств защиты на сегодняшний день скопилось сотни.

Ни один мужчина, женщина или ребенок, из тех, кто «имел

¹ Бутлегер — подпольный продавец спиртных напитков во время действия Сухого закона в США (Прим. переводчика).

значение», не оставались незамеченными. После середины XIX века женщины добились больших успехов на пути к личной свободе. Примерно до 1912 года хорошенькая девочка-подросток могла бы взять рюкзак и в одиночестве отправиться в путешествие по Европе или Америке в полной безопасности и без помех. В эпоху незащищенности вся свобода исчезла. Женщины перестали ходить без сопровождения даже в городах. Только к 2014 году вернулись прежние свободы для тех, кто молод, хрупок и нежен. Как показывала прежняя художественная литература, женщины боялись выходить из дома одни вплоть до середины XXI века.

После 1945 года в записях появился новый аспект неуверенности. Упоминались небезопасные придорожные гостиницы, улицы, целые районы и деревни, где «всякое бывало», пропадали люди, а приезжих почти не стало. Некоторые из этих криминально зараженных территорий не могли восстановить свою приличную репутацию почти целое столетие. ОПАСНЫЙ большой отель с таинственными лифтами, переходами, ловушками и зловещими отдельными номерами сегодня вызывает неописуемый восторг у любителей старой романистики. Все это безвозвратно осталось в прошлом, и именно поэтому так потрясает наше привыкшее к спокойствию воображение.

Психология полицейского XX века стала предметом для целой серии исторических исследований. В те времена не существовало никакой связи между правоохранительной, образовательной и медицинской службой. Такое объединение, которое кажется нам сегодня чем-то самым собой разумеющимся, в XVIII и XIX веках показалось бы безумием. Полицейский должен был стать живой преградой и указателем, способным вступить в бой в случае нападения, кражи, ограбления или непристойного поведения. От полицейского не требовалось проявлять инициативу. Он брал под стражу людей, которых ему «вручали в распоряжение». Над ним стояли офицеры, как правило, представители другого класса. С полицейским отрядом работала совместно группа экспертов по уголовным расследованиям. До повсеместного внедрения скоростного транспорта, энергетического машиностроения и массового производства такая структура вполне справлялась с большинством преступлений. Эта модель полицейских сил достаточно хорошо работала до начала XX века. За исключением, пожалуй, только тех районов, где распространилась проституция. Полицейский поддерживал довольно высокий уровень свободы, сохранности собственности и общественного порядка. Но потом на него возложили обязанность следить за моралью и политическим вмешательством, и он надорвался.

Когда огромное сообщество Мирового государства начало неуклюже и мучительно вырываться из традиционных форм, полицейский контроль вновь не справился с возложенными на него задачами.

«Почему? — задается вопросом сегодняшний студент, — полицейская организация оказалась не в состоянии справиться с новыми нагрузками? Почему правители не приспособили ее к новым требованиям?»

Основные линии вразумительного ответа мы уже обрисовали. Когда стала насущной потребность в коренной перестройке мировой полиции, обострились международные враждебные действия, активизировались спецслужбы и шпионы. Международное решение образовавшейся проблемы стало невозможным. Отчаянные и глупые жертвоприношения кредиторам ее лишь усугубили, что являлось закономерным результатом любой социальной системы, основанной на приобретении.

Заточенная на получение прибыли капиталистическая система сначала расплодила безработицу и воинственность, а потом оказалась не в состоянии их контролировать. Она боролась с инфляцией и налогообложением, захлебываясь в них. Убивала школы, где выковывалось молчаливое согласие. Беспристрастно ограничивала занятость и помощь безработным. Экономила даже на вопросах полицейской охраны. Лицемерно заявляла, будто невозможно выстроить новую полицию, поскольку денег не хватает даже на оплату той, что имеется.

Полицейская организация образца XIX века продолжала отчаянно бороться; недостаточно финансируемая и оснащенная, разделенная, контролируемая мелкомасштабными и устаревшими национальными и местническими властями. Нередко она еще и прогнивала от коррупции. Многострадальный век ко всем остальным сложностям добавил гипертрофированную дезорганизацию общественного развития. Полиция и прокуратура чувствовали, что у них гораздо больше врагов, чем друзей или союзников. Война с преступностью начинала больше походить на войну между разными преступными группировками. Постоянные бандитские разборки вообще не оставляли место представлению, будто со стороны закона что-то контролируется. Это привело к недобросовестности при сборе и обработке доказательств чьей-либо вины. Во многих случаях (см. «Естественную историю полицейской облавы» Обри Уилкинсона, 1991) полиция подтасовывала доказательства. Ей стало важнее не докопаться до истины, а посадить человека. Суды захлестнула волна ложных показаний. По данным Уилкинсона, в начале XX века сотни тысяч правонарушителей были «справедливо осуждены на основании сфальсифицированных доказательств»; никаким другим способом их было не осудить.

Но попытки Уилкинсона хоть как-то оправдать правоохранительные органы рушатся под весом других признаков вырождения. Мы все с ужасом читали об использовании пыток в средневековой практике, содрогались от того факта, что в те времена даже существовали специальные машины и инструменты для причинения нестерпимой боли;

дыба, тиски для пальцев, «испанский сапожок» и так далее. Полиция XX века принялась возрождать пытки в отношении тех, кого считала общественно-опасными элементами. Сегодня распутать всю эту историю довольно сложно, равно как и неприятно, но у нас имеется большое количество фактов, подтверждающих, что жестокое обращение с арестованными с целью вымогательства признаний и обвинительных заявлений превратилось в систему.

Одни люди хаотично объединялись в банды и занимались откровенно преступной деятельностью, другие создавали защитные ассоциации для поддержания безопасности и порядка, но не совсем законными методами. Так появились националистические Соколы в Австрии, Сечо в Словакии, ирландские республиканские организации, Ку-Клукс-клан в Америке, многочисленные тайные общества в Индии, Китае и Японии. Россию захватили коммунисты, Италию — фашисты, Германию — нацисты. И все эти движения преследовали смелые и революционные, но вместе с тем и ужасающие экономические и политические цели. Все это, по сути, более профессионально подготовленные и структурированные бандитские системы. Вместо конкретного и быстрого шантажа они искали большего удовлетворения. Вот и вся разница! Даже когда организатор имел солидные представления о своей руководящей функции, локально его сознание вырождалось в поведенческую модель главаря. Все эти разные формы перекристаллизации внутри сообщества, будь то большого или малого, возникали из-за невежества и недостаточного объединения управленческих, экономических и образовательных программ. Поскольку еще не существовало аргументированного предвидения, обеспечивающего непрерывный рост институтов, возникали все эти непреднамеренные и часто очень болезненные новообразования, которые свидетельствовали о накоплении недовольства и требовали более тесную, энергичную и плодотворную форму человеческого общения.

Парадоксально, но цивилизованное общество конца XIX и начала XX века распалось как раз из-за настоящей потребности постоянно обмениваться мнениями. Новые способы взаимодействия буквально разорвали его на куски. До возникновения удовлетворительно организованного Мирового государства продолжение распада и повторной сборки социальной энергии было неизбежным. Это напоминало распад органов у гусеницы в коконе. Все лишь с одной целью — сформировать новые структуры имаго.

Даже само Братство в Современном государстве в том, что касается многих его ядер, поначалу развивалось тем же путем. Перед тем, как объединиться, специалисты различных технических областей осознали, что исчезнет занятость и все, что они ценили, если социальные беспорядки и дальше продолжат распространяться. Первые объединения

«технарей», с точки зрения существующего законодательства, представляли собой все те же преступные группировки. Но, осуществляя защиту и проявляя агрессию, они, в отличие от других банд, обладали невиданной прежде силой мирового сотрудничества. Слияние объединений, состоящих из технических специалистов, и стало прообразом нового мира.

Деморализация жизни на море, благодаря сохранившимся остаткам военно-морской мощи, распространялась гораздо медленнее, чем беспорядок на суше. После серии морских мятежей в конце последней европейской войны возобновилась древняя пиратская практика. Тем не менее, даже одинокий непокорный корабль имел достаточно возможностей, чтобы эффективно отбиваться от нападения. В тридцатые годы нападавшим даже после удачных рейдов не удавалось далеко уйти вместе с добычей. В 1933 году китайский флот распался на группы искателей приключений. Новоявленные пираты прямо по радио предлагали свои услуги тем правительствам, которые ранее поделили между собой их страну. Но эти бродячие корабли, хоть и с оружием на борту, причинили мало вреда, прежде чем их купили, захватили или потопили японцы.

В 1939 году в открытом море пираты захватили канадский прогулочный лайнер «Король Атлантики» вместе с пассажирами и стали требовать выкуп. Обещали всех убить в случае, если требования не будут выполнены. На перехват совместно выдвинулись американские морские и военно-воздушные силы. Операция по обезвреживанию морских террористов прошла успешно, несмотря на то что морякам и пилотам подолгу задерживали зарплату. Бандиты дрогнули и позорно сдались.

Никогда пираты не захватывали судно водоизмещением более 9000 тонн. Относительное поддержание порядка на морских коммуникациях обуславливалось особыми условиями; например, недавним открытием радиосвязи. Тем не менее, в сороковых годах судостроение практически полностью прекратилось. Соответственно сильно сократилось и мировое судоходство.

До окончания третьего Европейского конфликта новые виды преступной деятельности не появлялись в воздухе. Данное поле человеческой деятельности было относительно легко контролировать. Какое-то время самолет являлся самым безопасным и быстрым средством передвижения. В течение нескольких лет после почти полного прекращения обычных наземных путешествий редкий летчик все еще летал по небу над пропитанным опасностями городом, пустынной дорогой, разрушенными загородными домами и заброшенными сельхозугодьями, напоминая о прежних дисциплинах и обещаниях упорядочить будущее.

Было мало самолетов, мало — кораблей. Общий упадок

предприимчивости почти не менялся. Небо и море оставались практически вне зоны действия социальных бедствий вплоть до середины века. Отсутствовала потребность в аэродромах, ремонте и заправке топливом. В результате почти не осталось авиаторов. Небо долго не тревожили, но потом его рассек меч нового порядка.

Глава 4

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наука и практика ведения войны в Эпоху разочарования, не имея соответствующих направляющих и контролирующих сил, развивались нелепо и ужасно.

В 1914 году, в начале Мировой войны, военная наука представляла собой претенциозный клубок отсталых знаний. Военные ведомства, как мы уже говорили, позволили военной промышленности создавать оружие и боеприпасы в огромном количестве, но не произвели никаких ментальных изменений, чтобы общество соответствовало изменившимся масштабам. Все командующие сухопутными войсками, за редким исключением, неуклюже сражались в традициях боевых действий образца XIX века. Тактическая мысль не могла выйти за пределы таких стандартных понятий, как фронтальная атака, фланговый обход или прорыв. Все это, разумеется, приводило к чудовищным потерям. Адмиралтейства, возможно, предупрежденные инженерами, проявили больше осмотрительности и по большей части скрыли свои флоты в сильно укрепленных гаванях. Крупным эскадрам позволили появиться лишь однажды. Итоги битвы оказались настолько спорными, что точка в

этой дискуссии не поставлена до сих пор. Подводная лодка, минное поле, самолет, примитивный «танк», организованная пропаганда, направленная на ослабление боевого духа, газовые атаки и замена многих старших командиров — все это, конечно, внесло ощутимые изменения в наземные бои, но едва ли не до самого последнего дня, когда общий упадок привел к перемирию, профессиональные солдаты цеплялись за идею, что с методами их древней и почетной профессии не произошло ничего фундаментального.

Все изменилось после Версальского мира. Дух беспокойства проникал как в военные ведомства, так и в министерства иностранных дел. Наконец, пришло осознание грядущих великих перемен, потому что они слишком запоздали на фоне огромного количества накопившихся и нерешенных трудностей. Молодые генералы не могли выбросить из головы воспоминания о воздушных и газовых атаках, действиях танков и, прежде всего, о не по-джентльменски грубых высказываниях временных офицеров с практическими способностями и невоенными умственными привычками. Молодежь со временем постарела и заняла руководящие должности. Придя к власти, эти люди не уставали повторять: «Мы должны шагать в ногу со временем».

На смену консерватизму старшего поколения пришли инновации. Повсюду военные ведомства изобиловали новыми концепциями странных изобретений и тайных систематических исследований. Часто туманные и путанные сообщения шпионов и разного рода осведомителей тщательно поддерживались заинтересованными торговцами оружием. Это, в свою очередь, стимулировало неумную тягу к изобретательству.

Старая война погибала в нескончаемых траншейных линиях. «Война за прекращение войны» душила старые представления. На смену умирающей концепции должна была прийти новая война; и быстро. Этого требовали министерства иностранных дел, потому что по-другому не умели. Война была необходима для поддержания суверенитета. Традиционное государство представляло собой организацию, направленную против иностранцев, и опиралось на высшую воинственную санкцию. Любой другой путь позволял усомниться в необходимости существования многочисленных правительств. Тридцатые и сороковые годы XX века изобиловали скрытыми и гротескно отвратительными исследованиями в области разработки методов Новой войны. Единственной альтернативой дальнейшему развязыванию войн мог стать отказ от государственного суверенитета, но человеческие умы оказались к этому совершенно не готовы.

Изменения в методах ведения войны между 1900 и 1950 годами можно сравнить разве что только с введением огнестрельного оружия между XII и XVI веками. Всегда главным конфликтом являлась «битва», то есть прямое столкновение пеших и конных воинов. Традиционным

костяком армии была пехота (правда, гунны и монголы играли по своим правилам), кавалерия выполняла второстепенную функцию. Артиллерия только «подготавливала» атаку. Рамзес, Александр, Цезарь и Наполеон выстраивали битву по схожим алгоритмам. Славные победы в войнах романтических веков достигались одинаковыми методами. Мощный центральный удар — пиками, мечами, штыками, булавами. Схватка продолжалась обычно не более нескольких часов и заканчивалась бегством одной из сторон. Кавалерия устремлялась в погоню и учиняла резню. Нередко, правда, эта «открытая война» чередовалась с длительными осадами, когда обороняющихся брали измором. Тогда свою роль начинали играть голод, эпидемии и разлагающаяся дисциплина. Гражданские подвергались изнасилованиям, грабежам, опустошениям с целью уничтожить припасы. Горожанина или крестьянина принуждали к тем или иным работам или пытались выявить среди них шпиона. Тем не менее, массовые опустошения случались не так часто. Так, например, монголы прекратили орошение Месопотамии, а Вильгельм во время завоевания Англии разорил Нортумбрию. Но эти меры являлись не столько военными, сколько политическими. Война должна была продолжаться несколько десятилетий, чтобы привести к такому разорению, как в Малой Азии во время затяжного конфликта между Византией и Персией. Исламские вторжения сопровождались дискриминационным налогообложением. Дальние походы римских, гуннских и монгольских армий широко распространили ранее локализованные заразные болезни. Между тем влияние старой войны на человеческую судьбу чрезвычайно преувеличивали националистические историки прежнего режима. Миграция имела куда большее значение, чем боевые действия. Крестьянская жизнь неизменно оставалась тяжелой и убогой с той поры, когда появилось сельское хозяйство. «Решающие мировые битвы» и «драмы империй» будоражили фантазию педантов и затуманивали головы обычных людей, а крестьянский образ жизни уступал место нормальным и упорядоченным бытовым условиям.

Но с Наполеоновскими войнами нормальная жизнь изменилась. В ее структуру стал вторгаться солдат, чего раньше он никогда не делал. На военную службу стали призывать большое количество людей и одновременно беспрецедентно повысили денежные сборы. Это не могло не нарушить экономические процессы. Власть хотела поднять промышленное производство. И она хотела с помощью журналистики манипулировать массами как на поле боя, так и в обычной жизни. Война, которая у наших предков больше напоминала поверхностное вспахивание, теперь, подобно ковшу экскаватора, уходила все глубже и глубже, начиная отклонять подземные источники и провоцировать обширные оползни.

Генералы времен Мировой войны оказались в роли неопытных

дилетантов, которые отвечали за работу огромных механизмов, но не умели ими управлять. Если раньше война фактически велась только в одной плоскости, то теперь смертоносный град мог обрушиться и с неба. В эпоху пулеметов и шрапнели стало опасно даже приподниматься со дна окопа. Новая война к 1918 году стала войной народов. Из нее стремительно исчезало всякое уважение к гражданским. Люди это обсуждали, а некоторые даже пытались разобраться в деталях. И вот теперь по всему миру военные джентльмены, многие из которых все еще нацепляли на себя шпоры, эполеты, лягушачьи нашивки, ленты и всяческие медали — то есть разные побрякушки, символизирующие славу старых добрых времен, — самоотверженно взялись за разработку методов ведения Новой войны.

Мужество всегда было лучшей частью военной традиции, и ничто не могло превзойти мужество, с которым эти люди стремились обогнать развитие изобретательства, овладеть инженерией и инженерами, химией и химиками, военными корреспондентами и редакторами газет, а также биологией, медициной и даже финансами. Ничто не могло поколебать идею сражающегося суверенного государства. Ее поддерживали школы, оружейная промышленность и даже старые религии. Но эти структуры действовали совершенно бездарно. Гротескный ужас ожидаемых побед, страдания и несчастья трех поколений были еще достаточно свежи, чтобы скрыть смехотворные результаты.

По военной науке того периода существует обширная литература. Возможно, лучшим обзором является книга «Идеи Новой войны в середине XX века» Фуллера-Метша (2001). В ней автор задает себе три интереснейших вопроса: «За что, по их мнению, они собирались сражаться?», «Как они собирались сражаться?» и «Что, по их мнению, могло бы стать окончательным завершением их борьбы?».

Автор преподносит нам комплексный ответ. Ни один человек, похоже, не смог осознать Новую войну в целом. С торжественной педантичностью и претенциозной скромностью каждый «эксперт» взаимодействовал с той или иной частичкой и предоставлял самому Провидению собирать разрозненные части в единое целое. То, о чем довольно туманно размышлял среднестатистический солдат образца 1935 года, по-видимому, сводилось к следующему. Мир представлялся разделенным на правительства или Державы. Это были суверенные государства по типу Вестфальского договора (1642). Все эти образования являлись конкурентноспособными и в той или иной степени враждебно настроенными. Время активной вражды представляло собой войну, время восстановления сил и подготовки к новой войне — мир. Таким образом война, по сути своей, являлась прекращением перемирия между воюющими сторонами. Непримиримый спор и столкновение интересов ввиду сложившихся обстоятельств не прекращались никогда. Каждая

держава стремилась навязать свою волю соседу. Перед наступлением XX века эта функция возлагалась на армию. Войска пересекали границу и наступали на резиденцию неприятельского правительства. Дальнейшие события обычно развивались по одному из двух сценариев. Либо столица атакованного государства захватывалась наступающими, либо захватчика отбрасывали обратно. В соответствии с волей победителя заключался мир и подписывался мирный договор. Победившая сторона диктовала условия передела границ, передачи колоний, выплаты компенсаций. Победитель расширялся, побежденный усыхал. Подданные последнего чувствовали себя пристыженными, ущербными и обделенными. Эта формула практически без сбоев работала вплоть до конца XIX века.

Когда разразилась Мировая война, «фронт» начал расползаться или даже вовсе исчезать, что вызвало растерянность среди тех, кого прежде следовало безоговорочно считать гражданскими. Власть начала терять ориентиры, поскольку теперь законными целями становилось решительно все. Возникал резонный вопрос: а что представляет собой ответственное правительство, способное навязать волю или покориться ей? Относительно России сформулировать следовало несколько иначе: должен ли коммунистический режим взять на себя обязательства самодержавия? Должна ли Германия; или точнее, должны ли все немцы нести ответственность за милитаризм Круппа и кайзера? На чью совесть следовало возложить раздел Османской империи; на опереточного султана в Константинополе или на Кемаля-пашу в Ангоре? США, едва ли не играючи, вступили в войну, а затем отказались участвовать в инициативе, предложенной президентом Вильсоном. Иными словами, главу государства выставили не полномочным представителем. Неужели Власть может позволять себе вести дела подобным образом?

Еще больше недоумения возникало по поводу законов военного времени. Если фронт фактически упразднен, а мирных жителей бомбят с воздуха, то дает ли это право профессиональным солдатам стрелять в гражданских и разрушать их дома? Это все равно что выпустить на футбольное поле зрителей, которые будут пинать мяч, преследовать судью и отменять счет между изначальными сторонами в игре.

Военное руководство от решения этих ужасающих загадок нового века попросту самоустранилось. Оно решило, что такие вопросы не для него. В войне всегда присутствует та или иная сторона, и дело политиков эти стороны определять. Одна Власть по-прежнему «навязывала свою волю» другой Власти, применяя вторжение и поход на неприятельскую столицу. Но теперь применялись новые методы пропаганды, блокада и нападения в тылу, а также химические и воздушные устройства «подрыва боевого духа» и уничтожения вражеского населения. Все с одной целью — заставить чужое правительство уступить. А если оно будет упорствовать до самого конца, значит, придется пройти парадным маршем по

центральной улице поверженной столицы. Однако эта концепция отказывалась рассматривать ситуацию, когда правительство не уступает, а падает, не оставляя ответственного и жизнеспособного преемника. Военные не хотели разбираться с этим вопросом. Вероятно, предполагалось, что в таком случае война не закончится вовсе.

Работать с финансовыми аспектами военные тоже не желали. Они считали, что это не их дело — оценивать соотношение между затратами на Новую войну и материальными преимуществами, какие можно будет извлечь за счет проигравшего. Делом военного было подготовить лучшую и самую тщательную из возможных войн, со всеми последними усовершенствованиями, нисколько не заботясь о стоимости, и положить соответствующий проект на стол правителю. В свою очередь, правительство должно было выяснить, где и как взять денег на войну и подготовиться к ней. Этот значительный отрыв военного ведомства от экономических и политических ресурсов не мог не привести в скором времени к самым печальным последствиям.

Болезненно прогрессирующий милитаризованный разум пришел к поистине ужасающим открытиям. Солдата это сильно напугало. Он вдруг ясно осознал, насколько могучее зло отныне можно причинять на войне. Страх просочился в речи и книги. Но готовности с этим что-то делать все еще не проявлялось. Отчасти это объяснялось добросердечной традицией. Не хотелось впадать в уныние главным образом по той же причине, по которой священники и епископы продолжали служить Церкви. Это была единственная работа, с которой они могли справиться. В течение тридцати лет после Версальского конгресса тысячи интеллектуалов, профессиональных солдат, пилотов, инженеров, химиков, медиков и им подобных при согласии и одобрении своих потенциальных жертв умело, терпеливо и тщательно ковали самые отвратительные новинки; инструменты для уничтожения всего живого.

По-видимому, все так называемые эксперты на поверку оказались гнусными посредственностями. Никто так и не смог разработать новые методы ведения боевых действий как некий единый и целостный инструмент. Исследовательские группы работали в тайне и по этой причине не были подвержены внешней критике. Они вступали в сговор не только против иностранца, но и друг против друга. Те, кто занимал высокие посты, продвигали по службе самых лояльных, а не самых умелых и опытных. Разумеется, это не могло не отразиться на качестве выпускаемых устройств. Оно серьезно хромало.

В Великобритании группа экспертов занималась так называемой механической войной. Англичане умудрились произвести на полях сражений настоящий бедлам, внедрив уникальное изобретение — сухопутный дредноут или танк. Появление бронированных гусеничных машин несколько запоздало, но в конце войны их стали применять

упрямо и массово. В условиях нарастающей скупости военное ведомство не жалело денег на танки. Для пехоты в траншеях это была очень болезненная оплеуха. Забавные наземные броненосцы всех размеров, от своего рода бронированного пулеметчика на гусеницах до целых мобильных фортов, по-прежнему являются одними из самых странных экспонатов музея Олдершота. Они вполне достойны встать в один ряд с нефтяными дредноутами адмирала Фишера.

По Европе прокатилась британская мечта покончить с войной за счет больших гроыхающих железок. Подразумевалось, что бронированные бревна преодолеют и траншеи, и пояса ядовитого газа, и пулеметные очереди. Разрабатывались танки, способные либо плавать, либо двигаться под водой. Хансен даже утверждал (см. «Последние военные приготовления, XXIV, 1076»), что обнаружил проекты летающих танков, а также танка, способного ползать под землей; то есть рыть землю, как крот. Большинство этих так называемых изобретений так и остались на бумаге. Этой доли гениального абсурда, безусловно, не хватает в современных военных музеях.

Англичане и французы, а затем и немцы очень усердно работали над усовершенствованием боевого самолета. Наибольших успехов добились англичане и немцы. Почти одновременно с итальянцами и японцами они усовершенствовали воздушную торпеду, управляемую на огромных расстояниях¹. Французскому уму, при всем его врожденном блеске, мешало характерное нежелание отказываться от старого завода ради нового. В разработке новых возможностей химической атаки дальше всех остальных пошли немцы, американцы и русские. Разоружение Германии неизбежно вынуждало военное руководство проводить научные разработки в тайне от всего мира. Русские делали акцент на химии из-за своей относительной промышленной отсталости. Немцы первыми применили газ во время Великой войны, и они же долгое время оставались пионерами военного газа². Лидерами в изучении методов биологической войны, то есть распространения инфекционных заболеваний, стали Америка и страны Центральной Европы.

Еще до начала боевых действий в Центральной Европе в 1940 году и в последующие годы распространение различных болезнетворных микробов уже не воспринималось как чисто теоретическая возможность.

На специальных фабриках изготавливались маленькие контейнеры,

¹ Учитывая то обстоятельство, что роман написан в 1933 году, воздушную торпеду, как прообраз радиоуправляемой ракеты, пожалуй, следует признать гениальным пророчеством (*Прим. переводчика*).

² Это со стороны Уэллса явно ангажированное заявление, поскольку Антанта также применяла газовые атаки, а к концу войны производство отравляющих веществ в странах Антанты превзошло таковое в Германии (*Прим. переводчика*).

похожие на авторучки. Колпачки снимались, обнажая растворимые концы. Содержимое выливалось в колодцы, резервуары или ручьи. С самолетов в крупные реки сбрасывались стеклянные бомбы, которые разбивались при ударе о воду. В Музее Олдершота имеются соответствующие образцы. После 1932 года медицинские работники принялись массово вакцинировать население.

В отношении реального применения болезнетворных микробов имелись серьезные опасения. Болезнь легко распространить, но чрезвычайно сложно ограничить ее ареал. Если армия наступает, она неизбежно берет пленных (будь то военных или гражданских), занимает города и территории. То есть, скажем, успешно запущенная чума отскочит со смертельным эффектом для тех, кто ее запустил. Бактериальная война рассматривалась скорее, как метод отчаяния или мести со стороны терпящей поражение армии. Тем не менее, было сочтено разумным держать бактериологическое оружие, что называется, про запас, на самый крайний случай, как самый последний политический аргумент. В 1936 году японцы пытались утихомирить Северный Китай, «не прибегая к крайностям». Распространили злокачественный грипп в Кансу и Шенси. Другие случаи применения данного вида оружия официально никогда не признавались. Исследования Исторического бюро показали, что другие предполагаемые случаи его преднамеренного использования ответственными лицами были вызваны либо несанкционированным рвением подчиненных, либо деятельностью религиозных фанатиков, которых стало очень много в период неразберихи после 1945 года. К 1950 году произошла акклиматизация комаров, передающих желтую лихорадку. В результате численность населения полуострова Индостан сократилось в разы. Тем не менее, считается, что антропогенный фактор здесь ни при чем.

Определенные «светлые» головы пытались объединить методы газовой и бактериологической войны. Это, несомненно, самое странное из человеческих безумий; его начало и конец — закрытая глава в истории человеческого разума и воли. Оно не могло не наложить свой отпечаток на одежду и городскую архитектуру той эпохи. История судебных пыток или ритуального каннибализма не трогает нас слишком сильно по причине временной отдаленности. Но бесчеловечность химических и биологических экспериментов особенно поразительна ввиду ее близости к нашему времени. В этих непотребствах звучали общие идеи, объединявшие человечество. Тысячи ясных и активных талантов, каждый из которых, бесспорно, в здравом уме, в атмосфере, одержимой правдоподобными, но ложными предположениями о патриотическом долге и чести, сотрудничали ради получения совместного результата, феноменально жестокого и безрассудного.

Занятые этим гнусным делом проявляли исключительную серьезность,

трудолюбие и бдительность. Если бы они могли сегодня вернуться в мир, каждого по отдельности мы бы сочли респектабельным, общительным и эрудированным человеком. В совокупности же они представляли собой сборище опасных безумцев. Они создавали страдания, искалеченные жизни и смерть для миллионов своих братьев.

Большинство смертоносных веществ, приготовленных для целей газовой войны, вообще вышли за рамки общих знаний. Сегодня эти вещества либо полностью сняты с производства, либо выпускаются в крайне ограниченных количествах в научно-экспериментальных целях. Старые распыляющие устройства в настоящее время кажутся гротескным предвосхищением сегодняшних крупномасштабных сельскохозяйственных и гигиенических операций. Уничтожение саранчи с воздуха, опрыскивание лесополос с целью предотвратить заболевания деревьев, регулярное очищение и стимулирование зерновых культур и корнеплодов — все это продукт рационализации практик Эпохи разочарования.

Фабер, этот кальвинистский оптимист, с его доктриной, что все плохое к лучшему в самом безумном из мыслимых миров, считал, что масштабные методы «чрезвычайно стимулированы» сумасшедшей изобретательностью военного периода. И он же предположил, что без военного стимулирования самолет не вошел бы во всеобщее употребление еще много лет. Тем не менее, мы склонны думать, что в своем учении о достижении мудрости через слабоумие автор, пожалуй, заходил чересчур далеко. На самом же деле это всего лишь модернизация истории Чарльза Лэма о том, как начали жарить поросят¹. В этом было что-то распутинское, некое возрождение древней ереси о том, что ради спасения следует сначала ОСНОВАТЕЛЬНО согрешить.

В какой-то степени газовая война послужила предтечей для кампаний против крыс и мышей (2033 и 2035). Мир, наконец, избавился от бубонной чумы. До 2060 года в разных районах разрешалось применять во время праздников «веселящий» газ. До 2080 года в качестве вспомогательного средства для подавления угнетающих кометных токсинов применялся так называемый доброкачественный газ. Насыщались кислородом фабрики, игровые поля, залы заседаний и другие подобные места, требующие повышенной активности. В гималайских долинах отдыха использовался газ Лотоса Паданата Тагора. Все это, по мнению Фабера, также является отголоском газовой войны. Единичные химически агрессивные средства, которые когда-то произведены для

¹ Чарльз Лэм (1775-1834) — крупнейший английский литературный деятель. В эссе «Слово о жаренном поросенке» шутливо обыграно, как сын свинопаса, играя с огнем, спалил дом. При пожаре сгорели и поросята, чье жаренное мясо впервые попробовал незадачливый ребенок (*Прим. переводчика*).

военных нужд, сегодня используются для охраны особо важных объектов на промышленных предприятиях. Синтез кустарным способом является тяжким уголовным преступлением. Для получения смертоносных смесей использовались самые разнообразные химические возможности. Далеко не все вещества получались газообразными. Многие представляли собой летучие жидкости или даже мелкодисперсные твердые субстанции, которые распылялись с воздуха над вражескими позициями. В 1931 году доктор Гертруда Уокер, участвовавшая в Расследовании Межпарламентского союза, опубликовала полезное резюме сложившегося состояния дел. Совместно с коллегами («Какой будет Новая война?», «Исторические документы», 937 205) она сформировала достаточно полную оценку и сошлась во мнениях с ведущими военными экспертами. Ее список охватил все основные типы отравляющих газов, что побудило участников продолжать расследование вплоть до 1938 года. Позднее разработка химического оружия заметно пошла на спад.

После 1940 года даже военные разработки оказались ограничены растущим финансовым параличом. В 1960 году уже ни один завод не мог производить материалы для газовой войны в достаточно больших масштабах.

Из газов, фактически испытанных во время Мировой войны, главными, по-видимому, являлись хлор и различные соединения хлора (фосген, газ Зеленого креста, хлорпикрин и так далее). Они разрушали легочную ткань. Немцы использовали хлор на Ипре в апреле 1915 года. Тогда от этого газа погибли 6 000 человек. Вскоре от него отказались, потому что его присутствие быстро обнаруживалось, вследствие чего можно было быстро принять меры предосторожности. Другие газы того же класса действовали более скрытно. Жертва начинала кашлять. По мере разрушения легочных бронхиол и альвеол она задыхалась, появлялась рвота, а при новых приступах кашля наружу устремлялись кровь и лоскутки обугленной ткани. Из рта рвалась кровавая пена. Лицо синело и распухало, и наступала смерть. Если пострадавшему удавалось выжить, его поврежденные легкие становились легкой добычей для туберкулеза и ему подобных заболеваний. Газы этой группы приводили к характерным осложнениям. Со стороны нервной системы это проявлялось в виде дикого возбуждения, панической атаки, судорог, криков и паралича. Тысячи людей умерли в агонии от газа «Зеленый крест», и кое-кто из экспертов предложил учинять расправу над целыми народами таким способом в качестве карательной меры. Газ «Зеленый крест» использовался при польской бомбардировке Берлина в мае 1940 года. Немцы в ответном налете на Варшаву использовали авиационные торпеды с тем же веществом, но с более сильной концентрацией. В 1935 году Зеленый крест обрушился на Нанкин, китайцы ответили тем же веществом по Осаке¹.

Газ «Желтый крест», он же горчичный газ или иприт, куда более коварен, жесток и смертоносен. На самом деле это не газ, а летучая жидкость. На холоде она тонкой пленкой незаметно растекалась по земле, попадала на ботинки и одежду, переносилась туда- сюда. Ее присутствие обнаруживалось медленно, по мере того, как она испарялась. Наступали дискомфорт и паника, а затем кашель и рвота. Мучения были жуткими и сопрягались с полной безнадежностью. Иприт убивал любую живую субстанцию, с которой соприкасался. Сжигал, обугливал, покрывал волдырями. Одного объема иприта в пяти миллионах объемов воздуха было достаточно, чтобы негативно сказаться на легких. Горчичный газ въедался в кожу, воспалял глаза, разрушал мышцы. Он полз по всему организму, ослаблял все его функции и душил. Почти все пострадавшие умирали. Максимальный эффект — быстрые муки и смерть, минимальный — длительные страдания и укороченная жизнь. «Желтый крест» использовался во время боевых действий в Северном Китае в 1934-37 годах и в китайских налетах на Японию. Эвакуация Берлина в 1946 году проводилась под угрозой сброса бомб, начиненных горчичным газом.

(Бомбы с ипритом на Берлин действительно были сброшены, но либо по счастливой случайности, либо из-за прямого неподчинения химиков, нанятых поляками, сброшенный смертоносный груз не разорвался при падении. Если верно второе, значит, речь шла о самом ярком примере саботажа пацифистов, который помог положить конец боевым действиям в Центральной Европе. Пятеро были расстреляны, семнадцать приговорены к длительным срокам тюремного заключения, но ни один из протоколов судебного разбирательства не сохранился).

По данным доктора Уокера, вместе с Зеленым и Желтым крестом использовался еще и Синий крест, которому отводилась особая роль. Являясь почти неосязаемой пылью, это вещество представляло собой прямой нервный раздражитель. Оно могло проникать через фильтр любого противогаза и вызывало такую боль, что жертва, теряя самообладание, срывала с себя резиновую маску, обнажаясь перед зеленой или желтой парой, с которой обычно и высвобождался «Синий крест».

Все эти бесчеловечные инструменты широко и активно применялись уже во время Мировой войны, но после ее окончания секретная деятельность различных отделов по изготовлению отравляющих газов только возрастала и поддерживалась с удвоенной энергией. Потребовалось еще двадцать лет, чтобы раскрыть самые ужасные

¹ Любопытно, что в своем прогнозе автор сам же и объясняет, почему такой сценарий вряд ли осуществим в реальности. Если противник обладает тем же оружием, он нанесет ответный удар такого же свойства (*Прим. переводчика*).

возможности этой отрасли. В конце 1918 года профессор Льюис открыл «Люизит», вещество, которое ввиду своей запоздалости уже было поздно применять на фронтах, но которое стало предметом жарких дискуссий. Это было соединение мышьяка. Человека выводил из строя один объем на десять миллионов объемов воздуха. Без вкуса и запаха оно действовало не сразу, и его сложно было быстро распознать. Как и при действии горчичного газа кожа покрывалась волдырями.

За этим изобретением последовали другие. Более смертоносные яды стали называть более милосердными, потому что они убивали мгновенно. Некоторые вызывали судороги и мышечный спазм, в несколько раз более сильный, чем при неизвестном сегодня столбняке. Однажды в экспериментальных целях отравили целое стадо коз. Описание этого эксперимента наводит на вполне определенную мысль: «Газ подействовал на всех. Три козы разбили себе головы об ограждение». Отраве следовало помочь в ее задаче, которую доктор Уокер назвал «массовым убийством». Было проведено сопутствующее исследование зажигательных и взрывчатых веществ, способных разрушить либо выжечь изнутри любое убежище от газовой атаки. То есть испуганную толпу пытались лишить вообще каких-либо шансов на спасение.

Резюме доктора Уокера не включает в себя изобретение Ковое- та в 1934 году. Речь пойдет о «Перманентной смерти». Состав этого продукта держится в строжайшей тайне. Это соединение очень медленно разлагается. Само по себе оно не является ядом, и это — не газ. По консистенции — крупнозернистый порошок. Испаряясь, соединяется с кислородом, в результате чего и образуется страшнейший яд. Негативное воздействие начинается с одного объема на пятьдесят миллионов объемов воздуха. Действие в основном люизитного типа. Впервые «Перманентную смерть» применили в Восточной Пруссии в Первую Польскую войну. Отраву распылили вдоль всей границы на глубину до трех миль. Население срочно эвакуировали. Восточная Пруссия превратилась в полуостров, доступный только из Литвы или по морю. Несмотря на тяжесть зерен, ветры в конце концов расширили полосу смерти до пятнадцати миль. Так химическая смерть достигла Данцига¹.

В этот отравленный район не заходили вплоть до 1960 года, за исключением специалистов в противогазах и защитных комбинезонах. Территория была усеяна трупами людей, крупного рогатого скота, собак, мышей, крыс, птиц и более мелких существ. Червей убило на глубине до метра под землей. В «Картинах войны» приведены две фотографии: растительность погибла не вся; деревья остались, но без листьев на ветвях,

¹ В данном случае автор фактически описывает основную причину, по которой от применения газовых атак постепенно отказались. Невозможно спрогнозировать направление ветра на длительное время (*Прим. переводчика*).

трава сохранилась местами, большие площади теперь занимал серый мох.

Любопытным побочным продуктом «Перманентной смерти» явилось то, что сегодня известно, как стерилизующая ингаляция. Изначально все оказалось следствием банальной случайности. Китайцы организовали воздушный налет на Осаку и Токио в 1935 году в качестве возмездия за бомбардировку Нанкина «Зеленым крестом». Предполагалось использовать «Перманентную смерть», но из-за спешки, сложностей приготовления и дефекта приемки что-то пошло не так. Все китайские самолеты были сбиты японцами на пути домой. Результатом рейда среди населения стали только временный подъем температуры тела, тошнота и диарея.

Но японцы рано радовались. В течение нескольких месяцев у всех беременных произошли выкидыши. Причем это касалось не только людей, но и практически всех животных. Исчезли мыши и крысы, и вскоре стало ясно, что эффект будет сохраняться годами. Не пострадали только птицы по причинам, которые позднее разъяснил Крейфорд-Хаксли. Воробьи чрезвычайно размножились, а куры торжествующе кудахтали в бездетных городах. При изучении состава отравляющего вещества китайские химики наткнулись на компонент, способный воздействовать на гены. Такие компоненты сегодня называют кинетогенами Пабста. Благодаря работам этого ученого и его помощников биологи узнали о разных видах кинетогенов. В процессе научных экспериментов были получены новые типы аберрантных, то есть неполноценных животных. В сороковых годах XX века стерилизационную ингаляцию широко применяли на безлюдных территориях. Возможно, недалек тот день, когда она найдет важное евгеническое применение.

Японский опыт произвел неслыханную общемировую сенсацию. И не мудрено, поскольку его восприняли новым эффективным способом массового геноцида. Но милитаристский класс, как в Японии, так и в Европе и США, очень рассчитывал на то, что люди будут умирать не просто так, а отрабатывая функцию пушечного мяса. Патриоты пребывали в ужасе, пока не догадались, что китайцам неизвестна формула стерилизационного ингалятора. Мир содрогался от страшных слухов. Поговаривали («Проклятая евгеника», «Исторические документы», 5 752 890 и далее), что новое изобретение применялось с воздуха в Палестине, Аравии, Ирландии, а также частично или целиком в Китае и на Африканском континенте¹. Но человечеству была гарантирована безопасность от такого вида вооружений, потому что ингалятор

¹ Перечислены территории, либо входившие в состав Британской империи, либо, как в случае с Китаем, попавшие в зону ее непосредственных интересов. В последнем случае это в немалой степени обуславливалось стремлением Лондона монополизировать на Дальнем Востоке опиумные поставки (*Прим. переводчика*).

получился случайно. Ученые буквально рыли землю голыми руками, чтобы докопаться до формулы, но все тщетно. Ее разработали и поставили под контроль только после того, как безумный мир сурового человечества оказался во власти Воздушной диктатуры.

Но каким образом все эти отвратительные приемы Новой войны должны были окончательно сломить волю воюющей державы? По-видимому, этот вопрос так и не был разработан. А если и был, то держался в таком секрете, что исчез вместе с создателями. После того, как задохнулись миллионы, после того, как города пропахли трупами, что тогда?

Возможно, прежняя власть в своих рассуждениях не заходила так далеко. Все, что мы можем сегодня распутать в работах химических экспертов, представляется какой-то глупейшей шалостью озорника. Кажется, что все исследования в данной области проникнуты беспричинной деструктивностью человека с мозгом агрессивно настроенного шимпанзе.

Поразительно, что эти планы скрупулезно выстраивались ровно до того момента, когда наступала пора задавать главный вопрос «ЗАЧЕМ?». Например, в Морском военном музее в лагуне Торчелло находится шесть подводных лодок-рейдеров, построенных четырьмя разными великими державами. Все эти аппараты специально спроектированы как дальние базы для ведения газовой войны. У них не было ни оружия, ни обычного боевого снаряжения, и они имели практически неограниченную дальность действия. В чреве каждой — от пяти до девяти самолетов с запасом газовых бомб. В чреве каждого — тридцать дальнобойных авиаторпед со всей необходимой аппаратурой наведения¹. В бомбах — четыре разных типа газовой смеси, но они мало отличались друг от друга по характеру и эффективности. Самые маленькие из этих рейдеров несли достаточно мощи, чтобы «подготовить» около восьмисот квадратных миль территории. Один такой рейдер мог полностью уничтожить население Лондона или Нью-Йорка. Эти подводные авианосцы делали Лондон уязвимым для японской атаки, а Токио, скажем, для ирландской. Они упразднили в мире последние уголки безопасности.

Шесть зловещих чудовищ сияют теперь в огромной галерее бок о бок. Ядовитые клыки обнажены, но миссия заброшена. Мрачные свидетельства и неопровержимые доказательства одного кошмара среди многих других кошмаров, порожденных ненавистью и злом. Человеческий мозг в Эпоху разочарования легко им поддавался. Эти чудовища теперь беспомощны, и они — там! Их изготавливали с тем же

¹ В плане ошибочности данного прогноза первым делом в голову приходит простой вопрос — а зачем нужны самолеты при условии, что «дальнобойные торпеды» снабжены «всей необходимой аппаратурой наведения»? (Прим. переводчика).

посылком, что и в Средние века — пыточные орудия. Даже среди счастливой уверенности в нашей теперешней жизни хорошо бы нам помнить, что при соответствующих условиях люди, технически столь же здравомыслящие, как и мы, могут проектировать и создавать ужасающие смертоносные аппараты.

Эти факты обладают отталкивающим действием, а мы уже уделили им внимания, более, чем достаточно. Не следует смаковать ужасы. История не предназначена для того, чтобы превращать ее в праздник непотребства. Газовая война унесла более миллиона жизней. Между тем суть нашего рассказа заключается в том, что после ускоренного унижения милитаризированного ума бездарными генералами воинственная наука не столько прогрессировала, сколько путалась в собственных многочисленных изобретениях. Ученые изобретали один ужас за другим, пугали и мучили человечество, сеяли ненависть и болезни, занимались деморализацией и разрушали промышленность, делали целые страны непригодными для жизни и разрывали связи, посредством которых люди организовывали упорядоченные общества, но наука не приводила к решительному завершению той или иной войны. Без планов на будущее, вообще без видения мира в целом, тысячи специалистов, скрытых под грифом секретности, эти «проклятые гениальные патриоты», как называл их Исаак Бартоншоу (1913-2003), продолжали накапливать взрывчатку, болезнетворных микробов и фантастически смертоносный газ.

Никакой всеобъемлющий план не объединял ни один из этих центров зла в одно заранее спланированное целое, как, например, военные приготовления империи Гогенцоллернов были объединены четкой и продуманной схемой решительной войны. Под вульгарной монархистской болтовней о немецких усилиях 1914 года скрывалась реальная схема, как преобразить цивилизацию, основанную на тевтонском ядре в соответствии с тевтонскими идеалами. Возможно, в этой схеме действительно имелись очевидные дефектные элементы, но в целом она была вполне логичной и внутренне завершенной. После 1914 года военное планирование так и не восстановило полноту идеи, не вернулось к логически обоснованному фундаменту, а воинственность окончательно потеряла остатки разума. Все остальное катилось уже просто по инерции, без малейшего представления о задуманном.

По миру разбросало множество бессвязных ментальных мин. Вспышка беспорядочного зла вполне могла привести их в действие. Требовалась только одновременная детонация безумных голов, наделенных властью. Такое развитие событий вполне могло бы уничтожить человечество. К счастью, единения безумства так и не произошло.

Угроза хаоса, состоящего из катастроф и бесцельных жестокостей, висела над неорганизованным и незащищенным миром три четверти века. Периодом Максимальной незащищенности историки называют

интервал между 1935 и 1965 годами. Именно тогда происходили наиболее ужасающие события. Например, в Нанкине, Пекине, Осаке, Берлине и Варшаве. Но именно невероятный ужас воспитал и закалил лучших людей для того, чтобы они достигли мира во всем мире. Два фундаментальных зла традиционализма нейтрализовали друг друга во время длительного периода инкубации Современного государства. Жадный кредитор уравновесил жадного торговца оружием. По мере того, как оружие дорожало, потенциальный покупатель беднел. Ослабевающая экономика в конце концов подкосила даже самых обеспеченных толстосумов. Производство химического оружия стало заваливаться в ту же экономическую яму, что и все другие типичные институты старого порядка. Всеобщая социальная ликвидация, наконец, затронула и частный капитализм, упорно не желавший видеть что-либо, кроме прибыли. Наступало тотальное банкротство.

Глава 5

УГАСАЮЩЕЕ ВИДЕНИЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ЯПОНИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ВОЙНЕ

Мы уже показали, как парламентская демократия упразднила реальных лидеров в государственных делах и заменила их странным типом псевдо-предводителей, которые, по сути, являлись РЕЗУЛЬТАНТАМИ, то есть людьми, которые ничего не делали, не создавали каких-либо эффективных структур, не сталкивались с чрезвычайными ситуациями, а только маневрировали между проблемами, извлекая из этих маневров мелкие выгоды, вроде поднятия положения или престижа. Результаты просто наблюдали за разложением, не прилагая никаких усилий, чтобы его остановить. В самом деле, а зачем результанту было прилагать какие-либо усилия? Разве он не выражал народную волю?

Мы уже рассматривали поведение этих удивительно неэффективных групп перед лицом финансовых потрясений, которые душили экономическую жизнь. Похоже, что никто из них даже не стремился детально изучить развернувшийся деструктивный процесс. Неправильная адаптация Версаля только усугубляла проблемы, а демократия доверила людские судьбы обманщикам. Система настаивала, что те действуют из

лучших побуждений, но на деле власть оказалась загадочно ни на что не способной. Вдоль границ Италии и Германии гноились открытые раны, и никто не проявлял стремления их исцелить. На Дальнем Востоке конфликт между Японией и Китаем, не вызвав европейского протеста, перерос в открытую войну. Каждое мировое событие громче предыдущего взывало к коллективным действиям, но слова оставались только словами. Лига Наций назначала комиссии по расследованиям и проводила достойный восхищения анализ безнадежных ситуаций.

Но никто не имел ни малейшего понятия, как остановить мрачное развитие ситуации. Главы государств повторяли одни и те же традиционные жесты. Складывалось впечатление, что ничего другого от них попросту нельзя ожидать. Исторические закономерности больше не работали, и руководители вдруг обнаружили, что больше не могут жестиковать. Их конечности словно превратились то ли в облака, то ли в камни.

В этих условиях решающим оказалось поведение Японии. В 1931 году внутренняя революция передала политическую власть в руки патриотической военной группировки, дипломатически беспринципной и крайне ортодоксальной в отношении традиций. С необычайной энергией и столь же необычайным отсутствием подлинного видения этот милитаристский кружок принялся в карикатурном виде копировать европейский империализм образца XIX века. Коллективный разум правящей группы сверх всякой меры оказался романтически настроенным и одержимым идеей национального господства и славы, несмотря на то что христианский мир уже прошел эту стадию с гигантскими потерями. Военные инициативы оказались квазинаполеоновскими, дипломатические претензии основывались на самых ярких европейских примерах. Настала «очередь Японии» испытывать судьбу на этом поприще.

Наш отдел исторических исследований скрупулезно изучал вопрос, как японские империалисты представляли себе собственные действия. Но на самом деле это лишь частный случай общей загадки, почему любая «Власть» того времени видела себя в искаженном свете. Прошло всего полтора столетия с той поры, когда японские солдаты маршировали по улицам поверженных китайских городов. Тем не менее наши психологи с горечью признаются, что не понимают, как с виду абсолютно нормальные люди умудрились докатиться до таких степеней безумия. Почему умные люди вели себя таким образом?

Разгадка кроется в необычайной легкости, с которой человеческий разум способен подавлять неприятную реальность и погружаться в атмосферу гротескных, но лестных иллюзий. Точно так же, как западные банкиры, экономические эксперты и государственные деятели не видели тщетности своих финансовых методов, так и японские милитаристы не

смогли разглядеть бесперспективность континентальной авантюры. Они не видели за собой жалких, нищих и голодных крестьян, деградировавший физически и морально городской пролетариат, бунтарское бормотание в пропахших потом промышленных центрах и протесты интеллигенции.

Даже неуклонное падение национального престижа за рубежом и растущая экономическая напряженность в стране не избавляли от радужных галлюцинаций. В своем губительном стремлении подражать Западу Япония старательно воспроизводила большинство его революционных условий. Тем не менее, японские лидеры ясно видели, что дезорганизованный Китай с большим трудом пытается найти новый метод коллективной жизни и тем самым найти замену своему древнему слабому империализму. По всем правилам международной игры это предоставляло стране восходящего солнца неплохие шансы. В Токио помнили, как развал империи Великого Могола обнажил Индию для европейских пиратов и тем самым позволил создать нестабильную и бесцельную английскую колонию. Теперь же сама судьба предоставляла Японии возможность господствовать над всей Азией, или, по крайней мере, над большей ее частью. Кто мог сказать, где закончится имперская авантюра и когда ей наступит конец? Мираж безграничной власти и славы открывался перед японскими милитаристами, как это всегда бывало, когда кто-то начинал выстраивать свою империю.

Они полагали, что каким-то чудесным образом смогут обойти и Новую войну, и современную индустриализацию, и парадоксально склонное к саморазрушению частное капиталистическое предпринимательство, и Россию, и Америку с их превосходящей массой, и традиционное единство вместе с нестигаемым упрямством, присущим китайскому населению; рассуждали не то как подростки, не то как британские генералы, нежась в «теплой империалистической постельке» до 1914 года. Это была архаичная мания величия, которая привела к убийству около трех миллионов солдат и офицеров, полной социальной дезинтеграции в Китае и окончательному краху японской монархии¹.

Желающие получить соответствующие знания могут обратиться к специальным учебникам, где подробно изложена история японской агрессии, начиная с 1931 года. В них охвачены захват Шанхая, вторжение в Маньчжурию и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го (1932), прорыв Великой стены, вторжение в континентальный Китай с севера и поход на Пекин. До начала тридцатых годов боевые действия

¹ Разгромив Японию в 1945 году, США позволили императору Хирохито сохранить свой титул, чем немало удивили весь мир. Монархия существует по сей день. Потери Японии во Второй мировой войне составили более семи миллионов человек (*Прим. переводчика*).

происходили по образцу старой войны, то есть, исходя из практики XIX века. Китайцы были плохо оснащены ввиду слабо развитой промышленности, поэтому японцы не сочли нужным прилагать слишком дорогостоящие усилия для достижения своих целей.

Все это происходило под аккомпанемент протестов совершенно бессильной Лиги Наций в Женеве. «Отчет Литтона», подготовленный комиссией по расследованию, можно найти в серии «Исторические документы» (2 067 111). Между тем, протестные настроения уравнивались двусмысленными высказываниями министерства иностранных дел Великобритании, почти открытой поддержкой со стороны французской военной промышленности и американских банков, а также принадлежащих этим структурам газет. Благодаря этим разногласиям японские милитаристы имели прекрасную возможность попросту игнорировать всякую западную критику.

В 1935 году японцы оккупировали Пекин и Тяньцзинь. Соответственно в китайской столице образовалась вторая марионеточная монархия. Однако оккупантам оказалось очень нелегко удержать в подчинении огромную страну. Особенно это касалось южных и западных районов. Маньчжурия, Внутренняя Монголия и Шаньси по-прежнему кишели бандитами и мятежниками, а все еще незанятая долина реки Янцзы продолжала сражаться под руководством реорганизованного Гоминьдана. Ни в одной части Китая или Маньчжурии японцы не могли чувствовать себя в безопасности. К тому же им сильно отравлял жизнь строгий экономический бойкот, поддерживаемый вездесущим терроризмом. Будучи созданным великим китайским революционером, Сунь Ятсеном, Гоминьдан неоднократно видоизменялся. Он имел грубое сходство с Коммунистической партией и различными формами европейского фашизма, и подобно этим объединениям поддерживал ядро сознательной цели во всем своем сообществе. У него отсутствовали жизненный центр и формальный глава, а идея подпитывалась бесконечными военными операциями. Под сильным внешним давлением это политическое движение стало яростно патриотичным и ксенофобным.

К 1936 году в континентальной Азии Япония уже была вынуждена постоянно держать более полутора миллионов солдат, но власть над Китаем так и оставалась неполной. Бомбами, начиненными «Желтым крестом», пришлось дважды бомбить Нанкин, Пекин до его капитуляции, а также Учан и Ханькоу. Погибли сотни тысяч человек, но остальных это не сломало. Общество «Защиты Китая» в качестве акта возмездия обрушила газовые смеси на Токио и Осаку, поразив мир внезапной СТЕРИЛИЗАЦИЕЙ.

Никто не знал о китайских ВВС, пока те не показали себя в действии. Машины прибыли из Швеции через Россию'. Другие западные страны

также поставляли китайцам военную контрабанду. Неопознанные самолеты с неизвестными бомбами появились в небе и с громким гулом полетели над морем к японским берегам. В 1935 году японский транспорт подорвался на mine и затонул в заливе Печили. В 1936 году три японских корабля были уничтожены минами неизвестного происхождения в радиусе пятидесяти миль от порта. На севере военные поставки всех видов шли из Советской России, на юге — из французских и британских владений. Все активнее к военной помощи Китаю стала подключаться и Америка, поскольку имперские амбиции японских лидеров становились все очевиднее и наглее. Западные чувства разрывались между недоверием к Японии и желанием восстановить порядок на капиталистической основе, тем самым спасая Китай от коммунизма. По мере японского продвижения европейские и американские симпатии к Китаю увеличивались все ощутимее. Австралия и Новая Зеландия обратились к Вашингтону с предложением дополнить взаимные гарантии о разделе сфер влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе от 1937 года^{1 2}. То есть речь шла о взаимных гарантиях для всех европеизированных регионов Тихого океана. Какое-то время казалось, что западный мир может быть приведен к своего рода единству на фоне регулярно вспыхивающих агрессивных японских устремлений. Однако нанесенные Центральной Европе унижения все еще не были забыты и по-прежнему причиняли ощутимую боль. Потенциальное сотрудничество сильно подавлялось этим обстоятельством.

Еще до начала завоевательного похода на Китай в Японии разразился сильнейший социально-экономический кризис. Предыдущие успехи, связанные с легким захватом Пекина и неспособностью китайской армии реорганизоваться в могучую силу, наполнили островную империю патриотическим энтузиазмом и надеждой. Война трижды завершалась победой и разгоралась вновь. Ни один захватчик никогда не завоевывал Россию, и никто никогда не завершал завоевание Китая. Всегда за пределами покоренных провинций появлялись другие, извергающие непримиримую враждебность. Сычуань и южные территории оказывали неиссякаемую поддержку и снабжали сопротивляющийся Гоминьдан. Становилось ясно, что в Китае больше не может быть мира до тех пор, пока захватчики не прорвутся в Тибет³.

¹ В реальности же в Китае с японцами сражались советские летчики на советских боевых самолетах (*Прим. переводчика*).

² Любопытный нюанс заключается в том, что в 30-е годы XX века Австралия и Новая Зеландия являлись доминионами Британской империи (*Прим. переводчика*).

³ Автор фактически верно обрисовал ход японо-китайского конфликта в период с 1937 по 1945 год. Правда, не смог предугадать падение Гоминьдана и приход к власти коммунистов в 1949 году (*Прим. переводчика*).

Японию охватила усталость от войны. Крестьяне видели, как их дети уходили на войну, чтобы никогда не вернуться. Нехватка самых необходимых продуктов привела к голоду. К 1935 году в Японии уже велась интенсивная агитация под общим лозунгом «Остановим войну!». В Нагое прошли массовые демонстрации. Полиция их разгоняла с сотнями жертв. Вскоре начался неистовый сброс накопленных товаров за границу с целью оплатить не только боеприпасы, но и такие жизненно необходимые импортные товары, как австралийское мясо или канадская и американская кукуруза. Война истощала поля, разрушала производительность на бескрайних китайских территориях. Японская социальная структура оказалась слишком примитивной, чтобы повторить немецкие экономические чудеса во время Мировой войны. Доверие к Японии неуклонно падало. Соответственно ее перестали кредитовать. Токио не мог получить иностранный займ даже под 14-15 процентов, что являлось совершенно непомерной ставкой. И все равно конца этому безумию видно не было.

Японские милитаристы зашли слишком далеко, чтобы отступить. За ними стояло страдающее население, умеющее становиться мстительным. К тому же за ареной борьбы очень внимательно наблюдали Россия, Америка и Европа. В соответствии с лучшими традициями своей культуры национальные лидеры попытались одним решительным массированным ударом обрушиться на провинцию Хубэй. Подготовились очень основательно, призвали всех, кого только можно призвать. Наступление должно было стать «проникающим ударом в самое сердце».

Токио запланировал сходящийся марш из Нанкина, Шаньдун и Гуанчжоу. Таким образом, планировалось одновременно поразить жизненно важные центры. К Шаньдуну и Гуанчжоу проходили железнодорожные ветви, но их было сложно защищать на всем протяжении. Грунтовые дороги оказались почти непригодными для интенсивной эксплуатации. Проникнув в Хубэй, японцы оказались вынуждены треть своих сил оставить для охраны и налаживания транспортных коммуникаций. С величайшим трудом удавалось перемещать боеприпасы, а о тяжелых орудиях и говорить не приходится. Три великие армии соединились в районе Ухани, но замкнуть кольцо не смогли. Возникла тупиковая ситуация; иными словами, тупик взаимного истощения¹. Китайские войска так и не позволили себя полностью окружить. Весь 1938 год Япония ждала хороших новостей от вырытых в виде полумесяца траншей под Уханем, но ждала напрасно. Эпидемия вспыхнула в июле, камня на камне, не оставив от всех санитарно-

¹ В реальности крупномасштабную кампанию против Китая Япония развернула в 1937 году, а позиционный тупик в войне действительно наступил именно в 1938-ом (Прим. переводчика).

медицинских усилий захватчиков¹. В начале 1939 года японцы начали всеобщее отступление в Нанкин. Все это сопровождалось катастрофической дезорганизацией транспорта, нарастанием мятежных настроений и восстанием в метрополии.

Об ужасах этого похода не принято было говорить. В начале наступления в трех японских армиях насчитывалось более двух миллионов человек; к концу отступления их осталось менее миллиона. Голод оказался куда более смертоносным, нежели действия китайских партизан. Измученные японские солдаты умирали прямо на дорогах. Китайцы редко брали пленных. И дело здесь вовсе не в отсутствии милосердия. Голодали все; не было никакой возможности предложить пленному хоть какую-нибудь еду. До Нанкина добрались меньше ста тысяч человек. Мелкие отряды пробивались на север и на юг. Тем временем в войну с Японией вступили Соединенные Штаты, а Осака и Нагоя оказались в руках коммунистических комитетов.

В течение нескольких недель разбитая японская армия бездействовала в лагерях к западу от Нанкина, а затем она взбунтовалась, перестреляла офицеров, провозгласила социальную революцию и объединилась с Китайской Красной армией, которая вышла из Ханчжоу и освободила Нанкин.

Вступление Соединенных Штатов в Восточную войну не только завершило деморализацию милитаристской Японии, но и ответило на вопрос, кто минировал японские территориальные воды и поставлял китайцам подводные лодки.

Лишь относительно недавно удалось окончательно разобраться с историей морской войны против Японии. В то время фальсифицировали едва ли не каждую запись, едва ли не каждое событие скрывалось или тщательно маскировалось. Теперь совершенно очевидно, что не только частные фирмы производили мины и занимались постановкой подводных минных заграждений, но и различные европейские военно-морские ведомства под предлогом экономии продавали большую часть подводных судов для «взлома» агентам и дилерам, действующим от имени южноамериканских посредников. Подводные лодки либо целиком, либо в разобранном виде отправлялись в перуанские или чилийские порты, а оттуда через Тихий океан на Филиппины. В 1937 году Манильская декларация президента Рузвельта №2 практически распространила на

¹ В свете событий декабря 2019 года художественное решение Уэллса поместить начало эпидемии, выкосившей японскую армию, именно в Ухань сегодня выглядит потрясающе символично (*Прим. переводчика*).

квази-независимые филиппинские острова Доктрину Монро¹, а у японцев не оказалось слишком много энергии, чтобы бросить вызов неофициальному протекторату. Теперь архипелаг стал базой для постоянных нападений на японские морские коммуникации².

Военно-морская ситуация в Тихом океане оставалась сложной. К востоку от Филиппин лежат Ладроны³, разрозненная группа вулканических островов, из которых самый большой — Гуам, были переданы Соединенным Штатам Америки по Версальскому договору и частично управлялись силами американского военно-морского флота, в то время как остальные находились в ведении Японии в соответствии с мандатом (после Испано-американской войны в 1899 году южную часть островов Испания уступила США, а северную продала Германской империи; соответственно после Великой войны Лига Наций германскую часть передала под управление Японии). Японцев связали обязательством не строить фортификационные сооружения в своих новых владениях, но по мере того, как ситуация становилась все более напряженной, Токио, похоже, начал игнорировать запрет; по крайней мере, в том, что касалось строительства баз для подводных лодок. На воде, под водой и над нею между Ладронами, Филиппинами и материковой Азией становилось все мрачнее и опаснее. Концентрация американского флота угрожающе нарастала между Гуамом и Филиппинами. Вашингтон объяснял это необходимостью обеспечить нейтралитет последних. Соответственно усилилась патрулирующая концентрация японского флота вдоль китайского побережья. Подводные лодки и суда мелкого тоннажа, прикинувшись нейтралами, занимались контрабандой боеприпасов и совершали мелкие набеги на слабые места японских коммуникаций.

Над водой субмарина, как и любое другое судно, может поднимать флаг и требовать уважения согласно национальности, но на минах флагов нет, а под водой можно распознать кодированные сигналы судна своей страны, но отличить нейтрала от врага не представлялось возможным. Ошибки и псевдо-ошибки были неизбежны. В 1936 году неподалеку от

¹**Доктрина Монро** — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная президентом Джеймсом Монро в 1823 году. Фактически представляла собой предложение поделить мир с европейскими державами. В обмен на невмешательство в европейские дела Вашингтон таким образом накладывал руку на всю Центральную и Южную Америку, которые в то время начали процесс освобождения из-под испанского контроля. Вступление в Первую мировую войну ознаменовало переход Вашингтона от Доктрины Монро к общепланетарному распространению своего влияния (*Прим. переводчика*).

² Филиппины были аннексированы Соединенными Штатами по итогам Испано-американской войны 1898 года. В данном случае не совсем понятно, почему автор избегал называть эту страну американской колонией де-факто (*Прим. переводчика*).

³ **Ладроны** — Марианские острова (*Прим. переводчика*).

Ладронов исчезли две американские и несколько японских подводных лодок. Пока дипломаты занимались взаимными обвинениями,

американский военно-морской флот взял дело в свои руки. Начиная с 1937 года, в западной части Тихого океана развернулась неофициальная морская война.

Ни одна из держав не стала торопиться с фактическим объявлением войны. Америка, несмотря на смелые эксперименты Рузвельта №2 или, возможно, из-за них, находилась в состоянии углубляющегося экономического и политического беспорядка. Япония бросила почти все без остатка на «удар в сердце» Китая. Тем не менее, наиболее консервативные круги в Соединенных Штатах видели в войне на Тихом океане спасительное отвлечение общественного внимания. Раздались голоса, требующие усиления военного присутствия на Филиппинах, а после японского провала под Уханем стремление к открытой войне стало неконтролируемым.

Подробности, последовавшей за этим короткой, разрушительной и нерешительной морской войны не должны нас особенно занимать. Боевые флоты встретились в западной части Тихого океана и разошлись после двух дней перестрелки и тяжелых потерь¹. Похоже, у японской стороны быстрее закончились боеприпасы. Во всяком случае, именно японцы скрылись в сумерках под прикрытием дымовой завесы. Американцы заявили о своей победе, поскольку японцы отступили под прикрытием своих минных постановок и субмарин. Больше на море Япония не бросала прямой вызов Америке. В обеих державах усиливался экономический кризис, но в техническом смысле война между ними никогда не заканчивалась. Какого-либо договора они так и не заключили; во многом благодаря тому, что обе фактически развалились. Развалились на части. Социальная революция смела конфликт со сцены.

(Это безрезультатное окончание напоминает не прекращавшиеся бесполезные войны между Византией и Сасанидами², в результате чего Малую Азию опустошали три столетия. Военный конфликт не закончился как таковой, он просто стерся из истории по итогам распространения ислама).

Социальная дезинтеграция в Японии, едва начавшись, принялась

¹ В данном случае автор фактически скопировал ход Ютландского сражения между английским и германским флотами в Северном море 31 мая 1916 года. Реальная же война на Тихом океане между США и Японией приобрела невиданный прежде и масштаб, и общий рисунок. На первый план вышли авианосцы. Тем не менее, основные стороны Тихоокеанского конфликта Уэллс обозначил точно (*Прим. переводчика*).

² **Сасаниды** — династия персидских правителей (224-651), разгромлена арабами (*Прим. переводчика*).

развиваться по нарастающей. Огромная масса населения, преимущественно крестьяне, почти не пострадала от процесса вестернизации, и они очень легко впали в тот не развивающийся вариант коммунизма, что поглотил Квантуй, Чекия и Фуцзянь. Немногочисленная прозападная интеллигенция со множеством внутренних распрей и доктринальных споров боролась, впрочем, не очень эффективно, в крупных городах за то, чтобы переделать повстанческий коммунизм в конструктивную модель по московскому образцу. Фрагментация наступила быстро; милитаризм вырожден в разбой и местный феодализм. То тут, то там какой-нибудь отпрыск старой знати в роли босса гангстеров объявлялся в сопровождении своих самураев.

Несколько лет вся Азия от Тихого океана до Персии, казалось, скатывалась обратно к политическому и социальному хаосу, к натуральному хозяйству, нищете и эпидемии. Индия погружалась в варварство. Дух коммунизма пропитал разум огромного количества людей; другие европейские идеи оказались непопулярны. Но это был коммунизм без Пятилетнего плана и даже без какой-либо плановой концепции. Классовая война разразилась с невиданной жестокостью. Всюду убивали ростовщиков и сборщиков налогов. Имперская власть в Индии не была свергнута. Скорее, лишена реального престижа и отступила на большое расстояние. Князья формально оставались «лояльными», хотя в некоторых случаях по-тихому присоединяли «неспокойные районы», прилегающие к их собственным владениям. На местах в некотором роде импровизировали; поддерживали подобие социального порядка на очень низком уровне и постоянно пренебрегали любой центральной властью.

Глава 6

ОСЛАБЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ХВАТКИ В АЗИИ

В Азии неуклонно продолжался спад директивного влияния наполовину модернизированных европейских «империализмов». Еще в 1929 году распространение крестьянского коммунизма в Китае вызвало сильную обеспокоенность у индийского правительства. Арест британских и индийских агитаторов Мератхе, а также чрезмерно суровые приговоры, вынесенные им в 1933 году, показали, как серьезность опасений, так и неразумную неуклюжесть, с которой пытались сгладить ситуацию.

Британской империи не грозили те же упадок и падение, что произошли с Римом. Вместо этого она расслабилась, как мы сейчас опишем, и ничего.

К несчастью, прежде чем ослабить хватку в Индии, у нее была, как и в Ирландии, короткая судорожная фаза «твердости...

(Здесь, по-видимому, отсутствуют несколько листов из рукописи доктора Рейвена)'.¹

¹ Ратуя за космополитизм, Уэллс, тем не менее, будучи англичанином, откровенно не пожелал касаться очень болезненной для того времени темы упадка Британской империи. Отметим также, что в течение двадцати лет после окончания Второй мировой войны Лондон лишился практически всех своих колониальных владений. Формула «расслабилась, и ничего» у сегодняшнего читателя может вызвать разве что только недоумение и саркастическую ухмылку (*Прим. переводчика*).

Глава 7

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И ГЕРМАНИЯ

Вопрос первостепенной важности в истории человечества заключается в следующем: почему уроки Великой войны и последовавших за ней экономических и социальных потрясений, уроки, которые сегодня кажутся нам совершенно очевидными, насколько это возможно, почему эти уроки не отразились должным образом в умах великих мыслителей того времени? Сегодня складывается впечатление, что британская, французская, американская, русская, итальянская и немецкая мысль оказались во власти предрассудков и несусветной глупости. Почему начинание Вильсона на пути к объединению мира не было продолжено? Почему после 1932 года не хватало сил на реконструкцию Лиги Наций, когда весь мир взывал к какой-нибудь центральной власти для объединения денег и экономической жизни? Почему Эпоха разочарования длилась так долго? Мы уже отмечали некоторые из основополагающих причин; корыстную прессу, обширные антисоциальные частные интересы, тяжелый вес традиций, догматическое мышление школьных учителей, социальное разложение на фоне экономической деморализации. Но даже эти пагубные влияния, взятые все вместе, не кажутся достаточными для всеобщей

интеллектуальной слепоты по отношению к очевидным признакам бедственного положения.

За всеми этими условиями, постоянно приводящими к неудачам, стояло что-то еще. В силах восстановления скрывалась внутренняя слабость, проявлялся фундаментальный недостаток. Мир не мог выбраться из-под груза накопившихся трудностей, потому что отсутствовало представление о том, куда двигаться. Какие-то идеи витали вокруг, но они фактически исключали друг друга. Каким бы хорошим не был пловец, рано или поздно он утонет, если в конце концов не доберется до чего-нибудь твердого. Дефицит не являлся ни моральным, ни материальным. Чего-то не хватало в головах! Имелись воля к спасению и материал, но не существовало никакого плана. Мир окутала бесцельность. Ему еще только предстояло что-то расслышать, кто-то должен был ему что-то растолковать.

Для того, чтобы разобраться самим, рассмотрим ментальную и эмоциональную фазы типичного культурного сообщества, имевшего центральное значение в то время, — немецкого. Истории, похожие по сути, хотя и сильно отличающиеся в деталях, можно рассказать о французских, англосаксонских, русских или испаноговорящих сообществах. Все они обладали одной общей чертой. Желали спастись по одиночке. Пытались сделать по отдельности, да еще и в условиях жесткой конкуренции, то, что можно было сделать только с величайшим трудом в унисон. Это означало для каждого из них парализующее влияние военной угрозы, чрезвычайную экономическую нестабильность, неспособность справиться с болезненными финансовыми условиями и, как следствие, состояние психического «беспокойства», которое делало каждый шаг неточным и несвоевременным.

Только когда мы осознаем истощение той агрессивной энергии, которая практически европеизировала весь мир перед Мировой войной, мы сможем понять продолжительность Эпохи разочарования. Необходимо подчеркнуть некоторые факты, имеющие фундаментальное значение для сохранения здоровья нашего мирового сообщества. Европа не могла привести мир к единству, потому что сама она была глубоко разобщена. Мировая война явилась всего лишь следствием накопившейся напряженности, которая скрывалась под поверхностью на протяжении всего Первого периода мирового процветания. К 1920 году европейские народы составляли четверть от всего человечества. Именно они играли центральную цивилизованную роль на протяжении двух столетий. Но теперь именно им предстояло в первую очередь излечиться от тяжелого психического заболевания, которое, казалось, вдруг резко обострилось. Имя этой болезни — ненависть.

В Тридцатые международная напряженность в Европе нарастала ежегодно. Тем не менее, настоящая война разразилась только в 1940 году.

Целых десять лет вся Европа была «заминирована», но само осознание этого факта не только не сдерживало дрейф в сторону войны, но и, наоборот, ускоряло ее наступление. Это гениальное изобретение президента Вильсона, Польский коридор, «выход Польши к морю», был той самой миной, которая взорвалась первой. Последовавшая за этим серия детонаций разнесла в клочья скрипучую и неповоротливую Лигу Наций, да и по большому счету все остатки уродливого Версальского договора, не поддающиеся нормальной человеческой адаптации.

Немцы в некотором роде обобщили мировую ситуацию. Историю Европы с 1900 по 1950 год можно рассказать, изучив только немецкий мозг, его страдания и реакции на происходящее вокруг. Это был мозг выдающейся энергии и жестокости, вызывающий у соседей восхищение, зависть и страх. Этот мозг достиг в области материального обеспечения блестящих успехов, реорганизовал промышленность так, как не смог никто другой. Еврейский разум, запутавшись в его сетях, возместил ему математическую и психологическую неумелость. Англосаксонскому мозгу немецкий уступал прежде всего ясностью политической мысли. Да и французскому тоже. У немецкого мозга не было итальянской смелости, испанской и русской поэтической мощи. Все эти признаки в своей недостаточности были довольно очевидны. Упрямая связь с глупым и высокомерным монархизмом и запутанным клубком нелепых расовых претензий стояла на пути сотрудничества с любой другой культурной системой. Немцы не смогли достойно ассимилировать вовлеченных в политическую сеть подданных негерманского происхождения. Берлин усилил французский оборонительный национализм. Бестактный вызов на море вызвал раздражение у англичан. Даже в Америке проявилось сначала настороженное неодобрение, а затем и откровенная враждебность. Германии так и не довелось по-настоящему победить Россию, но на ее огромных дореволюционных просторах мало чем можно было пожить (до советского режима в России действительно не было настоящего национального самосознания; были только Достоевский и царь). Напористая нелюбезность являлась главным фактором изоляции Германии и причиной ее поражения в Мировой войне.

Однако после поражения уязвленная немецкая ментальность, хотя бы из прирожденной твердости и силы, превратилась в центральную проблему европейской системы. Война и бедствия не могли изменить того факта, что костяк Европы, наиболее квалифицированный, трудолюбивый, обучаемый и образованный блок ее населения, говорил и думал по-немецки. Каждый разумный государственный деятель обязан был думать над тем, что станет с таким могучим потенциалом. Если бы Германия все сделала правильно, все и пошло бы правильно. В реальности же она запуталась между гордостью и манией величия, а достаточно разумного политика на этом пути так и не нашлось. Эта страна была

безмерно разочарована, она сбросила свое блестящее империалистическое руководство и смирилась с военным поражением. Она даже прошла через фазу смирения. И более того, поначалу это не вызывало заметной ненавистнической тенденции. Несмотря на большие трудности, новая республика проявила творческое мужество, умеренность, зарождающееся чувство значимости мировой политики.

Творческие и дальновидные умы обратили свои надежды именно на Германию.

«Теперь посмотрим, что может сделать Германия, — сказали они. — Будьте терпеливы с Германией».

Весь мир ругал Францию за ее застарелое недоверие. При наличии мужества и великодушия за рубежом и полноценных лидеров у себя дома великая масса тевтонских мозгов могла бы взяться за создание Современного государства и начать сотрудничать с остальной частью разочарованного, но возрождающегося мира. Это могло бы даже привести к работе по восстановлению, и 1918 год мог бы стать годом начала обновления мира.

Не сбылось. Миру предстояло собрать урожай раздробленности шестидесяти трагических лет. Достойный лидер в Германии так и не появился. Штресеман слишком медленно учился и слишком рано умер. Бреннинг поддался умственной деградации Гинденбурга. Немцам продолжало казаться, что по ту сторону границ — только мстительный враг, беспрестанно думающий о войне. Немцы искали друзей, но видели только враждебно настроенных иностранных дипломатов. Мы уже рассказывали, как «возмущенные святые» Версальской конференции возложили роль единственного грешника на поверженную Германию, которая должна была навсегда ослабеть и смириться со своим унижением. Ожидалось, что немецкие дети будут начинать каяться перед остальным миром еще в материнской утробе. Им предстояло делать первый вдох под укоризненными взглядами победителей, не способных и не желающих прощать.

Срыв всех позитивных инициатив Германии и сдерживание ее сетями подозрений — это очень длинная и чрезвычайно запутанная история. Проигравшие в Мировой войне стали такими же неистовыми и жестокими, как выброшенные на сушу морские животные в своих отчаянных и безнадежных попытках не задохнуться. Попробуем поставить себя на их место. Казалось, что абсолютно все ведет к удушению Европы. Молодым и энергичным в побежденных странах не дозволялось принимать участие в восстановлении разрушенного пространства. Это был зарезервированный бонус для нового поколения завоевателей. А поверженные должны были жить в постоянной атмосфере наказания, трудиться, облагаться высокими налогами и чувствовать свою правовую незащищенность до конца своих дней. Если

бы немцы смогли вернуть себе процветание или достигли бы великих свершений, победители восприняли бы это личным оскорблением.

Естественно, жизнь, описанная таким образом, была очень горькой и легко скатывалась к пороку, апатии и слепому бунту. В серии «Исторические документы» присутствует замечательный роман («Фабриан» Эриха Кестнера), в котором очень ярко представлен индивидуальный аспект этой фазы немецкой жизни. Еще одно художественное произведение, столь же яркое — это «Маленький человек, что же дальше?» Ганса Фаллады 1932 года.

Душевные метания и скованный взгляд на жизнь, следует признать, отнюдь не являлись исключительной прерогативой немецкоязычных народов. Умный и амбициозный молодой индеец, египтянин или негр, да что там говорить, любой представитель подчиненного и униженного народа — в те времена это практически две трети мировой молодежи — испытывал предопределенную неполноценность и бесполезность собственного существования. Но у немца была своя особенность. Он помнил о том, что совсем недавно стоял вровень с хозяевами мира. Он еще не успел привыкнуть к собственной неполноценности и традициям подчиненного приспособленчества.

К сожалению, не нашлось ни учителей, ни лидеров, которые указали бы немцу на его законное право принять участие в замене существующего беспорядка Современным мировым государством. Память о режиме Гогенцоллернов¹ и ужасы войны мешали прийти к космополитизму англичанам и американцам. Новый германский республиканизм оказался поверхностным и половинчатым. В школах и университетах учителя и лидеры старого милитаристского режима источали ауру реваншистской злобы. Пресса и агитационные организации стояли в сторонке от революции и проявили себя слишком нетерпеливыми и неумелыми в вопросах восстановления довоенной свирепости. Тщетность стала своего рода символом новой Германии.

«Так жить — это не по-немецки! — заявляли те, кто не желал мириться со сложившимися обстоятельствами. — Нужно вернуться к старому империализму! Мы обязаны повторить это снова!»

Женский дух нового поколения, как матерей, так и возлюбленных, по большей части наполнился страстным негодованием.

Проницательный британский историк Льюис Намбер указывал, что побежденная в войне страна возвращается к насильственному патриотизму через 12-15 лет. Намбер предположил, что это как раз то время, за которое вырастают дети, испытавшие горечь поражения и ненависть к победившему врагу. Эти дети стали самым энергичным слоем

¹ Гогенцоллерны — правящая династия в Германской империи до 1918 года (Прим. переводчика).

населения к 1933 году.

Именно на этом этапе европейской истории и произошел подъем гитлеризма. Адольф Гитлер — основополагающий продукт немецкого труда, одна из самых невероятных фигур в истории. Он, должно быть, поразил даже учителей и писателей, которые его вызывали. У нас имеется возможность изучить его личное дело с разных точек зрения в томе №30112 «Исторической портретной галереи». И что же мы там увидим? Совершенно заурядный человек, лишенный достоинства и благородства. Мы можем слышать его голос, слышать, как он убеждает, увещевает и пытается рассуждать на магнитофонных записях. Голос хриплый, напряженный, яростный, но сама речь бессвязная. Это голос вульгарного, ограниченного, неграмотного человека, который доводит себя до бешенства, кричит, угрожает, размахивает кулаками и ломает мебель от растерянности и отчаяния. В этом своем качестве он был совершенно прост и в какой-то степени даже честен. Пожалуй, секрет его карьеры в том и заключался. Он дал выход немецкому перенапряжению, стал голосом Германии, теряющей над собой контроль.

Гитлер обличал иностранцев, евреев, космополитов, коммунистов, республиканцев, крупных собственников и финансистов с хриплой беспристрастностью, и ничто не доставляло большей радости растерянным и несчастным людям, чем обвинения в адрес других. В бедах обездоленных нет их вины. Их предали. На вопрос Ганса Фаллады: «Маленький человек, что же дальше?» фюрер отвечал: «Уничтожать евреев, гнать иностранцев, вооружаться, быть немцем, немцем в полной степени, расти и размножаться».

Следует помнить, что Гитлер никогда не набирал среди немцев большинства голосов. Но люди позволили ему захватить власть и разрушить республику, задушить общественные дискуссии и уничтожить свободы. У немцев не оказалось сил ему сопротивляться. В измученных, изголодавшихся мозгах не осталось представления о более достойной роли, чем та, которую отводил им кричащий национализм и яростная кампания против коммунистов и воображаемых коммунистических заговоров, против евреев, спекулянтов и либералов. Измена дряхлого Гинденбурга, который доверил нацистам республику, неоценимо способствовала успеху политического авантюриста.

Захватив Германию, Гитлер принялся разворачивать ее по примеру Муссолини. Однако интеллектуально фюрер ощутимо уступал странноватому дуче. Нацистский лидер перенял все самое худшее от фашистского режима, но так и не поднялся до реальных созидательных усилий и компетентного усердия своего идеологического прототипа. Принятие свастики, бегущего креста, в качестве эмблемы нацизма наглядно демонстрирует общее невежество и слабоумие Гитлера. Этот нелепый знак имеет очень древнее происхождение. Сопровождаемая

коричневым и черным цветом неолитическая немецкая культура использовала свастику в декоративных целях. Очень мало известно о ее реальном использовании так называемыми «нордиками» или негритянскими народами. Тем более, она никоим образом не выражает «арийскую» культуру. Старые писатели заявляли, что это — «символ» солнца, но, похоже, это не означало ничего, кроме разве что только бодрого духа. Свастика заняла место идеи в бестолковых головах нацистов, и они относились к ней с большой торжественностью, носили ее на знаменах и одежде, накладывали на воззвания и вообще пихали везде где только можно. Гораздо позднее свастику стали называть «торговой маркой идиота». Безусловно, она имела фатальную привлекательность для многих второсортных людей с богатым воображением.

Германию оглушил ор неутомонных молодых мерзавцев в коричневых рубашках со свастикой на рукавах. В то время, когда настойчивый и верный ум должен был занять первостепенное значение в борьбе человечества с мировой проблемой, Германия выбыла из общечеловеческого интеллектуального содружества. Ее настоящий ум ушел в изгнание; в Америку, Англию или Швейцарию. Германия упустила свой шанс поучаствовать в объединении человечества в XX веке. Точно так же ею была упущена доля в европеизации мира в веках восемнадцатом и девятнадцатом. Дома национал-социализм стремился строить, разрушая; восстанавливать свой прежний научный престиж и промышленную эффективность, прибегая к хвастовству, увещеваниям, нетерпимости, возмущению и принуждению. Это была жалкая и трагическая фаза слабоумия великой нации. Немецкий народ в то время был очень шумным и очень несчастным. Фракционные столкновения и уличные столкновения, демонстрации и контр-демонстрации, тирания чиновников, занимавшихся вымогательством, и отвратительная организация бытовой сферы — все это противоречило врожденной упорядоченности тевтонских народов. Тайные пороки и вороватая нечестность накапливали ощущение безнадежности и неотвратимо приближали трагический исход. С 1932 по 1936 годы погибли или были серьезно ранены в уличных беспорядках, а также пострадали по политическим мотивам более тридцати тысяч человек.

Глава 8

ЗАМЕТКА О НЕНАВИСТИ И ЖЕСТОКОСТИ

(Этот раздел находился в отдельной брошюре, но, кажется, его место здесь — Ред.)

Изучающий историю обнаружит, что почти невозможно понять специфические трудности политической жизни в том виде, в каком она проходила около ста лет назад, и он не уловит существенных различий между тем, что называлось образованием в прошлые дни, и образовательными процессами, которыми мы занимаемся сегодня. Сначала нужно усвоить обширные факты, связанные с системой ненависти, которая господствовала в групповых отношениях человечества до утверждения Современного государства. Мы привели основные детали спора между немцами и поляками, но это только один поразительный и исторически важный пример общего состояния. Таких глав можно написать не менее пятидесяти. Почти везде можно было обнаружить население, погруженное и движимое массовой ненавистью, объем и упорство которой выходили за рамки нынешнего человеческого опыта.

Вся эта ненависть проистекала из уже указанных причин. Две или более группы населения, каждая со своей узкой и неприспособленной

культурой и, как правило, с особым языком или диалектом, под извращенным влиянием склеивались и навязывались друг другу. То есть наблюдалось социальное слабоумие. В условиях отсутствия общей идеи цивилизованные мотивы уступали место инстинктивной враждебности и спазматическим импульсам.

Ненависть в обществе прослеживалась везде, где существовало смешанное население. В стране Басков, Уэльсе и Лапландии она была выражена настолько сильно, что приобретала первостепенное политическое значение. К югу и востоку от Богемии, казалось, что ненависть просто зашкаливает. Магьяр ненавидел славянина, славянин — итальянца, румын — русского. Религиозные различия вкупе с лицемерием священников подрывали даже расовую солидарность. Католический славянин ненавидел православного славянина. В Македонии разделились православные греки. Ненависть расширялась и по всем древним владениям султана, через Персию до Индии. Ислам раздирали две старые ненавистнические системы. С отчаянием массовая ненависть принималась даже самыми мудрыми людьми. Решительно отвергая политику государственных деятелей, они выходили за пределы человеческого контроля.

Сложно поверить, что разумное смягчение и подавление ненависти произошли относительно недавно. Наши предки не рассматривали это явление как контролируемое психическое заболевание. Они не знали, что можно прожить жизнь без ненависти, точно так же, как они не знали, что большинства явлений старости можно совершенно спокойно избегать.

Не перестаешь удивляться, насколько покорно человеческое существо позволяло портить себе жизнь напастям, которые могло контролировать. Оно не прилагало усилий, чтобы справиться со своими ненавистью и завистью. Бедные нервы оставались обнаженными и незащищенными от бесконечного преследования со стороны техногенных недугов. До 2010 года города сходили с ума от никогда не стихающего шума. Никакого контроля над оскорбительными звуками не было, а визуальная реклама пошла на спад лишь с приходом к власти Воздушной диктатуры. Не прошло и ста лет с той поры, когда в городах и на шоссе разогнали ночную тьму и пасмурную погоду. В северном климате зимой до XX века люди жили между ночной тьмой и мрачным серым полумраком, который они называли дневным светом. Часто солнца не видели неделями.

И до XIX века любому, кто умел читать между строк, становилось ясно, что человечество СМЕРДИТ. Планировка домов и городов, помещений для стирки, скудных гардеробных при отсутствии доступных прачечных и утилизаторов устаревших предметов сегодня не может вызвать ничего, кроме отвращения и тошноты. Плохая еда вкупе с недоеданием делала людей глухими, слепыми и слабыми, усталыми и

постоянно раздраженными по отношению друг к другу.

Эти жизненные условия накладывались, одно на другое, почти незаметно. Немногие из нас понимают, насколько по-другому приходилось быть человеком всего несколько сотен лет назад. Только когда мы забираем свое воображение с собой в прошлое, мы осознаем, каким злом для носа, глаз, ушей и души может представляться толпа. Неверно истолкованные протесты тела и разума неизбежно приводили к ненависти. В «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта мы слышим крик умного человека, который оказался в заточении XVIII века и не смог найти выход. Вонь псарни средневекового города — ничто по сравнению с вонью ненависти в прессе XX века. Обычная газета того времени — это не столько простой газетный лист, сколько ядовитая тряпка. Каждое утро человек просыпался и воспринимал новые подозрения и намеки, предположения и обиды и удовлетворял свою злобу скверными новостями и гнусными сплетнями.

Нам хорошо известно, что ненависть — это предотвратимое состояние, к которому склонен мозг млекопитающих; и особенно мозг социального типа. То есть речь, по сути, идет о потере рационального контроля. Обычно это вызывается слабым, но постоянно повторяющимся раздражением коры головного мозга. Поражение может произойти в любой фазе созревания. Острые приступы предрасполагают мозг к рецидиву и могут, наконец, привести к хроническому состоянию мстительного неодобрения.

Как только ненависть закреплялась на таком уровне, она начинала казаться неискоренимой. Пациент искал, часто с величайшей изобретательностью, повод для обиды и находил удовлетворение в том, чтобы лелеять ее и искать способ осуществить возмездие. И это называлось «истинной гордостью». К своим близким он испытывал неприязнь и желал им всяческих несчастий. Наше нынешнее образование создавалось для того, чтобы предвидеть и предотвращать эту заразу, но газеты того времени существовали за счет ее распространения в интересах реакционных сил. Сегодня мы очень трепетно относимся к чистоте как нашей физической, так и ментальной атмосферы. Контраст между нынешней людской массой и толпами, изображенными на картинах Уильяма Хогарта или Рафаэля Санти, заключается не просто в достойно одетых, великолепно физически развитых, упитанных и хорошо тренированных телах, отсутствии лохмотьев и калек, но и в искренних заинтересованных лицах, которые отменили интровертное, подозрительное и настороженное выражение тех несчастливых времен. Только в свете этой всеобщей ментальной малярии человеческая история может стать понятной.

Великий немецкий разум, сотканный из семидесяти миллионов мозгов, оказался неспособен к аутотерапии и позволил болезни себя

сломить. Он упорно не желал признаваться, что его заставляет страдать что-то, помимо благородного негодования. Именно немецкий народ менее всех остальных сохранял способность поддерживать те идеи всемирного сотрудничества в рамках Мирового государства, которые все еще искали свои надлежащие инструмент и форму. Это была более глубокая ненависть, чем порожденная страхом ненависть французов. В обеих антагонистических странах космополитическое здравомыслие пошло на убыль, но в Германии особенно сильно.

Колебания немецкой ненависти в 30-е годы, как ни странно, вызывались подсознательными потоками осторожности. Яростно воинственная по духу Германия все еще отставала в области вооружения от своих соседей. Гитлеровцы рычали и угрожали, но скорее Польше, чем Франции. Когда напряженность возросла слишком сильно, оскорбления посыпались в адрес коммунистов, пацифистов и интеллектуалов. И особенно рьяно взялись за мальчиков для битвы всей западной цивилизации — евреев. В 1933 году Гитлер вступил на пост канцлера рейха, и с этой поры грабежи, массовые убийства и узаконенное насилие стали постоянной угрозой для каждого немецкого еврея.

Исследуя политическую психологию, Фабер говорил о мировой «карте ненависти». Интенсивность окраски такой карты варьировалась в широких пределах. Англоязычные государства (за исключением Ирландии, этого бывшего «острова вечнозеленой злобы», который сейчас является самым восхитительным и гостеприимным из летних курортов) и испаноязычные общины испытывали менее выраженную ненависть, по сравнению с народами лоскутного одеяла континентальной Европы. Менее перегружены, более свободны от острого иноземного влияния; больше пространства для передвижения — все эти факторы снизили вирулентность ментальной инфекции. В течение двух десятилетий Испания и испанская Южная Америка (после Перуанского урегулирования¹) действительно поддерживали либеральный и творческий менталитет в гораздо большей степени, чем где бы то ни было. Вклад Испании, начиная с Мигеля Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассета и далее по длинному списку великих имен, оказывал возрастающее влияние на строительство Современного мирового государства.

В ментальном отношении Россия всегда была менее конструктивной, чем Испания. Русские не так свободно мыслили и не так много писали. В них не чувствовалось переизбытка умственной энергии, способной переродиться в стройную философию. Россия восторгалась,

¹ Подразумеваются итоги Тихоокеанской войны (1864-1866), в результате которых Испания оставила попытки восстановить свою колониальную империю в Южной Америке (*Прим. переводчика*).

пророчествовала и погружалась в догму. Дисциплина русского мозга израсходовалась в растянутых технических усилиях. Но это не сделало Россию озлобленной страной. Омоложенную Россию действительно учили ненавидеть, но ненавидеть исчезающего врага, злующего империалиста. И даже в этой ненависти присутствовал юмористический, карикатурный элемент. Нечестивый империалист съезжился до размеров детского Бармалея, и этот Бармалей забрал с собой значительную часть общественной ненависти. За исключением коротких ярких всплесков, это чувство в русском темпераменте не прижилось.

В 1940 году мало кто понимал, что общественная ненависть является куда большей проблемой, чем денежный кризис. И почти никто не брал на себя смелость подумать о радикальной чистке и разрушении зараженных социальных институтов, экономических интересов и финансовых накоплений, которые были необходимы для полного искоренения опасной болезни. Вдоль путанных границ Центральной и Восточной Европы нагноились язвы, усилилось воспаление.

Среди наиболее частых методов разжигания ненависти в наиболее проблемных сообществах были агрессивные демонстрации, призывающие к насилию или включающие насилие, нападения на посольства и консульства, осквернение флагов, статуй и других символов (в Индии убийство священных животных, таких, как коровы или свиньи, в святых местах), побоища в кафе и ресторанах, избиения, убийства, взрывы бомб на собраниях неудобных представителей, в судах и религиозных зданиях, стрельба по чужим пограничникам со своей территории. Вдоль Адриатического побережья, по-видимому, существовала сильная склонность оскорблять характерное для итальянцев уважение к статуям и картинам.

Проблема имела недавнее происхождение. На Версальском конгрессе англо-французские союзники украли у Италии значительную часть береговой линии Далмации, на которую, впрочем, ни она, ни они не имели никакого права, но которая, тем не менее, была ими тайно ей обещана. Собственно говоря, эти обещания и побудили Италию выступить против Австро-Венгрии в Мировой войне. Итальянские патриоты не переставали возмущаться нарушенным обещанием, а югославские народы, владевшие желанными районами, опасались насильственной аннексии. Пропаганда вокруг этого спора работала на всю катушку. Одним из важных аргументов итальянской стороны было то, что Венецианская республика (естественная наследница древнего Рима) ранее господствовала на этом побережье, и в доказательство подавались апелляции к общественным структурам в городах спорных регионов, которые повсюду несли знаки отличия их итальянских основателей и особенно характерного венецианского льва, ибо это была фашистская фантазия: везде, где он устроил себе логово или римские

орлы отбрасывали тени, от стены Адриана в Англии до Месопотамии, фашисты претендовали на господство.

Предмет спора, довольно прохладно принятый англичанами, французами, испанцами, турками и другими эмансипированными народами, вызвал резкое негодование у населения, находившегося в непосредственной опасности, и особенно на побережье Далмации. Для молодого и легко возбудимого славянина скульптурные львы и архаичные орлы, эти архаичные пережитки, лишились своего художественного и исторического очарования; они приобрели высокомерный современный вид, и, казалось, требовали ответа на свой вызов. Ответом стала порча памятников.

Ожесточенные взаимные обвинения между Римом и Белградом возникли в 1932 году. Затем они остро рецидивировали в 1935-ом и 1937-ом. Позднее памятники стали не только портить, но и раскрашивать, выражая к ним глубочайшее презрение. И безобразия не ограничивались геральдическими животными. Досталось портретам Муссолини. Подрисовывались усы, грозные бакенбарды, красный нос и другие извращения применительно к энергичной личности.

Такие неприятные способы выражения постоянно наблюдались во всех воспаленных областях. Нам они кажутся тривиальными, глупыми и нелепыми, но в то время их подпитывало ощущение надвигающейся грозы.

Читателю следует представить себе, как в неокрепшей голове какого-нибудь подростка в одном из этих регионов ненависти зреет недовольство постоянными ограничениями. Мальчуган хотел сделать что-то яркое и выразительное, но вместо этого лишь горько и безутешно издевался над изображением угнетателя. Вероятно, юнец испытывал легкое волнение, доставая банку с краской и наблюдая за удаляющимся полицейским патрулем, а потом — мимолетное удовольствие, пачкая ненавистный предмет. Неокрепшему мозгу такой проступок мог показаться венцом собственных устремлений. Рано или поздно заканчивалось все печально. Сигнал тревоги, облава, бегство, выстрел, рана, солома и грязь в тюремной камере, побои с целью усилить наказание. Кто-то морально ломался, а у кого-то, наоборот, прибавлялось решимости продолжать сопротивление. В таком случае мысль поворачивалась в сторону следующего акта неповиновения или даже бунта. Впрочем, положительного результата это все равно не приносило. Новые раны, новые сроки заключения и в конечном итоге тело на тротуаре, застреленное или затоптанное, а все дары и силы мозга рассеивались бездарно и бесполезно. И никакая другая судьба не была уготована для пропитанной ненавистью нервной системы. Это были цветы, которым суждено распуститься под проливным дождем грязи и помоев; распуститься, чтобы погибнуть.

Недавно опубликована «Естественная история жестокости» Отто Ясперса (2085), который приходится прямым потомком профессору Карлу Ясперсу¹ из Гейдельбергского университета. У Карла Ясперса учился Де Виндт, чья «Интеллектуальная ситуация настоящего» не вышла бы без крепкой поддержки опытного учителя. Жестокость XX века рассматривается довольно подробно, и по этой причине читать материал очень тяжело. Он буквально пробирает до костей. К счастью, всеобщее образование не подразумевает тщательное изучение кошмарных процессов человеческого разума, которые, причиняя ужасные боль и травмы, приводили к тяжелым психическим расстройствам. Между тем, психолог по роду своей деятельности обязан ознакомиться со всеми этими фактами, потому что без них он не сможет разобраться во всех особенностях нашей интеллектуальной деятельности. Преднамеренная жестокость практически исчезла из нашего мира. Это превращает литературу ужасов времен Мировой войны и Мирового спада в кладезь необходимого материала для исследований. Для студента мы оставляем всего пару примеров. Если у него есть хоть капля воображения, он сможет расширить эти намеки до полной картины увечий, пыток и бессмысленного насилия.

Прежние психологи классифицировали жестокость как форму сексуального отклонения — в обычной речи мы все еще используем старое слово «садистский» — но современная наука больше не уважает это определение. Жестокость выходит далеко за пределы сексуальной сферы. Точно так же, как ненависть теперь понимается, как боевая эмоциональная смесь на основе страха, жесткий, но нерешительный вызов, который при определенных обстоятельствах способен стать заразным, так и жестокость рассматривается как естественное развитие усилий против сопротивления, когда опасение разочароваться превышает определенный предел. Это своего рода трансформация попыток подчинить живое существо нашей воле под гнетом действительного и ожидаемого упрямства.

Такая интерпретация проясняет, почему за крахом экономической и политической системы частного капитала и последовавшей за этим мировой неопределенностью, тревогой и нуждой беспрецедентная жестокость обернулась идеальным штормом. До 1900 года люди еще имели возможность с грехом пополам называть себя добрыми, милосердными и щедрыми, причем как в Европе, так и в Америке. К 1940-му они стали исчадиями ада. Надо отметить, что это одни и те же человеческие существа, но только в условиях эмоционального стресса разной степени выраженности.

¹ Карл Ясперс (1883-1969) — немецкий философ и психиатр (*Прим. переводчика*).

Между 1930 и 1940 годами значительно возросло количество самоубийств. Люди с низким уровнем сопротивляемости больше не могли выносить ужасную низость и жестокость окружающих. Тем не менее, в отчетах о возрождающемся мире 1980 года почти не встречались данные о проявлениях жестокости не только по отношению к людям, но и животным. Это не было изменением человеческой натуры; это была смена фазы. Миллионы людей, которые в молодости мучили, пытали и убивали, все еще были живы, и они вели себя вполне добропорядочно, попросту забыв о своих прежних злодеяниях. К людям вернулась надежда. Безумные годы остались в прошлом.

Глава 9

УРАГАН ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ, 1940-50 гг.

Когда у США и Японии отпала возможность вмешиваться в международные дела, новая война стала приближаться гораздо быстрее. Британия с растущей озабоченностью наблюдала за беспорядками в Индии и восстанием чернокожих в Южной Африке. Рухнули последние ограничения на континентальную ненависть. Решение вопросов сильно упростилось.

Война началась в 1940 году. Повлиял на раздувание конфликта польский коммивояжер еврейского происхождения. Во время остановки поезда в Данциге у него из зуба вылетела пломба. От боли он широко раскрыл рот и, проявив уважение к попутчикам, отвернулся к окну. Чернобородого мужчину с длинным носом крепко перекосило, и это привело к неожиданному эффекту. Он и подумать не мог, что проблемы с его зубами выпустят псов войны от Пиренеев до Сибири.

Всеми виной, по-видимому, апельсиновая косточка или осколок грецкого ореха.

На платформе стоял молодой нацист. Мимика боли показалась ему оскорбительным комментарием по поводу униформы. Как мы уже отмечали, нервы в те времена у многих были на взводе. В нацистском

сердце вспыхнуло пламя патриотического негодования. Нацист позвал трех товарищей и двух полицейских — подобно итальянским фашистам молодые «герои» редко действовали поодиночке — и вошел в вагон во взвинченном состоянии. Поляк почти не знал немецкого языка, в результате чего развернулась яростная перепалка. В конце концов, к человеку с зубной болью поспешили на выручку попутчики и вышвырнули нацистов из поезда.

Молодой человек, из-за которого, собственно, и начались все неприятности, разгоряченный и растрепанный, заглянул в окно купе с перрона. Поляк продолжал махать руками и, как показалось немцу, «корчить рожи». Нацист выхватил револьвер и застрелил его. Снаружи раздались другие выстрелы, и машинист поспешил увести поезд со станции. Ситуация в политическом смысле оказалась весьма непростой. Точный статус полиции Данцига все еще не был урегулирован. Соответственно нацисты не имели законной власти на данцигской платформе.

Разумеется, печальное происшествие можно было урегулировать, не развязывая новую европейскую войну. Можно было призвать умирающую Лигу Наций или даже оживить мумифицированный Гаагский трибунал. В конце концов, можно было выставить козлом отпущения польского дантиста. Но для этого требовалась добрая воля вовлеченных государств, а ее не наблюдалось и не предвиделось ее появление.

Вот уже восемь лет немецкий разум готовился к борьбе за Коридор. Германия активно перевооружалась; и тайно, и явно. С возрастающим опасением Франция и Польша наблюдали, как немцы восстанавливают свою военную мощь. Военные власти обеих стран указывали, что нужно самим нанести первый удар, пока Берлин еще слаб. Раз за разом, казалось, что чаша терпения переполнена, и раз за разом не происходило ничего, кроме очередного биржевого торнадо. Но теперь исчезли последние причины, чтобы продолжать терпеть. Напряженность возросла до такой степени, что катастрофа виделась облегчением. Европа готовилась потратить свою свободу на самоликвидацию.

Такая ситуация являлась неизбежной кульминацией любого «вооруженного перемирия» в старом военизированном мире. Работала непреодолимая логика: «Ударить сегодня, потому что завтра враг станет сильнее». Это было основополагающим мотивом первостепенной силы в готовности британцев к войне в 1914 году. Они стремились нанести удар до того, как постоянно растущий немецкий флот сравняется с их собственным. Так они положили конец невыносимому напряжению. По их словам, немцы «сами напросились». «Лучше сейчас, чем завтра».

Теперь же выходило так, что Германия снова «напрашивалась», и Польша с готовностью воспользовалась предоставившимся случаем.

Военные ведомства нажали на курки. Пока Париж, Лондон и Нью-Йорк обменивались дипломатическими нотами в отношении убитого польского коммивояжера, польские и немецкие воздушные патрули перестреливались вдоль границы. Зубная пломба начала чувствовать себя неуютно около 13:00 в пятницу, 4 января 1940 года. На следующий день около 15:00 польский ас Михаил Кореновский после блестяще проведенного боя с тремя немецкими самолетами, пылая, рухнул на переполненную улицу Данцига. Загорелась городская ратуша.

Затем последовал первый налет польской авиации на Берлин, а двести французских эскадрилий совершили «демонстрационный полет» над Баварией и Западной Пруссией. Немцев, вероятно, застигло врасплох такое проявление огромной и немедленной готовности воевать. От французов они такого никак не ожидали, но французские самолеты атаковать не осмелились и повернули домой. А на польско-германской границе столкновения продолжались.

Власти в Париже сами не знали, радоваться им или горевать по поводу того, что старый враг не бросается в бой, сломя голову. Сокрушительная воздушная победа над Германией пришлась бы как нельзя кстати, но самолеты требовались дома для подавления постоянно нарастающего внутреннего недовольства. Нерешительная битва — а таковая могла возникнуть в воздухе в любой момент — могла серьезно осложнить социальное напряжение.

В течение семи лет мировые дипломатические центры молча наблюдали за перевооружением Германии, но ничего не делали, чтобы предотвратить восстановление германской военной мощи. Теперь Лондон, Вашингтон, Мадрид и Женева стали истерически активными. Послы и министры иностранных дел сновали туда-сюда.

«Разразившийся конфликт нужно приостановить», — заявила Женева, хотя его приостанавливали уже двадцать лет, вместо того чтобы предотвратить.

«Локализовать конфликт!» — фраза, которая резко выделялась на фоне других.

Ее поддержали не только в нейтральных странах. Она показалась интересной и Парижу, и Берлину. По сути, «локализовать конфликт» означало, что Париж откажется от своих обязательств перед Польшей и предоставит полякам самим разбираться, какие соглашения им заключать, извиваясь между Германией и Россией. Для последней загадочное молчание в сочетании с быстрой мобилизацией Красной армии почти сразу стало важной частью развивающейся международной игры.

Так у Парижа появились весьма веские причины не доводить конфликт с Берлином до крайностей. Первый французский солдат в Новой войне уже погиб, но убили его не немцы. Он был сражен в Альпах

пулей итальянского патруля.

В ночь на воскресенье, 6 января, в то время, когда польские самолеты сбрасывали газовые бомбы на Берлин, итальянцы тем же способом «лечили» Белград. Рим разослал ведущим державам письмо с объяснением причин такого шага. Итальянцы попытались выстроить впечатление, будто между вечером пятницы и утром воскресенья произошел рецидив югославской непочтительности. Фашистские агенты явно перестарались с подачей материала. В субботу все итальянское население грубо выдернули из повседневной озабоченности, вызванной нехваткой финансовых средств. Какой ужас! Снова испачкали краской изображение Муссолини, венецианских львов и римских орлов. Красноречивые молодые фашисты, обливаясь горячими слезами, буквально на каждом углу протестовали против невыносимых унижений и призывали к войне. Дескать, Югославия переполнила чашу итальянского терпения. Только позднее ситуация полностью прояснилась: ради оправдания фашистского вторжения сами фашисты, замаскировавшись под славян, занимались вандализмом.

Когда польские войска пересекли немецкую границу, а итальянские — югославскую, другие государства Восточной Европы начали свое наступление, не дожидаясь чужих оскорблений и даже не особо пытаясь изображать уязвленную гордость. Безумное лоскутное одеяло Версаля расползлось с головокружительной скоростью. Пропагандисты даже не стали что-либо объяснять. Слепых, переполненных ненавистью и страхом людей просто бросили убивать друг друга без какой-либо глубокой, далеко идущей цели. В течение двух напряженных лет теория локализации конфликта удерживала Россию и Францию от вступления в активную фазу боевого противостояния. Была найдена «формула», по которой французы отказывались защищать своих союзников при условии, что Россия в качестве компенсации воздержится от военных действий. Кроме того, торговлю боеприпасами следовало осуществлять «беспристрастно». Все это являлось хлипким стовором для оправдания дипломатического дефолта, но такое положение вещей удерживало войну вдали от Западного фронта Германии целых два года. Периодические итальянские обстрелы французской приграничной полосы было сложно объяснить: во всяком случае, они наносили настолько незначительный урон, что французы их попросту игнорировали. Французские воздушные флоты продолжали летать, никого не бомбя. Соседей эти полеты раздражали, но вместе с тем и сдерживали от непродуманной агрессии. Демонстрация военно-воздушной мощи охлаждала иностранца и горячие головы дома.

У населения вовлеченных стран эта «локализованная» европейская война вызвала куда меньше энтузиазма, чем в 1914 году. Между тем фашисты, нацисты и скауты настойчиво призывали воевать в тяжелой, угрюмой и тревожной атмосфере. Но ни одна нация не торопилась

«бросаться куда-либо с оружием». Дезертиров стало так много, особенно в крестьянских армиях Восточной Европы, что их даже перестали наказывать, не говоря уже о расстрелах. Так, например, под Лодзью в бой вступил батальон в составе тридцати девяти офицеров и пятидесяти семи солдат¹.

«Экономика» вяло плелась позади войск. С самого начала боевые части испытывали дефицит боеприпасов и настаивали на «их сдержанном использовании».

Однако, с точки зрения науки и техники, европейская война являлась куда более совершенной, нежели японо-китайская. Военные в Европе располагали неплохими дорогами, автомобилями, грузовиками, железными дорогами, подвижными составами, электропроводами, самыми разными видами артиллерии и стрелкового оружия и многочисленными ВВС. В тылу эффективно работали химические и другие военные заводы. Пока простаивала пехота, разворачивались блестящие сражения между техническими службами. Наиболее высокотехнологичной операцией явилось быстрое отсечение Восточной Пруссии от остальной Германии путем применения газа «Перманентная смерть». Стратегически глупая, но технически успешная затея.

При планировании первого наступления на Берлин предполагалось в полном объеме использовать новейшие достижения науки и техники. Речь шла о еще одном «ударе в самое сердце». Польский Генеральный штаб верил во взятие Берлина так же твердо, как немцы в 1914 году — во взятие Парижа. К несчастью для поляков, при подготовке этого наступления пришлось консультироваться с целым рядом «экспертов». Соответственно пошли информационные утечки через Францию, Россию, чешских и шведских производителей боеприпасов. Не обошлось без измены и в самой Польше.

В результате общие контуры польского плана в Берлине рассматривались едва ли не в том же объеме, что и в Варшаве. Великий газовый налет на Берлин оказался по-настоящему опустошительным, но натиск танков, огромных орудий на гусеничном ходу и войск на автотранспорте немцы остановили в шестидесяти милях от своей столицы. Свою роль сыграли хитроумная система заграждений с применением ядовитого газа — главным образом, использовался Люизит и «Синий крест» — мины, которые приводились в действие импульсом по электропроводу, и так называемые «шламовые рвы». Все это применялось как на дорогах, так и в открытых полях. Кавалерийский рейд на севере между Берлином и Балтийским морем потерпел катастрофическую неудачу из-за колючей проволоки, газа и пулеметов.

¹ Обычно численность батальона составляет не менее 500 человек. (Прим. переводчика).

Около сорока тысяч человек были убиты, ранены или попали в плен. Более того, поляки допустили существенные ошибки при изготовлении противогазов. В результате среди солдат распространился слух, что их продали и предали. Основные силы противников так и не соприкоснулись. Только огромное численное превосходство в авиации спасло поляков от полного поражения¹.

Польские армии сплотились и, согласно плану «Б», подготовленному на случай такой неудачи, растянулись и окопались вдоль линии между Штеттином и чешской границей². Находясь за системой оборонительных сооружений, Польша принялась оказывать давление на Силезию. Каждую ночь над Берлином и Варшавой бушевал воздушный бой. Часто это была нерешительная битва. Поляки имели численное превосходство, но немецкие пилоты лучше управляли своими машинами. А еще у поляков имелось гораздо больше новых воздушных торпед, которые летели до назначенной цели двести миль, сбрасывали большую бомбу и возвращались обратно³.

Богемия, как и Франция, мобилизовалась, но в войну вступила не сразу. Одни чехословацкие армии стояли в своем горном четырехугольнике, другие выстроились вдоль венгерской границы, ожидая следующего поворота в большой политической игре. Австрия взволновалась, но осталась нейтральной⁴.

Южная война, открывшись для Италии радужными перспективами, в течение нескольких недель формально не имела никакой привязки к польскому конфликту. Болгария, Албания и Венгрия также объявили войну Югославии. Итальянские военно-воздушные силы «закрыли собою небо»; лишь немногие города Хорватии и Сербии не подверглись бомбардировкам. Итальянский флот намеревался захватить порты и острова Далмации, но сухопутные части среди холмов Словении и Хорватии продвигались не так быстро, как ожидалось. Только через шесть недель им удалось пробиться к Загребу.

В плане ведения боевых действий Югославия — сложная страна. Фактически там негде применять газ или механизированные

¹Автор явно исходил из того, что по условиям Версальского договора Германии запрещалось иметь танки и боевую авиацию (в 1933 году их действительно не было). В реальности люфтваффе к моменту вторжения в Польшу в сентябре 1939 года, конечно же, превосходили польские ВВС (*Прим. переводчика*).

² **Штеттин** — ныне польский город Щецин; до 1945 года принадлежал Германии (*Прим. переводчика*).

³ Вне всякого сомнения, здесь речь идет об аппаратах, которые спустя полвека станут именоваться беспилотниками. То есть в данном случае Уэллс промахнулся только со сроками (*Прим. переводчика*).

⁴ В реальности Германия произвела аншлюс Австрии в марте 1938 года, а спустя ровно год оккупировала Чехословакию (*Прим. переводчика*).

подразделения, поскольку не существовало центральной точки, куда можно наносить решающий удар, а население имело давние традиции ведения войны в горах. На крепких крестьян не очень-то влияло психологически, бомбят горожан или нет. Партизаны не вступали в открытый бой и старались сильно не скапливаться, держась мелкими группами, но пули в итальянские лагеря летели днем и ночью. Многие из югославских бойцов постоянно курсировали между своими полями и тем, что, так или иначе, являлось фронтом. Боеприпасы партизанам в Югославию доставлялись через Румынию, которая также вынуждена была вести себя очень осторожно из-за непокорных крестьян и многочисленной Красной армии на бессарабской границе. Венгры осмелились пересечь югославскую границу и даже угрожать Белграду, однако, основная часть венгерской армии продолжала оставаться на границе с Чехословакией и ожидать дальнейших событий.

Любопытная пауза в боевых действиях наступила в конце года. Отчаянные усилия Праги, Лондона и Парижа, направленные на мирное урегулирование, временно увенчались успехом. Польские оккупанты оставались на территории Германии, а итальянские — в Югославии, но на нейтральных полосах боевые действия прекратились. Соответственно предпринимались попытки остановить войну путем переговоров и уж тем более не допустить слияния двух конфликтов. В течение нескольких недель это казалось возможным. Германия и Польша оставались при двояком мнении относительно продолжения войны, поскольку польское наступление захлебнулось. Италия надеялась удержаться в Далмации и не продолжать утомительную кампанию по дальнейшему захвату балканских территорий. Казалось, дух цивилизации высвободился из цепкого дурмана и спросил: «А почему это с нами происходит?»

Британский кабинет счел сложившуюся ситуацию подходящим поводом для созыва конференции в швейцарском городе Веве и «окончательного» пересмотра условий Версальского договора. С призывом к миру выступили Альфред Дафф-Купер, Лесли Хор-Белиша, Эллен Уилкинсон и Рэндольф Черчилль¹. Этих британских политиков слышали по всей Европе. Их горячо поддерживали Бенито Карузо и Корлисс Ламонт в Америке. Римский папа, архиепископ Кентерберийский, Церкви нонконформистов, президент Швейцарии и президент Чехословакии Эдвард Бенеш подняли протестный хор. Франция неуклонно становилась все более пацифистской после социальных конфликтов 1934-35 годов и нашла способных представителей для мирной конференции. Нелишним будет в этой связи

¹ Все это — реальные британские политики. Вот только Хор-Белиша в реальности был смещен с поста государственного секретаря по военным вопросам 5 января 1940 года. Рэндольф Черчилль — это сын Уинстона Черчилля (*Прим. переводчика*).

еще раз вспомнить об импульсах Генри Форда и президента Вудро Вильсона. Снова концепция Мирового порядка промелькнула в человеческом воображении и исчезла. На этот раз это был более полный, более явный и более единодушный хор, чем тот, что громко взывал в 1916-1917 годах. Вот только эффективность оставалась прежней. Веве обеспечил перемирие вплоть до июня 1941 года, но это, по сути, ничего не решило, потому что военные власти, получив передышку, стали проявлять нетерпение². Взаимно разрушительная злоба возобновила боевые действия «до сбора миротворческого урожая».

Веве потерпел неудачу, потому что представитель конструктивной концепции Современного государства так и не появился. Дипломаты от национальных правительств заявляли, что стремятся к миру, но взялись за дело с устаревшими представлениями о суверенитете. Ничем, кроме возобновления военного конфликта, это закончиться не могло. Фантазия о «балансе сил» приближалась к идее мира, но такое равновесие было обречено сильно колебаться из года в год, изо дня в день. Теперь одни хотели мира, а другие войны до победного конца. «Немцев разбили в недостаточной степени» — эта фраза показалась чрезвычайно заманчивой для торговцев оружием и журналистов во Франции и Скандинавии. «У итальянцев полно дел в Югославии» — из той же оперы.

Британцы и американцы, которые рассчитывали остаться вне конфликта до самого конца, пережили волнующее оживление экспорта и обнаружили, что их счета в адрес воюющих сторон растут весьма обнадеживающе. Все громче раздавался сладостный рев станков. Акции горнодобывающих и химических компаний взлетели до небес, а металлургическая промышленность, подобно беззубому старому тигру, поднялась на единственную доступную добычу, — людоедство. Паршивый хищник давно перестал мечтать о новых пассажирских судах, мостах, железных дорогах или о домах со стальным каркасом, но он все еще мог производить оружие и убивать. Он не мог заглядывать достаточно далеко вперед и предусмотреть, что таким путем на человеческих костях совсем не останется мяса. Только Чехословакия и Австрия действительно страстно желали прочного мира, потому что их со всех сторон окружали две воюющие системы. Человеческая воля к миру по-прежнему оставалась крайне запутанной и неэффективной.

Боевые действия возобновились почти одновременно на польской Украине, где крестьяне восстали против советской администрации, и на германских землях, занятых польскими оккупантами. Во время перемирия немцы не теряли времени даром. Они начали выпуск более быстрых самолетов и улучшили пулеметы. Несколько недель между

² Фраза, конечно, получилась несколько путанной, но, принимая во внимание дату «июнь 1941 года», ее также следует записать в пророческие (*Прим. переводчика*).

поляками и немцами шли такие интенсивные воздушные бои, каких еще не видывала человеческая цивилизация.

Постепенно немцы смогли перехватить господство в воздухе. Это позволило им пустить в ход авиационные бомбы с газом. Воздушным ударам подверглись Лодзь и Варшава. Население из этих городов было эвакуировано. Немцы прорвали польскую оборону и восстановили связь с Силезией.

А потом конфликт расширился!

При поддержке России Литва захватила Вильно. Австрия объединила борьбу Севера и Юга, вступив в обе войны в качестве союзника Германии и Италии. Германия объявила о своем окончательном союзе с Австрией. С этого момента остальные европейские государства с поразительным безрассудством принялись бросаться в котел войны. Венгрия привлекла на свою сторону румынские подразделения и без объявления войны напала на Чехословакию, объяснив свои действия необходимостью «восстановить законные границы». Вслед за этим Россия объявила о невозможности сохранения взаимопонимания с Францией, и Красная армия двинулась на Лемберг¹. Македония превратилась в бурлящую кашу сражений, деревня против деревни; Болгария вошла в «Южно-славянский» альянс и напала на Албанию, а Греция захватила итальянский Родос².

Таким образом, Франция увидела, что ее древняя политика «безопасности», направленная на установление баланса сил между союзническими и антагонистическими державами, подошла к своему логическому завершению. Французский народ мог бы чувствовать себя неуязвимым за чрезвычайно укрепленными границами, а бизнесмены с превеликим удовольствием делили бы барыши от продажи боеприпасов с англичанами и американцами, но договорные обязательства оказались слишком крепкими.

После последней неоднозначной попытки Лондона, Вашингтона и Женевы предотвратить катастрофу, Франция в 1943 году объявила войну Центрально-Европейскому альянсу.

На первый взгляд, новая война в Европе напоминала Мировую войну 1914-1918 годов. Казалось, это попытка то ли отменить, то ли

¹Лемберг — так назывался Львов с 1772 по 1918 годы (в составе Австро-Венгрии), то есть, начиная с Первого раздела Польши и вплоть до окончания Первой мировой войны, когда Польша была восстановлена, как государство. В 1940 году этот город действительно находился в составе СССР (в сентябре 1939 года в польский Львов вошли немецкие подразделения, но затем город оставили, позволив занять его советским войскам). *(Прим. переводчика)*.

²Родос отошел Италии в 1912 году по итогам Итало-турецкой войны. После Второй мировой войны попал под британский протекторат. В 1948 году передан Греции. *(Прим. переводчика)*.

условия Версальского договора. Создавалось превратное впечатление, будто это — осада Центральной Европы. Но теперь Италия находилась в тесном союзе с немецкоязычными державами; Бельгия в состоянии крайнего промышленного бедствия оставалась вне войны; стояла в сторонке и Британия. Франции пришлось помогать — а не получать помощь — расположенным на берегах Черного моря и на Балканах государствам, которые набережная Орсе¹ объединила в антигерманский союз. Россия являлась весьма сомнительным союзником Центральных держав; она не действовала с ними заодно, предпочитая просто удерживать за собой Восточную Польшу и Бессарабию. На этом Красная армия и остановилась. Из русского воображения исчез былой энтузиазм, связанный с мировой революцией. Марксизм настолько русифицировался, что теперь боялся принять слишком много западных приверженцев. Кремль остался доволен консолидацией родственных славянских Советов и почивал на лаврах. Япония, Китай и Америка держались в стороне от общей суеты, сосредоточившись на собственных социальных трудностях.

Невнимательный исследователь увидит в этих событиях только перестановку знакомых фигур в политике того или иного суверенного государства. На самом же деле силы военного и политического антагонизма представляли собой нечто совершенно иное. Несмотря на внутренний социальный распад, Франция оставалась капиталистическим сообществом, которое функционировало по образцу XIX века, с демократическим парламентаризмом и безответственным финансово-промышленным аппаратом. Молодых французов воспитывали в духе сентиментального патриотизма, но их не удавалось эффективно организовать с ментальной точки зрения. Союзниками Франции являлись крестьянские государства со старомодной королевской или парламентской формой правления, а все Центральные державы придерживались фашистского подхода. Им удалось более тесно сплотиться. В них господствовала организация молодого духа, который претендовал на звание элиты.

За исключением того фундаментально важного факта, что фашисты являлись яркими националистами, контроль со стороны самозванной и само-дисциплинированной элиты в какой-то степени представлял собой шаг в сторону организации нашего Современного государства. Фашисты в разных странах отличались друг от друга, но всем им было суждено разрушить свои государства и исчезнуть по причине извращенного менталитета. Молодые люди оказались неспособны выйти за пределы

¹ Набережная Орсе находится в Париже на левом берегу реки Сена; в данном случае подразумевается адрес французского министерства иностранных дел. (*Прим. переводчика*).

националистических традиций и объединиться. Между ними и нашей современной системой образования и управления не существует прямой преемственности, но следует отметить, что ничего подобного не наблюдалось в период между 1914 и 1918 годами. Что же касается Российской коммунистической¹ партии, то она частично продвигала демократические институты. Среди хаоса организованная «преданность молодежи», на которой зиждется наше Современное государство, формировалась в условиях, которые ковал Центрально-Европейский альянс. Идея дисциплинированного личного участия в управлении людьми внедрялась в менталитет нового поколения¹.

Пока не появилось что-то более убедительное, новая мысль должна была выкристаллизоваться в катастрофическом воплощении и пройти сквозь такие странные ядра, как театральный Муссолини и истеричный Гитлер. Она должна была стать патриотической, потому что никакой другой приемлемой формы государство себе не представляло. Первые кристаллизации разрушились и растворились в военных бедствиях, но идея объединенного сотрудничества уцелела и теперь она направлялась к достижению более высоких целей. Молодежь перестала быть безответственной во всех фашистских странах.

Новая война отличалась от предыдущих. Это было ясно всем, но Центральные державы видели в ней не очередную схватку между демократически настроенными массами, а идейное противостояние. К тому же иным стало качество боевых действий. В первом всплеске конфликта существовал «фронт» между Польшей и Германией, но после 1943 года само понятие фронта сильно размылось.

С помощью «Перманентной смерти» поляки попытались прочертить своего рода линию через Восточный Бранденбург и отступить в Позен^{2 3}. Затея очень быстро потерпела полный крах. Были отравлены три небольших района, не имевших большого стратегического значения. После 1943 года война в основном велась в воздухе, все чаще применялся

¹ Под Восточной Польшей в данном случае явно подразумеваются Западная Украина и Западная Белоруссия, которые отошли Советскому Союзу осенью 1939 года: Бессарабию вместе с Северной Буковиной СССР аннексировал в 1940-ом. (*Прим. переводчика*).

² Учитывая то обстоятельство, что роман-антиутопия «Мы» Евгения Замятина на английском языке был впервые опубликован в 1924 году, а «О. дивный новый мир» Олдоса Хаксли — в 1932-ом, подобного рода уэллсовские формулировки, по логике вещей, не могли не вызвать как минимум серьезную настороженность (*Прим. переводчика*).

³ **Позен** — ныне Познань. Город отошел от Германии к Польше по итогам Второй мировой войны (*Прим. переводчика*).

газ. В Средиземном море Франция ожесточенно сражалась за сохранность коммуникаций с Северной Африкой¹. При этом атлантические транспортные потоки во французскую метрополию пострадали незначительно.

Не случилось ни воздушного Трафальгара², ни воздушного Экномуса³. Война в трех измерениях не позволяет в достаточной степени привлекать к решающей битве сухопутные подразделения. Соответственно ни та, ни другая сторона не могла полностью перехватить господство в воздухе. Это была война набегов и карательных рейдов. Никаких генеральных сражений! Крупное немецкое наступление на Позен поляки остановили газом, а французское вторжение в Италию не продвинулось дальше Турина.

Единственно возможным путем к победе стало полное истощение противника, материальное и моральное. Измученное население в очередной раз призвали стойко держаться до самого конца.

«Победит тот, кто продержится на полчаса дольше другого!» — этот лозунг перевели на все европейские языки.

По мере того, как невозможность какого-либо военного решения становилась все более очевидной, усиливались атаки на социальный порядок. Поджигались леса и посевы, затоплялись низменные районы, разрушались насыпи, прекращалось водоснабжение. Авиаторы для бомбежки выискивали толпу. Они стали похожими на охотников, которые выманивают хорьков из нор.

Несмотря на целое десятилетие финансовых неурядиц и промышленной депрессии, в Европе еще оставалось немало искусно замаскированных и надежно защищенных от воздушных атак военных заводов. Более того, все главные воюющие стороны активно импортировали оружие и боеприпасы, выжимая из собственного населения последние соки с помощью налогов и всяческих сборов. Товары пересекали границу ночью, грузы доставлялись в неосвещенные гавани. Каждый трудоспособный взрослый, незадействованный в боевых действиях, либо строил бомбоубежища, либо восстанавливал здания после бомбежек. Кстати, делалось это тоже преимущественно по ночам. Уклонистов карали лишением продовольственных пайков. Сохранилось

¹ Марокко, Алжир и Тунис являлись колониями Французской империи (*Прим. переводчика*).

² **Трафальгарское морское сражение** между английским и франко-испанским флотом произошло 21 октября 1805 года. Англичане, не потеряв ни одного корабля, уничтожили 22 неприятельских судна (*Прим. переводчика*).

³ **Битва при мысе Экномус** между римским и карфагенским флотом в Первую Пуническую войну (256 год до н.э.). Закончилась полным разгромом карфагенян (*Прим. переводчика*).

мрачное художественное полотно Эглона Калле под названием «Наконец-то безопасность». Читатель, вероятно, видел одну из многочисленных репродукций. Изможденные и оборванные французы в кандалах роют тоннель по ударами кнута. На переднем плане упавшему в обморок вкалывают стимулятор; другой умирает, лежа в грязи, но к нему никто не подходит.

По сравнению с обильной литературой о личном опыте во время Мировой войны, по крайней мере, в том, что касалось Западного фронта, существует удивительно мало записей о боевых или небоевых событиях во время боевых действий сороковых годов. Итоги больших воздушных налетов выглядели совершенно ужасно. Это не шло ни в какое сравнение с итогами бомбежек в Мировую войну. Вой сирен, пронзительные свистки велосипедистов-разведчиков, толпы обезумевших людей, потерявших гордость и достоинство, в поисках убежища и помощи. Большинство либо погибали, либо получали тяжелейшие ранения.

Мы уже давали общее представление о характере тех мучительных смертей. В большинстве случаев убежища и противогазы оказывались неэффективными. Для предотвращения «преждевременной» паники и «поддержания морального духа народа» часто использовались бутафорские убежища и такие же бутафорские щиты, которые якобы уберегали от осколков. О крупных налетах газеты молчали. Даже в Америке публикация подобных сведений рассматривалась как «пацифистская пропаганда, направленная против вербовки добровольцев на европейский фронт».

Сохранилось письмо из Берлина после воздушного налета без даты и подписи. По мнению большинства компетентных критиков, оно написано романистом Синклером Льюисом (1885-1990)¹.

Прочитируем отрывок:

Мы спустились по Унтер-ден-Линден и пошли по Зигес-аллее. Всюду лежали тела мужчин, женщин и детей. Не равномерно, а странными кучками, как будто последним усилием перед смертью было обратиться друг к другу за помощью. Стремление к кому-то приблизиться характерно для газовой атаки определенного типа. В головах происходила какая-то трансформация. Все принимали практически одинаковые позы, лежа на земле, и всех рвало кровью. Вонь стояла страшная, хотя с момента смерти не успевало пройти и суток. Тела разлагались с необычайной скоростью.

Вот так погибали горожане всего полтора века назад!

В последующие десятилетия отсутствовал стимул писать. Резко снизилась доля грамотных людей по сравнению с тем, сколько их было в

¹ Синклер Льюис (1885-1951), американский писатель, лауреат Нобелевской премии за 1930 год. (Прим. переводчика).

западных армиях во время Великой войны. Стало куда больше дезертирства, апатии, пьянства, изнасилований, грабежей и даже немотивированной жестокости. Люди о таких вещах предпочитали молчать, а не оставлять записей. Весь мир стал куда более черствым, чем еще тридцать лет назад. Усиливаясь, страдания приводили к толстокожести. В 1914-15 годах многие британские и немецкие солдаты ежедневно вели дневники. Это свидетельствует о личной чувствительности и восприимчивости к событиям, что не связывалось с угрюмым фатализмом, примитивной экзальтацией или яростью. Последние три состояния стали преобладать в армейских мозгах сороковых годов.

В «Исторических документах» имеется дневник японского офицера, убитого при отступлении под Уханью. Не имея европейских материалов того же рода, процитируем этот образец и покажем, каково это — сражаться в последних войнах цивилизации. Между тем, с точки зрения информационной насыщенности, это довольно скучный документ. Данный конкретный японец оказался интеллектуалом и социалистом, который твердо верил в Лигу Наций. Его послужной список состоял из серии завуалированной критики в адрес вышестоящего командования. Во второй половине текста содержание меняется коренным образом. Автор описывал еду и воду, которые удавалось найти, а еще, как ему приходилось бороться с гриппом и дизентерией. С ними были какие-то люди. Пару раз он отметил, как ему удалось раздобыть для них еду. И он записывал их имена, когда тех убивали или они пропадали без вести. В тексте также присутствуют цифры, которые свидетельствуют о сокращении количества боеприпасов. Перед тем, как его убили, он сильно голодал. По мере того, как он слабел, критические замечания становились все более ясными, без осторожных намеков. Сначала японец перешел на плохой английский, а потом плюнул и писал уже все, что думает на простом для него японском. В самом конце дневника приведено стихотворение. Процитируем отрывок из него:

*Цветущий миндаль в лучах весеннего солнца,
Милостивая госпожа Фудзи-яма,
Островное сокровище прекрасных вещей,
Неужели я больше никогда тебя не увижу?..*

Наивное поэтическое произведение осталось незаконченным. Возможно, виной тому смерть автора. Наиболее вероятно, что он и его отряд были схвачены и убиты под Кайфыном.

Во втором десятилетии XX века солдаты писали о том, как они уходят из надежного дома, чтобы вернуться и жить там долго и счастливо. В поздних военных мемуарах ничего подобного не встретишь. Прежде

люди дышали энтузиазмом. В период последнего военного урагана повсеместно распространялось уныние и неверие в то, что доведется увидеть дом. Солдат был несчастен и знал, что впереди у него одно сплошное несчастье. В его голове присутствовало понимание, что война, если и не убьет, так тем или иным образом искалечит навсегда. Воспоминания летчиков, причинивших столько разрушений, удивительно пусты. Встречаются фразы «уложить парочку поляков» или «зачистить». Складывается впечатление, что летчики не имели представления о том воздействии, какое бомбы оказывают на живую плоть внизу. Кое-кто из них дожил до 1965 года и поступил на службу в Воздушный Морской Контроль. Эти люди достаточно подробно описали свой более поздний опыт, но никто не оставил полезных документов для истории военного времени. Историк обращается к датам и картам, подводит итоги к скудному конгломерату надежд, страхов и страданий миллионов людей и сомневается: жалеть ли ему или быть благодарным, что большая часть этого беспорядка исчезла навсегда.

После 1945 года признаки истощения усилились. Людскими душами овладело такое отчаяние, что даже начал улетучиваться инстинкт самосохранения. Бомбы падали вокруг, но люди уже не бросались в панике к убежищам; просто лежали на кроватях у себя в лачугах. Пугал только газ, да и тот гораздо меньше, чем прежде. Вспышки гриппа после 1942 года повторялись снова и снова, а в 1945 году пришла холера. Это были предвестники великой «Микробной атаки». Казалось, что микроскопические организмы прощупывают оборонительные порядки человечества.

Британия и нейтральные страны Северной Европы страдали почти так же остро, как если бы они находились в состоянии войны, несмотря на то что их не касались воздушные бомбардировки. Лондон и Стокгольм поставляли Европе боеприпасы в долг под проценты, тем самым превращаясь в могучих кредиторов. Такое положение дел привело к кратковременному экономическому подъему в британской метрополии. Когда-то Великобритания была пионером свободной торговли и космополитической мысли. Теперь же английский экспорт сократился до минимума. Бывший мировой кредитор не мог взыскать причитающиеся долги и соответственно оплатить поставки продовольствия в голодающую Европу, чье чрезмерное население еще недостаточно сократилось¹. Под воздействием безжалостно неэффективного спасения прежние санитарные условия трансформировались в непролазную грязь. Неприятный климат все это многократно усугублял. Первая эпидемия

¹ Здесь англичанин Уэллс скромно умолчал, что Британская империя превратилась из всемирного кредитора в крупнейшего мирового должника как раз между 1914 и 1918 годом, а мировую кредитную корону перехватили США (*Прим. переводчика*).

холеры застала Англию в муках голода и гражданских беспорядков. Правда, высокомеханизированная армия жестко и результативно их подавляла. К тому же сказывались сильные народные традиции, связанные с уважением к субординации и общественной стабильности. Никогда, со времен Черной смерти XV века, Британские острова не сталкивались со столь убийственной эпидемией. Все пребывали в убеждении, что чума навсегда ушла из нашего мира. Между тем холера явилась только началом периода повсеместного инфекционного разгула.

Медленно, но верно по Европе распространялся мятежный дух. Растущее отчаянное неповиновение, которое в 1918 году фактически и завершило Мировую войну, проявилось в новых формах. Но если раньше война была, в первую очередь, делом пехоты, то и соответственно массовые мятежи смогли нанести непоправимый ущерб французским наступательным действиям после 1917 года, вывести из войны Россию и привести Германию к окончательному краху. Теперь же бунт не приводил к настолько разрушительному эффекту. Не осталось слишком больших людских скоплений, подчиненных невыносимой дисциплине и способных широко реализовать «подрывные» предложения. Власть перешла к специальным силам — авиаторам и военным техникам. С помощью не-смертоносных бомб и легких газов они могли «справляться» и разгонять массовые митинги, а также «успокаивать» повстанческие районы, используя методы, немыслимые для революционеров на уличных баррикадах конца XVIII века.

Свою эффективность утратили даже забастовки на заводах по производству боеприпасов, потому что автоматизация вытеснила большое количество низкоквалифицированных рабочих. По той же причине загнулась основанная на классовой борьбе пропаганда коммунизма. Ее еще поддерживали девять десятых европейских рабочих и крестьян, но она уже не могла преодолевать естественные препятствия и захватывать контроль над общественной жизнью. Русскую социальную революцию было уже не повторить, потому что условия изменились самым кардинальным образом. Успех большевиков стал возможен благодаря технической отсталости России и отсутствию образованного слоя. Непокорность простых людей в Центральной и Западной Европе могла вызвать и вызвала огромное пассивное сопротивление и местные революционные движения, но им противостояла целая система авиаторов, техников и научных работников, которые узнали от Красной России, какого планирования следует ожидать от пролетариата и руководящих партийных работников. Ученые и техники нового типа могли думать о своих правительствах все, что угодно. Важнее другое — эти люди начинали в принципе по-иному мыслить. И они уже не принимали идею демократического коммунизма.

Не без помощи организаторов из России протесты против

продолжения войны временно приняли форму прокоммунистических восстаний. В 1947 году в Марселе, Сент-Этьене, Париже, Барселоне, Милане, Неаполе, Гамбурге, Лодзе и Глазго в войсках произошли вооруженные мятежи; достаточно грозные, чтобы поддерживать Советы от недели до нескольких месяцев. Хорошо организованные Советы Гамбурга и Глазго продержались дольше остальных и пали только после значительного кровопролития. Во многих местах разворачивались инциденты такого же характера, но более мелкого масштаба. Формальное приостановление войны стало следствием страха правительств перед всеобщим восстанием. Материальная организация системы разрушалась, а поведение технического персонала становилось все более неопределенным. Угрожающий лик классово мстительного пролетария неумолимо приближался к биржевому маклеру, банкиру и традиционному правителю.

Потребовалось еще три года, чтобы закончить последнюю войну. Лондонская конференция 1947 года сделала все возможное для выработки стабильного урегулирования в Европе в соответствии с Версальским договором, но политики и дипломаты все еще были неспособны проявить необходимые откровенность и великодушие. Сохранить лицо для этих существ было важнее сохранения жизней. В 1948 году эти безумцы позволили бессмысленной бойне возобновиться.

Весной 1949 года в Праге президент Бенеш добился того, что казалось невозможным; положил войне долгожданный конец¹. Вместо утомительных переговоров и выработки некоего промежуточного решения он просто предложил «приостановить военные действия без предварительных условий». Каждая держава оставалась на занятых позициях и отказывалась от дальнейшего ведения боевых действий до созыва неуказанной Конференции, которую планировалось созвать позднее. Грипп, холера и желтая лихорадка, прогрессирующее ослабление экономической жизни и новые изменения в отношениях между людьми помешали созыву этой Конференции. Временная приостановка Бенеша превратилась в постоянную приостановку. Формально она продолжается и по сей день.

¹ В реальности Эдвард Бенеш скончался 3 сентября 1948 года (*Прим. переводчика*).

Глава 10

БРОДЯЧАЯ СМЕРТЬ

Тот же недостаток подробного описания, который искажает историю последних войн, становится еще более очевидным в записях об эпидемиях, сделавших невозможным любое возобновление боевых действий. Дневники, письма и другие подобного рода записи вышли из моды. В мозгах иссякла энергия. Казалось, микробы выдернули листы из книг в министерствах иностранных дел и в замешательстве человечества нашли способ восстановить свою давно утраченную империю.

В лучших людских традициях атака началась без объявления войны. Первая наступательная линия состояла из различных видов гриппа, вызывающего лихорадку. Они стали очень заразны, их невозможно было взять под контроль в условиях продолжающихся боевых действий. У воюющего населения снизился коллективный иммунитет.

Сокращенное и неорганизованное питание, а также крах санитарных служб позволили этим инфекциям приобрести невиданный размах. Они убили несколько миллионов человек, а у остальных уменьшили продолжительность жизни. Это уменьшение приобрело даже большую важность, чем показатели смертности. Потом пришли холера и бубонная чума. Еще через пять лет, когда начало казаться, что худшее позади,

ударила Бродячая лихорадка.

Чрезвычайно неясная болезнь, до сих пор известная как лихорадка павианов в неволе. Вероятно, микроорганизм приспособился к родственной среде обитания в человеческом организме. Возможно, существовал какой-то промежуточный хозяин, который подготовил бактерии к нападению на человечество. Нельзя исключить и другой вариант; предыдущие эпидемии могли нарушить тот или иной защитный элемент в человеческой крови. Мы практически ничего об этом не знаем, потому что врачи и биологи перестали записывать свои наблюдения. Научные работы нигде не публиковались.

Впервые болезнь появилась в окрестностях Лондонского зоологического сада и оттуда распространилась с невероятной быстротой. Она обесцвечивала лицо и кожу, вызывала сильнейшую лихорадку, кожный зуд, психическое возбуждение и неконтролируемое желание бродить. По мере того, как жизненная энергия покидала больного, в конце концов, он ложился и умирал. Лихорадка передавалась через воду и через струпья, которые страдалец с невыносимым зудом с себя соскребал. Больные бродили повсюду, а ветер и вода разносили заразу. Восприимчивой оказалась половина человечества. Все восприимчивые заболели, и все заболевшие умерли.

Мощнейший всплеск новой инфекции продолжался восемнадцать месяцев, с мая 1955 по ноябрь 1956 года. Никакого эффективного лечения, равно как и методов профилактики так и не было разработано. Болезнь исчезла так же внезапно, как и появилась, оставшись неразгаданной загадкой для патологоанатомов. Павианы тоже больше не болеют. В результате сегодня невозможно воссоздать микробную культуру и проводить с ней какие-либо научные эксперименты. Не осталось никакого материала. Похоже, выработались какие-то неизвестные антитела, которые и перебили всех микробов данного вида. Доктор Маккензен считает, что микроорганизм так и не привел к выработке стойкого иммунитета. Болезнь просто тотально уничтожила всех восприимчивых, и вовсе не затронула остальных. По мнению данного специалиста, восприимчивость сформировалась в военные сороковые. То есть эпидемия не явилась следствием возникновения каких-либо новых качеств у микроорганизма; микроб набросился на сверх всякой меры ослабленное человечество.

История подобна индивидуальной памяти в том, что стремится стереть негативный опыт. Высказывание, что счастлива та страна, у которой нет истории, является полнейшей бессмыслицей. Между тем, именно периоды процветания и безопасности оставляют после себя наибольшее количество материала для исторической реконструкции. Мы знаем о веках изобилия в Египте, о величии и завоеваниях Ассирии, придворной жизни в Аджанте¹ и Центральной Азии. Но дни военных

катастроф не оставляли ничего, кроме пепла, а годы чумы в этом отношении вообще побили все рекорды. Существует неплохой отчет о Лондонской чуме (1665), написанный Даниелем Дефо (1659-1731). Неосторожного читателя следует предупредить, что изложенные события попросту сфабрикованы гениальным писателем, который не являлся им прямым очевидцем. Существует картина Рафаэля, изображающая чуму в Риме. Здесь приходится говорить о том же самом. Большинство великих исторических бедствий забирали своих мертвецов и уходили не запечатленными. Что же касается истории, то за эпидемиями всегда следовали социальные и экономические потрясения. На этом этапе Клио² снова оживала. То, что происходило снова, имело для нее значение, а то, что мертво, то мертво.

Беззаботное процветание XIX и начала XX веков оставило нам безбрежную массу записей о людях, которые ничего не знали, кроме разве что понаслышке, о страшном опыте человечества. Мы располагаем миллионами романов, писем, дневников, мемуаров, картин и фотографий. Но почти не сохранилось писем, фотографий, книг и газет, которые могли бы пролить свет на 1955 и 1956 годы, которые, безусловно, являлись самыми ужасными в истории человеческой цивилизации. Все записи словно сожрала сама инфекция. Все осталось на откуп нового поколения Дефо и Стивена Крейна³.

Описания Кейбла, Ната Дасса, Бодеско и Мартини представляются вполне оправданными. К этим домыслам мы читателя и отсылаем. В деревнях и городах лежали непогребенными мертвые мужчины и женщины. Собаки и кошки их обгладывали. В Индии мертвецов пожирали тигры, в Африке — львы, в Бразилии чрезмерно размножившиеся дикие свиньи. И все кругом кишело крысами.

Не хотелось бы упустить и еще один аспект — хождение инфицированных. Ничто не могло удержать их в постелях или на больничных койках. Больные проникали всюду. Тысячи умирающих странников были расстреляны. Охваченные паникой люди убивали их прямо на улицах. Эта мрачная необходимость сегодня нас ужасает. Так, например, в 1912 году пароход «Титаник» столкнулся с айсбергом и затонул. Те, кто находился в шлюпках, в целях самозащиты били веслами по рукам тех, кто, находясь в воде, пытался схватиться за борта. Ужасно! Но в противном случае утонули бы все. В условиях жесточайшего стресса человек переставал

¹ **Аджанта** — буддистский храмовый комплекс в Индии (*Прим. переводчика*).

² **КЛИО** — в древнегреческой мифологии дочь Зевса и богини памяти Мнемозины, покровительница истории (*Прим. переводчика*).

³ **Стивен Крейн** (1871-1900), американский писатель и поэт, друг Уэллса (*Прим. переводчика*).

подчиняться импульсам социального животного. Невосприимчивые возненавидели грязь и страдания вокруг себя. Лишь немногие медики, военные, священники и полицейские пытались навести хоть какое-то подобие общественного порядка. Крутом свирепствовали мародеры. Среди них были не только мужчины, но и женщины, что, конечно, еще ужаснее.

Но этот кошмар пришел и ушел.

В январе 1957 года последние заболевшие по-прежнему бродили по опустевшим городам. Несчастные вламывались в дома, топтали обглоданные кости или полностью одетые скелеты. Никто еще не мог осознать, что гнев природы закончился, и жизнь продолжается.

Бродячая лихорадка завершила газовую войну. Мировое население сократилось вдвое.

Глава 11

ЕВРОПА В 1960 ГОДУ

Имеет смысл более детально разобраться в причинах, по которым лоскутное одеяло империй и националистических государств, созданное в эпоху европейского господства, утратило определяющие черты и выработанные традиции, а затем и вовсе отказалось от преданности людей доброй воли. Пустая оболочка прежней формации еще колыхалась в 1933 году; в 1966-ом она исчезла. Сначала скомкалась, а потом распалась; осколки растворились без остатка.

Занимаясь общим образованием, сложное взаимодействие личностей и происшествий можно опустить, как мы проходим мимо подробностей Великой войны или различных военных кампаний Наполеона, и как Эдуард Гиббон, автор книги «История упадка и разрушения Римской империи» (опубликованной между 1776 и 1788), прошел мимо тысячелетней истории византийской придворной жизни. В наши дни такого рода история стала миной для тех замечательных биографических исследований, которые вытеснили старые романтические произведения из развлечений нашего досуга, как только наше воображение вышло за рамки возвышенной мысли. Все, что нам необходимо для нынешней цели, — это понимание могучих сил в густых джунглях человеческой

реакции.

Человечество живет в ускоряющемся темпе, и основное отличие между упадком римской системы и упадком мирового господства частнособственнического капитализма в XX веке заключается в гораздо более быстром наступлении окончательного краха. Вторым важным отличием является гораздо более живое понимание происходящего со стороны вовлеченных масс. Обе депрессии являлись прежде всего имущественными и финансовыми. Кроме того, сказывалось отставание политической и образовательной адаптации, в результате вся система оставалась без руководства. Но если римский кризис брел в темпе лошади по мощеной дороге, то новое падение по всему земному шару пронеслось со скоростью автомобиля. Таким образом, на лицо сильно сжатый и скомканный параллелизм. От опустошенной великими бедствиями Римской империи в конце второго века христианской эры до возрождения торговли, производства, искусства и благопристойного поведения прошло более тысячи беспокойных лет; от немецкого вторжения в Бельгию в 1914 году до возвращения к общему материальному процветанию при Воздушной диктатуре после 2010 года прошло всего лишь столетие.

Именно по этой причине мыслительный процесс стал гораздо более интенсивным. Голова сумела прийти к правильным выводам, находясь в тесном контакте с предпосылками. Первый мировой крах распространялся несколько поколений, каждое из которых не обращало внимания на опыт предшественника; второй — пришелся на одну долгую жизнь. Те, кто помнил относительно стабильное третье десятилетие XX века, в 1960 году были еще далеко не самыми старыми людьми. Тот, кто был ребенком в начале гугеровского кризиса, принимал участие в становлении первой международной полиции. Тем самым он улавливал в происходящем объединяющий смысловой хребет. Сомнительно, что римский гражданин при империи мог вообще что-либо понимать.

Тем не менее, в обоих случаях происходило параллельное уничтожение старых идей. Стирались границы, разрушались освященные веками традиции, списывались долги и обязательства, исчезали религиозные и образовательные организации, разорялись привилегированные классы, менялась законодательная база и происходило очищение от иллюзий. Обанкротившаяся цивилизация готовилась к радикальной реконструкции.

А теперь выполним своего рода срез мира через 1960 год и рассмотрим состояние населения и результаты его усилий. В свете последующих событий мы можем понять, что уже в середине XX века наблюдалось существенное сближение необходимых условий, но вместе с тем и усомниться, что в то время это казалось свершившимся фактом. Цель, к которой стремились фундаментальные бионические силы,

езде была одинакова, но особенности широко варьировались в зависимости о географических, этнических и традиционных обстоятельств. Кроме того, интерпретации оказались чрезвычайно разнообразными.

События Эпохи европейского господства мы рассматривали как закономерный результат неконтролируемого и неравномерного роста на фоне политической и культурной атрофии. У людей выросла внутренняя энергия, что выразилось в увеличении численности населения (по данным Вернера Зомбарта, в Европе со 180 до 420 миллионов между 1800 и 1914 годами, несмотря на выраженную эмиграцию). Частично это было обусловлено военными действиями и полнотой индивидуальной жизни. Тем не менее, силы консерватизма и функционального сопротивления, воплощенные в кредиторской и правовой системах, приостановили высвобождение свежей энергии. Во второй раз в истории человечества неадаптируемое качество финансовой и частной организации привело к удушению общественной жизни.

Денежно-кредитная организация достатка в XIX веке во многих отношениях отличалась от римской; прежде всего своей сложностью, но развивалась фактически в том же режиме. Сначала происходило накопление частного капитала, затем разрушительное налогообложение. История повторялась. Европейская система, как и предшествовавшая ей римская, обеднела благодаря насильственному расходованию неожиданной энергии. Потери происходили, несмотря на новые возможности, которые предоставляла наука. Средства расходовались без отдачи. Наибольший объем расходов пришелся на период с 1914 по 1950 год. Потом темпы замедлились.

Новая война оказалась несостоятельной даже в плане разрушительного потенциала. Она свернулась, как только на нее более или менее серьезно надавили. Она не убивала в той степени, в какой могла; именно поэтому читатель жив и видит эти строки. Сражения европейских войн сороковых годов — то есть чисто военные операции — во всех их последствиях стоили человечеству едва ли четверти боевых потерь 1914-1918 годов. При этом научное противостояние достигло более ощутимых высот. В Азии разрушения оказались более основательными по причине варварского уровня, но даже там боевые потери оцениваются менее чем в девять миллионов. Из них почти пять миллионов приписывались последнему наступлению Японии в 1938 году, тупику в Центральной Азии и отчаянным боям с гоминьдановскими войсками к западу от Ханькоу с последующим отступлением.

Человек потерпел такое же поражение, какое и ожидалось. Война не поднялась до своего предельного технического уровня. Социальные и политические потрясения, последовавшие за европейским и тихоокеанским конфликтом, значительно превзошли беспорядок 1917-

1919 годов, но боевые действия являлись скорее прелюдией, нежели причиной. Новая война, которая, как говорили пророки, закончится массовым убийством человечества техническими новшествами, незаметно переродилась в нищету, грязь политических решений, невыплаченные долги, списанные машины, восстания, партизанские и бандитские конфликты, всеобщий голод и великие эпидемии. Газовая и Воздушная война исчезли с переднего края человеческого опыта. Их затмили голод и болезни. Окончательным победителем в середине XX века стал микроб Бродячей лихорадки. В 1930 году численность населения на нашей планете составляла два миллиарда человек. К 1960-му погиб миллиард. Причинами тому стали голод, болезни и полный экономический крах. Война унесла миллионы жизней; главным образом, в нескольких крупных сражениях. Мор забрал сотни миллионов; безжалостно пожирая своих жертв днем и ночью на протяжении двух невероятно ужасных лет.

По словам Имхоффа, не существует единой европейской истории Эпидемических и Голодных Пятидесятых годов; существует десять миллионов историй. Различные правительства, созданные в соответствии с Версальским договором, по большей части все еще юридически существовали в течение всего этого века, но с прекращением денежной политики они стали настолько блеклыми и неэффективными, что перестали влиять на повседневную жизнь. Англичане и французы сами себя ограничили — сосредоточились на сборе налогов, но получалось из рук вон плохо; ситуация несколько напоминала взимание дани до эллино-латинского периода. Правители периодически вмешивались в местные дела, но по большей части пускали их на самотек. Активное сопротивление либо игнорировали, либо пытались найти с ним некий разумный компромисс. К 1952 году британское правительство все еще продолжало выплачивать долги международным кредиторам; во всяком случае, тем из них, которые еще как-то себя проявляли. Сегодня с трудом удастся разобраться с записями тех лет. По-видимому, платежи осуществлялись в специальной бумажной валюте, не имеющей реальной покупательской способности. Итальянское и испанское правительства вели себя как настоящие административные органы в зонах ограниченного доступа. Рим сохранял довольно эффективный контроль над треугольником, обозначенным Генуей, Флоренцией и побережьем Средиземного моря, а Барселона и Мадрид поддерживали порядок на большей части Пиренейского полуострова, за исключением советской Испанской Ривьеры, Португалии и Андалусии.

Что-то подобное происходило и в Америке. Благодаря большим расстояниям между населенными пунктами стало легче отделяться. Владельцы железных дорог обанкротились, и это принесло прекрасные возможности для создания местных автономий. На этом пути американцы стали первопроходцами. После эпидемии железные дороги

свою работу так и не возобновили. Власть Федерального правительства Соединенных Штатов сократилась до Вашингтона, почти так же, как Восточная империя сократилась до Константинополя, но Вашингтон не обладал жизненной силой города на Босфоре, и стал просто историческим центром задолго до того, как к 2000 году возродился туризм. Германия, как единое целое, не пережила Польских войн, а Берлин быстро превратился в группу деревень посреди руин, оставленных польскими воздушными бомбардировками.

Таким образом, получается, что мировые политические системы рухнули за какие-то несколько лет. Встал транспорт, нарастал денежный кризис, вырождались военные организации. В этих условиях задача поддерживать социальный порядок автоматически ложилась на плечи региональных лидеров, а те, в свою очередь, вдруг с удивлением обнаружили, что к ним прислушиваются. В Европе, как и во всем остальном мире на протяжении этого необыкновенного десятилетия, города и поселки оказались вынуждены «жить сами по себе». Инфекционные болезни усилили эту насущную потребность. Муниципальные власти организовали медицинскую службу и органы экстренной помощи. Когда мор отступил, органы управления оказались в роли потерпевших кораблекрушение моряков на необитаемом острове; пришлось восстанавливать разрушенную экономическую жизнь. Использовался старый авторитет для новых нужд и старые термины для новых вещей. То тут, то там появлялся энергичный лидер, называющий себя мэром или герцогом, или маленькая, но решительная группа под названием Городской совет или Союз граждан.

Необычные изменения в политической структуре выявили явное противоречие между фактическим и «законным» контролем. В Южной Германии, Польше и Северной Франции преобладало впечатление социальной революции. Соответственно преобладали Советы. Но по структуре они сильно отличались от первоначальных русских Советов. Можно было отыскать коммунистический район, смутно соотносящийся с московской идеологией; и он мог лежать бок о бок с другим, чья местная власть заявляла, что поддерживает национальное правительство в столице. И эти в теории антагонистические системы умудрялись мирно сосуществовать. Люди, называющие себя депутатами, претендовали на власть в Вестминстере, Париже или Риме, подобно варварским вождям раннего Средневековья, которые ссылались на Византию или Рим. В таких условиях было не избежать локальных конфликтов или даже революций, но в столицах их неизменно признавали местными муниципальными перестройками.

По всей разобщенной Европе были разбросаны остатки старого милитаризма; разбитые недоукомплектованные подразделения неоплачиваемых армий с приходящим в негодность оружием и

боеприпасами, чей запас неуклонно истощался. Эти формирования состояли из офицеров, которые были солдатами по профессии, и призывников, которых не демобилизовали и которые отказывались от демобилизации, потому что не могли найти никакой другой работы. Офицеров в таких частях было относительно несложно контролировать ввиду постоянной угрозы массового дезертирства. В некоторых случаях эти сморщенные вооруженные силы тесно контактировали со старым законным правительством и с разной степенью успеха проводили налоговые сборы; в других случаях помогали поддерживать общественный порядок или занимались разбоем. Немало было и тех, кто попросту вливался в ряды местной полиции, которая подчинялась мэрам или советам. В начале шестидесятых даже происходили небольшие завоевательные войны. Старые империи и суверенные государства появлялись вновь и снова исчезали или становились чем-то другим. После 1960 года появились квази-военные структуры, которые заключали договора с местными властями на поддержание порядка и даже заявляли о себе как о ядрах Современного государства. Они занимали старые казармы, а иногда и целые гарнизонные городки.

В сороковые годы эти солдаты были еще неопытными новобранцами. В последующие десятилетия те, кто остался в своих старых формированиях, превратились в отъявленных негодяев средних лет в залатанной, потрепанной и дополненной новыми нашивками униформе. Над аэродромами и заводами по производству боеприпасов получали контроль военные коменданты, которые постепенно начинали понимать важность технических работников, потому что только наука и грамотный персонал могли сделать эти приобретения по-настоящему полезными. Офицеры деградировали до уровня пехотинца XIX века и теперь отчаянно нуждались в тех, кто способен поднять цивилизацию.

Иными словами, в это время люди начали пытаться делать то, что спустя столетие делает за них Мировое правительство. В конце Мировой войны и после нее французские торговые палаты восполнили дефицит наличности местными монетами. Эта практика широко распространилась. Сегодня в наших музеях хранятся сотни тысяч образцов импровизированных европейских монет из свинца, никеля, олова и всевозможных сплавов, жетонов или даже деревянных чеков, а также тонны подписанных бумажных купюр, приемлемых для погашения долгов и уплаты налогов на местном уровне, но совершенно бесполезных на расстоянии всего в несколько десятков миль. Местный банковский служащий соответственно пытался эффективно организовать свою местную кредитную систему, сотрудничая с юрисконсультом. В большинстве крупных населенных пунктов все еще существовали типографии, и в течение многих лет местные периодические издания, выходившие ежемесячно или даже еженедельно, печатались на грубой и

самой разнообразной бумаге. Правда, зарубежные новости в большинстве случаев являлись не более чем слухами. Крупнейшие агентства прессы обанкротились и умерли. Вышла из строя телеграфная организация.

Радиопередачи вели всего несколько сохранившихся точек. Между тем основная проблема заключалась в прекращении производства радиоприемников. С 1930 по 1970 год «эфир» кое-как сохранялся. В «Исторических записях» сохранилось исследование превратностей почтовых, телеграфных и телефонных сообщений между 1950 и 1980 годами. Телефонная связь между Лондоном, Парижем и Римом, по-видимому, никогда не прерывалась или во всяком случае не прерывалась надолго. Известие о великом лондонском оползне в 1968 году передали по телефону в Мадрид, а оттуда по радио в Буэнос-Айрес, хотя, возможно, это объясняется возобновлением контроля над морями и воздухом.

После краха мировой торговли быстро исчезли не только радиоприемники. В полной мере это относится и к фотографии. Стал редкостью даже велосипед. Старую надувную шину стали заменять на тонкую твердую резину, которую часто «переделывали» из других видов низкокачественной резины. Исчезло электрическое освещение. Трамвайные системы либо полностью вышли из употребления, либо перешли на конную тягу.

Повседневная жизнь неуклонно понижала собственные стандарты. В британских и французских провинциях остановилось жилищное строительство. Между тем в Берлине и Вене наоборот, после войны наблюдалось интенсивное строительство. Поскольку население после эпидемии сильно уменьшилось, жилья хватало с избытком. В плане нищеты и грязи европейцы не опустились до уровня китайских или индийских городов. После 1933 года газеты отмечали, что на городских улицах стало гораздо грязнее. Соответствующие службы стали гораздо хуже ремонтировать дороги.

Стало хуже и с одеждой. В течение сорока лет ее количество на душу населения неуклонно сокращалось. Городские массы все чаще облачались в униформу (до 1950 года), которая утрачивала яркость и элегантность. Люди латали свою старую одежду за неимением новой; лохмотья превращались в обычное явление. Не лучше дело обстояло и с обувью. В довоенной Европе массовое производство согнуло старомодного сапожника, и он так и не смог полноценно разогнуться. Если испанцы еще были кое-как обуты, то французы и англичане либо перешли на сандалии, либо вовсе начали ходить босиком. Зимой это приводило к обморожениям. Обувное производство было худо-бедно налажено где-то в Богемии, но где именно, сегодня не представляется возможным установить. Повсюду наблюдался дефицит головных уборов.

Всеобщий упадок коснулся всех маленьких радостей жизни. Исчез табак. Точнее, он оставался только в нескольких привилегированных

районах, где он, собственно, и выращивался. Вымерло массовое производство сигарет. Настоящий чай стал большой редкостью, не хватало сахара. Возросло количество заболеваний, связанных с недостаточным питанием.

Во время Великой войны хитроумные европейцы научились делать нужные вещи самостоятельно. Теперь же им предстояло провести целое десятилетие в условиях трудностей внутреннего управления. Немцы уже были знакомы с понятием «эрзац». В Германии имелись соответствующие технические знания и способные специалисты. В мрачный период это позволяло поддерживать чуть более комфортный уровень жизни, чем в остальном мире. Немцы изобрели заменитель кожи, заменитель хлопка, заменитель кофе и чая, заменитель табака, заменитель опиумных анальгетиков и очень многих лекарств.

На другой чаше весов находились бездельники-ирландцы. До возвращения производства их физические страдания превосходили средние мировые показатели. Сторонние наблюдатели сомневались, что Ирландии удалось выпустить миллион ярдов¹ новой ткани с 1950 по 1960 год.

«Они живут, — писал один из этих наблюдателей, — на картошке и виски и периодически выказывают свое недовольство. Носят одежду из плетеной соломы, живописно свои одеяния раскрашивают и даже хвастаются ими, называя это убожество «возвращением к корням». Согреваются с помощью костров из торфа и навоза, а также теплотой взаимной брани».

Все это звучит ужасно по-варварски. Тем не менее, именно этому периоду мы обязаны появлению элегантной — хотя, согласно отчету, недавно обнаруженному в «Исторических документах», несколько шаткой — Церкви Искупления, построенной на месте Дублинского Королевского научного колледжа, закрытого цензурой в 1939 году за «преподавание биологии в свете, разрушающем Святую Троицу».

Студент должен быть более или менее знаком с изображениями этого периода в чрезвычайно полезном сборнике «Исторические сцены» в ста томах. Вполне возможно, что начитанному студенту попадались на глаза какие-нибудь романы или рассказы, написанные в то время, но что касается промежутка между концом пятидесятых и началом шестидесятых

годов, фотографий сохранилось очень мало. После 1955 года оставались фотоаппараты и кинокамеры, но, похоже, совсем не сохранилось пленки. У нас в наличии всего несколько десятков снимков — в предыдущие десятилетия их было в изобилии, — а кинематографических фильмов нет

¹ Яр — 91,44 см. (Прим. переводчика).

вовсе. Еще сохранились наброски, которые, как правило, выполнялись карандашом. Позднее появились сфотографированные реконструкции этих рисунков.

Имеются шесть интересных снимков, сделанных в Лионе в 1959 году. Похоже, кто-то нашел катушку пленки и смог ее проявить. Одно фото изображает площадь Белькур в базарный день. На других мы можем видеть бронзовую конную фигуру Людовика XIV. До наших дней она не сохранилась. Наиболее вероятно, что ее расплавили, чтобы сдать металл. Мы также можем видеть окна больших зданий; бывших гостиниц и больниц. На заднем плане — выпотрошенные дома. Но само место довольно оживленное. Вероятно, это была ежемесячная ярмарка. Торговали крупным рогатым скотом, лошадьми, овцами, козами и свиньями. Люди, преимущественно крестьяне, в соломенных шляпах и очень старых пальто, либо вообще завернутые в какую-то материю. Горожане все еще носили одежду тридцатых годов, потрепанную и залатанную. Трое в старомодных цилиндрах; видимо, важные рыночные служащие. На переднем плане бородатый мужчина ведет пару волов, запряженных в автомобиль. На переднем пассажирском кресле сидит полная женщина. У нее в руках клетка с утятами. На заднем сиденье теленок в сетке. Дама широко улыбается в камеру, не подозревая, что, по сути, общается с потомками.

На другом снимке — соревнование по игре в шары на пустынном железнодорожном вокзале. Это явно праздничное событие; проводятся сразу несколько партий с участием разных игроков. С путей, которые используются для игры, убраны рельсы. С разных помещений сняты двери, но остались надписи «*Chef de Gare*»¹, «*Salle d'attente*», «*Restaurant*»². На одной из средних платформ накрыты два длинных стола, подают простые закуски. На третьем снимке изображена толпа, которая устала на руины. Несколько домов только что рухнули вдоль крутого склона в районе, известном как Фурвир. Двое бородатых мужчин в безошибочно узнаваемой униформе старых «Альпини» следят за порядком. Нам известно, что лионский муниципалитет в то время располагал тремя полками, расквартированными в казармах. Солдаты носили сандалии, дополненные тканевыми полосками, скрученными вокруг ног. Плащи на вид в хорошем состоянии.

Три другие фотографии дают нам представление о положении дел на заброшенной фабрике по производству шелка. До экономического краха лионский шелк все еще был натурального происхождения, то есть делался шелкопрядом, но поставки сырья в долине Роны, похоже, прекратились.

¹ *Chef de Gare* (фр.) — Начальник станции (Прим. переводчика).

² *Salle d'attente* (фр.) — Зал ожидания (Прим. переводчика).

Соответственно сократилась торговля. Война сократила импорт намотанной нити. Но от шелка не собирались отказываться, и, вероятно, прилагались особые усилия, чтобы поддерживать привоз. Это конкретное учреждение, похоже, продолжало кое-как работать вплоть до появления лионской коммуны в 1951 году. Тогда все было окончательно остановлено. На еще одной фотографии изображена огромная куча бумажного мусора среди ткацких станков и несколько канистр; возможно, наполненных бензином. То есть речь могла идти о попытке поджога. Другая фотография показывает намоточные машины в паутине и пыли. На последней машине среди механизмов XX века видим дикую кошку и порхающих мотыльков.

Фотографии ценны своей подлинностью. Также имеются две фотографии «*Cafe Royal*», большого ресторана в заброшенном гранд-отеле Стокгольма. Они странно напоминают фотографии руин бань римского императора Каракаллы. Отметим также фото обеденного зала отеля «*Metropole*» в английском Брайтоне, до того, как строение было полностью разрушено. Все остальные снимки расставлены в хронологическом порядке в «Исторических сценах» между 1955 и 1963 годами. Сложное производство фотоаппаратуры и пленки возобновилось уже после того, когда стал ходить транспорт и в воздух поднялись десятки восстановленных самолетов.

В Лондоне остались музейные экспозиции, изображающие пустые улицы и такие же пустые полуразрушенные склады после эпидемии. Фотографии коридоров в отелях на Стрэнде, превращенных в больничные палаты, очень впечатляют. То же касается и наброска большой битвы между скотоводами и земледельцами, которые выращивали картофель, за владение Гайд-парком и Кенсингтонскими садами. Тогда погибли триста человек. Между тем, следует отметить, что картины, изображающие множество тел жертв эпидемии, плывущих по Темзе, все-таки являются художественным преувеличением.

В ценнейших документах мы находим свидетельства тревоги, потери, недоверия и вынужденного смирения. Через все это день за днем проходили сотни миллионов европейцев. Из общего комфорта двадцатых годов через потрясения, страх, ужас, ярость и возбуждение военного шторма человечество погрузилось во всеобщее бессилие и нищету. Бедняки, возможно, в меньшей степени предчувствовали беду, чем богачи. Даже во времена Всеобщего процветания, как это тогда называлось, человеческая жизнь была очень скучной, однообразной и утомительной. У людей хватало еды, но она обладала низким качеством. Далеко не все могли себе позволить достойное жилье. Да и вообще качество жизни имело тенденцию постоянно ухудшаться. За тяжелым трудом следовала безработица. Средний класс перешел от хорошего к плохому, от более или менее сносной жизни к безнадежной нужде.

Самые большие несчастья переживал класс пожилых и «пенсионеров», а также людей с «независимыми средствами» (и без обязанностей), которых стало очень много в первую эпоху Всеобщего процветания. Этот избыток процветающего человечества не без удовольствия для себя распространился по всему миру, не обращая внимания на усилия по обеспечению социальной дисциплины и безопасности. Незаметно эта прослойка заняла место старой административной и управленческой знати и сельского дворянства. Инвестиционная система в период своей устойчивой стабильности избавила этот социальный пласт от большинства неприятностей. Состоятельное общество занимало обширные районы приятной местности. Восхитительные сады, поля для гольфа, ипподромы, горные спортивные центры, парки, загородные клубы, пляжи, дорогие отели. Оно немного поникло в годы Мировой войны, но с большими надеждами возродилось в последующее десятилетие лихорадочной и неопределенной экспансии. По мере того, как развивался Великий спад, праздная жизнь уходила.

Экономическая фаза — не совсем верное определение. На самом деле речь шла не столько об экономике, сколько об удушении и бездействии вследствие сокращения расходов. Никто — за исключением разве что только ловкого спекулянта на падающем рынке — не стал богаче или даже относительно богаче. Прибыль появлялась только в банковских ведомостях. Предприятия вымирали, заимствующие государства и корпорации приостанавливали платежи. Просроченные задолженности приводили к дефолтам. Воды отречения поднимались, затопляя безопасность. Сброс материальных активов не приводил к сохранению капитала; особенно на фоне колебаний обменного курса.

«Что не упади, бессонных ночей все больше», — отметила финансовая газета в 1933 году.

На вилле, на смятой подушке металась голова несчастного капиталиста, а толпы безработных приходили в отчаяние в душном холоде трупоб.

Сохранился дневник Титуса Коббета, который в 1958 году проехал на велосипеде из Рима по Ривьере до Бордо. Этот человек начинал в качестве торговца произведениями искусства, а затем несколько лет прослужил в британском налоговом управлении, оценивая мебель, картины и тому подобное. Свое путешествие он предпринял, похоже, из чистого любопытства. Горько жаловался на трудности с денежным обменом между Генуей и Бордо. Похоже, на него возложили какие-то малопонятные дипломатические или консульские функции, но сам он предпочел об этом не распространяться. Возможно, его отправили сделать какой-то доклад, но никаких написанных инструкций нет.

До сих пор очень интересно читать это описание пораженного бедствиями побережья. Будучи молодым человеком с хорошими связями,

он хорошо знал Монте-Карло в двадцатые годы; частенько там гостил. Он написал о сотнях заброшенных шато с заколоченными окнами, непригодными для продажи. Какие-то из них оставались на попечении прислуги, другие — просто разграблены. Восхитительные сады, множество роз, олеандров, гранатов, апельсиновых деревьев, кипарисов, пальм, агав, кактусов — все это приходило в упадок. В отели никто не заезжал, и они тихо разрушались. Вышедшие из строя водопроводы размывали дороги, а бунгало заняли крестьяне. Такое же опустошение обрушилось и на берега Неаполитанского залива. Дорожные знаки и придорожная реклама безмолвно зывали к исчезнувшему движению. Коббетт крутил педали, размышляя, найдется ли по пути достаточно чистое и гостеприимное убежище на ночь. И вдруг, когда стемнело, в свете своей масляной лампы он увидел надпись:

*HTEL SLENID*¹

*CUSINE RENOM*²

*TTLE CNFOR MRNE*³

Куда ушли хозяин и гости? Куда подевались владельцы и арендаторы этих вилл и садов; яркая клиентура этих развлекательных оазисов? Многие из них, без сомнения, уже были мертвы, так как владельцы Ривьеры являлись людьми среднего и преклонного возраста. Остальные вернулись в свои страны; в нищету, полную утомительных воспоминаний.

Коббетт посетил развалины старого казино в Монте-Карло и спортивного клуба. Потолок американского бара обрушился за несколько дней до его прибытия.

«Они выглядели убогими, — написал он, — а когда я был молод, казались потрясающими местами.

Знаменитый сад, где азартные игроки заканчивали свои неприятности самым кардинальным из способов, зарос мезембриантемумом.

Как это не удивительно, но на фоне общего упадка продолжалось воздушное сообщение. Между Римом и Марселем Титус видел тринадцать самолетов, направлявшихся либо на восток, либо на запад.

«Сомневаюсь, что увидел бы их так много еще четверть века назад», — написал он и продолжил распространяться, очень поучительно, о

¹ *HTELSLENID* — Наиболее вероятно, что пропущенными буквами являются «О», «Р» и «D». Тогда надпись следует прочесть так: *HOTEL SPLENDID* — великолепный отель (англ.) (Прим. переводчика).

² *CUSINE RENOM* — Здесь явно пропущена «I». Значит, *CUISINE RENOM* — превосходная кухня (англ.) (Прим. переводчика).

³ *TTLE CNFOR MRNE* — *TITLE CONFORM MARNE* — Название соответствует Марне (англ.); то есть реке, притоку Сены (Прим. переводчика).

возрождении торговли и возможном возрождении общественного порядка, которое предвещали эти пульсирующие механизмы. Он также отметил, что между Ниццей и Марселем курсировали морские суда.

«Не просто рыболовецкие лодки, но корабли водоизмещением в тысячу тонн или даже более, — восторженно оценил путешественник на велосипеде. — В Ницце строили судно водоизмещением не меньше, чем три тысячи тонн».

У нас не сохранилось других записей о судостроении между 1947 и 1962 годами. Задолго до 1940 года строительство очень больших кораблей перестало быть «выгодным предложением», и совершенно очевидно, что никакие морские суда вообще, большие или малые, не строились нигде в мире в начале пятидесятых годов. Год за годом транспортная система обанкротившейся планеты приходила в негодность. В наши дни студенты исторических факультетов разрабатывают статистические диаграммы стремительного упадка.

Коббетт также с удивлением обнаружил функционирующий участок железной дороги (использовались дрезины на рычажной тяге или с бензиновыми двигателями) между портом Марселя и несколькими карьерами. У велосипедиста явно сложилось впечатление, что других железных дорог в мире не существует. Как только трафик упал ниже возможности выплачивать прожиточный минимум, поддерживать постоянное движение и покрывать текущие расходы не могли даже спекулятивные покупатели. А ведь когда-то железные дороги являлись ценнейшими объектами недвижимости. Они превратились в старый хлам. Порванные и ржавые рельсы, утопали в агавах и полевых цветах. Коббетт упоминал о красоте старой «*Sud de France*» и рассказывал, как ехал на велосипеде по объездной дороге Париж-Аион-Средиземное море. Объездная оказалась в лучшем состоянии. Крестьяне разобрали железнодорожный путь на металлолом. Рельсов почти не осталось, а шпалы распилили на бруски и топили ими печи.

Во Франции сохранился аэродром. Здесь наш велосипедист повстречался с испано-американским летчиком, который во время последней войны служил сначала полякам, потом немцам и, наконец, французам. На Коббетта произвели большое впечатление явные признаки оживления торговли. Оказалось, что с Востока по воздуху поступают резина, специи, ртуть и жемчуг, а на Восток — часы, наручные часы, компасы, ножи, иглы, пуговицы и закаленное стекло. Таким образом большая часть торговли являлась бартерной, однако она была настолько интенсивной, что речь могла заходить уже о неуклонном расширении сферы обслуживания.

Похоже, путешественник впервые узнал о том, что основным двигателем торговли являются авиаторы, выжившие после войны. Они организовали свободный мировой союз и следили, чтобы воздушные пути

сообщения поддерживались в полнейшем порядке.

Коббетт поделился с авиаторами, что наблюдал оживление судоходства на море.

— Нам предстоит присматривать и за этим тоже, — многозначительно заявил один из них.

— Берете пассажиров?

— Если они платежеспособны.

— Цивилизация возвращается! — воодушевленно воскликнул Коббетт.

— Нет, не так! Это — начало новой цивилизации!

По-видимому, этот авиатор впервые открыл глаза Коббетту на некоторые идеи, которые уже формировались в наиболее продвинутых мозгах.

— Мировая империя! — сказал повелитель воздуха. — Это старая идея. Владеешь транспортом и воздухом, владеешь миром. Зачем нам другие империи, если мы создадим эту?

Этот разговор произвел на Коббета неизгладимое впечатление. Он отправился в Бордо, где, вероятно, планировал подзаработать; много думал и записывал. Он проводил довольно убедительную и интересную параллель между Всемирной транспортной организацией и ганзейскими купцами, которые сыграли важную роль в возрождении цивилизации в Прибалтике и Северной Европе после падения Рима.

«В конце концов, — продолжил свои размышления Коббетт, — мы никогда не придавали должного значения организованному транспорту и торговле».

В Бордо любознательный путешественник, продав велосипед, получил возможность приобрести билет на самолет до Ле-Бурже (старый аэродром недалеко от руин Парижа), а уже оттуда улетел в Хендон¹. В Ле-Мане самолет приземлился для обмена товарами. Радость от того, что удалось, наконец, покинуть разбитые дороги, хлестала через край.

Титус писал, что французы начали восстанавливать свои поваленные леса. Глядя вниз из салона самолета, он отмечал, что крестьяне селятся группами вокруг старых городов. На аэродромах бывший велосипедист новыми глазами смотрел на авиаторов и механиков; он узнавал, как мировой транспорт восстанавливает металлургические и электротехнические предприятия. Снова довелось увидеть красивый собор Ле-Мана. Титус восхищался им еще в студенческие годы и был несказанно рад увидеть его неповрежденным. Рядом с собором построили памятник пионерам авиации. Он сохранился до наших дней. Амьенский собор также не пострадал.

Дневник заканчивается на меланхолической ноте. Вернувшись в

¹ **Хендон** — микрорайон в Лондоне (*Прим. переводчика*).

Англию спустя много лет, Коббетт был потрясен запустением в пригородах Лондона. В детстве автор жил в Лондоне и очень его любил. Часть Гайд-парка, несмотря на противодействие земледельцев, была превращена в аэродром. Перестройка центрального района показалась Коббетту бессистемной и неприятной. Он возражал против скученности тяжелых зданий с бетонными противовоздушными панцирями, хотя она и объяснялась нехваткой пригородных транспортных средств.

«Они выглядят, как больные грибы, — сурово написал Титус. — Когда уже мы, англичане, научимся что-то планировать?»

Со странным пророческим проблеском он сомневался, сможет ли северный склон впадины Темзы, так плохо осушенный и такой мягкий в недрах, выдержать комковатую массу несостоятельных новых зданий.

Спустя десять лет его опасения подтвердились. Русло Темзы изогнулось, и весь Стрэнд, Флит-стрит, Корнхилл и, что самое прискорбное, прекрасный собор Святого Павла, сэра Кристофера Рена, столь знакомый нам по картинам и фотографиям того времени, превратились в руины и погибли в огне. Читатель, которому попадались на глаза «Исторические сцены» в ста томах, — а у кого их нет? — вспомнит странный вид старого моста Ватерлоо, смятого до формы пентхауза, и гротескный наклон египетского обелиска, когда-то известного, как Игла Клеопатры, этой почтенной плиты с иероглифами, потрескавшейся и расколотой шрапнелью воздушного налета¹. Обелиск упал в воду озера Ламбет-Челси.

¹ Довольно любопытный эпизод, поскольку выше Уэллс указывал на то, что Англия оставалась вне военных действий сороковых годов. В 1936 году вышел художественный фильм по сценарию Уэллса с тем же названием. В фильме Англию бомбят в 1940 году, но не сказано, какому государству принадлежат атакующие самолеты (*Прим. переводчика*).

Глава 12

ЛИКВИДАЦИЯ АМЕРИКИ

В предыдущих разделах мы получили общее представление о ходе истории в Старом Свете в середине XX века. И как мы уже отмечали, даже в Европе некоторые регионы стояли в сторонке от основной драмы, следуя собственной линии развития, менее трагичной и напряженной чем у ведущих держав. Например, новая Испания¹, родившись в 1931 году, озабочилась преимущественно своими собственными делами. Еще более заметным следует признать неучастие обоих американских континентов в жесточайших европейских и азиатских событиях. Латиноязычная и англоязычная Америки испытывали параллельные экономические, политические и социальные трудности, но в своих пределах. Финансовые потрясения начала тридцатых годов, вызванные европейскими проблемами, затронули американских жителей в наименьшей степени. Частный капитализм за океаном разваливался по-своему.

Между тем сам факт упадка наглядно демонстрировал, что его

¹ Подразумевается провозглашение республиканской формы правления после низложения короля Альфонса XIII (*Прим. переводчика*).

причиной являются не войны. На самом же деле главную роль играли непригодность денежной системы, дезорганизация общества из-за перепроизводства и эпидемии. Повседневная жизнь человека в гораздо большей степени связана с экономикой, нежели с войной. Экономике душила не война; это делал кредитор. Если бы в 1900 году мир уже был единым государством и, если бы он все еще жил с экономикой частного накопления, результат оказался бы тем же. Если бы воевали сотни государств, но оставались при этом с денежной системой, которая сдерживает кредиторов и развивает промышленность, то такая система высвободила бы достаточно энергии, чтобы продолжать войну до полного взаимного уничтожения еще сотню лет или даже более. Валютный крах стал самым непосредственным фактором мирового ослабления и голода. Иными словами, человек мог пройти гораздо более долгий и мучительный путь. То есть это даже хорошо, что в тридцатые годы прогресс обрушился на финансы.

Тщетность всех ранних антивоенных движений становится понятной только тогда, когда мы осознаем существенную важность денежной взаимосвязи. Сцепка между кредитором и традиционным антагонизмом становится особенно очевидной в свете параллелизма американского и европейского опыта.

Со времен первого политического отделения от европейской системы американские общины прошли через свой собственный путь развития, независимый и не совпадающий с ходом событий в Старом Свете. Независимый — и все же не совсем независимый, потому что и Европа, и Америка находятся на одной планете. На протяжении всего XIX века американский ум, как на севере, так и на юге, пропитывался идеей ИЗОЛЯЦИИ. В школах, в прессе, в каждом политическом высказывании общего значения преподносилось, что Новый мир действительно является новым миром, бегством от тирании древних традиций к миру, свободе, возможностям и новой жизни для человечества. Новый Свет должен был избежать «запутанных союзов» с государствами и политикой Старого Света, забыть застарелые ссоры и ненависть Европы даже ценой забвения родства и разрыва с общей культурой, а также выработать и подать пример более щедрого образа жизни. Со времен Джорджа Вашингтона и до времен Вудро Вильсона, несмотря на Гражданскую войну и серьезные экономические проблемы, американский разум никогда не отказывался от своей веры в собственное образцовое качество и свою концепцию, что к остальному миру следует относиться по-миссионерски и филантропически. Он понимал, что много знает, но сомневался, что знает достаточно.

На протяжении XIX века Америка и Европа расширялись в необъятных масштабах как с экономической, так и с биологической точек зрения. Впечатлившись своим собственным ростом, Америка склонилась

к тому, чтобы проигнорировать равные темпы европейского прогресса. За сто лет, благодаря огромной иммиграции из Европы, население Соединенных Штатов увеличилось на восемьдесят миллионов человек. Но, несмотря на такой мощнейший поток эмиграции, сама Европа продемонстрировала прирост на двести сорок миллионов за тот же период. Американец пребывал в иллюзии, что «обскакал» Европу. Ему казалось, что новые идеи и изобретения появляются у него дома благодаря оттоку человеческой энергии из устаревающих центров. На континенте с малым количеством препятствий научно-техническая экспансия должна была на порядок превосходить соответствующий европейский процесс. Казалось бы, система прогрессировала, но вместе с тем она не соответствовала трансатлантическим событиям.

На протяжении этого столетия изобретения в области транспорта и связи «устраняли расстояние». Если раньше между точками пролегли месяцы, то теперь — несколько часов или даже мгновений.

Возникающие в результате этого изменения близости и отдаленности по обе стороны Атлантики составили выдающийся аспект в истории XX века. Это было подобно вращающимся и растущим вершинам, которые располагались практически бок о бок. Они приближались, соприкасались и отталкивались, шатались и разлетались по сторонам. Или это похоже на два комплекса механизмов, которым в конечном итоге суждено объединиться в один мировой механизм, чьи вращающиеся колеса пытаются сцепиться, но не сцепляются. Под дождем искр и осколков они, сотрясаясь, разделялись. С конца XIX века объединяющие жизненные силы стремились объединить Америку с Европой. К середине XX века любому стороннему наблюдателю можно было простить вывод о том, что взаимодействие потерпело неудачу.

В этой истории мы уже уделяли много внимания Генри Форду, Вудро Вильсону и второму Рузвельту, Франклину Рузвельту. Рассказали об их великолепном наступлении на Европу и последующем отступлении от нее. Короткая, но толковая книга американского публициста Фрэнка Х. Саймондса «Может ли Америка оставаться дома?» (1933) очень красноречиво рассматривает вопрос изоляции в том виде, в каком он возник в первые годы великого экономического спада, который навсегда закрыл дикие свободы стяжательского частного капитализма. Автор показал, как фазы сближения и отталкивания сменяли друг друга, начиная с первых империалистических предприятий Рузвельта Nsl (то есть Теодора Рузвельта, 1901-1909) и далее; насколько невозможным казалось Америке ни оставаться в стороне от дел Старого Света, ни откровенно участвовать в них. Америка выражала свои добродетельные мнения, но не поддерживала их; настаивала на тех или иных моральных суждениях, но не брала за них ответственность на себя.

Для того, чтобы понять, как это виделось европейцам, процитируем

любопытный отрывок из сочинения Саймондса:

«Забота Америки о мире представлялась прозрачным стремлением объединить миссию Иоанна Крестителя с методами Понтия Пилата».

Иными словами, американцы пытались объединить либерализм с наивной грубостью.

С самого начала Американская республика шла в отрыве от истории, от чего-то нового, гораздо более нового, с учетом длительности своего периода, чем Советская республика Ленина, и с самого начала Америка не смогла сохранить свою новизну, не смогла развить и усилить свои идеи. Она развивала систему высших школ, но мужчины изменили свою структуру мышления не ранее, чем через сто лет после обретения независимости. В то же самое время она предоставила всеобщее образование низкооплачиваемым учителям и скучным женщинам. И она безмерно выросла в телесах, питаясь импортной пищей для мозга. Результатом стало появление сырой и необработанной идеи о собственной миссии. Глупые и одновременно насыщенные мировой мудростью проповеди Вильсона стали, пожалуй, наивысшим выражением американского ума того времени.

Даже в XIX веке американский ум не был невежественным умом. Но вместе с тем это был чрезвычайно необразованный ум. Неуклюжий, но свободный. Его религиозное «возрождение» происходило параллельно политическим колебаниям. В истории подлинной американской жизни мы находим такие черты, как, например, организация митингов с призывом к покаянию. А еще факельные шествия, суровые проповеди и страстные песнопения. В волнах народных чувств, собраниях, часто в лесу, пении гимнов, увещеваниях, покаянных криках, ликующей вере, бессмысленной экзальтации и дефляции американской духовной жизни отражались бумы и спады американской мировой миссии. И только после потрясения, вызванного мировой экономической катастрофой, реальное, а не мнимое американское социальное и политическое мышление обрело полную силу. Отступление Соединенных Штатов от запутанности европейских дел по мере того, как усиливалась Великая депрессия, ознаменовалось новой, более энергичной решимостью охватить основные аспекты социальной жизни.

Внутренняя ситуация располагала всем необходимым, чтобы стимулировать мышление, потому что камни в обрыв посыпались еще стремительнее, чем в Европе. Промышленное сооружение поднялось до головокружительных высот массового производства; соответственно и падать пришлось большее. В 1928 году Соединенные Штаты Америки все еще считали себя самой процветающей страной в мире; в 1933-ем ее безработица стала более безнадежной, а ее безработные — более опасными, чем на любом другом континенте. Но они не предпринимали никаких организованных усилий для восстания; у них не существовало

объединяющей революционной формулы. Они восставали, как индивидуальные лица; уходили в банды и становились преступниками. Общество не было свергнуто, но оно быстро рассыпалось в пыль и беспорядок. Волна преступности, финансовый стресс, неистовые усилия по экономии и все последующее удушение всеобщего образования с разрушением доверия, порядка и взаимосвязей — вот та последовательность, которую мы уже проследили в общих чертах и которая проявилась наиболее сильно и типично именно в этой обширной и сравнительно несвойственной для общей истории территориальной зоне. Рузвельт №2 храбро боролся, но пришел слишком поздно, чтобы остановить гниение.

В Америке, как и в Европе, начался этап фрагментации. Это не был разгром, которому можно было бы присвоить определенную дату, но каждый день приносил новый элемент распада. Как и в Европе, правительство в Америке превращалось в неплатежеспособного фантома. Усилия по сбору налогов становились все менее эффективными. Федеральная власть в Вашингтоне умирала вместе с Лигой Наций за океаном. На обоих берегах Атлантики происходили схожие процессы. Муниципалитеты становились автономными, органы управления — временными. Всюду начинали действовать Союзы граждан, Общества охраны правопорядка, Ассоциации защиты трудящихся, а в Нью-Мексико и Аризоне — рабочие Советы. В районе Синих гор и на Тихоокеанском побережье небольшие республики изолировались в 1945 году и проводили странную смесь методизма, «технократии» и плана Дугласа, а Юта стала практически автономным штатом с единым налогом и восстановила мормонизм первоначального типа в качестве государственной религии. Но формально отделяться от Федерального союза никто не стал.

У нас имеется описание Вашингтона в 1958 году, сделанное бывшим атташе британского посольства (все послы Британской империи были заменены «сводными консулами» в 1946 году). Он описал свой визит в Белый дом, где его принимал за обедом президент Бенито Карузо. Срок его полномочий истек, но избранный преемник исчез по пути в столицу в Аллеганских горах. В связи с последними выборами возникла значительная путаница. Два президента-сепаратиста оспаривали владение штатом Нью-Йорк после конфликта из-за урн для голосования. Это полностью прервало связь с Новой Англией.

Президент очень радушно принял своего гостя и задал множество вопросов о ситуации в Европе. С большой надеждой отзывался об американском мировоззрении.

«Возвращение к нормальной жизни, — сказал он, — наконец-то стало возможным».

Восстановилось пароходное движение по реке Миссисипи, хлопок

снова шел на север, несмотря на политические волнения. В 1956 году в Южную Америку отправились сто сорок автомобилей вместо семидесяти двух в прошлом году. Новая бартерная система работала неплохо. Взамен в Соединенные Штаты шел кофе. Теперь президент надеялся на устойчивое восходящее движение в области бизнеса. Он признал, что гугеровский кризис длился намного дольше, чем ожидалось. Многие были измотаны до предела, но встретили тяжкие испытания с достоинством отцов республики. В заключение он произнес обычные для того времени комплименты между двумя большими группами англоязычных народов.

Обед оказался простым, но сытным. Подали превосходную свинину и разнообразные овощи, которыми президент хвастался с искренней демократической откровенностью. Карузо утверждал, что свинью вырастил в собственном свиномнике, сразу за Белым домом. Там же находились и огороды с овощами. Помогал главе государства в этом нелегком деле негритянский «секретариат», в чьи обязанности входило вести домашнее хозяйство, а не работать в офисе. Оставалось неясным, по каким причинам нанимали данных работников; некоторые из них даже не умели читать. Миссис Карузо, очень приятная дама ирландского происхождения, подробно рассказывала о трудностях ведения домашнего хозяйства в Вашингтоне ввиду возрастающей неточности в сборе федеральных доходов, но президент остановил ее, очевидно, считая домашние дела отражением платежеспособности нации.

В Ассамблее в то время были представлены конгрессмены только из трети штатов от их общего числа. Остальные сочли, что посылать делегатов слишком дорого или вовсе не нужно. Оборванный владелец захолустного дома излагал жалобу; никакой прессы не осталось и в помине, и соответственно его, по сути, никто не слушал. По-видимому, кто-то пытался «оговорить» какое-то законодательное предложение, но посетитель не нашел никого, кто мог бы прояснить ситуацию.

На следующий день английский гость обедал с красноречивым, жизнерадостным и почтенным сенатором Бора от Айдахо (1865- 1970)¹. Он пребывал в отличной форме и безостановочно говорил на протяжении всей трапезы, так и не позволив задать себе целый ряд заранее подготовленных вопросов. Как и президент, он очень надеялся, что в его стране все будет хорошо. Тем не менее, признал, что при его жизни в Америке заметно снизилось общее благосостояние. Со статистикой не поспоришь! В тоннах угля и стали, в милях железнодорожных путей, в массовом производстве автомобилей и товаров наблюдались очевидные неблагоприятные сравнения с прошлым.

¹ Весьма любопытно отметить, что Уильям Бора — это реальная политическая фигура. Правда, скончался он в 1940 году (*Прим. переводчика*).

«Не хлебом единым жив человек! — объявил великий американский старик. — Давайте смотреть ближе к сути вещей!»

Между тем суть заключалась в том, что американское сердце крепло. Прошедший эпидемический мор, как и все, что исходит от Бога, оказался «благотворным».

«Жизненный стандарт стал лучше, — утверждал Бора, — потому что у вещей стало больше благородных аспектов. Возможно, в домах стало меньше ванных комнат, — по крайней мере, в рабочем состоянии — но прибавилось чистоты ума».

В дни его молодости свободные жители Соединенных Штатов совершили прискорбную ошибку: погрязли в роскоши. Но все это осталось в прошлом. Теперь Америка приблизилась к старой колониальной простоте, чистоте и честности.

Несколько непоследовательно сенатор продолжил осуждать нечестность Европы и неискренность европейской и особенно британской дипломатии. Какое-то время казалось, что он повторяет давно запомнившиеся речи и забыл о существенных провалах британских дипломатов. По-видимому, слово «прикрепить» он услышал первым в своей жизни, и теперь это постоянно возвращало его мысли к старым временам. Наконец, он вернулся к нынешней ситуации.

«В своей ранней истории Соединенные Штаты проходили через гораздо более мрачные времена, — настаивал он. — Сто пятьдесят четыре года назад Вашингтон был сожжен победоносной британской армией. Ничего подобного не происходило во время нынешней депрессии; если это вообще правомочно — называть ее депрессией. Даже в самый темный час этого великого гуверовского кризиса никому и в голову не приходило сжигать Вашингтон».

Позднее этот же путешественник посетил Чикагский и Колумбийский университет, Гарвард и ряд других центров интеллектуальной деятельности. Его комментарии пронизательны и умны и согласуются с нашими исследованиями психических реакций. Среди руин старой распушенности создавалось более крепкое американское сознание.

Эти институты, естественно, находились в самом разнообразном состоянии адаптации к новым условиям. Не все являлись прогрессивными. Гарвард напомнил ему о древних ламаистских монастырях Тибета. Бумаги практически не осталось, поэтому все преподавание велось устно, а учащиеся всю информацию зазубривали. Библиотеки тщательно охранялись от разграбления, наиболее важные книги хранились в запертых стеклянных шкафах. Но страницы при этом переворачивались ежедневно. Преподаватели отличались и по престижу, и по количеству последователей. Одни учителя сидели в классах или в тени деревьев, другие отправлялись на длительные прогулки, беседуя с толпой учеников. Наставников также отличало друг от друга физическое

благополучие, потому что студенты выращивали для них овощи и готовили еду, а также шили одежду и обувь в технических и художественных зданиях. Тем не менее учебный процесс еще и сопровождался литературной деятельностью. Самым одаренным позволялось писать стихи на грифельных досках. В особенных случаях преподавательский состав выдавал разрешение на роспись гениальными текстами стен и потолков. Студенческая жизнь протекала в атмосфере простоты и неспешности.

Гостя встретил президент университета Элиот; высокий, пожилой, представительного вида, в тоге. Он унаследовал свое положение от деда. В комнате находился большой камин, горели свечи. Элиот красиво говорил, угощаясь простым супом, своим любимым красным вином из Мэриленда, фруктами и орехами. Беседа продолжалась до позднего часа.

У посетителя по фамилии Николсон сложилось впечатление элегантной непрактичности. Он не мог отрицать простого милосердия жизни, но не видел в нем особенного смысла. Однако он, похоже, скрыл это мнение от окружающих и позволил рассказать о том, как Гарвард достиг очищения англиканской культуры, этой смеси классицизма и утонченного христианства с изящной монархической преданностью.

— Вы почитаете короля? — спросил посетитель.

— На самом деле он не король, — с горечью ответил президент университета. — Мы решили, что Декларация независимости не действует, но мы не смогли найти законного короля Англии, и поэтому нам нечем подтвердить свое отношение. Но мы лояльны. И дорожим этим.

Вероятно, главными предметами изучения стали геоцентрическая система мира по Птолемею, поэмы Гомера, пьесы Шекспира и теология. Скучный досуг студентов не позволял им заниматься гимнастикой на высоком уровне, и они даже отказались от таких типичных для американских колледжей видов спорта, как бейсбол и футбол. Эти игры назывались «поздними инновациями». Одним из главных занятий на открытом воздухе стала вырубка леса и заготовка дров.

Этот проблеск изящного идеалистического педантизма интересен прежде всего тем, что оставил немного следов для более поздних времен. После суровых зим 1981 и 1983 годов этот древний фундамент опустел и пришел в упадок.

Колумбийский и Чикагский университет резко отличались от Гарварда. Здесь царило влияние новой школы мысли Густава Де Виндта, здесь прижились традиции Дьюи, Робинсона, Гарри Элмера Барнса и Раймонда Фосдика. Заброшенный Нью-Йорк с огромными незанятыми небоскребами казался опасным, но на реке Гудзон все еще велась значительная торговля и некоторая производственная деятельность. По большим железным мостам передвигались вьючные лошади и мулы; так

осуществлялась торговая связь между Севером и Югом. В Чикаго промышленные рабочие находились в тесном контакте с сотрудниками колледжей. И те, и другие с большим воодушевлением работали над тем, что называлось «Общей проблемой восстановления».

«Они, — написал Николсон, — не признают, что цивилизация разрушена. Как и в Вашингтоне, они говорят о гуверовском кризисе. Я никогда не встречал людей, настолько уверенных в том, что однажды все наладится. Дома нет ничего подобного. Однажды ночью произошло землетрясение, и огромный «Радио-сити» рухнул. Утром толчки все еще продолжались, и клубы пыли не осели. Люди высыпали на разрушенные улицы, но оказались ли они подавлены? Вовсе нет!

«Еще немного ликвидации, — меланхолично подытожил какой-то мужчина, стоявший рядом со мной. — Надо же как-то избавляться от вещей, которые стали ненужными».

Николсон составил довольно полный отчет об учебных планах как Колумбийского, так и Чикагского университета. Его поразили оснащение научных лабораторий и по-настоящему серьезный подход к экспериментальным работам.

«Я чувствовал себя так, словно вернулся в 1930 год, — сообщил он, — когда посетил химическую лабораторию Рокфеллера».

Но еще больше его поразило продвинутое состояние социологических работ.

«Они выпускают своего рода юристов, — написал он, — но тем не предстоит становиться участниками судебных процессов. Я думаю, что новый закон, разработкой которого они занимаются, это и есть самый интересный элемент этого места. Это совсем не то, что, скажем, мой отец мог бы признать законом. Это физиология и патология общества; и это — социальная терапия. Хупер Гамильтон и Рин Кей говорили о либеральном образовании. Они слышать не желают ту чепуху, какую мы распространяем у себя дома о закате человечества».

У нас имеются все основания для того, чтобы назвать это ключевым наблюдением. Нельзя не отметить, что базовый английский язык редуцировался до практически приемлемого уровня. Испанский и английский пошли по одному пути, чтобы стать взаимозаменяемыми. Так и вышло в XXI веке. Сильно сократилось преподавание французского, а старые классические занятия (греческий и латынь), судя по полному молчанию об этих дисциплинах, и вовсе сошли на нет.

Наш турист прилетел из Чикаго на аэродром Генри Форда в Дирборне, увидел руины основных заводов и реконструированное поселение, а также провел несколько дней в Технологической школе и в Музее американской жизни. Несколько квадратных миль тщательно обработанной земли вокруг открытого пространства аэродрома убедительно доказывали, что старая идея Форда о разделении времени

персонала между сельскохозяйственным и механическим производством эффективно работает. В Детройте начала успешно функционировать ассоциация текстильных и обувных фабрик. В год производилось несколько тысяч автомобилей и «несколько сотен» (!) самолетов. А еще появился департамент радио.

«Да, мы поддерживаем связь, — сообщил директор. — Мы не вмешиваемся в чужие дела, и нам никто не мешает. Мы запускаем все, что осталось от дистанционной рассылки, включая Мексику и Канаду. Никто не создает нам препятствий в связи с пересечением государственных границ. Когда торговля находилась в наихудшем состоянии, мы обрабатывали наши фермы и проводили научные эксперименты».

Корабль мира Генри Форда совершил решительный поворот в мировой истории, а вышеупомянутым директором, по-видимому, являлся единственный сын этого «великого оригинала», Эдсел Форд¹, который продолжил начинания своего тонко мыслящего родителя.

То, что это место смогло «сидеть тихо, продолжая свою работу», не было пустым бахвальством. Гость из неряшливого мира остановился в царстве «аккуратности». Под блестящим руководством Эдсела Форда удалось сохранить мастерскую Томаса Алва Эдисона, которую изначально восстановил Генри Форд. В музее Николсону показали первый фонограф и первый в мире телефон, а также самые ранние экспериментальные автомобили и самолеты.

— Все это происходило и происходит прямо на наших глазах, — гордо произнес Николсон. — Мы видели начало, триумф и крах величайшей цивилизации. Мы охватили всю историю массового механического производства.

— Ничего подобного! — решительно возразил директор. — Это только самое начало!

Затем последовал длинный разговор, суть которого визитер позднее тщательнейшим образом записал. Благодаря этому у нас сегодня имеется возможность убедиться в том, что посреди всемирного хаоса, нищеты, социального беспорядка и бессвязной крестьянской жизни механическая транспортная система сохраняла свою жизнеспособность. И мы можем поставить слова директора в Дирборне в один ряд со словами европейского авиатора,

О которых сообщил Титус Коббетт. В обоих диалогах ощущалась ясное осознание окончательной смерти старого мирового порядка.

— Короли и конгрессы мертвы, — важно произнес директор в Дирборне. — А банковский бизнес еще мертвее.

¹ В реальности Эдсел Форд скончался в 1943 году (*Прим. переводчика*).

— И что грядет? — заинтриговано спросил Николсон.

— ЭТО! — сказал директор и указал на самолет, который бесшумно оторвался от взлетной полосы и растворился в густой небесной синеве².

² Принято считать, что Британская империя стала мировым гегемоном по итогам Семилетней войны (1756-1763). На полтора века в мире установился так называемый *Pax Britannica* (Британский мировой порядок). После Первой мировой войны, благодаря гигантским военным долгам, Англия уступила инициативу США. С этого момента мир начал преобразовываться в формате *Pax Americana*. После окончания Второй мировой войны Британская империя под ударами американского капитала практически полностью развалилась в течение четверти века. Таким образом, получается, что в данной главе англичанин Уэллс попросту выдавал желаемое за действительное и по этой причине промахнулся, что называется, по полной программе (*Прим. переводчика*).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*МИРОВОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ:
РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВА*

Глава 1

ПЛАН СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА РАЗРАБОТАН

В предыдущих главах мы рассказали о крахе частнокапиталистической цивилизации. Это была хроника бедствий, в которой страдания и разочарования миллиардов людей затмевались ужасающей общей бесцельностью. Мы видели стремление объединиться и установить порядок, приемлемый для всех. Оно появлялось и исчезало, терпя полное поражение и оставляя после себя одно разочарование. И вот, наконец, это стремление, в очередной раз появившись, смогло победить. Человечество разрешило свою проблему!

Оно не смогло объединиться до 1950 года по очень простой причине: отсутствовал всеобъемлющий план объединения. Во второй половине XX века у мира это получилось, потому что проблему внятно сформулировали и прояснили условия целей и задач, а непосредственно заинтересованная социальная прослойка правильно дифференцировалась. Из смутного представления о Современном мировом государстве выделился определенный и осуществимый план.

Моральный импульс, который обладал бы способностью остановить неуклонную деградацию, так и не родился. Зато возник интеллектуальный подъем. По сути, произошло следующее: социальная и политическая наука обогнала марш к катастрофе.

Малоизвестные, но настойчивые работники в эти десятилетия бедствий собирали головоломку воедино. Существовала фантастическая диспропорция между масштабом усилий и высвобожденными последствиями. Ассоциативная психология образовала единый сплав с социальной биологией. При этом люди все еще имели лишь самое поверхностное представление о происхождении правильной социальной структуры. Они принимали самые простые объяснения накопленной сети взаимоотношений и не обращали внимания даже на самые фундаментальные изменения в этой сети. За этим неизбежно следовали безумные надежды, заблуждения и катастрофы.

Если бы вы спросили у среднестатистического европейца образца 1925 года о мотивах его политической деятельности и общем социальном поведении, он, вероятно, ответил бы, что вы не отличаетесь деликатностью. Если бы вы преодолели это возражение, он бы рассказал какую-нибудь чушь о семье, как о ядре социальной организации, своего рода расширения взаимоотношений между родственниками, о Создателе всей системы, либо пошел бы в совершенно ином направлении и познакомил вас с грубой версией Общественного договора Жан-Жака

Руссо, в котором тот вместе со своими последователями объединил правила взаимной защиты и помощи. Какое из этих категорически противоречивых объяснений он бы выдал? Пятьдесят на пятьдесят!

В 1925 году он бы ничего не сказал о религиозных связях, хотя пятьюдесятью годами ранее мог бы обосновать свое описание Божественной волей. И он не смог бы изложить денежную связь с механизмом отношений. Подобно своему бессознательному римскому предшественнику, он не разбирался в первостепенной социальной важности правильно отрегулированных денег. Среднестатистический европеец подумал бы, что деньги — это просто вещь, которую зарабатываешь, отдаешь или получаешь в обмен на другие вещи. Еще он мог неуместно добавить, что это «корень всех зол». Несомненно, сослался бы на семейную идею, когда речь зашла бы о патриотизме, чтобы оправдать клубок ненависти и страхов, проистекающих из подчиненных привязанностей. И говорил бы о «родной стране» или «отечестве». Будь он ремесленником, организовал бы свой ум в соответствии с профессией или профсоюзом, но между этой сцепкой и патриотизмом не было бы никакой меры, либо все остальное превзошел бы суеверный или сексуальный комплекс.

В каждом слабом месте, как грибы, росли зависть, подозрительность и недоверие. Всюду распространялась хроническая ненависть. Из странных суждений и не менее странных импульсов происходили разрозненные ассоциации, кажущиеся такими же естественными, как, скажем, форма ушей. Никто особенно не осознавал, что школьное образование провоцирует создание обстоятельств.

Миллионы фрагментарно оснащенных сознаний, неосведомленных и дезинформированных, и без внутренней связи, плавали в океане мировых институтов вплоть до середины XX века. Но теперь человек пытался грести, а не просто плыл по течению. Люди могли называть себя социалистами, но у них не было даже зачатка идеи о том, что индивид может быть связан с обществом; они называли себя националистами и патриотами, но никто из них не мог сказать, что такое нация. Разные учреждения начали биться друг о друга, текли и пятились, и всячески демонстрировали склонность к тому, чтобы опуститься еще ниже. Стало ясно, насколько бессистемными и неискренними являются ответы на важнейший вопрос: «Что держит нас вместе и поддерживает наше сотрудничество?»

Преобладающая поверхностность и невежество в отношении социализирующихся сил явились необходимым отражением отсталости и недостатка энергии в академических кругах и интеллектуальном мире. Занятый своими мелкими заботами простой человек не знал и не думал о коллективных делах, потому что в то время не существовало никаких знаний или упорядоченных мыслей в усвояемой форме, чтобы дотянуться

до мозга и его простимулировать. Социальное тело представляло собой ранний зачаток сверху донизу. Как можно было продемонстрировать полную систему социальных реакций, а также изложить идею Современного государства в убедительных и практически применимых терминах, если ей еще только предстояло проникнуть в умы не только политиков и государственных деятелей, но и психологов, историков и так называемых «экономистов»?

В 1932 году групповая психология находилась примерно на том же уровне развития, что и физическая наука во времена Столетия изобретений маркиза Вустера (1663). Новые идеи попросту «отбрасывались». Групповая психология была способна создать новый мировой порядок не в большей степени, чем физика 1663 года могла бы извлечь из небытия самолет или паровую турбину. Обычный человек, ищущий ориентиры в смятении Великого кризиса (см. «Общественные идеи в хаосе краха» Эмиля Десагулье, 2017 год), сталкивался с чем-то вроде интеллектуальной распродажи. Он догадывался, что кто-то что-то знал, но всякий раз обнаруживал, что никто не озаботился тем, чтобы что-то узнать. Дюжина видных авторитетов с предельной вежливостью раздавала всевозможные советы. Кому-то они даже могли показаться толковыми; вот только эти руководства к действию противоречили друг другу по всем принципиальным компонентам. Те, кто хотел казаться мудрецами, плавали на независимых и произвольных предположениях без какой-либо логической и структурной привязки к человеческой экологии.

Тем не менее, основные вопросы стали гораздо быстрее анализироваться. Особенно это касалось понимания основной роли денег. Десагулье отмечал около ста восьмидесяти имен, в том числе не слишком почитаемого холерического, но довольно интересного дилетанта, майора К. Х. Дугласа (работы в «Исторических документах», экономический раздел «Б», 178 200), который занимался устранением концепции металлического стандарта, как денежной основы. Все эти люди ясно давали понять, что единственно возможные деньги для прогрессивного мира должны идти в ногу с постоянно растущим богатством этого мира. Они вбивали это в общее сознание, как вопрос первостепенной важности.

Но при этом предлагались разные способы реализации этой концепции. «План Дугласа» апеллировал к общему социальному кредиту, но ограничивался узким политическим кругозором достойного майора, который мог представить себе банкиров, но не границы. В Америке привлекало к себе внимание довольно любопытное движение, известное как «Технократия». По сути, это была обоснованная научная попытка переформулировать экономику на чисто физической основе. Но это использовалось в журналистской манере и представлялось для

удивительно восприимчивой публики в качестве упрощенной схемы нового социального порядка. Социальную и экономическую жизнь следовало рассматривать как энергетическую систему, которую контролируют некие «эксперты». В данном случае весьма примечателен явный отказ технологов от демократического контроля. Фундаментом новой валюты должна была стать некая энергетическая единица. Таким образом, каждая электростанция становилась монетным двором, а каждый водопад — потенциальной «золотой жилой». Деньги и энергия вставали на один уровень. Еще одна важная школа, представленная такими экономистами, как Ирвинг, Фишер и Дж. М. Кейнс, продвигала идею индекса цен, который контролировал бы выпуск валюты.

Это был период бессвязного умственного брожения. Такие наиболее осведомленные в монетарных процессах личности, как, например, Дуглас и Кейнс, все еще пребывали в недоумении относительно национальных и имперских границ. Этим людям хотелось закрыть существующую политическую систему всевозможными искусственными барьерами и развить свою собственную. При этом почему-то не учитывалась растущая хрупкость традиционной политической структуры. Денежные реформаторы, как правило не являлись космополитами, а космополиты проявляли нетерпение к денежным реформаторам, не проявляя должного интереса к первостепенной важности денег.

Третий класс разумных людей подчеркивал настоятельную необходимость для крупных государственных предприятий исправить парадоксальный рост безработицы, вызванный повышением производительности. Это застало врасплох неприспособленный к серьезным вызовам, бездеятельный мир. Но и мыслители третьей школы не торопились исправлять денежный оборот. Что касается контроля за мировыми деньгами, то здесь существовало огромное разнообразие мнений и даже сформировался конфликт ментальных ограничений.

В резюме Десагулье написал:

«Люди не могли выбраться из тонущих социальных судов, потому не видели ничего, кроме призрачного спасательного корабля, у которого даже отсутствовал штурвал».

Только самые прозорливые могли предсказать, насколько близок к концу период распространения ярких, но бессвязных идей и как скоро начнется консолидация социальной и образовательной науки в применимой на практике форме. Поток взаимосвязанных социальных открытий, направленных на спасение человечества, оказался даже более быстрым и выдающимся, чем высвобождение пара и электроэнергии в XIX веке.

Это продолжалось в трудных условиях. Возможно, именно эти трудности оживили и очистили великий путь для счастливого человека.

Блестящая работа Густава Де Виндта «Социальное зарождение»

(1942) стала первым исчерпывающим исследованием психологических законов, лежащих в основе командной игры, дисциплины внутри мафиозных групп, заводского духа, морального настроя экипажей самолетов или солдат в полку, политических партий, церквей, профессионалов в определенной области, аристократов, патриотов, исследователей классового сознания и конструктивного сотрудничества. Это замечательное творение впервые эффективно соотнесло растущее понимание индивидуальной психологии с новыми методами обучения и новыми концепциями политической жизни. Несмотря на малопривлекательное название и очевидную занудность экспозиции, книга приобрела черты стержня, куда нанизались конструктивные усилия нового времени.

Де Виндт работал, проявляя все недостатки интеллектуального работника в не самое благоприятное время. Многие его работы, как и работы Маркса и Ленина, выполнялись в Британском музее в Лондоне¹, но автора выслали из Англии во время фазы ксенофобии в 1939 году, и ему не разрешали вернуться из Голландии в свой «любимый Блумсбери» до 1941 года. Во время девятого польского воздушного налета он отравился газом в легкой степени, однако отравление привело к серьезным отсроченным осложнениям. Из-за ослабления защитных функций организма Де Виндт заразился туберкулезом и смог закончить свою книгу, находясь в Блумсбери, в тяжелейшем состоянии уже перед самой смертью.

Идеи великого пророка последователи более тщательно разработали, немного подправили и широко обобщили. Имя Де Виндта стоит в одном ряду с именами Платона, Галилея, Ньютона, Дарвина и Роберта Оуэна, отмечая гигантский шаг вперед в выражении и расширении гуманистических идей. Все эти люди в своих разных измерениях являются чем-то большим, чем они сами, подобно указательным камням. После 1950 года доктрины и формулы Де Виндта распространились по планете с невиданной ранее скоростью, несмотря на беспокойное состояние мира. С другой же стороны, можно сказать, что именно оно и способствовало быстрому распространению.

В наши дни мало кто читает Де Виндта, равно как и мало кто читает

¹ Следует признать, что данное утверждение недалеко от истины. Карл Маркс, будучи изгнанным из Германии, поселился в Лондоне после 1849 года и прожил там до самой смерти в 1883 году. До 1917 года Ленин посещал Лондон несколько раз и именно там он смог ознакомиться с полным собранием сочинений Маркса. Даже существует версия, согласно которой Ленин познакомился со Сталиным именно в британской столице. Стало быть, будущая Советская власть в России ковалась в метрополии Британской империи, о чем автор не преминул напомнить (*Прим. переводчика*).

Платона, Бэкона, Дарвина, Адама Смита или Маркса, но то, о чем думал Де Виндт, встроено в нынешнее общее мировоззрение человечества. То, что он когда-то изобретал в муках, сегодня воспринимается банальностью, но в его время эти умозаключения считались наглой ересью и глупой фантазией. Свои тезисы этот великий человек выстраивал с воистину дарвиновским терпением.

Разберем наиболее важные черты нового учения. С неопровержимой жесткостью автор настаивал на совершенно искусственной природе социальной стороны. Людми рождаются, но гражданами становятся. Ребенок забирает то, что ему приносят. Он перенимает примеры, обычаи, традиции и общие идеи. Социальные реакции и большинство эмоциональных интерпретаций обеспечиваются образованием.

«Ну так это же очевидно!» — воскликнет читатель.

Верно, но для понимания истории важно осознать, что до Де Виндта это не считалось очевидным. Моральные ценности, предвзятость, предубеждения и ненависть должны были выйти из «самой природы». Поколение выросло из загустевшей массы устаревших объяснений, метафор, мифологии и вводящих в заблуждение стимулов, а деформированные умы отражали и потворствовали деформированному социальному порядку. Роль Де Виндта в интеллектуальной истории сводилась к сильной руке, которая сгребла смердящий мусор в совок обременения и заменила раскисшую грязь ясно выстроенной структурой. Де Виндт восстановил доверие к словам Платона: как бы ни было трудно, можно начать все сначала с незапятнанных умов. Расчистив поле для познания, Де Виндт принялся создавать именно те императивы разумного и прогрессивного образования, что сегодня открываются перед нами.

Он ясно дал понять, что денежный метод взаимоотношений необходим для любого сложного производительного общества, поскольку это единственно возможная форма личного выбора и свободы в обмен на служение. Это освободило экономические отношения. Но деньги не являлись вещью в себе. Они являлись средством для достижения цели, и о том, как с ними обращались, можно было судить исключительно по достижении этой цели. Они и в самом деле выросли из менового товара и поначалу являлись вещью в себе, серебром, золотом или другим металлом, а затем разрисованной бумагой, но таковыми они быть перестали. Переход денег от первого к последнему статусу осуществлялся с большим трудом. Повывлазили болезни экономической системы, которые последовательно разрушили сначала римский империализм, а затем европейские суверенные государства. Рано или поздно кто-то должен был выдумать деньги, такие же абстрактные и свободные от связи с любой материальной субстанцией, как вес или мера. Иначе человеческое общество не смогло бы спастись от хаоса. И от них

требовалось ясно показать свою годность во всем мире. Жетоны и банкноты должны были выпускаться, чтобы поддерживать относительно постоянный ценовой индекс, защищенный самыми строгими законами от любых форм манипулирования прибылью. Финансовые ресурсы продемонстрировали, что не только подделка, но и любая форма азартных игр и спекуляции должны классифицироваться как серьезные преступления по уголовному кодексу, а ростовщичество вообще совершенно излишне. Де Виндт распутал старый клубок, из-за которого новое производство всегда обременялось долгами за продвижение и эксперименты. Он создал предпосылки для того, чтобы устранить все предлоги для извлечения прибыли. Банковское дело стало полностью государственной функцией, а распределение кредитов превратилось в жизненно важную часть деятельности единого правительства.

Новое банковское дело XXI века выросло в полном соответствии с принципами, выработанными Густавом Де Виндтом. Сегодня это наша система общественного учета, часть нашей государственной статистической организации, механизм расчетов по обязательствам и денежный учет накопленного избытка энергии. Все это Мировой Контроль распределяет между постоянно расширяющимися предприятиями. Он полностью публичный и совершенно безвозмездный. Трудно представить, чтобы ему когда-либо позволят стать источником частной и тайной прибыли. Мы регистрируем доходы и расходы человека в той же степени, как регистрируются рождение и смерть. Все наши деньги и любые транзакции легко проверить на общедоступных частных счетах.

Стремление определить постоянное количество неизменных денег являлось «фундаментальной потребностью», основой для установления жизненно важных отношений или, по терминологии Де Виндта, для «социального зарождения». Как только деньги были приведены в порядок, отпала необходимость беспокоиться о деньгах, так же как нет необходимости думать о свете и воздухе в правильно освещенной и проветриваемой комнате.

За пару столетий до Де Виндта семья — общая социальная ячейка на протяжении всей сельскохозяйственной эпохи человечества теряла самобытность, растворялась в более крупных системах взаимоотношений, особенно в северных и западных общинах. Одновременно она теряла свою экономическую, умственную и эмоциональную автономию. В XIX веке распад семьи заметно ускорился. Приручение женщин и их сосредоточенность на детях и доме значительно уменьшились.

По общему мнению, инстинктивный фактор объединения семьи всегда переоценивался. По сути, инстинктивная связь распадается задолго до того, как детям исполняется тринадцать или четырнадцать. После этого возраста связь между родителем и ребенком уже не является

инстинктом. Это — привязанность, удобство, привычка и традиция. И все они тоже пришли в упадок. Не выдержав испытание внешней привлекательностью, семейная солидарность ослабла не только на Западе, но и, по мере вестернизации Азии, в Турции, Индии, Китае и Японии. Тенденция оказалась даже более существенной, чем изначально могло показаться. Семейный дом, как правило, оставался местом встреч и общим местом проживания для родителей и детей, но он перестал служить проводником традиций, перестал обучать и дисциплинировать. Он перестал это делать по той простой причине, что теперь эти функции выполнялись с гораздо большим вниманием, хотя и с меньшей интенсивностью, внешними агентствами. Граждане рождались в семье, но СОЗДАВАЛА их гражданами не семья.

В качестве наглядного примера Де Виндт привел яркий контраст между домашней жизнью центрально-европейской семьи в конце XVIII века, когда отец читал Библию своим собравшимся отпрыскам, ежедневно молился, присматривал, осуждал и наказывал своих сыновей и дочерей до шестнадцати или семнадцати лет и даже контролировал их брак, и слабо связанной семейной структурой в начале XX века.

Это структурное разложение признавалось задолго до Де Виндта, но ему удалось подчеркнуть необходимость запланированного «перерождения» в социальной магме, возникшей в результате этого распада. Народная школа, ежедневная газета, опыт и связи промышленного производства выбили силу из умственного и нравственного воспитания в семье и ничего не поставили на место этой силы. Подрыв не преобразовался в «органику». Умы скатывались к грубому и низкому эгоизму.

По мнению Де Виндта, эмоциональные внушения и бессистемные идеологии недостаточно хороши для превращения человека в более или менее сносную социальную единицу. Социальная ткань не должна создаваться и координироваться в таких направлениях. Звезды указывали нам путь к организованному мировому сообществу, Современному государству, и если цель не разрушится, не выродится и не погибнет на обочине, тогда индивидуальный разум всего мира преобразуется, станет дисциплинированным и в достаточной степени оснатится для достижения этой цели. Это не заложено в природе, и, следовательно, с нею не придет. Социальная сторона личности должна ориентироваться сознательно. «Общество — образовательный продукт!»

Для образования Современного государства нужно было, чтобы миллиарды человеческих существ, каждый индивидуально, осознали общую цель и пути ее достижения. Современное государство не могло возникнуть, как пустая форма при условии, что все человечество осталось позади. Каждый учитель, каждый писатель, каждый говорящий, каждые два друга, разговаривающие вместе, составляли потенциальное

первичное ядро зарождающейся социальной системы. Этим ядрам предстояло организоваться. Их существование предстояло осознать и привести в эффективное сотрудничество. В наши дни сложно себе представить, что, когда-то общие места, как эти, не воспринимались обычными местами. Когда Де Виндт о них писал, множество людей с благими намерениями пытались сотворить «движения» за социальную реконструкцию в мировом масштабе из сырой неподготовленной толпы. С крайней неохотой нетерпеливые реформаторы переключили свои умы с тщетных заявлений, антиправительственных переворотов и антивоенных забастовок на предварительную перестройку мира. Ближайшая задача казалась слишком узкой, а цель — слишком далекой.

«Нельзя спрашивать у людей, чего они хотят, — писал Де Виндт. — Это ошибка демократии. Сначала вы должны придумать, чего они должны хотеть, если хотят спасти общество. Затем вы должны сказать им, чего они хотят, и проследить, чтобы они это получили».

«И далее, — продолжал убеждать он, — если вы не можете начать зарождение повсюду, то, по крайней мере, начните его у себя под рукой. Запускайте ядра. Будьте сами этими ядрами!»

С самого начала жизни ядра порождали ядра. Современное государство нужно было вызывать повсюду, и оно могло появиться где угодно.

Еще одним новшеством, с точки зрения западной цивилизации, являлось то, что Де Виндт настойчиво требовал воспитывать подростков вне семьи и отрицал казавшееся неотъемлемым право родителей формировать свое потомство в соответствии с собственными фантазиями. «Ренуклеацию»¹ общества следовало сделать полной и всеобъемлющей. «Ядра» — это уникальные образовательные и дисциплинарные единицы новорожденного общества; учебные кружки и ассоциации морально-физической подготовки. На первом месте — умственная, моральная и физическая подготовка, на втором — социальная и политическая деятельность. Мудрый мыслитель выискивал в окружающем его социальном беспорядке благоприятные условия для зарождения первопроходцев. Он обращался к фабрикам, лабораториям, техническим школам, общественным службам, больничному персоналу, мужчинам и женщинам всех мастей в поисках материала для зарождения. Он настаивал, что импульс к созданию социального порядка возникнет инстинктивно. Везде, где возникала социальная неразбериха, появлялись грубые попытки объединиться в новый директивный порядок.

Де Виндт указал на нацистов, фашистов, коммунистов и гоминьядановцев, как на первые примитивные намеки на грядущую

¹ Nuclei — ядра (Прим. переводчика).

великую организацию. В этих политических движениях присутствовал дух элитарного класса, хотя они в большей или меньшей степени растрачивали его на лояльность и предрассудки прошлого.

«Они не руководят молодежью, — утверждал мыслитель. — Они пользуются людскими инстинктивными потребностями. Попытайтесь осознать, что они ищут вслепую».

А еще он процитировал отрывок из обращения к афинянам основателя христианства, Святого Павла: «Тот Неизвестный Бог, которому вы поклоняетесь по неведению, его провозглашаю Я вам».

Де Виндт провозглашал еще неизвестное Современное государство!

Учение Де Виндта стало теорией образования; в широком смысле, утверждение Современного государства. Фактически это — неразделимые аспекты одного и того же.

«Сообщество — это образование в действии!» — заявил он.

Не останавливаясь, провидец развивал схему социальной структуры через все виды производственной организации, контроля и предпринимательства. Люди должны «подчиниться и служить этой цели».

Позаимствовав слово у Ортеги-и-Гассета, но смело выйдя за рамки представлений оригинального мыслителя, Де Виндт заявил, что «полноты» жизни можно достичь, только пребывая в соответствии с Современным государством. Вся остальная жизнь могла представлять собой только «расточительство, недовольство и печаль». Становилось невозможным сохранить самоуважение, стать счастливым внутри себя, если человека не «всецело поглощало» единственно разумная цель. Старая преданность флагу, нации, классу износилась и дискредитировала саму себя. Все эти сферы стали нереальными. Они больше не взывали к лучшим сторонам человека, потому что мы видели их ограниченность. И они не могли больше поддерживать «счастливую жизнерадостность». «Уверенная и безмятежная душа» отныне перестала их обслуживать. Если бы все оставалось по-прежнему, флаг, нация и класс рано или поздно низвергли бы человека в «опустошение бесцельного самосознания». В прошлом люди могли жить и даже испытывать удовольствие от своих «патриотизмов» и деловых предприятий, потому что не знали ничего лучшего. Но теперь они узнали!

Ну и наконец, Де Виндт диаметрально противопоставил себя одной их самых страшных концепций парламентской демократии, концепции, которая все еще имела громадное значение в его время, и это была концепция «Оппозиции».

«Критикуйте, — писал он, — но не мешайте».

«Если руководящая организация в корне плоха, — учил он, — сломайте ее и выбросьте, но полностью избавьте свой разум от концепции «смотреть — видеть» и «давать — брать», как от якобы надлежащего метода урегулировать споры. Преступные парламентские

правительства, которые тогда находились на последней стадии дилетантства, прогнили под грузом постоянных поправок, бесконечных вето на проекты, компромиссных сделок и шантажирующих уступок. Против каждого руководящего органа, каждой партии власти сидела другая, посвятившая себя искажению, срыву, задержке и порче, часто без всякой причины или по самым надуманным причинам, просто ради искажения, срыва, задержки и порчи того, что пытался сделать руководящий орган, в надежде унизить чужие усилия до такой степени тщетности, чтобы спровоцировать смену правительства, которая привела бы оппозицию к власти. Неискренний карьерист в такой ментальной атмосфере получал практически безграничные возможности для получения прибыли и продвижения по службе.

Весь этот клубок идей пришлось отбросить.

«О большинстве начинаний не может быть двух уважаемых и противоположных мнений, — безапелляционно сообщил нам Де Виндт. — Глупо притворяться, что это возможно. Существует один единственный правильный путь, и бесконечное множество неправильных. Правительство пытается идти правильным путем, все остальное — преступление. Саботаж должен прекратиться. Это всегда было одним из самых уродливых пороков передовых движений. Это фундаментальный социальный порок».

Его рассуждения о различии между критикой и оппозицией — это классика, которую мало кто читает. Жаль, потому что это очень хороший образец английской прозы XX века. Право на критику и обязанность излагать хорошо продуманную критику являются основополагающими для современного гражданства. Де Виндт размышлял над тем, как право и долг игнорировались поверхностным менталитетом итальянского фашизма и как фатально они переплелись с подавлением инакомыслия в России. Писатель проанализировал глупейшую безответственность цензуры в западных общинах, где не существовало закона, запрещающего сговор религиозных, политических или деловых кругов с целью пресечь те или иные публикации. Подобно общему революционному проекту Де Виндта, его предостережения против зажима общественного мнения начали по-настоящему влиять на общественность далеко не сразу. Многие не понимали, куда он клонит. На практике конфликт мирового порядка с оппозиционным духом во время борьбы за сохранение Воздушной диктатуры должен был снова и снова переходить в подавление честной критики. Критика и внушение незаметно переходили в подстрекательство и повстанческую пропаганду.

Эта четкая революционная схема Де Виндта стала яркой и тонизирующей для энергичных молодых людей середины XX века. Мы резюмируем здесь его основные конструктивные концепции, несмотря на то что сегодня они кажутся банальными. Нет никакой необходимости

подробно рассказывать о его дальновидных планах по объединению ядер в мировую пропаганду, потому что организация незаметно переросла в систему образования нашего нынешнего мира. Эта история, да и вообще все учебники, которыми пользуются в мире, вполне могли бы быть посвящены этому человеку. Сложные и очень подробные предвидения процесса мировой революции не должны нас задерживать (его книга V “Новый мир в теле старого” содержит все, что нужно), потому что теперь у нас появилась возможность рассказать о самой этой обширной реконструкции.

В некоторых отношениях Де Виндт оказался удивительно прозорливым, в других — человеческие реакции оценивал не совсем точно или даже вовсе неправильно. Реконструкция человеческих отношений включала в себя очень грубую работу, от которой автор бы отшатнулся. Тем не менее он так ясно и убедительно изложил все основные структурные факторы для создания Современного государства перед своими последователями, что вскоре тысячи, а затем и миллионы людей стали жить ради воплощения его идей в реальность. Де Виндт смог изобразить их так, чтобы они показались нашей судьбой, а когда мы их такими представили, они ею стали.

Несколько лет взгляды Де Виндта распространялись очень медленно. О них узнавало все больше людей, но поначалу очень немногие предпринимали попытки хоть как-то что-то реализовать на практике.

Они говорили:

«Да, пожалуй, оно верно, — а потом, немного поразмыслив, добавляли, — но неосуществимо».

Де Виндт скончался до того, как его школа мышления превратилась в настоящую силу и покорила мир. Как и Карл Маркс, он так и не узнал, какой урожай посеял.

В нашем описании провала Лиги Наций мы отмечали, насколько обреченным являлся этот эксперимент, потому что ни среди влиятельных людей того времени, ни среди масс не ощущалось никакого чувства необходимости и необходимой формы для нового мирового порядка. Государственные деятели, дипломаты и политики того времени производят на нас впечатление слепцов. Невероятно, но они не видели того, что сегодня представляется нам ясным, как день. Трудно поверить, что эта слепота не была преднамеренной. Но это было именно так. Они не могли этого видеть. Мы читали их выступления на конференции за конференцией, пока их голоса, наконец, не затихли в поднимающейся волне катастрофы, и мы почти кричим, взывая и вопрошая:

«Вы — идиоты! Разве контроль над миром не был прямо у вас под носом? И было ли возможно что-нибудь еще, кроме катастрофы?»

Между тем ответ заключался в том, что не все лежало прямо под носом. Медленно, кропотливо, с постоянными повторениями и мягкими

вариациями Очевидное усваивалось и распространялось в человеческом сознании. Своеобразная претензия Де Виндта на благодарность заключается не в том, что он открыл что-то новое, а в том, что он так развил и укрепил Очевидное, что отныне стало невозможно сбегать от неумолимых императивов.

Глава 2

МЫСЛЬ И ДЕЙСТВИЕ: НОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Теперь поговорим о благотворной проверке индивидуальной гордости. Ни один человек и, по сути, ни один тип людей не способен одновременно постигать и осуществлять простейшую из наших социальных операций. Даже человек, который возделывает землю и выращивает зерновые, ограничен в методах повышения урожая. Диковинная история Даниеля Дефо о Робинзоне Крузо — это невероятно обнадеживающая оценка того, что один человек с небольшим количеством обломков и фактически отходов внешнего мира в необычайно благоприятных климатических условиях на необитаемом острове способен соорудить для себя полнейший комфорт и безопасность. Взаимозависимость людей и различных обстоятельств еще в большей степени применима к сложным процессам Эпохи максимальной незащищенности. Новому поколению предстояло вырваться из экономических и институциональных обломков, среди которых оно оказалось, и построить социальный порядок, в котором мы сегодня живем.

Сначала появились интеллектуалы — люди, живущие в стороне от

ответственности, часто лишённые лидерских и организаторских качеств. Как и Де Виндт, они все распланировали, но достигли не более чем плана. Такие люди важны, как надёжные диагносты происходящих событий. Они ясно и повелительно прокладывают ментальный путь. Кладут на это свои жизни и сами себя этим оправдывают. Это интеллектуальный, исполнительный тип человека, способный сосредоточиться на сложной идее и ее усвоить. Между тем реальность всякий раз сопротивляется идейной непоследовательности. Ограниченность воображения у данного типа людей — необходимая добродетель для выполняемой задачи. Никто не сможет успешно управлять провинцией, если все время путешествует за ее границами. Лишённый воображения, но кажущийся убедительным тип является необходимым исполнителем революции, но польза от нее полностью зависит от того, насколько обоснованной получилась идеология.

Благодаря этой необходимости в дополнительных типах революционеров, история не создает никаких нынешних эквивалентов таким легендарным фигурам, как Солон, Моисей или Конфуций. Современное государство пришло без них. Де Виндт являлся не столько создателем, сколько «обобщителем», концентратором, линзой, которая собирала в разжигающий фокус накопленное ментальное освещение своего дня.

Свет понимания, который зажег огни последней революции, не исходил не из одного мозга. Нет! Он выплескивался из десяти тысяч активных и преданных умов. Минувя порядок или приоритет, они воздействовали друг на друга. Этому свету как будто предшествовал рост физики и биологии. Что-то произошло в целом. Что-то произошло не в одном каком-то сознании, а в объединяющем сознании десятков тысяч.

Мы уже отмечали, как далеко можно проследить за прорастанием идеи Мирового государства. И мы показали, как силы экономической жизни двигались к ней в XIX веке. Разъяснили, как это работало в квази-инстинктивном стремлении Генри Форда и Вудро Вильсона. Социальное зарождение Де Виндта сопровождалось появлением основных структур, необходимых условий и практически осуществимых предложений. Из туманного устремления Мировое государство трансформировалось в конкретно спроектированный и подробный замысел. Те, кто обладал сильной волей, уже могли начинать его усваивать.

Явное качественное изменение в мозгах, продвигающих идею Современного государства, намечилось еще до начала урагана последней войны сороковых годов. Теперь оно стало достаточно «продумано» для людей с решительным характером. Они включили его в свою повседневную жизнь. Рефлексивный тип переходил к энергетическому. Первые пропагандисты мирового порядка являлись нерешительными и пассивными личностями. Фактически они представляли собой сборище

пацифистов, чей страх и отвращение перед войной стали непреодолимыми. И у них хватило ума понять, что ее можно избежать, только установив в мире единую власть. Кем были эти люди? Писатели, «чистые» научные работники, молодые социологи, экономисты, а также «интеллектуалы» из рабочей среды. Инженеры, архитекторы, квалифицированные мастера и промышленные организаторы, всевозможные техники и бизнесмены начали «говорить о Современном государстве» и уделяли все больше времени и внимания на то, чтобы его пропагандировать.

Этот переход легко объясним. Усиливающийся социальный беспорядок лишал людей энергичного практического склада удовлетворяющей занятости. В Первую эпоху процветания и во время мнимого восстановления после Мировой войны такие люди могли найти достаточно работы, соответствующей их темпераменту. Позволяли условия мощного промышленного развития. Эти люди организовали большой бизнес, обширное производство; они использовали непрерывный поток изобретений; открыли природные ресурсы ранее отсталых регионов. Эти люди перенесли производство далеко за пределы потребляемой мощности человеческого общества. Пока предприятие развивалось, никому не приходило в голову, что нужно как-то беспокоиться о политических и денежных методах своего мира. Время от времени проявлялась определенная настороженность по поводу деятельности банковской сети. Так, например, типичный промышленник с оригинальным мышлением дважды пытался энергично бороться с банкирами. Но, так или иначе, явления политического и финансового удушения начали привлекать серьезное внимание только после того, как разразился великий гуверовский кризис (кризис тридцатых годов).

Таланты начали думать, говорить и писать о социальном порядке с энергией людей, привыкших справляться с большими делами и работать на ощутимый результат. Широчайший эксперимент Советской России вызвал за ее пределами и зависть, и недоумение. Хотелось разобраться, почему возможности уперлись в неспособность. Молодежь, выходящая из многочисленных технических школ, взволнованная книгами и разговорами, вездесущими надеждами и воспоминаниями о недавнем прошлом, ищущая приключений и достижений в материале предприятия, очень быстро поняла, что огни возможностей раздражающе гаснут самым таинственным образом.

Революционное движение XIX века казалось ей скучным сборищем ленивых рабочих, которым помогали и которых поощряли такие критики, как Раскин, такие художники, как Уильям Моррис, такие драматурги, как Бернард Шоу, и тому подобные непрактичные и неубедительные люди. В ее сознании это ассоциировалось с фальшивой готикой, желто-зелеными драпировками, длинными волосами, анти-

вивисекцией¹ и вегетарианством. Кто из выдающихся людей в области науки и техники вставал на сторону революционеров до 1900 года? Да, пожалуй, никто. К третьему десятилетию XX века две трети техников, научных работников и способных организаторов в бизнесе говорили об активной революции. Это больше не могло оставаться классовым восстанием рабочих рук; это становилось делом компетентных людей. Лучшие умы принялись нащупывать идею. В книге Де Виндта они нашли, что хотели, но к созданию Современного мирового государства приступили не совсем обычным способом.

Произошел переворот в самих революционных идеях. Изменчивый дух Революции постригся, надел комбинезон и, создавая новую модель, приступил к систематической работе.

¹ **Вивисекция** — экспериментальная хирургическая операция; проводится на животных, которые после завершения эксперимента, как правило, усыпляются. К сожалению, мировой истории известны случаи вивисекции на людях (*Прим. переводчика*).

Глава 3

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

В чем разница между первым и вторым упадком? Во втором случае многочисленные научные и технические работники западных сообществ восприняли крах быстро и живо.

Никакого реального эквивалента в римской истории нам не найти. Погруженные в традицию ремесленники не располагали какой-либо общественной наукой. Синтез христианства подавил спекуляции немногочисленных и малоэффективных философов. Ремесленник и философ находились в разных мирах. Философ презирал ремесленника. Вероятно, в той же степени ремесленник презирал философа; правда, не оставлял об этом записей. Ни тот, ни другой, похоже, не имели никакого представления о широких социальных силах, которые разрушали общую безопасность и позволяли варварам вторгаться в империю.

Сомнительно, что когда-либо императорский двор или имперская гражданская служба имели внятное представление об устойчивом упадке. Историки XIX и XX веков, как указывали Огилви и Фреуд в своей работе «Римская история» (выпущена в 2003 году и пересмотрена Пан Чоу Лян в 2047-ом), приписывали интеллект своего времени таким императорам, как Юлий Цезарь, Октавиан Август, Марк Аврелий или Домициан.

Интриги и планирование представлялись почти в современном стиле. Но в записях на латыни не встречаются доказательства такой осведомленности. Если бы она присутствовала, это не могло бы не отразиться на строительной индустрии. Древний Рим, действительно, умудрился каким-то образом сильно растянуть во времени свои упадок и крах, но сознательно он ничего не делал для этого с точки зрения взвешенных политических решений.

До сих пор студенты тщательнейшим образом изучают искусство и тайны средневековых каменотесов. Знания терялись в гигантских объемах, но что-то оставалось. Средневековые вольные каменщики строили красивые, но часто хлипкие готические соборы, которые сегодня так сложно сохранить для потомства. При этом использовалась технология, которую нерушимо соблюдали еще строители пирамид. Разумеется, ни о каком политическом чувстве речи тогда не заходило и не могло зайти. Купеческие гильдии, чем-то похожие на капиталистические профсоюзы, вмешивались в те или иные общественные дела ради создания рабочих мест, но мы не находим никаких признаков того, что они когда-либо заботились о порядке и стабильности сообщества в целом. Этого попросту не позволял сделать низкий уровень тогдашнего интеллекта.

Опытный и целеустремленный представитель рушащегося порядка XX века обладал куда более оживленным качеством. Само обучение стало не традиционным, а прогрессивным; гораздо более прогрессивным, чем у любого другого класса. Новых людей обучили фундаментальным изменениям. Они перестали мириться с политической и финансовой жизнью вокруг себя, как только обнаружили, что их деятельность серьезно затруднена. Одновременно с появлением выразительного многозначительного слова «Технократия» в мировой прессе (1932-1933) мы находим, например, инженера, профессора Майлза Уокера на собрании Британской ассоциации содействия развитию науки, который смело обвинял весь устоявшийся порядок в стандартах инженерной эффективности. В сумерках общественного порядка инженеры, промышленники и физики обсуждали конструктивную политику. И тем самым они в нее вторгались. Одним из первых ученых, кто перестал «лезть не в свое дело» и занялся деловой психологией, стал профессор Содди.

Поначалу техники и бизнесмены слишком много говорили. К действиям они приступили далеко не сразу. Им казалось, что политики и финансисты являются специалистами в своих областях и обладают глубокими знаниями. Техники и бизнесмены полагали, что политики и финансисты способны адаптироваться и что-то изобретать, как и они сами, поэтому требовали от тех решительных действий, не понимая, что условия, в которых живет банкир, делают его неспособным менять свои

методы фундаментальным образом. Но это становилось очевидным по мере того, как катастрофа следовала за катастрофой. Новый тип должен был взять власть в свои руки. Только так у новых методов мог бы появиться шанс. Новые методы управления должны были вытеснить старые. Все большее число молодых людей, отказываясь от любых идей лояльности или сотрудничества со старыми административными институтами и все яснее осознавая свою цель, ставили перед собой задачу организовать ядра или ячейки по образцу, предложенному Де Виндом, и связать их с другими ячейками.

Движение распространялось от мастерской к мастерской и от лаборатории к лаборатории с возрастающей скоростью по всему миру. Аль Харан подсчитал, что уже к 1960 году семь восьмых авиаторов являлись членами Современного государства, а большинство остальных, по его же словам, оказались «по крайней мере, заражены теми же идеями». Такая инфекция зашла далеко и глубоко.

Там, где власть нечасто прибегала к репрессиям или не прибегала вовсе, движение за спасение цивилизации развивалось открыто. Но поначалу оно столкнулось с серьезными противоречиями. Военные смотрели на ученых и техников, как на людей низшего сорта. Военные приказывали, а ученые и техники исполняли приказы. Так было заведено. Поведение обоих типов людей во время Мировой войны отражало рабскую покорность, а Версальский мир наступил еще до того, как человек окончательно разочаровался. Ученый XIX века представлял собой брюзжащего сноба, который мало что понимал за пределами своих конкретных исследований.

«Науки, — как однажды заметил Саймон Азар, — появились раньше, чем Наука!»

Научное мировоззрение стало поздним результатом, а не основной причиной систематического стремления к знаниям. Это было открытие, а не отправная точка. Наука учила людей, которые ей служили, и ученик узнавал больше, чем знал учитель. В научном мире существовал и существует непрекращающийся конфликт между достижениями и новыми исследованиями, и в XIX, и в начале XX века он оставался острым. Старшие сотрудники подозревали младших с более широкой идеей в нелояльности и препятствовали их продвижению. Старшие хотели, чтобы младшие оставались слепцами. Но после Мировой войны ученые были вынуждены начать рассуждать по-другому. Великий экономический спад продолжался, и научный мир крепко призадумался. Технические специалисты, благодаря более близкому подходу к практическим вопросам, значительно опередили «чистых» научных исследователей, особенно в отношении того, как применить конструктивное мышление к политической и социальной организации.

Даже во время военных действий в Китае существовали намеки на то,

что химики, инженеры и врачи могут иметь иные представления, чем военные. После газовой стерилизации Токио и еще более после того, как одиннадцатая газовая атака на Ухань не привела к адекватным результатам, японские военные власти провели расследование возможности «экспертного саботажа», и конечный результат оказал определенное влияние на отношения между «научными» военными и гражданскими научно-техническими экспертами в Европе. Чаще всего именно последние оказывались по-настоящему гениальными и изобретательными людьми. Обнаружилось, что некритическая лояльность часто сочетается с общей тупостью. Власть оказалась перед сложной дилеммой: с одной стороны она имела тех, кто хотел, но не мог, а с другой, кто мог, но не хотел.

Кампания против пацифистских, подрывных и революционных идей набирала силу в тридцатые годы. В сороковые — превратилась в запутанное и утомительное преследование. Но бессвязность усилий порождала неэффективность. Попытки отсеять нелояльных сотрудников и студентов в технических вузах и свести преподавательскую профессию к тотальному послушанию провалились, потому что не нашлось способа отличать то, что должно считаться основной наукой, от того, что следовало считать предательством. Стремление уничтожить свободу в одной части человеческого мозга и вместе с тем деликатно обойти другие части, где мысль двигалась свободно и творчески, с самого начала было обречено на полный провал.

Глава 4

ПРОРОКИ, ПИОНЕРЫ, ФАНАТИКИ И МЕРТВЕЦЫ

История, и в особенности общая история, склонна слишком много внимания уделять массе и контурам. Мы пишем, «вся Германия возмутилась», или «надежды Азии» рухнули. Но живые факты истории — это изменения в мышлении, эмоциях и реакциях миллиардов умов.

В предыдущих разделах мы в общих чертах поговорили о развитии «концепций сочетания»; идеология растворялась и уступала место другой идеологии, подобно облаку, которое собирается, тает и проходит по ментальному небу человечества. В книгах, предшествующих этим разделам, мы проследили растущее осознание возможного Мирового государства в мыслях разных людей на протяжении двух тысяч лет медленного пробуждения. Но изложение будет неполным до тех пор, пока мы не отвлечемся, по крайней мере, на одну главу, от широкого круга мнений. Пусть изменения в решимости коллективной воли отразятся на структуре индивидуальных переживаний, а мозговой шторм сформирует массивное структурное развитие.

Нужно опираться на наивный опыт собственного детства, чтобы уловить, хотя бы отдаленно, душевное состояние первооткрывателя, который обратил взор на всеобщее братство. Нужно рассмотреть жизнь

какого-нибудь животного, скажем, своей собаки или пони, чтобы уяснить ограниченное существование человека в ранних цивилизациях. В своем окружении человеческая жизнь была так же устроена, как и жизнь любого животного. Город, река, поля, далекие холмы, храм, близкие друзья и странные далекие враги составляли полное и удовлетворяющее ВСЕ. Боги заслуживали доверие и несли ответственность, снимая таковую с ваших плеч. У животных имелись такие же души, как и у вас. Темноту и тени преследовали духи. В такой обстановке жили, любили, ненавидели и умирали бесчисленные поколения. Все становилось знакомым и понятным благодаря трюку персонификации. Ты привел незнакомца в свою семью; ты сделал его членом своего племени. Земля стала матерью, а солнце — великим отцом славы, марширующим по небу.

Эта удивительно запутанная история показывает, как человеческий разум начал сомневаться, допытываться, проникать под завесу уверенности и воображаемой окружающей безопасности. Возможно, его лишили этой уверенности. Скорее всего, сам он не стремился вырваться наружу или, во всяком случае, не видел в этом большой срочности.

Христианство сохранило для нас еврейскую Библию — драгоценную летопись беспокойных душ среди ограниченных условий давно ушедших веков, предшествовавших сложным механизмам, дальним путешествиям и логическому анализу. Она рассказывает, как человек вышел из Рая беспрекословного принятия, и его обуяло недоумение. Это позволяет нам сегодня мысленно приблизиться к состоянию давно ушедших сотен тысяч борющихся умов. Мозг начал замечать сорняки и колючки, тяжелый труд и ненадежность жизни. И он приложил огромные усилия, чтобы начать как-то объяснять самому себе растущее ощущение, что все не в ладу с этим миром. Историю пришлось драматизировать. До сих пор имелась только «персонификация», как средство постичь отношения и причины. Не существовало никакого иного способа заполучить общую идею, кроме как вообразить ее как личность. Странные мысли пугали. Казались потусторонними. Наши предки даже не осмеливались сказать: «Я думаю»; они должны были говорить: «Я слышал голос» или «Слово Господне пришло ко мне». Потребовались огромные усилия, чтобы перейти от мысли о патриархальном племенном Боге к более могущественному господствующему Богу. Люди не объединяли общества, люди идентифицировали Богов. Монотеизм являлся первой формой Мирового государства во всеобщем сознании.

Каким отчаянным поступком стало для какого-нибудь внутренне испуганного человека поднять голос против местных старейшин и местного идола, провозгласив: «Нет Бога, кроме Бога!». Реакцией его соплеменников, все еще живущих в рамках общепринятых убеждений, на эту попытку выйти на широкие отношения могли быть презрение, веселье, раздражение, неприязнь или ужас и суеверный страх. Мы

располагаем записанной историей Мухаммеда и его битвы с богами Мекки. Это более поздний и сложный пример того, что происходило в бесчисленном количестве мест и времен. «Вдохновленный» своей новой идеей человек бросал вызов социальному ментальному гнезду, из которого стремился вырваться.

Тот, кто видел свет и говорил, являлся лишь одним видом более крупного рода человеческих существ. Его разум работал иначе, чем у обычного человека, или просто был более лихорадочно активным. Другие оставались чудаками или просто идиотами. Дурака от просветленной личности было сложно отличить, потому что оба говорили о невероятных вещах.

Письменность появилась за тысячу лет до Рождества Христова, и она показала, что уже тогда сложилась давняя традиция обращения со странными и тревожащими исключениями. Насколько возможно заглянуть в прошлое, мы обнаруживаем, что повседневное спокойствие древнего сообщества регулярно нарушалось беспокойными личностями, которые странно ходили, странно жили, говорили необычно и сбивали с толку, побуждали окружающих странно себя вести и угрожали божественным гневом, предчувствуя зло. От них предпочитали откупаться. Кто-то это делал, проявляя почтение, кто-то — с пренебрежением. Неполноценные и несчастные находили утешение в странных речах. Правителям же, напротив, беспокойные личности не нравились. Богачи их не любили и боялись. Беспокойные личности раздражали и пугали того, кто мог себе позволить наслаждаться жизнью. Они казались какими-то извращенными, и, по сути, таковыми являлись. Если они заходили слишком далеко, племя поворачивалось против них. С ними дурно обращались, окружали толпой и высмеивали. А если они и после этого не останавливались, тогда их бросали в тюрьмы, избивали и убивали.

По нашим нынешним стандартам, выдающейся личности всегда есть что сказать. Это важно, но применительно к давним временам в этом мало правды. Загадочные высказывания учителя предстояло растолковывать ученикам, чье количество зачастую оказывалось небольшим. Когда учитель умирал, или когда его убивали, люди оставались с вопросами: «Что именно он сказал?» или «Что именно он имел в виду?». Вдохновенное слово легко становилось загадкой для интерпретатора. Оно формулировалось то так, то этак, применялось правильно или неправильно, его пробовали всеми возможными и невозможными способами.

В наши дни мы находим общее качество для всех этих безумцев, пророков, учителей и нарушителей душевного покоя. Эти люди учились говорить и использовать язык. Пытались что-то придумать, сказать что-то новое и расширить свой разум. И они делали это вопреки огромному

сопротивлению. Интеллектуальная предприимчивость играла против инстинктивного страха перед новизной. Многие из этих учителей умерли ужасной смертью. С них живьем сдирали кожу, жгли на кострах и пытали до смерти.

Один из них висел на кресте и умер от физического истощения за несколько часов. Два преступника, которые оказались более стойкими его товарищами по несчастью, оставили учение, составленное из таких милых и прекрасных поведенческих идей, такой мистической непостижимости, такой вводящей в заблуждение непоследовательности, что оно оставалось моральным стимулом и интеллектуальным недоумением, джунглями для ереси и открытий, в миллионах душ две тысячи лет.

Тщетно в наши дни кто-то пытается проникнуть в сознание идущего на казнь пророка. Мы осознаем ценность сделанного. Да, это — правда! Но понимал ли он сам то, что делал? Секрет таких настойчиво ищущих мозгов, видимо, скрыт от нас навсегда.

В более оживленные и процветающие социальные периоды истории возмутители спокойствия менее заметны. Во времена перемен, и особенно когда высвобождалась социальная энергия, когда смешивались конфликтующие традиции, беспокойные умы умножались. Нестабильный римский империализм изобиловал попытками сказать о жизни что-то новое и глубокое. Повсюду появлялось новое поклонение, потому что оно представлялось единственной формой, благодаря которой новая идея и образ жизни могли передаваться из разума в разум. Озадаченный разросшийся человеческий тип пытался что-то сказать, какое-то волшебное слово, и тем самым разрешить собственное недоумение и привести себя к миру.

Неся за собой организованную науку, эпоха Возрождения значительно увеличила число пытливых и новаторских умов. Разум овладевал условиями своего существования. Но теперь возмутители спокойствия больше не казались пророками с дикими глазами, потому что перестали утверждать, будто им доверено Слово Господа. В сознание масс проникла абстрактная и логическая мысль, поэтому персонификация больше не требовалась. Отныне богов не осуждали; их анализировали. Более того, приближаясь к современности и сталкиваясь с более подробно описанными событиями, мы начинаем с живым пониманием и сочувствием осознавать, что происходило в новаторских умах, и ощущать соприкосновение с неизмеримым героизмом и бесчисленными трагедиями более поздних пионеров, бунтарей, критиков, революционеров, которые более или менее разумно выступали против принятия и инертности, среди которых они жили, в направлении более здоровой, более всеобъемлющей и более четко сформулированной идеи для всего человечества.

До сих пор не собран толковый сборник многих миллионов биографий

и многих тонн другого материала, который рассказывает об умственном бурлении в мире, начиная с XVII века. Если пророки старого мира слишком редки и далеки от нашего понимания, то более поздние революционеры настолько близки, что нам приходится отступать на шаг, чтобы получше их рассмотреть. В этой области проводились обширные исследования. Роджер Каддингтон и его коллеги изучали протестантскую мысль в Голландии, Рейнланде, Швейцарии и Великобритании с XVII по XIX век. Брожение религиозной формы во многом объяснялось противостоянием еврея и не-еврея. Ранние формы анархизма и социализма Маргрима стали успешной попыткой реализовать идею, из которой проистекает современная критика правления и собственности. С помощью таких работ и отдельных, наиболее удачных, биографий мы приближаемся к творческому участию в тех индивидуальных реакциях, которые в совокупности передали человеческое сообщество в нынешнюю форму.

Каждую из этих личностных историй, будь она рассказана полностью, следовало бы начинать с ребенка, принимающего мир как должное, верящего, что его дом — самый лучший, а мама и папа всегда правы, и они вечны. Малыш сталкивался с фиксированным и устоявшимся миром, который не имел стандартов для сравнения ни в прошлом, ни в будущем. По мере превращения в подростка, ему объясняли его место в жизни и то, что он должен делать. Невезение, дискомфорт, какая-то встряска или врожденное беспокойство были необходимы, чтобы посеять сомнение относительно устоявшейся определенности. Тогда у тех, кого сама судьба наметила для беспокойства, возникало подозрение: «Мне говорят неправду». А затем еще тревожнее: «То, что они делают, и хотят, чтобы я делал, неправильно». И, наконец, происходил эмоциональный взрыв: «Все можно сделать гораздо лучше!» Так инфицированный индивид покинул легкую вульгарную жизнь со своими собратьями, вышел из естественного животного приятия устоявшихся вещей и присоединился к растущему меньшинству бродячих беспокойных умов, создающих проблемы.

Он начинал разговаривать со своими товарищами или втайне делал пометки о своих мнениях. Задавал неудобные вопросы и в ироническом стиле комментировал чужие высказывания. Мы могли бы вызвать в воображении сотни тысяч картин с такими сомневающимися, которые начинали высказывать свое мнение в мире XVIII века, в маленьких мастерских, в убогих домишках, на рынках, в деревенских гостиницах, осмеливаясь сказать, или точнее, едва решаясь что-то произнести. У них не получалось объединять смутные возражения в упорядоченную критику, но в библиотеках сидели другие люди; корпели над книгами и украдкой что-то писали, а гордая жизнь ревела и бурлила на мостовой за окном.

«Людям говорят неправду! Все можно сделать гораздо лучше!»

На университетских занятиях студенты отваживались на странные заявления и выдвигали поразительно неортодоксальные тезисы.

Неудобных вопросов становилось все больше, и власть принялась искать ересь и подстрекательство к мятежу, прихватив с собой пыточные инструменты. Когда мы читаем книги и брошюры этого периода пробуждения, нам начинает казаться, что авторы почти ничего не сообщают, а только извиняются чуть ли не на каждой странице. Так мы получаем представление о разумной робости того времени. Проявляя неосмотрительность, можно было запросто лишиться здоровья или даже жизни, при этом почти ничего не сказав.

Поначалу затрагивалась не столько суть, сколько форма. В XVI веке обнаруживались разные виды ереси, но в них ничего не указывало хотя бы на самые общие контуры Современного государства. За исключением эха некоторых ученых в адрес Республики и Законов Платона, до XVII века никто вообще не читал и не сравнивал области социальной и политической структуры. XVIII век, по сравнению со своим предшественником, стал веком обширной революционной мысли. С момента возникновения христианства фундаментальные идеи и политические институты никогда не подвергались сомнению. Соответственно возникла необходимость новшества как-то называть. Но это было не так-то легко сделать. Носителей новых идей отправляли в ссылку, книги сжигались, для подавления новых идей устанавливалась цензура. И все же они распространялись и множились. Недоверие по каплям подтачивало прежнюю систему. Притязания аристократии и божественность монархии потускнели, уменьшились и потеряли свою эффективность. Появились республики и первые зародышевые намеки на социализм.

В нашем рассказе о первой французской революции и революционных потрясениях XVIII века¹ нам пришлось проводить различие между экономическими и социальными силами, которые, с одной стороны, способствовали политической перестройке, а с другой, влияли на рождение новых идей. Изменения почти не планировались, а творческое намерение и психические процессы оказывали очень слабое влияние на ход событий. Тем не менее, когда задаваемые вопросы стали вплотную приближаться к реальности, масштаб планирования сократил отставание. Мы больше не будем говорить о глубоких изменениях в представлениях людей, о частной собственности, частной свободе и денежных отношениях, которые начали находить выражение в социалистических и коммунистических движениях. Здесь и сейчас наша задача состоит в том,

¹ Никаких следов этого рассказа в бумагах доктора Рейвена не найдено (*Прим, автора*).

чтобы подчеркнуть миллиарды мелких споров, которые меняли коллективную мысль и подготавливали почву для революции; вспомнить эльфийский шум заглушенных временем голосов, не самых здравомыслящих уличных пропагандистов, ораторов на мелких собраниях под крышей и на открытом пространстве, и во время рабочих перерывов; упомянуть шорох странных газет, которые не были обычными газетами, и книги, написанные от руки, которые повсюду боролись с традиционным и инстинктивным сопротивлением. Везде закваска Современного государства происходила путано и даже нелепо.

Да, новая концепция единого мирового общества не пришла в человеческий разум одним махом, совершенным и эффективным. До Де Виндта ее не удавалось обозначить даже в общих чертах. Она представляла собой путаницу из разрозненных неполных фрагментов, а также нелогичных или даже вводящих в заблуждение выростов, отходящих от того или иного фрагмента. Но именно так это и должно было начинаться, фрагментарно и торопливо. Всегда проявлялась жестокая склонность применять новые незавершенные идеи стремглав и яростно. Чем больше чувство недостаточности гложет тайное сознание человека, чем больше он находится в конфликте как с внутренним, так и с внешним антагонистом, тем более решительным и окончательно догматичным он склонен становиться. Стремление доводить новые идеи до проверки реальностью и утверждать их экспериментальным путем являлось главным источником неприятностей для возрастающей массы новаторских умов. Устоявшийся авторитет или обычай не спорит с идеей как таковой; конфликт начинается, когда идея становится подстрекательством, когда она ищет воплощения в объективной реальности.

Во всем мире на протяжении всего XIX века появлялся кто-то, кто создавал трудности для власти, изобретал нарушения и применял их на практике. Свет мировой реконструкции освещал души, часто просачиваясь сквозь пелену заблуждений и приобретая окраску эпидемической ненависти. Новые люди мечтали о восстаниях, о захвате власти, об организованном терроре. На практике их усилия часто сводились к глупым мелким убийствам, — часто совершенно неуместным и бессмысленным — крикам толпы на улицах, к дракам и битью окон, к взрывам у парадных дверей правительственных зданий и посольств, к бросанию взрывчатки среди безобидных зрителей на публичных церемониях.

До Французской революции такого спорадического насилия было не так много, как впоследствии. Конечно, случались эпизодические убийства, совершенные религиозными или расовыми фанатиками, но обычно более старый тип политических преступлений определенно сводился к заговору с целью свержения правящей верхушки, а не к характеру режима.

Неуклюжие «анархистские» безобразия стали, по сути, новой формой социальной критики. За ними, пусть и смутными, искаженными и преувеличенными, стояла надежда на новый мировой порядок.

С преждевременным желанием новой жизни неразрывно связывалась деятельность более обширных революционных систем. Печатные станки в подвалах, скрытное распространение листовок, тайные встречи, строжайшая дисциплина в обществах, поддерживаемых страхом, хождение узколобых эмиссаров, которым нечего терять. Обиженные на власть получались удивительно преданными тем, кто выступал против нее. И те, и другие вызывали правильное брожение на пути новой мысли.

Растущие революционные волнения назывались крайне левыми. Раньше в мире никогда не случалось ничего подобного. Новых людей перемолол политический и социальный порядок своего времени наряду с религиозными убеждениями. Между 1788 и 1965 годами сотни тысяч мужчин и тысячи женщин, намного более смелые, чем мусульманские фанатики, без надежды на загробную жизнь и искупление умирали, едва ли улавливая ясное видение полной и упорядоченной социальной жизни, за которую стоило бы умереть. Сотни раз они терпели изгнание, тюрьму, остракизм, избиения, унижения и ужасающую нищету, все еще смутно осознавая, каким именно образом станет освобождаться человек.

У них не было единодушия во мнениях и даже уверенности, что оно необходимо. Все они убедили себя в том, что мир должен стать лучше, но у них не оказалось ни знаний, ни возможностей для свободного и открытого обсуждения, как прояснить и выработать неизбежные очертания общей потребности. Новые люди формулировали свои идеи тупо и неуклюже, проходя, тем не менее, определенный путь к истине, а затем резко останавливались, называя ошибочными любые формулы, кроме тех, какие выдумали сами. Они бесконечно и с крайней ожесточенностью ссорились между собой. Порой дело доходило и до убийств. И почти все участвовавшие в этом бурлящем процессе рано или поздно заражались ненавистью. Часто случалось, что два человека, каждый из которых обладал приблизительно половиной достоверной информации, убивали друг друга, когда на самом деле им следовало всего лишь объединить свои изыскания воедино и получить полный план полноценной реконструкции.

Да Силва назвал всех, кто совершил или попытался совершить революцию между 1788 и 1948 годами, «революционерами полумрака». Основная заслуга автора заключается в том, что оно многое разъяснил и упростил. Его исследования запутанной истории новых социальных концепций стали предметом открытого общественного обсуждения только после установления советского режима в России в 1917 году. Это история умирающих сумерек на рассвете. В двадцатые и тридцатые годы обычный обыватель свободно обсуждал идеи, возможности и направления

действий, о которых никто не осмелился бы даже просто пошептать еще сотню лет назад; а двумя сотнями ранее — такое и в голову бы никому не пришло. Едва ли тот обычный обыватель знал хотя бы несколько имен первопроходцев, фанатиков и сорвиголов, которые завоевали эту свободу для его разума.

Характер конфликта менялся. К 1940 году это стало совершенно очевидным. Помимо первопроходцев появлялись систематические исследователи и изыскатели. Среди тех, кто был готов пожертвовать собой, полумрак становился дневным светом, а упорядоченный анализ таких, как Де Виндт, делал возможным понимание и сотрудничество, что трудно себе представить в XIX веке. Какой была революция того столетия? Подозрительная, запретная, темная, преступная, истеричная и отчаянная. В XX — она стала откровенной и сочувствующей. По сути, разница между революциями XIX и XX века заключена в уровне интеллекта; после длительного периода бурных споров революционная идея, наконец, прояснилась. Сквозь густые и тяжелые черные тучи прорвалось солнце Современного государства.

Революция по-прежнему нуждалась в мучениках, но отныне мученичество носило иной характер. Биографии революционеров перед Великой войной продолжались во тьме закоулков, подвалов и тюрем среди недоверия и предательства, а в последней битве за установление Современного государства — при свете дня. Сама человеческая реакция обратилась к тьме, заговорам и убийствам. Пропагандист Современного государства все меньше и меньше походил на чуждого мятежного одиночку, потому что становился миссионером в дикой стороне, плохо вооруженным или вовсе невооруженным, находящимся в невыгодном положении, но с отдаленным престижем грядущей власти за спиной.

В более позднем списке смертей революционеров все меньше казней и все больше рассказов об убийствах в общественных конфликтах. Все чаще революционера убивали либо толпа, либо честный поединок. Вскоре идея Современного государства стала настолько популярной и распространенной, что за нее или против нее перестали биться. Остались лишь недоразумения между наиболее нетерпеливыми фанатиками с общей целью. Во многих конфликтах историк все еще затрудняется определить, какая сторона, если таковая имелась, могла считаться борцом за Современное государство.

Анализ Де Виндта позволил многое понять. Творчески мыслящий человек, хотя и ожесточился на лжеца и мошенника, терял волю к борьбе против ребячливого приверженца и честного фанатика. Ему не хотелось прибегать к утомительным формулам.

Он просто сообщал:

«Нам — туда. Но шагать придется вместе с заблуждениями и небезнадежной одержимостью».

Так он ставил себе задачу обращаться с любым риском и любой потерей. Здесь можно провести параллели с итальянским фашизмом, который захватил древнюю мафию на Сицилии, состоящую из террористов и шантажистов; частично присоединил ее к себе, частично изменил и тем самым вытеснил с острова. Для того, чтобы переделать Германию, нацистское движение включало в себя крупные фрагменты Коммунистической партии. Так и Современное государственное братство повсеместно боролось с многочисленными организациями, которые, заменив демократические институты, пытались захватить воображение своих приверженцев и направить их по кривому пути. Благодаря ясности целей перед людскими умами и громадной ассимилирующей силе, движение Современного государства разительно отличалось от всех предыдущих революционных концепций.

Разница между революционером до Великой войны и революционером после озаряющего кризиса тесно связана с различием между старым алхимиком и современным ученым. Разум алхимика преследовали демоны, гоблины и духи, искажали символические навязчивые идеи, кабалистические слова и числа. Этот человек чувствовал себя ужасно одиноким, был одержим религиозными страхами, страхом перед инквизитором, страхом перед правителем наверху и толпой внизу, постоянно сбив с толку в своих попытках получить великие вещества, полон опасными знаниями о ядах и вредных приспособлениях. Зато современный ученый обладает разумом, освобожденным веками анализа и упрощения, успокоенным рассказами о непрекращающихся научных победах, стоически равнодушным к распространенному искажению и одинаково уверенным в своей Вселенной и в себе.

Глава 5

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БАСРЕ: 1965 ГОД

Конференция научно-технических работников в Басре в 1965 году рассматривается историками как кардинальная дата в становлении Современного государства. Ее организовал Транспортный союз, который начинался как свободная ассоциация выживших сотрудников технического персонала по обслуживанию самолетов и морских судов. Цель: взаимная помощь и защита. Далекое не все идеи конференции были сформулированы в полном объеме; некоторые из них еще набирали силу и определенность после ее завершения. Тем не менее, эта конференция впервые позволила составить план общего человеческого мировоззрения и создать организацию, способную его осуществить. Это ознаменовало переход от размышлений к действиям.

Идея использования воздушного транспорта в качестве объединяющей и направляющей силы для нового синтеза цивилизации являлась старой и давно знакомой. Во всяком случае, в головах она обитала не менее тридцати лет. К слову, популярный роман «Человеческая смертность», опубликованный в 1933 году (английский романист Майкл Арлен, 1895-1990)¹ представляет собой забавную фантазию о мире, где доминирует синдикат воздушного транспорта. Эту книгу до сих пор читают с

большим интересом. Она наглядно демонстрирует ограниченность образованного воображения в то время. Вера в изобретательские способности, напротив, оставалась безграничной. Воздушные бои на предельных скоростях даже сегодня кажутся абсурдно преувеличенными. С другой стороны, раздутая купля-продажа акций, выросшая за полтора века, изображается как сфера, которая не подвергается изменениям. Диктаторы воздушного мира нечестно играют на бирже, «проигрываются в пух и прах» и спасаются бегством; то есть ведут себя, как политики старой формации и мелкие мошенники, а не властители воздушных масс. В мире невероятных химических веществ, энергоносителей и скоростей сохранилась фондовая биржа. А еще — Державы и Внешняя политика! Ничто не могло лучше проиллюстрировать человеческую неспособность того времени осознать экономические и политические изменения, которые уже тогда фактически обрушились на людей со всей своей несокрушимой мощью. По какой-то неясной причине умственный и моральный прогресс и институциональные изобретения казались абсолютно невозможными.

Недавно для аспирантов-историков переизданы лондонские *«Essential News»*. Четвертый выпуск (от 4 февраля 1933 года) содержит краткое изложение мыслей того времени о мировом контроле за воздушным движением. В выпуске приводится полная схема «Международного» контроля авиаторов, разработанная небольшой французской группой по предложению М. Анри де Жуванала и под председательством М. Пьера Дени. Предлагалось объединению *«Aeronautique Internationale»* придать статус космополитической компании воздушного транспорта. Связанные с хиреющей Лигой Наций «Военно-воздушные силы взаимной помощи» должны были взять на себя контроль над атмосферой. Эти предложения являлись настолько утопичными и невыполнимыми перед лицом системы суверенных государств, что сегодня они кажутся неискренними. Только тридцать лет спустя, после всеобщего самоубийства независимых европейских держав, собравшиеся в Басре технические специалисты смогли оживить широкую концепцию этого начинания.

Первая конференция в Басре отличалась от своих предшественников сначала своей универсальностью, а затем чрезвычайно смелыми и всеобъемлющими предложениями о совместных действиях. По сути, если не по форме, речь шла о проекте Современного мирового государства. Впервые помимо европейских представителей в значительном количестве присутствовали американские, китайские, японские и российские технические специалисты. Более того, испытывая в себе невиданную силу,

¹ Майкл Арлен (1895-1956), английский писатель армянского происхождения (Тигран Гуюмджян) (*Прим. переводчика*)

они неожиданно объединились и перестали зависеть от своих

национальных политических надзирателей. Вновь заявила о себе в мировых делах Новая Зеландия. Прилетели даже два представителя (школьные учителя, которые одновременно являлись достаточно компетентными специалистами в области социальной психологии) из Исландии, которая на пять лет фактически оказалась отрезанной от внешнего мира. Достаточно сравнить повестку дня этой и предыдущих ассамблей, чтобы сразу ощутить гигантский шаг вперед по масштабу и смелости научно-технической мысли.

Фактически речь шла о собрании молодежи. По оценке Амена Рихани, средний возраст участников составлял около тридцати трех лет. Присутствовали пять или шесть женщин. Еще одной важной особенностью стало широкое использование простого и удобного языка авиаторов — базового английского. Даже присутствующие носители английского языка делали все возможное, чтобы их речи не выходили за рамки гениальной идиомы.

На вершине по-прежнему оставался Общий транспорт. Как уже отмечалось, организатором собрания стал Транспортный союз, первоначально чисто деловой орган, но вдохновителем являлось движение Современного государства, и присутствовали специалисты в области медицины, образования, сельского хозяйства и всех видов промышленного производства. Развернулись многочисленные дискуссии о содержании мировых маршрутов и о связанных с ними административных задачах. Ничто не может преподнести более яркого представления о заброшенном состоянии мира в то время, чем смелость, с какой Контроль взялся за дело и подтолкнул свою деятельность к новым областям. Например, было решено, что все существующие аэродромы и осветительные ориентиры должны находиться непосредственно под его управлением. О приобретении за оплату не могло быть и речи; он просто взял. Каждый самолет в мире следовало зарегистрировать и присвоить ему отличительный номер; соответственно Контроль принимал оплату общего тарифного и регистрационного сбора. Оба, разумеется, являлись обязательными к исполнению. Незарегистрированные дирижабли и самолеты предлагалось рассматривать как пиратские. Им следовало запретить пользоваться аэродромами и заправочными станциями. Более того, незарегистрированных надлежало «изгонять из воздуха». Этим, по идее, должна была заниматься «воздушная полиция», которую планировал организовать Контроль. Аэродромы и прилегающие к ним районы, укрывающие непокорных, подлежали бойкоту.

Такие серьезные рекомендации не принимались без обсуждения, но какого-то особенного протеста почти не последовало, хотя, с точки зрения старшего поколения, они, несомненно, являлись незаконной узурпацией власти. Наибольшее сопротивление оказали политические члены русского контингента. Другое противодействие возникло не со

стороны авиаторов, инженеров, химиков, биологов или людей подобного типа, а со стороны социологов и экономистов менее передовых школ.

Основное возражение приняло форму вопроса:

— А что на это скажут правительства?

Что касается жителей Запада и китайцев, то они попросту проигнорировали возможность политического вмешательства.

— Ждите, пока они что-нибудь родят, — весело ответили они.

Но Советская Россия и Советская Япония были в то время гораздо более политизированными, чем остальной мир, и, по крайней мере, на этом собрании присутствовали как политики, так и люди науки. Длинную речь с угрозами дальнейших неприятностей произнес комиссар Владимир Пешков¹, осудив планируемый Контроль как коварную попытку восстановить в мире доверие к капитализму; при том, что сама его психология оставалась, по сути, и буржуазной, и капиталистической.

— Москва никогда не согласится, — решительно заявил он, — с движением самолетов Контроля над обширными советскими территориями и не допустит эксплуатацию российских нефти и других полезных ископаемых какой-либо сторонней организацией.

— И как Москва этому воспрепятствует? — выкрикнул русский летчик и авиаконструктор Иван Энгхарт². — Не этот ли национализм должен положить конец Третьему Интернационалу?

Пешков ответил по-русски, брызнув слюной от негодования:

— В Москве поговорим.

— Я не планирую туда возвращаться в ближайшее время, — гордо произнес Энгхарт. — Я — гражданин мира, и я вернусь в Россию в свое время и по-своему.

— Это — измена! И ты за нее ответишь! Можешь не сомневаться, Москва об этом позаботится.

— А когда она об этом узнает?

— Очень скоро.

Находясь всего в нескольких ярдах от Пешкова, Энгхарт покачал головой со скептической ухмылкой. Он говорил мягко, как человек, который много лет готовился к такому случаю.

— Ты прилетел сюда, товарищ Пешков, с моей эскадрильей. Как собираешься возвращаться?

¹ Герберт Уэллс и Максим Горький (настоящая фамилия — Пешков) были друзьями, хотя и любили одну женщину. Видимо, это обстоятельство и сыграло свою роль в том, какой фамилией автор наделил «зловредного» советского комиссара (*Прим. переводчика*).

² В несколько искаженной транскрипции фамилию «доблестного» русского летчика и авиаконструктора можно перевести как «английское сердце» (*Прим. переводчика*).

Комиссар огляделся и, не найдя поддержки среди участников собрания, не на шутку испугался.

Энглхарт выждал с минуту, а потом заверил собравшихся в том, что русские техники присоединятся к планируемому Контролю.

— Этот ваш призрачный пролетарий меркнет перед всеми другими империями и царствами, — сказал он политическим делегатам. — Мы только формируем новый мировой порядок, но, поверьте, он уже зародился!

Его речь стала ключом к большей части последующих дебатов.

Установление Контроля стало основой обсуждения, но не основой плана, которому предстояло охватить всю будущую организацию общества. Была сформулирована целая система структурных предложений. Центральный отдел занимался не только воздушной сетью, но и организацией всех видов связи. Маяки, морские указатели, каналы и гавани сильно пострадали как во время войны, так и во время экономического хаоса и упадка. Перестали работать метеослужбы. Все это нужно было восстанавливать. Временно пришлось отказаться от железнодорожного сообщения. В Басре железную дорогу похоронили навсегда. А дальше следовало реконструировать производство в сотне важнейших отраслей.

Чем больше читатель изучает повестку дня, тем больше на него производит впечатление мягкость официального названия собрания: «Конференция по научным и коммерческим коммуникациям и связанным с ними вопросам». Ясно, что организаторы продвигались в реорганизации мира настолько, насколько это возможно, не вызывая острого вмешательства со стороны умирающих политических организаций прошлого. При бесстрашии проектов язык оставался сдержанным. Комитет экспертов подготовил блестящий обзор планетарных природных ресурсов, включая таковые в параноидальной России. Конференция без колебаний приступила к решению проблем возобновления добычи в целом, невзирая на претензии касательно нарушения права на собственность, а таковые, безусловно, могли возникнуть и помешать реализации восхитительных планов. Все провокации моментально пресекались. Контроль над морскими и воздушными путями означал захват всех заброшенных портов, аэродромов, угольных шахт, нефтяных скважин и электростанций. Те из них, где еще сохранялась та или иная жизнеспособность, следовало поглотить либо путем убеждения, либо путем давления. Иными словами, в добровольно-принудительном порядке. Солидарность с квалифицированными работниками на отжимаемых предприятиях была абсолютной! Невозможно себе представить, чтобы она проявилась всего тридцатью годами ранее. Из умов нового поколения техников полностью выветрились всякие думы о финансовых авантюрах. Теперь эти люди

хотели «снова налаживать отношения». Идею личного обогащения поглотила всеобщая убежденность, что их класс должен либо работать вместе и покорять мир, либо его покинуть.

Таким образом, со скромным видом логической необходимости побуждения, а не управления, Конференция распространила свое планирование далеко за пределы материала и механизма для мирового взаимодействия.

Но что именно представлял собой реконструированный транспорт? Как это подкармливать — и за что платить? Вокруг аэродромов простирались регионы, где крестьяне возвращались к первобытному земледелию, что фактически являлось фундаментом для всех варварских цивилизаций прошлого. Вопрос о крестьянской экспроприации и модернизации сельскохозяйственного производства поднялся в Басре в довольно щекотливый момент. Дело заключалось в том, что еще совсем недавно подобного рода действия со стороны Ленина и Сталина в коммунистической России потерпели полное фиаско. Участники Конференции четко осознавали, что на одной планете нет места и летчику, и вечно голодному крестьянину, который обречен бесконечно трудиться, не вылезая из долгов. Кому-то из них предстояло исчезнуть, и основной целью Конференции стало сделать мир безопасным для первого. Исчезновение последнего стало не желанной целью, а закономерным и необходимым следствием. За исчезновением этой формы земледельца потянулся распад связанных с ним устаревших институтов.

Таким образом, техники в Басре формировали систему отношений, которую в XIX веке называли бы социалистической. Она и была настолько социалистической, что вопрос о социализме даже не поднимался. Сомнительно, что это слово тогда широко использовалось. Считалось само собой разумеющимся, что Контроль станет фактическим владельцем и эксплуататором всех самолетов, маршрутов, промышленных поселков, заводов, шахт и полей.

Возможность приобретения фабрики или шахты новым Фордом или новым Рокфеллером казалась столь же противоестественной, как попытка украсть океан или воздух. Вода, почва и небо предназначены для общего блага; значит, и промышленные предприятия должны служить общему благу.

Следует помнить, что все техники, почти без исключения, являлись людьми с наемным типом мышления. Они родились и воспитывались в традициях, согласно которым деньги представляли собой элемент второстепенного значения. С самого начала механической эпохи ученые, технические эксперты, изобретатели и первооткрыватели, мастера, менеджеры и организаторы, по сути, принадлежали к салиариату¹. Некоторые из них занимались финансами и разбогатели, но таковые являлись исключениями. До Мировой войны таких людей привычно

воспринимали, как жадных и азартных, могущественных и богатых, как неизбежное зло. Теперь же они стали явно совершенно ненужным злом, и без малейшей мстительности или враждебности были составлены планы обойтись без них и предотвратить их возвращение. Конференция в Басре с тем же успехом могла бы рассмотреть вопрос о возвращении министерств иностранных дел, королей или какого-нибудь божества.

Вместе с тем следовало решить, как распределять мировое богатство. В данном вопросе исключительную активность проявляли американцы. Окончательное решение должно было сочетаться с личными свободами и творческими инициативами. Его озаглавили как «Раздел о заработной плате, расходах и снабжении».

По-видимому, установилось полное согласие с тем, что единственный способ совместить служение с личной свободой — это использовать деньги. Без них неизбежно появится диктат потребления и диктат рабочему, что ему делать. Ему будут постоянно указывать, что «для него хорошо». Деньги обобщали притязания рабочего, как работника, и притязания гражданина, как акционера общественного блага, удовольствия, удобства и свободы. С деньгами вы покупаете то или это, идете туда или сюда и делаете все, что вам заблагорассудится. Но тут таилась и опасность. Дважды в истории деньги подводили человечество. Выстроенный на деньгах порядок терпел крах. Хотелось думать, что на этот раз оно усвоило урок. Требовалось изобрести новые деньги, надежные и защищенные от подлых негодяев. Вот как много всего закладывалось в «Раздел о заработной плате, расходах и снабжении».

В этом разделе денежный вопрос затрагивался в областях, которые еще тридцать лет назад казались неимоверно далекими от сферы его охвата. В двадцатые и тридцатые годы XX века, а также во время военных беспорядков сороковых годов разворачивалось множество дискуссий о роли денег. Люди осознали связанные с ними опасности и с энергией, порожденной ощущением кризиса, взялись за развитие и изобретение новых методов, которые должны были предотвратить грубое накопление собственности, коварные манипуляции с кредитом, обнищание рабочих и удушение предприятий; то есть все то, что и привело к краху второй денежной цивилизации. Постепенно стало понятно, что жизнеспособную денежную теорию можно создать только в рамках полноценной теории социальной организации. Прежде чем ставить перед собой конкретную задачу, Конференция ее тщательно упростила.

Взаимозависимость денежной теории и теории собственности и социальной структуры, о чем наши предки едва ли подозревали, теперь получила всеобщее признание. На Конференции присутствовал

¹ **Салариат** — средний класс, обеспеченный стабильной полной занятостью и заработной платой (*Прим. переводчика*).

значительный контингент молодых юристов. Предыдущее поколение безмерно поразилось бы, обнаружив их среди технологов и ученых. В ходе очень содержательных дебатов именно юристы сбили с идеи собственности вековую пыль. Мы уже упоминали об удивлении Николсона по поводу нового типа юридических школ, которые он обнаружил в Америке. В Басре продукты этих образовательных учреждений были очень заметны вместе с несколькими старшими учителями из Лондонской школы экономики, которая процветала до Великого оползня 1968 года. Эти новые юристы с фундаментально научным складом ума оказались удивительно непохожи на своих профессиональных предшественников — упрямых и хитрых старых грешников, которые сыграли немалую роль в экономическом удушении Соединенных Штатов и тем самым похоронили надежды отцов-основателей. Новое поколение отказалось от гнусного притворства, будто закон обязан защищать частную собственность, взыскивать долги и поддерживать видимость равенства между людьми. Оно знало, что справедливость без уравнивания статуса и возможностей не может быть ничем иным, как симуляцией. Идеи нового поколения юристов уже полностью основывались на нашей нынешней концепции права как регулирующей системы в сети отношений между обществом и подчиненными ему корпорациями, а также отдельными лицами. Молодые юристы нового типа с презрением относились к любым требованиям, контрактам, правилам и прецедентам, которые препятствовали свободному расширению человеческого благосостояния. В тесном контакте с новыми экономистами и общественными психологами вдохновленные самым смелым политическим конструктивизмом передовые знатоки обновленного закона представляли собой совершенно замечательный конгломерат.

Именно этим людям на Конференции в Басре мы обязаны твердым убеждением, что в современном обществе не может быть никакой частной собственности ни на что, кроме личных вещей и денег. Это было настолько очевидно, что даже не обсуждалось. Отныне дома и земли могли сдаваться в аренду на короткий срок, приветствовалось пожизненное владение. Все другие материальные ценности, как полагали молодые юристы, неотчуждаемо принадлежат мировому содружеству — как узуфрукт¹, при котором каждый человек напрямую является акционером. Таким образом, смысл денег сводился к чеку на потребляемые товары и услуги. Его выдавали отдельному лицу, в случае несовершеннолетних и нетрудоспособных, опекуну, либо как часть наследства, либо как заработную плату при нахождении индивидуума на общей службе. Миру предстояло возродиться без ростовщичества и финансовых спекуляций.

Мировая финансовая система в то время находилась в состоянии

¹ **Узуфрукт** (лат. *usus* — использование, лат. *fructus* — доход) — вещное право пользования чужим имуществом с правом присвоения доходов от него, но с условием сохранения его целостности, ценности и хозяйственного назначения. Пользователь в таком случае именуется узуфруктуарием, а право пользования — правом узуфруктуария. Предметом узуфрукта могут быть вещи, использование которых возможно без их уничтожения, например, земельные участки, животные и. в классическом римском праве, рабы; денежный капитал не может быть предметом узуфрукта. Устанавливается пожизненно, на определённый срок, или с каким-либо условием, при выполнении которого право узуфруктуария прекращается. (*Прим, редактора*).

настолько выраженного хаоса, что не имела никакой возможности сопротивляться новым идеям. Едва ли не в каждом районе действовала своя собственная, очень произвольная и примитивная система жетонов и чеков. Но коммуникации потихоньку возрождались, и Басра усилила популярность того, что стало называться «воздушным долларом». О металлической монете речь в данном случае не заходила вовсе. Это была своего рода ценная бумага с запечатленными на ней расстоянием, весом, объемом и скоростью. Иными словами, килограммы накладывались на расстояние, а километры — на темп. Таким образом, один кубический метр весом десять килограммов, преодолевший двести километров со скоростью сто километров в час, стоил один воздушный доллар.

То есть это уже была единица энергии, а не вещества, принятого по стандартам старого света. Это совершенно определенно свидетельствовало о том, что старые статистические представления об ограниченных ресурсах уступают место постоянному расширению. Воздушный доллар стал единицей энергии с транспортной точки зрения, и его превращение в энергетический доллар нашей нынешней повседневной жизни четко очертили эксперты в Басре, хотя фактическое изменение произошло только десять лет спустя.

Это простое, хотя и недостаточно сформулированное, намерение Воздушного и Морского Контроля завладеть всеми доступными мировыми энергетическими источниками позволяло в последующем заявить о своих активах и начать управлять человечеством, основываясь на доверительных отношениях. Если бы угроза Пешкова материализовалась и российская советская система (или любая другая группа собственников) смогла бы сохранить контроль над своими территориальными богатствами, энергетический доллар обеспечил бы справедливую и равноправную среду для любой торговли, необходимой между администрациями.¹

Планирование новой политической, промышленной и валютной мировой схемы все еще не в полной мере отражало достижения Первой конференции в Басре. Существовал также сильный и энергичный образовательный Отдел (Отдел обучения и рекламы), работавший в тесном контакте с техническими специалистами и социальными

¹ В 30-е годы XX века советские геолого-разведывательные службы начали сообщать о потенциально гигантских нефтяных месторождениях в Сибири, и в это же самое время нефть впервые обнаружили в Аравии. Тогда же в мире потихоньку заговорили о том, что сибирская нефть вкупе с кавказской и ближневосточной при условии сосредоточения ее в одних руках сделает владельца бесспорным мировым властелином. Аравийский полуостров в то время официально не входил в состав Британской империи, но во всем мире считался британской колонией де-факто (*Прим. переводчика*).

психологами. Он не только строил планы по координации деятельности сохранившихся в мире колледжей и технических школ и по возрождению прекративших свое существование, но и поставил перед собой задачу пропагандировать идею Современного государства, которая сегодня является базовым содержанием нашего фундаментального образования. Базовый английский закладывал основы мирового языка. Везде, где распространялось влияние Воздушного и Морского Контроля, появлялись новая пропаганда, новая пресса и новые общеобразовательные школы. Не может быть никаких сомнений, что большинство учителей в Басре уже совершенно ясно видели перед собой мировой ментальный и социальный порядок, в котором мы живем и поныне. Они знали, что делали. Они вернулись с конференции, наполненные бодростью и уверенностью, чтобы целиком броситься в объятия потрясающего и возвышающего приключения, ожидающего впереди, к пробуждению из дня в день идеи за идеей о новой цивилизации среди удручающих и неряшливых, но все еще не разложившихся обломков старой.

После завершения конференции по планете принялись расплзаться две новые реальности. Надо сказать, что человечество не сразу распознало их появление. Одной из них стало формирование Центрального органа, которым стал Воздушный и Морской Контроль. Проведя консолидацию Транспортного союза, он связал и остальные управленческие органы и отделы, а также оставил свои постоянные представительства в Басре. Другой реальностью обернулась Полиция воздушных и морских путей сообщения; поначалу довольно скромная организация, которая насчитывала около трех тысяч самолетов, несколько гидросамолетов, сотню патрульных кораблей и порядка двадцати пяти тысяч человек в качестве персонала. Насколько можно судить по стандартам как предыдущих, так и последующих времен, это было совсем небольшое войско, но на тот период оно, безусловно, являлось самой мощной вооруженной силой в мире.¹

¹ В XVI веке Месопотамия (ныне Ирак) вошла в состав Османской империи. В ноябре 1914 года англичане заняли Басру, в марте 1917-го — Багдад, а в 1921-ом Лига Наций выдала Великобритании десятилетний мандат на территорию Месопотамии. В 1932 году Ирак объявил о своей независимости, но по факту реальная власть оставалась за англичанами. Английские военные базы в Ираке были ликвидированы в 1961 году, что, по сути, явилось последним гвоздем в крышку гроба Британской империи. Таким образом, складывается впечатление, что под Современным мировым государством Уэллс просто-напросто подразумевал несколько переформатированную Британскую мировую империю с особыми людьми во главе (*Прим. переводчика*).

Глава 6

КАК РОСЛО СОПРОТИВЛЕНИЕ КОНТРОЛЮ НА МОРСКИХ И ВОЗДУШНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

В течение десяти лет Воздушный и Морской Контроль имел возможность расти и расширять свое влияние, не провоцируя каких-либо серьезных конфликтов. Легкий ветерок между российской политической властью и международными техниками не перерос в шторм; более того, он вовсе затих. Россия наконец- таки принялась учиться мудрости и слабела в своей решимости подчинить современный научный тип человека старомодному демагогическому сопернику. Эта страна очень сильно пострадала от просчетов и судорожного руководства своих партийных руководителей. Отстав в техническом плане, она воспитала мало авиаторов. В конце концов, морально устаревшая советская диктатура отшатнулась от борьбы с передовыми научными специалистами. Следует отметить, что несмотря на тотальную слежку за гражданами, российские авиаторы, инженеры и ученые уже переметнулись к Современному государству, оставив за бортом истории Диктатуру пролетариата. Правители в Москве начали это понимать.

Таким образом, Воздушный и Морской Контроль, поддерживаемый множеством ядер по схеме Де Виндта, подобно тому, как это в свое

время пыталась делать, правда, с гораздо меньшим успехом, Коммунистическая партия, появился и распространил свою постоянно растущую сеть по всей планете, не прибегая к активной борьбе. Тем не менее, далеко не все понимали его революционную природу, несмотря на блестящую работу пропагандистов. Да, Контроль быстро разрастался, но, как гласит эстонская пословица: «Нужно родиться, чтобы начались неприятности».

Восстановление благосостояния людей между 1965 и 1975 годами шло быстрыми темпами. И развивалось оно бок о бок с расширением транспортной системы. К 1970 году Транспортный Контроль, возглавлявший дочерние компании главного Воздушного и Морского Контроля, управлял службами по всему миру, где одновременно находилось до 25 000 самолетов. Он владел верфями Ньюкасла, Белфаста, Гамбурга и ряда других прибрежных районов и строил из стали десятки грузовых судов, а также возводил систему скоростных дорог, используя старые железнодорожные ветки. Поднимались гидроэлектростанции, заменяя ручную добычу угля с химической обработкой каменноугольных пластов. Вскоре появился Поставочный Контроль, который со временем стал более крупной организацией, чем материнская. Это было связано с производством и закупкой железа и стали, резины, металлов, хлопка, шерсти и материалов растительного происхождения, а также с восстановлением массового выпуска одежды всех видов, электрических материалов, механизмов и огромного разнообразия химических веществ. Все это простаивало и бездействовало более двадцати лет.

В рамках Поставочного Контроля функционировал Продовольственный Контроль, который не только занимался обменом разных видов продуктов питания, но и следил, чтобы не было избытков в одних областях мира при дефиците в других. К 1970 году в вышеуказанных структурах работало около двух миллионов человек. Заработная плата выплачивалась в энергетических долларах. За эту валюту оплачивался транспорт, жилье и все имеющиеся в наличии товары. Ценообразованием занимался Контроль.

А кому же принадлежала собственность Контроля? Ею наделялось Современное государственное Братство, состоявшее из четверти миллиона Собратьев. Техническая эффективность этих людей специально поднималась до определенного уровня. Они подчинялись Общественным дисциплинам и получали официальную заработную плату примерно на 200 процентов выше средней. Точнее, четверть из общего числа сотрудников приходилась на претендентов, стремящихся стать Собратьями; постепенно пропорция между Собратьями и претендентами по количеству неизменно смещалась в сторону последних. Так Братство создало организацию, которую ему предстояло хранить на протяжении столетия. Собратья разделялись по факультетам для технических целей;

голосовали за кандидатов в Центральный совет Братства, который изначально заседал в Басре и примыкал к центральным офисам трех органов Контроля. Отношение Братства к органам Контроля мало чем отличалось от отношения Коммунистической партии к Московскому правительству в первые дни Советской системы; то есть это была сопутствующая деятельность одних и тех же людей.

Именно само Братство, в первую очередь, направляло образовательную деятельность движения Современного государства. Везде, где появлялись собственные «ядра», либо сотрудники органов Контроля, обеспечивалось начальное образование по новому образцу, которое подразумевало очень четкое понимание истории и целей современной государственной идеи, и везде, где имелись собственные заводы и фабрики и достаточное количество студентов, Братство основывало и оснащало научные и технические школы, где изучались психология, групповая психология, медицина и административное управление. Постепенно специальный Отдел обучения и воспитания, работая в рамках Воздушного и Морского Контроля, перерос в отдельный Образовательный Контроль. Но его деятельность никогда не отличалась от устремлений Современного государственного Братства. Все организации Контроля действовали в полном соответствии с общей идеей и не противоречили друг другу. Всю эту мировую систему можно представить как огромного делового осьминога; Воздушный и Морской Контроль — голова, другие органы Контроля — щупальца. Учетно-отчетная документация сосредоточилась в Басре, а затем стали быстро развиваться вспомогательные учетные и статистические бюро. Бок о бок росли исследовательские центры. Так, например, к 1970 году Всемирная метеорологическая служба намного опередила все, что когда-либо существовало раньше.

Восстановление коммуникаций приводило к эффектам, выходящим далеко за рамки Братства и возможностей применения соответствующих средств Контроля. Прилив жизненной силы человеческой жизни уже достиг своего максимума, и теперь повсюду началось восстановление активности. Новое движение в разрушенных городах, новое оживление в сельской местности, да и вообще пробуждение инициативы, начинали противостоять быстро растущей связи Современного государства с вызовами, трудностями и угрозами, которые быстро выросли до огромных масштабов.

Не представляло большой сложности распространить по планете-банкроту новую систему воздушно-морского сообщения и торговли. Мир слишком истощили война, голод, нищета и эпидемии, чтобы у него оставались силы поддерживать крупные и агрессивные политические организации. Это была проблема совершенно иного толка, даже с распространением «ядер», новых школ и пропаганды, для контроля и ассимиляции населения, которое теперь, больше не живя в нужде и

неуверенности, начало чувствовать свежую силу и новую энергию желания.

Давайте рассмотрим ситуацию в мире в 1975 году. Транспортный Контроль узурпировал монополию воздушного и морского сообщения, а также монополизировал использование новых широкополосных дорог. Это давало практическое право собственности на торговлю основными продуктами во всем мире. После выплаты фиксированной ставки работникам, Транспортный Контроль забирал себе все излишки выпущенной продукции и тем самым укреплял свою власть над мировой экономикой. К 1975 году Современное государственное Братство насчитывало чуть более миллиона Собратьев. Оно нанимало и обучало два миллиона кандидатов, а потом еще три миллиона. В новых специализированных школах Современного государственного Братства училось от семи до восьми миллионов детей. Мы можем отметить, что все они были не только хорошо обучены физическим наукам и биологии, но и изучали мировую историю и таким образом приобретали мировоззрение вместо ограниченных взглядов, какие обычно формировали искаженное политическое воображение. А еще учеников в этих школах обучали базовому английскому, как международному языку. За десять замечательных лет Транспортный Контроль превзошел все предшествовавшие тресты и органы управления. Он создал мировую валюту, но все еще был далек от того, чтобы «владеть землей». Его собственная продукция не превышала и восьмой части всех внешних товаров, которые он продавал и покупал. Производил в основном топливо и механизмы, занимался добычей металлов, а покупал продукты питания, древесину, растительные масла и резину. Сотни миллионов людей все еще существовали самостоятельно, полностью выходя из схемы Контроля. Но он с ними торговал. Другие сотни миллионов быстро развивались, восстанавливая сопутствующую производительность.

Как это ни парадоксально, главные трудности движения Современного государства проистекали из собственного быстрого успеха. Оно вызывало к существованию массу внешнего процветания, намного превосходящую способность к ассимиляции. Пропагандисты, учителя и компетентные торговые агенты создаются не за один день. Лояльность и полное понимание достигались туго, напряжение на этом пути стало ощущаться как раз где-то к 1970 году. В 1972 году вышло распоряжение о «проверке квалификации», принимались новые правила исключения из организации некомпетентных Собратьев. Контрольный персонал приходилось постоянно расширять, но запас людей с необходимым характером, знаниями групповой психологии и пониманием конструктивной теории оставался довольно ограниченным.

Становящийся ведущим духом Всемирного совета Федор Галланд в 1973 году сказал:

«Давайте служить! Давайте не будем разделяться на фракции, а, наоборот, объединимся. Мы не можем позволить себе ссориться. Мы не должны мешать друг другу и растрачивать друг друга впустую. Пока мы сделали не больше, чем только начали. Не забывайте, как Сталин задушил Россию. Вспомните прекрасные главы Де Виндта, направленные против духа оппозиции. Борьба за Современное государство только началась!»

Здесь мы имеем самое четкое указание на то, что штаммы роста уже проявились в структуре все еще инфантильного Современного государства.

Движение столкнулось с трудностями в поддержании внутреннего единодушия, но за его пределами не существовало единой общемировой структуры, которая могла бы сконцентрировать антагонизм. Старая международная банковская система умерла и исчезла, а новый порядок выпустил свои новые деньги и располагал свободой создавать вещи и доминировать над их финансовой организацией. Все старые интересы, связанные с вооружением, были мертвы и похоронены. О старой национальной системе печати вообще уже успели позабыть. Это тем более удивительно, что до 1940 года последний аспект социальной жизни являлся основным средством коллективной мысли и мнения. Сегодня экземпляр газеты, выпущенный между 1890 и 1970 годами является редкой и драгоценной вещью, которую необходимо защищать от порчи в воздухонепроницаемой обертке. Центральное правление контролировало основную часть поставок бумаги, а также быстрое восстановление системы телеграфной, телефонной и воздушной связи.

Соппротивление и антагонизм, с которыми приходилось сталкиваться, как внутри организации, так и за ее пределами, были мощными и разнообразными, как по форме, так и по содержанию. Однако разнообразные опасности никогда не объединялись в одну, не достигали одновременного максимума и не приводили к наивысшему кризису. Да, в какой-то степени Современное государство оставалось уязвимым. Его удавалось придержать или даже остановить на какое-то время. Но поскольку оно сосредоточило в своих руках торговлю, деньги и постоянно расширяющиеся эффективные общеобразовательные школы, время всегда работало на него.

— Если не сегодня, так завтра, — объявил Эрдэн Эссенден.

— Лучше сегодня, — добавил Федор Галланд.

Скорость, с которой Транспортный Контроль 1965 года расширился до Современного государственного осьминога 1975 года, обусловлена трудностями набора персонала, способного шагать в ногу с поставленными задачами. Еще не успели умереть старый порядок, старые идеи, старые методы и привычка им следовать. Ослабленный и ослепленный, старый мир пошатнулся под грузом глупых ошибок и упал в тридцатых и сороковых годах, а в пятидесятых пролежал в коме. В

шестидесятых создавался новый мир. Но мозги у тех, кто был старше сорока лет, оставались прежними; и эти люди в прежнем режиме воспитывали своих детей. Тем самым возрождение жизненной силы в семидесятые тесно переплеталось с перестройкой. Старые мысли, обычаи и привычки возвращались, но обнаруживали, что их дома заняты другими жильцами; пусть и тоже несовершенными, но уже по-новому сформированными.

Давайте рассмотрим, какую форму приняла оппозиция и какие более серьезные пережитки старого порядка — точнее, старого «положения дел», а не порядка — все еще активно существовали около 1975 года. Тогда у нас появится ключ к истории следующих семидесяти пяти лет.

Перед Воздушным и Морским Контролем стояла задача привести весь мир к собственному образцу. Широко раскинутыми щупальцами осьминог стремился охватить миллиарды человеческих существ и передать им природу, концепции и методы взаимного служения. Но вся эта людская масса все еще находилась под воздействием инерции тысяч предыдущих поколений. Моровиц подсчитал, что в 1976 году около шестидесяти процентов этой массы жило за счет сезонной обработки почвы, и что две трети, проживая в умеренной зоне, производили продукты в основном для собственного потребления, а не для торговли. Он считает это рецидивом положения дел в 1910-1920 годах. Упразднение крестьянства продолжалось более века. Крупномасштабное производство с обильным использованием машин настолько увеличило выпуск продукции на душу населения, что высвободило (если это можно назвать освобождением) растущую долю рабочих рук для промышленного труда и безработицы. Но этот процесс обратился вспять после 1940 года. Рабочие вернулись к обработке земли и жили очень несчастливо.

Уничтожение самодостаточного крестьянина являлось сознательной целью Ленина и Сталина в России. Земледелец с возрастающей легкостью должен был производить основные продукты питания в количестве, намного превосходящем его собственные потребности, и получать за избыток растущие в своем разнообразии помощь, комфорт и удобства. Миллионы земледельцев в 1910 году все, что выращивали, отправляли на рынок; они производили хлопок и многое другое, и были зависимы от продовольственного магазина, как и любой горожанин. Социальная катастрофа положила всему этому конец.

«В голодные пятидесятые, — сообщает Моровиц, — каждый искал пищу на собственном участке».

В шестидесятые годы обычным образом жизни во всем мире снова стало немедленное производство и потребление. Только под руководством и стимулированием Транспортного Контроля работники на земле начали восстанавливать уверенность и мужество, необходимые для

животноводства и сбора урожая исключительно на продажу.

Цель Современного государственного Братства состояла в том, чтобы стать земледельцем планетарного масштаба и либо непосредственно заниматься добычей полезных ископаемых, лесозаготовками, выпасом скота и обработкой почвы, либо поручить выполнение этих задач ответственным арендаторам или группам и ассоциациям арендаторов под его общим контролем. Но в начале славных дел оно не располагало ни персоналом, ни полномочиями для проведения столь фундаментальной человеческой реконструкции. Относительный провал двух пятилетних планов в России являлся полезным предупреждением против экстравагантных предложений.

Современное государство исходило из старой поговорки, что «не следует откусывать больше, чем сможешь прожевать». Главными миссионерами стали торговцы. В таком же объеме подготовки, как школьные учителя и пропагандисты, они не нуждались, поэтому их запускали в большем количестве. Они стали предлагать заключать взаимовыгодные контракты производителям продуктов питания, хлопководам, а также владельцам все еще функционировавших каучуковых заводов и угледобывающих шахт. Контроль делал все возможное, чтобы гарантировать сбыт продукции.

В XVI веке Месопотамия (ныне Ирак) вошла в состав Османской империи. В ноябре 1914 года англичане заняли Басру, в марте 1917-го — Багдад, а в 1921-ом Лига Наций выдала Великобритании десятилетний мандат на территорию Месопотамии. В 1932 году Ирак объявил о своей независимости, но по факту реальная власть оставалась за англичанами. Английские военные базы в Ираке были ликвидированы в 1961 году, что, по сути, явилось последним гвоздем в крышку гроба Британской империи. Таким образом, складывается впечатление, что под Современным мировым государством Уэллс просто-напросто подразумевал несколько переформатированную Британскую мировую империю с особенными людьми во главе. Поначалу Контроль мало интересовался правом собственности на товары, доставляемые на его склады. Он платил наличными и соблюдал условия контрактов, не делая различий между людьми, пока те доставляли товары и торговали честно. Ядра и школы в 1975 году оставались пропагандистскими образовательными учреждениями и почти не зависели от спонсоров — торговых, транспортных и промышленных организаций. Но это был только первый этап в начинании Современного государства. Следующему этапу предстояло стать куда более трудным.

Тот, кто изучает историю, должен всегда помнить о важности жизненных периодов в социальных и политических изменениях. Между 1935 и 1975 годами прошло всего сорок лет. Повсюду старые идейные системы все еще доминировали в людских мозгах и передавались

молодежи. Старый образ мышления, нравственные ценности и модели поведения люди припрятали подальше, как бриллианты и изысканную одежду в дни разбойничьих налетов и погромов. С избавлением от страха и возвращением самоуважения люди стали возвращаться к когда-то привычным атрибутам. В Голодные пятидесятые креативная схема Современного государства завоевала свое место в десятках тысяч умов с соответствующим научно-техническим образованием. Пропаганда становилась все более энергичной, но даже после Конференции в Басре 1965 года количество просветленных мозгов, которые, на законном основании, можно было бы назвать мозгами первых создателей Современного государства составляло, вероятно, менее двухсот тысяч штук.

Последующая пропаганда слишком ускорила, в результате чего на фоне увеличения количества ухудшилось качество новых членов. Общество нуждалось в услугах каждого мужчины или женщины, которых оно могло включить в Братство, но эта структура не хотела наплыва полуготовых приверженцев, беженцев от морального замешательства и амбициозных карьеристов. Каждая новая религия, каждая церковь, каждое организованное движение знали этот конфликт между желанием расширения и страхом размывания. С одной стороны, Современное государство напомнило о стремительных массовых обращениях в христианство и ислам, которые превратили эти великие религии в простую суеверную оболочку варварства, а с другой стороны, имелось совсем недавнее предупреждение Советской России, которую морально и интеллектуально стерилизовали вечная слежка, цензура и «чистки» ГПУ. Центральный мозг Современного государственного осьминога должен был направлять организационную систему между крайностями необдуманной восприимчивости и черной подозрительности. Это следовало делать стойко, незаметно и без промедления. Вначале Братство освободилось от традиционных слабостей и чувств, но позднее те стали возвращаться. Тем не менее, ведущие идеи в силу материального успеха и постоянно ясных формулировок распространялись за пределы ядер и организованного учения.

В экономической сфере, даже с самого начала, появились явные намеки на возрождение процветания, но случился ряд событий, которые Братство легко бы пресекло в зародыше при условии наличия необходимых ресурсов. Оно хотело взаимодействовать непосредственно с каждым производителем. Именно так обстоят дела сегодня. Как только появился новый спрос на хлопок, свинину, пшеницу, рис и тому подобное, появилось множество услужливых посредников между американскими и суданскими производителями хлопка. Фермеры и свинопасы собирали и обрабатывали продукцию для покупателей Контроля, а взамен распространяли товары Контроля в розницу. Бывшие

деловые люди выдвинулись из трущоб разрушающихся городов, из муниципальных учреждений, из собственных неохотно обрабатываемых земельных участков, из грязных убежищ хитрых банд, из мелких местных торговых заведений, полные чувства, что торговля возрождается. Они организовывали ссуды крестьянам, выдавали авансы материалами, давали проницательные советы и обращались к агентам Контроля за инструкциями.

Такого рода вмешательство не ограничивалось отдельными людьми, советами и обещаниями. Во многих частях света, в городах, округах и небольших штатах, где власть принадлежала городскому совету или Совету рабочих, мэру или лорду поместья, или где лежали заброшенными шахты и плантации, оживляющий покупательский ветер вызывал в людских умах неистовое желание получать прибыль. В 1969 году в Америке проводились праздники «Снова на работу» для «стимулирования местной деловой активности».

К 1975 году от Маньчжурии до Капской колонии¹ и от Ванкувера до Явы восстанавливалось старое положение дел. Крестьяне в долгах, работающие, чтобы выплачивать арендную плату, а также рыбаки, шахтеры, фабричные рабочие, сборщики долгов и охотники. Старая экономическая жизнь человечества восстанавливала силы. Всюду возвращались долговое рабство и арендная плата. Прибавочный продукт перехватывался в соответствии с проверенными временем схемами. Да и само по себе рабство вновь появлялось в плохо замаскированных формах.

При старом порядке всегда прослеживалась сильная тенденция использовать труд осужденных преступников. Принудительный труд казался настолько справедливым и разумным наказанием, что всякий раз, когда появлялась возможность использовать его с пользой, власти начинали множить преступления, за которые можно предъявить обвинение, и заставлять несчастных работать бесплатно. В «классическую» эпоху галеру приводили в движение заключенные, и они же работали в шахтах. В Позднем Средневековье средиземноморское судоходство зависело от судьбы, и, если нарушители закона не появлялись в достаточном количестве, их приходилось выискивать под надуманными предлогами. Из мрака пятидесятых и шестидесятых годов поднимались местные боссы, вожди и политические банды, которые подстрекали и подталкивали людей к производству товаров, пригодных для продажи. В отчете о контроле за поставками за 1976 год «Условия труда тех, кто поставяет нам товары» отмечалось существование каторжного труда в Северной и Южной Америке, на западном побережье Африки, в Советской России, Центральной Индии, Северном Китае, Японии, на Яве

¹ Капская колония — в реальности с 1961 года в составе ЮАР (*Прим. переводчика*).

и в других местах. Отмечалось, что во многих районах с целью обращения в рабство людей попросту похищают.

«Дешевизна человеческих существ, — говорилось в отчете, — снова препятствует эффективной организации механического производства. За пределами сферы нашего влияния находятся огромные людские массы с крайне низким уровнем жизни.

Постоянно неослабевающее нервное напряжение не позволяет им начать понимать дела Современного государства. Выходит так, что человек извлекает средства к существованию из собственной деградации. Снова возникает запутанный клубок эксплуататорских классов; предприниматели, оптовики, розничные торговцы, ростовщики (выдают в виде ссуд местные монеты и обменивают их на наши банкноты), политики, частные и корпоративные юристы, инвесторы и земледельцы. Все они имеют одну общую черту: ставят прибыль выше служения. Они будут отчаянно сопротивляться расширению нашей организации. Старый порядок возвращается с той же скоростью, с какой мы растем».

В отчете Транспортного Контроля за тот же год отмечалась еще одна система возникающих проблем. В данном случае атака на развитие Современного государства оказалась более прямой.

«Для того, чтобы сделать транспортные потоки более интенсивными, мы расширяем нашу дорожную сеть. Однако на этом пути нам приходится сталкиваться со значительными трудностями. С каждым днем нам все настойчивее говорят, что мир нам не принадлежит и мы не можем поступать с ним так, как нам нравится. Повсюду появляются заявители, возрождающиеся корпорации, местные власти или частные лица, которые заявляют о своей собственности на землю и требуют от нас арендную плату или денежную компенсацию. Иногда нашей организации удается поглотить местную власть или достичь с ней соглашения, что та будет прокладывать и обслуживать маршрут в пределах своей предполагаемой юрисдикции, но в большинстве случаев нам просто мешают. Исследования наших социальных психологов показывают широко распространенное стремление к простому или замаскированному подкупу со стороны обструктивистов, хотя следует признать, что имеется множество подлинных случаев совершенно бескорыстной глупости. Далеко не все ясно осознают, что требуют взятки и прибегают к шантажу. Они одержимы старомодной идеей собственности. Почти все, что они воображают, может быть присвоено как «свое», и тогда у человека появляется абсолютное право делать со своим «своим» все, что ему нравится, отказывать в использовании для общего блага, уничтожать, сдавать в аренду или удерживать, объявляя непомерную цену.

Редко за этими препятствиями стоит искренняя поддержка своих сообществ. Все-таки следует признать, что пропаганда Современного

государства эффективна и приносит свои плоды. Мы готовим график определенных мероприятий. Варьироваться они будут по масштабам от единичного занудного судьи со старомодным умом через широкий спектр ассоциаций, городов и провинциальных советов, до оживших суверенных правительств военного периода. В немецкоязычной части Европы ожили две королевские семьи. Поговаривают, что это только начало. На различных наших маршрутах, особенно на дороге Бордо — Черное море, вновь появилось старое китайское притязание на «симпатию». Наши грузовики задерживают в Вентимилье, поскольку фашистское правительство в Риме установило «догану»¹. Поперек трассы установили барьер, и от имени итальянского короля требуют выплаты. Более того, даже отдельные французские и итальянские города стали требовать таможенных сборов.

Юридический комитет Современного государственного факультета социальной психологии рассматривает вопрос о новых препятствиях на пути к мировому возрождению и объединению, и в течение месяца он подготовит план действий. Эта попытка возродить собственническое удушение, которое положило конец старому порядку, вызывает раздражение и может перерасти в очень серьезное препятствие. Прежняя мировая система собственности и управления находилась в состоянии клинической смерти вплоть до 1960 года, и мы не намерены выкупать ее по ценам, превышающим цены на металлолом. Мы отрицаем абсолютно любые претензии на завышение цен и введение новых выплат, порой под совершенно надуманным предлогом. Мы восстанавливаем производство и торговлю, и не позволим глупцам все испортить».

¹ *Dogana* (итал.) — таможня (Прим. переводчика).

Глава 7

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АНТАГОНИЗМ К СОВРЕМЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ

Самые ранние известные истории — династические. Это не более чем списки верховных жрецов, царей, племен и их достижений. С Геродотом история стала политической. Экономические процессы стали проникать в историю только в XVIII веке, а их практическую значимость признали только после времен Карла Маркса. Еще позднее климатические, биологические и географические изменения принялись вплетаться в исторический гобелен. И только последние сто лет образованию, культурным влияниям и психологическим последовательностям, как правило, уделяется должное внимание в структуре человеческой драмы.

Самое трудное в нашем понимании прошлого — это осознать, даже в самой элементарной форме, психические состояния наших предков, которые обманчиво кажутся нам похожими на нас самих. У них были такие же тела, что и у нас, хотя и не столь хорошо тренированные. Наши предки относительно неплохо питались и обладали неплохим здоровьем. У них был такой же способный и сложный мозг, как у нас. Но только когда мы сравниваем их поведение с нашим, нам становится понятно, что, судя по содержанию и привычкам реагировать, те мозги как будто

принадлежали другому виду существ.

Мы с недоверием читаем о публичном сожжении религиозных еретиков, о пытках преступников для принуждения к признанию, об убийствах и надругательствах, об изнасилованиях, об охоте и издевательствах над животными ради «спортивного интереса», о тех, кто платил деньги за удовольствие бросать палки в привязанного петуха, пока тот не умирал, и трудно устоять перед убеждением, что наши предки были сумасшедшими. Большинство из нас, окажись мы в Лондоне во времена правления Генриха VIII ¹, испугались бы вусмерть, как если бы нас поместили в палату к буйным психам без присмотра санитаров. Но мозги у тех людей были не более больны, чем наши. Система ментальных привычек выстраивалась на иной основе; вот и вся разница.

Это были совершенно здравомыслящие люди, которые развязали Мировую войну, которые позволили частной капиталистической системе разбиться вдребезги, несмотря на неоднократные предупреждения, и которые были близки к уничтожению человечества. Если читателя отправить на сто семьдесят лет назад, он все равно ощущал бы сильное беспокойство в отношении того, что могут или не могут делать окружающие его люди. Тем не менее, подавив тревогу, он обнаружил бы, что они так же полностью удовлетворены здравомыслием собственных ментальных форм, как и он сам.

А впрочем, вскоре он обнаружил бы, что пытается приспособиться к этим ментальным формам. В конце концов он мог бы прийти к пониманию, что его вера и дела, которые достаточно неплохо выполняли свои функции в его собственное время, являются не более окончательными в схеме вещей, чем идеология, определяющая мотивы и поступки римского императора или шумерского раба.

Трудности в сравнении и понимании прошлых ментальных состояний с нашими собственными скорее возрастут, чем уменьшатся по мере приближения к настоящему, потому что различия становятся более тонкими и все больше переплетаются со знакомыми фразами и ценностями, которые мы готовы принять. Мы не можем подразумевать, что значения постоянно расширяются или уменьшаются. Полная безопасность, изобилие и живительная активность сегодняшнего дня в нашем мировом сообществе затрудняют понимание, как же это было возможно, что еще совсем недавно лучшие умы могли ставить под вопрос фундаментальные концепции нынешнего порядка. Даже в середине XX века идеи, кажущиеся нам естественными и необходимыми настолько, что мы не можем себе представить, чтобы их оспаривали, представлялись экстравагантными, невозможными и оскорбительными для мозгов,

¹ **Генрих VIII** (1491-1547) — английский король. Известен, прежде всего, своими многочисленными разводами и казнями собственных жен. (Прим. переводчика).

которые по своим основным характеристикам не уступали лучшим из ныне существующих.

В первой половине XX века подавляющее большинство мужчин и женщин совершенно не верили в Современное государство. Они его ненавидели, боялись и выступали против него, и сомнительно, что равновесие полностью восстановилось до начала XXI века. Современное государство построили относительно посредственные люди, на которых нужные идеи обрушились с непреодолимой силой. Как утверждал Х. Леви в своей книге «Вселенная науки» еще в 1932 году («Исторические документы», серия «Общие идеи», 192 301), наука — это «социальное предприятие», а не накопление индивидуальных триумфов. Как научная идея, так и идея человеческого сообщества являлись не индивидуальными, а социальными продуктами. И Современное государство одерживало верх, потому что его логика неуклонно побеждала не в этом или в том человеке, в частности, а в ощущении пригодности общего человеческого интеллекта.

Максвелл Браун в своих монументальных исследованиях роста идеи Современного государства сделал исчерпывающий обзор искусства и литературы начала XX века. В работах нескольких таких социологов, как Дж. А. Ходсон, Гарри Элмер Барнс, Джеймс Харви Робинсон, К. А. и Мэри Берд, Рэймонд Б. Фосдик и нескольких американских и английских журналистов, а также таких панических фантазиях, как «О, дивный новый мир!» Олдоса Хаксли утверждалось, что нет никакого смысла в огромных революционных изменениях, которые происходили в социальной структуре. Скажем, Бернард Шоу, хотя и считался писателем-революционером, никогда, за исключением своего нелепого «Назад к Мафусаилу», этого не предвидел. Основная масса его работ представляла собой остроумный и разрушительный комментарий к сложившемуся положению дел и заканчивалась заявлением о банкротстве, Слишком Правдивым, чтобы стать Хорошим. У него в высшей степени проявился оппозиционный ирландский менталитет.

Отчуждение литературы от движения Современного государства стало более заметным на протяжении двадцатых и тридцатых годов XIX века. По мере того, как реальность становилась насущной, по мере того, как война и банкротство обрушивались на общественную жизнь, литература, искусство и критика отступали в кабинеты и студии, в свою горькую и своеобразную Богемию; они приобретали неповторимый стиль и «редкость», блестящую и жестокую непристойность.

По словам Максвелла Брауна, это упадок литературы явился неизбежным выражением экономического упадка тридцатых и сороковых. Автор привел яркий контраст между двумя типами ума: один направлен на эстетику, другой — на науку.

«Эстетический творец», настаивал Браун, находится во власти

принятия; он пишет для ответа. Научный работник стремится к знаниям, и ему совершенно безразлично, нравятся или не нравятся людям те знания, которые он производит. Следовательно, эстетическая жизнь обусловлена временем, а наука обуславливает время.

Литература и искусство служат времени, либо униженно, либо агрессивно и претенциозно. Они отражают реальные настроения или размышляют о возможных настроениях в сообществе. Не надо писать книги, которые люди не станут читать и не надо рисовать картины, от которых они просто отвернутся. Недостаточно развитая психология не позволяла провести достойный научный анализ творческой работы. Критика, если она не являлась простым выплескиванием злобы, по сути, либо убеждала, либо запугивала, тем самым заставляя человека купить книгу или слушать музыку, какие нравились тому, кто критиковал. То есть речь шла о пристрастном и пропагандистском выступлении, а не о политической дискуссии.

В экспансивном периоде конца XIX века общая уверенность преуспевающих классов отражалась в большой, полной надежд и устремленной в будущее самодовольной литературе. Каждый критик видел себя сидящим у камина преуспевающим дядей, но в XX веке ощущение надвигающейся опасности беспокоило покровителей литературы и искусства и вынуждало накидывать какую-то защиту на интеллектуальный мир за пределами сферы науки и изобретательства. Прогрессивные замечания утратили свою популярность. Предлагаемое чтение было пронизано изводящей враждебностью к новому и жалобами на воображаемую утраченную преданность и исчезнувшие добродетели.

Писатели того времени не столько желали возвращения к истокам цивилизации, сколько хотели, чтобы больше не предпринималось никаких шагов. Они хотели, чтобы все прекратилось. О, как же они хотели, чтобы все прекратилось! Они тянулись к консолидации, прежде чем потерять еще больше. В принятых возражениях практически отсутствовала последовательная система. Это были возражения в целом. Массовое производство осуждалось. Наука редко слышала доброе слово в свой адрес. Война — с применением модернизированного оружия — тоже осуждалась, но при этом как много красивых речей произносилось о «рыцарских» войнах прошлого! Предлагалось «упразднить» самолеты и закрыть все лаборатории в мире. Предполагалось, что гигиена, и особенно сексуальная гигиена, «лишила жизнь романтики». Упадок хороших манер со времен Хогарта, сэра Чарльза Грандисона и Тони Лампкина вызывал горькое сожаление. Практически исчезло все, что можно было бы назвать Стилем.

Один американский писатель XIX века на вполне архаичном английском сокрушался:

«Как обесценилась жизнь и как пуст Мир! Как болото, где давным-

давно утонули незапамятные джентльмены старри. С тех пор, как Марстон Мур и Ньюбери выпили короля Карла¹, его джентльмены».

Эти строки знаменуют собой доминирующие в то время настроения.

Максвелл Браун ссылаясь на фрагменты («Литература отстаёт», «Исторические документы», серия «Общие идеи», 311 002) из около четырех тысяч книг и статей.

Когда мир снова возник из полного запустения Голодных пятидесятых и Великой эпидемии, оппозиционный менталитет возродился в сотнях тысяч пожилых грамотных людей, чьи мозги приспособились и развернулись определенным образом. Мир возродился, потому что в людях было что возрождать. Он встретил слишком быстрое и естественное признание среди бесконечной мириады умных и активных людей, которые теперь пытались запустить частное дело и частные системы извлечения прибыли. Но было уже поздно! Транспортный Контроль расширялся, вовлекая все больше сторонников. Многие не понимали, как возрождение процветания связано с новой организацией. Это не входило в дух того времени — хотеть объяснять, почему возрождается процветание. Хотелось просто воспользоваться «поворотом судьбы». Транспортный Контроль казался грозным конкурентом, суровым по духу и еще более суровым по методу. Людям чудилось, что он хочет помешать им заготавливать сено при свете солнца. Они слишком хотели видеть в нем огромную и отвратительную угрозу для любой прибыли, награды или гарантии. Они говорили, что ради послушания он предлагает слугам хитроумные механические приспособления; безразличные и опасные силовые машины.

«Разве мы недостаточно мудры и добродетельны, — спрашивали они, — сами по себе, чтобы этот Мировой Контроль пришел «прибрать нас»?

Очевидно, что новый порядок наполнился решимостью «включить» (ненавистное слово!), если бы мог, всех этих потенциально привилегированных и потенциально безответственных людей. Его лицо сурово к ним обратилось. Его гигиеническая и образовательная деятельность угрожала их жизненному укладу. Он предлагал лишить их естественных волнений, связанных с азартными играми и спекуляциями; забрать законные преимущества, связанные с деловой хваткой. Это угрожало им службой.

«Это невыносимо «скучно»!» — настаивали они.

Они хотели по своему усмотрению быть то хорошими, то плохими. «Бездушное единообразие» стало пугалом для этих непокорных умов.

Рабочие часто возмущались методами Современного государства. И

¹ Подразумеваются поля сражений во время Английской революции (1639- 1660), приведшей к казни короля Карла I Стюарта 9 февраля 1649 года. (Прим. переводчика).

непосредственные работодатели, кстати, тоже. Люди трудно поддавались обучению и очень неохотно подчинялись дисциплине. У школьного учителя оказалось весьма любопытное предположение о членах из ядра Современного государства. Неприязнь к тому, что под рукой, вызывала страх перед тем, что могло лежать за пределами. Если исчезнет свобода вести бизнес, какие правила и предписания понадобятся, чтобы заставить своенравного индивидуалиста подчиниться мировому работодателю? Центры Современного государства заговорили о контроле за населением. В этом легко усматривалось отвратительное вторжение в личную жизнь. Весовые категории и деньги — сегодня, жены и родители — завтра.

Эти широко распространенные отвращение, страх и антагонизм вставали на пути у аспирантов Современного государственного Братства, претендующих на ответственные должности в службе Контроля. Работа оказалась по зубам не каждому. Отвергнутые кандидаты в члены Братства становились одними из самых непримиримых антагонистов Современного государства. К 1970 году по всему миру, везде, где находились остатки старых процветающих и образованных классов «независимых» и деловых людей, появлялись ассоциации для борьбы с деятельностью ядер Современного государства. Расплодились Клубы Свободы и Ассоциации свободной торговли, Гражданские Лиги, палаты защиты торговли и общества «Возвращение к законности», а также самые разнообразные общества религиозного и патриотического пробуждения. Школы Современного государства были признаны аморальными, непатриотичными и антирелигиозными. Поразительно, как менялы поспешили в опустевшие храмы и требовали возвращения Христа.

В каждом городе или поселке отыскивался тот или иной человек — чаще всего, какой-нибудь пожилой юрист или политик из старых времен, — стремившийся возродить и защитить свои привилегии. Мир в очередной раз услышал о правах народов и наций на свободу, самоопределение и суверенитет в пределах своих границ. Сотни различных флагов с каждым днем все ярче развевались над возрождающейся землей во имя священного имени свободы. Даже увязшие в долгах батраки в американских хлопковых районах, на плантациях и фабриках Индии, Китая и Южной Италии превратились в ярых сторонников индивидуальной свободы.

Поведение низших масс демонстрировало широкое расхождение восприятия и реакций. Широко распространенная коммунистическая пропаганда военных лет и Голодных пятидесятых усилила естественную враждебность к буржуазии с ее неумным стремлением наживаться. У возрождавшихся предпринимателей имелось мало шансов объединиться с коммунистами, но Современное государство, перед которым лежали наглядные российские уроки, не стремилось обострять классовую войну

в своих целях. Оно совершенно ясно осознавало, что апеллировать к простому мятежному порыву угнетенных означало бы приглашать специалиста-демагога, который подтянул бы за собой банду приспешников и шпионов, а те, в свою очередь, обернулись бы тайной полицией. И все только с одной целью — занять кресло в зале совета.

Де Виндт довел эту мысль до логического завершения:

«Творческая революция не может сотрудничать с повстанческой революцией!»

Следовало безжалостно отбросить самообольщение невежеством и неполноценностью, как будто это ключи к инстинктивной мудрости, а также подстрекательство к зависти и ревности к знаниям и способностям. Современное государство намеревалось отменить тяжелый труд, а это, в свою очередь, означало ликвидацию любого класса трудящихся, пролетариат, трудовую массу, крепостного или раба, как бы это ни называлось. Современное государство не собиралось использовать дурацкие умственные и физические ограничения. От них планировалось освободиться. Оно пошло на большой риск. Силы реакции организовывали забастовки и массовое сопротивление правилам Современного государства, его экономике занятости, его механизации, его способам перемещения населения. Современному государству предстояло преодолеть немало трудностей на своем нелегком пути.

Таким образом, мировую сцену подготовили к трехсторонней драме конца XX и начала XXI века, где реакция в тысяче форм и организация Современного государства в одной форме боролись друг с другом ради подчинения или ассимиляции более или менее пассивного человеческого большинства.

Здесь мы пишем в общих чертах. В элементарной истории возможно преподнести только основные строки. Когда мы увеличиваем масштаб наблюдений, широкие деления на карте исчезают, становясь холмами, долинами, зданиями, лесами и дорогами. Ступая на землю, мы уже можем разглядеть камни, гальку, цветы и травинки. Так и это грубое распределение человечества на три смешанных и интенсивно взаимодействующих множества на самом деле квалифицировалось миллиардами индивидуальных сложностей.

В целом содержание человеческих умов тогда было гораздо более замысловатым, чем сейчас. Об этом никогда не следует забывать тому, кто изучает историю. Интеллектуальный прогресс представлял собой непрерывное распутывание и упрощение на пути к расширению возможностей. Эти последние десятилетия Эпохи разочарования все еще оставались, по сравнению с нашим сегодня, временем неопределенности, неточностей, смешанных мотивов, иррациональных сюрпризов и горького позднего осознания. Едва ли в мире нашелся бы хоть один неквалифицированный труженик, который действительно был бы кем-то

большим, чем пассивный комок в руках эксплуататоров. Едва ли нашелся бы реакционер, который в какой-то мере не стремился бы к опрятности и эффективности. И, наоборот, едва ли нашелся бы Собрать в организации Современного государства, мужчина или женщина, у которого не обнаружилось бы спазмов острого эгоизма и тщеславия и который не мог бы стать доктринером, нетерпимым и мстительным. Это могло бы произойти, если бы в душе Собрата разыгрались сентиментальные и эстетические ценности старого порядка. Среди Собратьев встречались такие, кто не любил и не реагировал на множество людей, неизлечимо сформированных по образцу вечного недовольства.

Новая художественная литература восьмидесятых и девяностых годов чрезвычайно озабочена универсальной битвой идей и ментальных привычек. И более простые прежние романы, и более утонченные современные, рассказывают об индивидуальном характере в решающей битве между добром и злом в мире неоспоримых стандартов, но в давних произведениях о социальном конфликте повествование касается дикой путаницы между двумя видами хорошего и двумя видами плохого, а также врожденного характера, искаженного тысячей способов. Это был трудный возраст. В жизни все еще присутствуют двусмысленность и бесконечная ирония, но они ничто по сравнению с тем, то приходилось испытывать человеку в 1970 году.

Глава 8

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БАСРЕ, 1978 ГОД

На Вторую конференцию в Басре съехались многие из тех, кто побывал там в 1965 году. Тем не менее, ассамблея сильно отличалась от предшественницы и по масштабу, и по духу. Оказалось, что это — собрание пожилых людей. По словам Амена Рихани, средний возраст поднял планку на целых десять лет. Молодые люди по-прежнему в изобилии вступали в Братство, но также случались и так называемые приращения, — к сожалению, не всегда полезные. Речь шла о престарелых радикальных и революционных лидерах военного периода. Жизненный опыт сформировал в них само-разрушительную тягу к безответственному сопротивлению. Психика оставалась деструктивной, критически настроенной и непокорной. К тому же у многих отсутствовал технический опыт, и они склонялись к тому, чтобы придавать школам и пропаганде анархистский оттенок.

Более того, великий план Современного государства утратил к тому времени свою первоначальную убедительную свежесть. У «молодежи за 65» накопилось более десяти лет ответственной административной работы. Реальность в деталях оказалась очень суровой. Многие обобщения Де Виндта пришлось изменить, поэтому грандиозное великолепие

проекта немного потускнело. Ослабели профессиональный дух и доверие другу к другу, а ведь именно с этого начиналось великое приключение Современного государства. Многие из управленческого аппарата женились на женщинах старой социальной традиции и сформировали новую систему удовлетворения и дружбы. Они перестали быть восторженными молодыми людьми и превратились в отпрысков окружающего мира. Последовавшая за этим утрата четкого подхода к основным вопросам проявилась особенно очевидно на первых заседаниях.

Более того, атмосфера собрания 1965 года была наполнена духом Современного государства. Проявляли антагонизм только российские политические представители. Большинство собравшихся являлись членами Братства и горячо приветствовали его цели. Спустя тринадцать лет возрождающийся национализм, возрождающиеся социальные и коммерческие интересы умирающей системы старого света остро осознали огромное значение событий в Басре, и туда отправились орды репортеров, искателей приключений, друзей и последователей орденов всех мастей, намного превышающие по численности истинных Собратьев. Оппортунисты заполонили гостиницы Контроля, расположенные вокруг аэродрома, вторглись в принадлежащие Контролю офисы и резиденции. В окрестностях среди финиковых пальм и рисовых полей, выросла сеть частных отелей и ресторанов. Загруженность и оживленность оказались беспрецедентными. Кого-то даже пришлось размещать в палатках, плавучих домах и корпусах пассажирских авиалайнеров тридцатилетней давности. Наблюдателям вспомнился туристический период Эпохи всеобщего процветания, когда незваные гости привлекли к сборищу торговцев багдадскими коврами и арабских кочевников.

Вероятно, в Басру потянулось бы гораздо больше людей, если бы Транспортный Контроль вовремя не осознал социальную и гигиеническую опасность слишком большого скопления людей. Он стал отказывать в проезде и ограничивать бронирование. Перестали пускать к месту сбора как одиноких путников, так и целые группы пеших пилигримов.

Самыми агрессивными среди прибывших являлись следственные делегации, направленные разбуженными суверенными правительствами старого порядка. Это были своего рода дипломатические экспертные группы с объявленным намерением бросить вызов деятельности органов Контроля на нескольких территориях. Оппортунисты предложили узаконить и урегулировать Контроль, но у них отсутствовал официальный статус на Конференции. Они пригласили самих себя и уведомили организаторов о своем прибытии.

«Лучше сейчас, чем позже», — объявили представители Современного государства.

Они приняли заявку и предоставили прибывшим жилье.

«Нам следует с ними разобраться», — написал Уильям Капек в адрес Изабель Гарден (Письма Капека — Гарден, серия «Исторические документы», Басра II, 9376).

Помимо «старых правительственных» агентств существовал ряд партий, претендовавших на то, чтобы представлять различные новые бизнес-объединения, которые вступали в открытую конкуренцию с монополиями Контроля. Старые юристы резко контрастировали и были враждебно настроены по отношению к молодым законникам новой американской школы. Капек подробнейшим образом описал различия двух типов: старший — пышность и уловки, а младший — искренность и наука.

Для всех посетителей, которые могли бы претендовать на тот или иной представительский статус, было опубликовано печатное уведомление следующего содержания:

«Эта конференция является собранием по научным и коммерческим коммуникациям. Обсуждаемые на ней вопросы схожи с теми, что обсуждались здесь же в 1965 году. Обсуждения открыты только для Собратьев факультетов Современного государственного Братства. Дискуссии не являются публичными, доклады предназначены только для Собратьев. Но с нашей стороны было бы неискренним отрицать, что принятые решения могут серьезно повлиять на общее благосостояние человечества, и поскольку вы пришли, чтобы выступить с критикой, высказать претензии и выдвинуть предложения, комитет по организации Конференции сделает все возможное, чтобы провести встречи между вашими группами и затронутыми факультетами. К сожалению, условия для проведения заседаний в Басре будут сильно ограничены потребностями самой Конференции, и комитет мало что может сделать для организации конференций между огромным разнообразием аккредитованных органов; тем более для организации развлечений и удобств в период проведения ассамблеи. Комитет сожалеет, что не рассматривает предложение комитета граждан Багдада, утверждающего, что представляет правительство Ирака, о проведении этой неожиданной Всемирной выставки с участием трехсот арабских полицейских, верблюжьего корпуса из семидесяти девяти человек, вооруженных шестью пулеметами, как нечто практически осуществимое. Он совершенно безболезненно сможет перенести это интересное мероприятие в удобные помещения на острове Ормуз, а Полиция Воздушных и Морских путей будет в одиночку нести ответственность за поддержание порядка в древней провинции Бассора».

Далее следует подробная информация об информационных бюро, госпитальной организации, снабжении и доступном жилье.

Трудно представить, как иначе Центральный Контроль мог бы

справиться с этим неожиданно обильным извержением старой системы, но различные делегации заявили, что крайне возмущены таким приемом. Они располагали настолько разными и непохожими ценностными представлениями, что им казалось невозможным впасть в какую-либо комбинированную схему действий. Поскольку их теория сводилась к тому, что Контроль и Современное государство — это не более чем своего рода всемирное кооперативное общество, никто из них не мог вести себя как дипломатическая миссия суверенной власти. И, следовательно, они не могли рассматривать друг друга как дипломатические миссии. Полномочия оказались слишком размытыми и неопределенными. Вежливый отказ властей Конференции предоставить посторонним места для встреч и выражения своей позиции, кроме очень ограниченного права пользоваться телефонной и радиосвязью, чрезвычайно их оскорбил.

«Я встретил на улице сэра Горацио Портеуса, представителя Британской империи, — пишет Уильямс Капек. — он очень хотел получить мой совет по вопросам этикета. Похоже, что мы захватили провинцию Бассора у правительства Ирака и взяли в плен предполагаемую местную полицию — те пятьдесят паршивых верблюдов и все остальное, о чем я вам уже рассказывал, — а ведь Ирак находится под протекторатом Великобритании. Он хотел где-нибудь выразить протест.

— Но где? — спросил он.

Я принял сочувственный тон, но ответил уклончиво.

— Видите ли, — продолжил сэр Горацио, — этот ваш Центральный Контроль вообще ничего не значит! Если бы это было временное правительство или что-то в этом роде...

Я предложил позвонить в Воздушную и морскую полицию.

— Но они ведь действуют по приказу. Кто отдает приказы? Все это какая-то нелепица!..»

Между делегациями происходили перебранка звонков, несколько «серьезных переговоров» и много составления более или менее бесполезных протоколов, докладов и протестов. Погода стояла исключительно жаркая и сухая. Все пространство и оборудование, доступные для физических упражнений и отдыха, монополизировали более энергичные Собратья, принимавшие участие в работе Конференции. Было трудно сохранять хладнокровие; еще труднее — оставаться здоровым и полным надежд. Назойливые делегаты и комиссары стали выпивать, но алкоголь быстро стал дефицитом. Полиция разогнала тех, кто предоставлял услуги поразвлечься. С другой стороны, Транспортный Контроль, проявив жест доброй воли, запустил специальную службу прогулочных пароходов до острова Бубиян. Поскольку руки полиции дотуда не добрались, там быстро возник и разросся небольшой городок, состоящий из шумных кафе, ресторанов,

домов удовольствий, музыкальных залов и всевозможных шоу. Все это служило одной цели — снизить переполнение Конференции.

«Бубиян приятно истощает, — писал Уильям Капек. — Поговаривают, что в Вавилоне и Багдаде наблюдается настоящий бум развлечений. Старый британский институт долгих выходных процветает. Вавилон становится все более и более вавилонским».

Но в Басре все еще оставалось слишком много посторонних. Так что факультетам было чем заняться.

Тем временем Конференция проходила за закрытыми дверями. Достаточно быстро стало очевидно, что все это сборище любопытных агентов, делегатов и должностных лиц, не входящих в организацию, является первым тонким намеком на запутанный антагонизм, собравшийся против нового порядка. Политика экспансии и тихого пренебрежения длилась достаточно долго. Конференции пришлось лишить оппортунистов возможности пользоваться аппаратурой связи. Пришло время Современному государству определиться и прояснить свои отношения с прошлым, из которого оно возникло, и ко всему этому миру традиций, который теперь отчаянно стучался в его двери.

«Прежде чем мы разойдемся, — торжественно произнес Арден Эссенден, председательствовавший на первом пленарном заседании, — мы должны принять хотя бы какие-то из этих делегаций, выслушать их и ответить на вопросы. И пусть везут наши ответы к себе домой. Но сначала мы должны с предельной ясностью познать свой собственный ум. Что мы делаем сейчас и что мы намереваемся делать впредь? Дни накануне открыли новую главу в истории человечества. Теперь же именно нам предстоит выбрать заголовок и спланировать саму главу».

Глава 9

«ТРИ КУРСА ДЕЙСТВИЙ»

На Второй конференции в Басре не было доминирующей личности с характером и качествами Де Виндта. В ходе обсуждений не образовалось никакого пророческого направления. Вместе с тем не наблюдалось недостатка в том, что раньше именовалось «лидерством». Появились яркие интересные личности. Политик Хупер Гамильтон, откровенный и решительный Уильям Райан, загадочный Ши-лунг-танг, биолог из Восточной Африки Эм-Бангой, социальный психолог — возможно, лучший ум на собрании, Мохини Л. Тагор, гуманист мистического толка Моровиц, и Арден Эссенден, фанатик действия, определили направление и обозначили главную причину расхождений во мнениях.

Они были скорее интересными, чем выдающимися людьми. Уровень интеллекта необычайно высок. Настороженные, превосходно информированные, тщательно взвешивающие каждое соображение, решительные по существу. Конференцию продолжали осаждать многочисленные делегации и комиссии, и это требовало безотлагательных и решительных действий.

«Я ощущаю себя одним из тех присяжных старого света, — писал Уильямс Калек, — которых раньше запирали вместе, пока они не

выносили вердикт. Вы даже представить себе не можете, насколько сухой и жаркой может быть Басра».

Де Виндт и его писательская школа спланировали рамки нового мира и показали, к каким социальным элементам нужно стремиться, но предложения, как избавиться от туши старого мироустройства, оказались очень скудными. К 1965 году у членов Современного государства появилось довольно четкое видение нашего нынешнего порядка. Но мало кто из них предвидел рассеянную жесткость старого корпуса и его способность к контрреволюционным действиям. К 1975 году это стало угнетающе очевидным.

Доклады об общей ситуации готовились с особенной тщательностью. Они касались различных центров, где формировался дух оппозиции. Наибольшую опасность представляли бывшие суверенные правительства и правовые системы, которые казались умирающими или вовсе исчезнувшими в сотрясаемые Бродячей смертью Голодные пятидесятые. К 1965 году активно противостояло Контролю только Советское правительство в России. Как ни странно, этот антагонизм стал не так велик, как вначале. Техники советизированных регионов вытесняли политиков. Теперь действительно существовало рабочее сотрудничество российского транспорта, коммуникаций и производства с мировой системой, находящейся под Контролем, и, казалось, существовала разумная перспектива окончательной ассимиляции. Не возникало принципиальных возражений против тех, кто, номинально являясь коммунистом, становился Собратором Современного государства. Многие российские ученые и технические работники превращались в Собратьев, не будучи членами Коммунистической партии. В докладах с надеждой и должным анализом обсуждалась возможность аналогичного процесса в Америке и на Дальнем Востоке, где политические и правовые структуры также не создавали непреодолимых препятствий для ассимиляции. Возрождение разума в Америке выявило фундаментальную конструктивную энергию для великого синтеза западных народов. Да и в других местах появлялось все больше свидетельств того, что система суверенного государства и частной собственности принципиально несовместимы с новыми концепциями.

В докладах содержалась информация, которая для большинства Собратьев стала полнейшей неожиданностью. Выяснилось, что возрождающиеся национальные правительства Германии, Франции, Италии и Великобритании напряженно пытаются возобновить производство боевых самолетов и бомб. Сомнительно, что новоявленные правители действовали сообща, но намерение разместить военно-воздушные силы на недавно построенных аэродромах, игнорировать общие правила и отказываться от услуг Воздушного и Морского Контроля становилось совершенно очевидным. Столицы столкнулись с большими

трудностями в деле привлечения услуг компетентных специалистов, будь то инженеры, механики или авиаторы, но, так или иначе, милитаризация закрутилась. Едва ли не каждый студент в технических школах Контроля, который провалил экзамен или был исключен из Братства за недостойное поведение, становился экспертом национального правительства. На фоне такой нелюбимой тенденции правительства принялись создавать собственные национальные технические школы и пытались объединить школы и лаборатории Контроля в «национальную» образовательную организацию, переманивая персонал. Ярко проявилось устремление создать конкурирующую систему по соседству с системой Контроля, а также «отжать» организации, дороги, заводы, фабрики, шахты, аэродромы, школы, колледжи, лаборатории вместе с работающими там специалистами Контроля. То есть суверенное правительство накладывало руку на все, что находилось в пределах границ ранее существовавших суверенных государственных образований. Новое баварское правительство, виндзорский парламент и право в Риме — все они «договаривались захватить» любое имущество на своей территории. И с каждым годом в своих желаниях они становились все более откровенными, упорно рассматривая взаимосвязанные механизмы Контроля, как международную опасность.

Это было бремя национальных миссий по наблюдению и расследованию. Они жарились на солнце перед закрытыми дверями Конференции — как выразился Уильямс Капек, «в состоянии предварительной угрозы».

Собственники предложили возобновить владение имуществом, тем более что они и так уже им завладели, и ввести для Контроля обременительные сборы. Держатели движимого и недвижимого имущества, как обитатели зоологического сада, различались по масштабам и силе, но у них было одно общее качество: страсть к деструктивному сутяжничеству.

За закрытыми дверями Конференция провела обследование надвигавшегося антагонизма и разработала пути лечения.

— Существуют только три возможных способа вылечить эту болезнь, — резко заявил Райан. — Вести переговоры, подкупать или управлять. Я — за третий вариант.

— Существует и четвертый, — добавил Хупер Гамильтон. — Комбинировать ингредиенты.

Метод ведения переговоров и *modus vivendi* уже действовали в отношении России. Пока происходила так называемая ассимиляция, трудно было сказать, кто реально правит этой огромной страной; то ли пока еще Коммунистическая партия, то ли уже Современное государство. Новый дух в старых Соединенных Штатах стал настолько «Современным», что протесты Вашингтона и губернаторов различных

штатов воспринимались не более чем веселым¹ розыгрышем. Самолеты из Дирборна кружили над столицей и Белым домом, разбрасывая листовки, где говорилось о распоряжении президента распустить Авиационный и продовольственный трест Америки. На этом континенте Контроль попросту принялся игнорировать политические формальности. В Европе ситуация оказалась сложнее.

«Большинство европейских суверенных правительств — не более чем пугала! — громко заявил Уильям Райан. — За ними больше никого нет. По крайней мере, нет тех, кто имеет хоть какую-то значимость. Назовите их блефом, и вы больше о них не услышите».

Против прямого столкновения выступил Ши-лунг-танг и привел доводы в пользу взяточничества.

В его учтивом изложении, взяточничество в сочетании с договорами и тактом, может стать высоконравственным улучшением прямого воздействия. Он попросил Конференцию обратить внимание, насколько специализированной и редкой пока является ее новая привычка думать на перспективу. После аналитической обработки отчетных данных пропаганды и школ стало весьма сомнительно, что хотя бы двадцатая часть человечества приняла или хотя бы десятая часть поняла, даже в самых общих чертах, разницу между умами, приученным к творческим концепциям, и умами, воспитанными в атмосфере оборонительного стяжательства и накопления собственности. Потребуется три или четыре поколения, чтобы обратить мир к дальновидному отношению. Вставал очень принципиальный вопрос: что должно предпринять Современное государство? Открыто захватить власть и установить тиранию, которая продлится столько, сколько потребуется, чтобы повернуть подавляющее количество умов в новое русло, либо умиротворять, идти на компромисс и пытаться убедить массы — **ДВИГАТЬСЯ СОБСТВЕННЫМ ПУТЕМ.**

«Эти люди никогда не увидят вещи такими, какими их видим мы, — настаивал Ши, выполняя странные жесты и повторяя одни и те же слова, подчеркивая их важность. — Они должны жить и умирать ПО СВОИМ СОБСТВЕННЫМ ПРАВИЛАМ. Не надо навязывать им слишком много. Только когда они вымрут, форма мышления, присущая членам Современного государства, сможет завоевать доминирующее большинство. Нынешние ментальные пороки неизлечимы. Встречайте их на полпути, облегчайте им жизнь. Вы спасете мир от трех поколений страданий и ожесточенных конфликтов!»

Так он развернул свой макиавеллиевский проект. Жадное стяжательство являлось частью характера едва ли не каждого энергичного человека старого света. Такие люди были неизлечимо прожорливы, но

¹ *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни; временные условия, позволяющие двум сторонам мирно сосуществовать (*Прим. переводчика*).

это не мешало им приобретать многочисленных друзей и помощников. Эта лояльность практически не отличалась от лояльности, присущей членам преступной группировки по отношению к главарю. Они были не менее жадные, чем он сам, и они охотились стаей. Тем не менее, они не испытывали фундаментальную инстинктивную враждебность к Современному государству. Рычать и бояться они стали только после того, как оно нарушило их устоявшиеся привычки. Выступить против единым фронтом было невозможно. Собратья имели возможность легко нейтрализовать противников, стравив их друг с другом. Суровые репрессии против буржуазии и профессиональных классов в России в двадцатые и тридцатые годы послужили хорошим уроком и грозным предупреждением о страданиях и социальном ущербе от слишком внезапной и насильственной попытки изменить поведенческие идеалы. Пусть Современное государство, в отличие от русских коммунистов, будет более мягким и добрым!

Ши принялся более подробно излагать свои предложения. В России, Испании и Америке взяточничество должно играть второстепенную роль. Господствующий менталитет в этих странах таков, что нынешние рабочие соглашения через некоторое время естественным образом перейдут в ассимиляцию. В других районах старые притязания на суверенитет и собственность не причиняли существенного вреда. Соответственно, чтобы местная власть держала руки подальше от пропаганды и образования Современного государства, удельных князьков следовало обеспечить постоянным субсидированием со стороны Контроля за счет промышленности. Это дешевле, чем война!

«Это тем более сработает, если время от времени они будут понемножку воевать между собой».

Ши-лунг-танг улыбался, но кругом слышалось неодобрение.

Его доводы в пользу такта и скрытой коррупции разбил Рин Кей:

«Если бы мы представляли собой общество высоконравственных сверхлюдей, то мы могли бы, пожалуй, рискнуть и позволить себе стать настолько неискренними. Но господин Ши-лунг-танг забывает, что у каждого Собрата в обществе Современного государства живут два врага: стяжатель снаружи и стяжатель внутри. Наш китайский друг упускает из виду, что гораздо естественнее принять старую модель поведения, чем приобретать новую. Старые наклонности — это то, что было, и к чему можно было успеть привыкнуть, а новые наклонности — это то, чему только предстоит появиться, что предстоит поддерживать и ему служить. Это займет время. Мы не можем позволить себе запутаться и встать на путь политика. Перед нами стоит трудная задача делать то, что необходимо, прямо и честно. Мы не можем позволить себе говорить ОДНО, а подразумевать ДРУГОЕ!»

Кея энергично поддержал Уильям Райан, Хупер Гамильтон —

китайского товарища, но остальные Собратья явно придерживались позиции, что заниматься двурушничеством не следует.

Экономический ботаник М. А. Тагор внес в дискуссию новое направление или, скорее, возродил присущую XIX веку ментальную линию мистического либерализма. Он сказал, что в равной степени против взяточничества, неискренних договоров и любого применения силы. Будучи старомодным демократом, он верил во врожденную мудрость неискушенного человека, а также в высшую ценность истины и миролюбия. И он высказал мнение, что чувство справедливости в человеке нельзя оскорблять, даже рискуя отказаться от важных целей. Его пришлось уговаривать передумать, потому что остальные члены не согласились с его видением правильного поведения. Решили позволить Современному государству продолжить научную организацию мира и пропаганду своих доктрин во всех странах. Но пусть оно не избегает принуждения, когда возникает необходимость противостоять злу! Тагор сослался на миссионерские успехи раннего буддизма и христианства как на свидетельство практической успешности духовной настойчивости и физической пассивности. Он закончил в пылу религиозного энтузиазма, который не избавил его от презрительной критики со стороны социальных психологов.

Содержание этих дискуссий можно в полном объеме найти в Отчетах о Второй Конференции в Басре, тома 371 и 372. Эта информация интересна, прежде всего, тем, что в ней отражены три основных мнения. Подавляющее большинство выступало за активную линию, за откровенность и четкие правила. Немалое меньшинство во главе с Хупером Гамильтоном колебалось. Оно нуждалось в уточнениях, которые не нашли отражения в более агрессивных речах, что применение силы может быть смягчено тактом и что ясность в отношении цели совместимо с добротой и уступкой.

В ряде выступлений выражалась едва уловимая концепция компромисса. Далеко не все оказались искусны в качестве ораторов. Они заходили слишком далеко и вели к более жесткой напористости. Особенно горячо обсуждалась проблема российской и американской системы. Россию теперь представляли техники, репрессивное влияние ОГПУ заметно ослабло. Ведущей фигурой снова стал Иван Энглхарт.

«Никаких неприятностей со стороны Москвы не будет, — заверил он участников Конференции. — Россия готова к ассимиляции и стремится ассимилироваться!»

Позднее в общую дискуссию вступил Арден Эссенден. С суровым энтузиазмом и страстной верой он перетянул на свою сторону всю молодежь и большинство от старшего поколения. Он был именно тем человеком, которому предстояло принимать окончательные решения.

Его речи уходили в народ.

Вот одна из них:

«Мировое государство — это не сказка о будущем. Оно здесь и сейчас. И оно всегда было здесь и сейчас, с той самой поры, когда люди сказали, что над ними есть общий Бог, а потом, уже тише и робко, что у них есть братство человечества. Человек, который служит определенному государству или определенной собственности вопреки человеческому обществу, является предателем. Люди, которые так поступали, всегда были предателями, а те, кто их терпел, лелеяли измену в своих сердцах. В прошлом Мировое государство разрывалось между тремя десятками анархий и бесчисленным множеством собственников и кредиторов, а социалистов и космополитов, истинных служителей человеческого рода преследовали, как преступников, наказывали, изгоняли, убивали.

Теперь, из-за полной неспособности этих проходимцев и грабителей даже поддерживать свой собственный социальный порядок и сохранить мир между собой, мир упал к нам в руки. Власть покинула тех, кто оказался не в состоянии ею распорядиться, и потому мы здесь, и мы обладаем властью. Если мы не возьмем ее, или если не сумеем воспользоваться ею в полной мере, то, в свою очередь, окажемся предателями. Должны ли мы мириться даже с временным возрождением старой системы? Во имя разума или, может быть, во имя чего-то еще? Если у кого-то туго с мозгами, — не беда, мы поможем ему с этим справиться, потому что у нас — мозги свежие. Должны ли мы потакать и потворствовать этому сброду, что ждет за дверями. Выйдите и посмотрите на них. Посмотрите на эти лица, полные притворства и лицемерия. И взвесьте все, что они вам предложат».

Сегодня эта пламенная речь может показаться банальной и излишне выразительной, но она ярко передала общий смысл Конференции и привела к судьбоносным решениям, которыми завершились ее заседания. Наиболее значимым стало увеличение численности личного состава Воздушной и Морской полиции до миллиона сотрудников, для которых выделили повышенное количество энергии и улучшили их оснащение. Кроме того, улучшились методы образования и пропаганды. Для усиленного поддержания порядка Транспортный Контроль привлекал дополнительные вспомогательные структуры. Органы управления реорганизовались. Центральный комитет перевоплотился во Всемирный совет и взял на себя функции руководителя всей системы. Собратья решительно отказывались от идеи заключать договора с внешними администрациями, а также от любых дипломатических отношений с инакомыслящими. Столь же решительно было заявлено, что Всемирный совет должен открыто обозначить себя единственным правительством в мире и приступить к формированию административной организации планеты.

Соответствующая прокламация быстро распространилась по всем

континентам. Ее печатали и копировали на бумаге, передавали по радио. «Накладывали на эфир» повсюду, заглушая любые другие радиотрансляции. Теперь беспроводная связь развилась в той же степени, как и в начале тридцатых годов. Важнейшую информацию вся планета получила чуть ли не одновременно. В Басре словно бросили в одну емкость несколько ингредиентов, и теперь шипящую смесь принялись интенсивно взбивать. По всему миру толпы на улицах или рабочие в цехах внимали каждому слову с раскрытыми ртами. Ошеломление было полнейшим. Как-то высказываться по поводу услышанного люди смогли только на следующий день.

Мы приводим этот потрясающий доклад в том виде, в каком он был издан. Этот на редкость бедный, с точки зрения художественного воплощения, прозаический текст с лихвой компенсируется великолепием его содержания. По-видимому, черновой вариант составлен Арденом Эссенденом при самом непосредственном участии Гамильтона. Некоторые детали затем изменены по решению Совета.

Итак...

«Совет по мировым делам, образованный Воздушным и Морским Контролем и его партнерами, заявляет:

Между 1950 и 1965 годами эта планета стала заброшенной из-за неспособности ее правителей и владельцев собственности поддерживать мир, регулировать производство и распределение, а также сохранять и направлять общую жизнь человечества.

Последовал хаос.

Возникла срочнейшая необходимость создать новую мировую администрацию посреди руин.

Это сделал Воздушный и Морской Контроль!

Эта администрация в настоящее время организована вокруг Центрального совета по мировым делам. Именно он доносит до вас это заявление по праву единственного государя на этой планете.

Отныне нет другой высшей власти от края и до края земли. Весь остальной суверенитет и все имущественные права, вне зависимости от того, приносят ли они пользу человечеству или нет, прекращают свое существование и не могут быть возрождены.

Совет располагает своими собственными воздушными и морскими путями, аэропортами, верфями, заводами, фабриками, шахтами, плантациями, лабораториями, колледжами и школами по всему миру. Они находятся в ведении его должностных лиц и охраняются его собственной полицией, которой поручено защищать эти организации всякий раз, когда и где это необходимо, от агрессии со стороны посторонних лиц.

В каждом населенном пункте в настоящее время существуют ядра Современного государства. Агенты Контроля, проводя образовательную

работу Совета, находятся в разумном контакте с местной экономической жизнью, с местными предприятиями, органами власти и частными лицами, еще не связанными с организованным Современным государством. Пришло время для всех квази-независимых деловых органов и администраций наладить упорядоченные отношения с новым правительством всего мира. Мы создаем Бюро переходного периода для упрощения и модернизации деловой деятельности, образовательных и гигиенических услуг производства, распределения и сохранения порядка и безопасности во всем нашем огромном доме, нашей зоне отдыха и источнике всех наших богатств — на земле, нашей Матери-Земле, нашей земле и вашей.

Без спешки или несправедливости, но и без промедления, с должным учетом вашего комфорта, вашего благополучия и ваших пожеланий Бюро приложит все усилия, чтобы привести вашу жизнь в правильное и постоянное соответствие с единым человеческим благом!»

— Это — узурпация! — раздался чей-то голос, когда декларацию поставили на голосование.

— Теперь вам предстоит действовать Силой! — сокрушенно произнес Ши-лунг-танг. — Я сделал все, что мог...

— Но это же война! — воскликнул Тагор.

— Нет, — спокойно ответил Арден Эссенден. — Никакой войны. Это — не война и не революция. Это — признание революции и правительства.

Глава 10

ПЛАН НА ВСЮ ЖИЗНЬ

До сих пор остается спорным вопрос, не являлась ли эта жесткая и решительная декларация социалистического мирового государства в Басре преждевременной. Одни считают это наиболее своевременным действием, другие склонны полагать, что декларация должна была появиться еще на первой Конференции в 1965 году. Дискуссия связывается с интеллектуальными и моральными конфликтами при Воздушной диктатуре. Это смешивается с противоречиями сегодняшнего дня. Начиная с 1978 года, движение Современного государства утратило что-то от своей первозданной ментальной свежести. Стало меньше открытости. И еще меньше безоглядного авантюризма, который очень быстро распространился по всей Земле через сеть транспортного и торгового контроля.

«Мы проглотили весь мир, — сказал Арден Эссенден, — но теперь нам нужно его переварить».

На смену старому вызывающему отрицанию прошлого пришло твердое, а иногда и довольно настойчивое требование порядка будущего.

Нигде не последовало решительного противодействия в ответ на провозглашение Мирового правительства. Несмотря на то, что оно

назревало в течение нескольких лет, его боялись и против него роптали, массовое сопротивление так и не организовалось. Тринадцать лет привели к глубоким изменениям в Советской России и на обширных просторах Китая. Ассимиляцию советского транспорта и дорог народ принял с молчаливой покорностью. Слияние поручили комитетам, летающим между Москвой и Басрой. Во всем мире, везде, где существовал какой-либо управляющий орган, еще не связанный с Современной государственной системой, начались споры о том, как и в какой степени он может быть инкорпорирован или как он может противостоять инкорпорации. Полностью подготовленные и проинформированные ядра Современного государства имели возможность по первому зову явиться в любое место и проконсультировать по любому региональному вопросу. Необходимость систематической «ренуклеации» мира стала очевидной. «Отдел обучения и рекламы» разработал широкие линии *modus vivendi* между старым и новым.

Этот *modus vivendi* называли по-разному: планом на всю жизнь или — с памятью о пионерской попытке планирования, Пятилетним планом Российской диктатуры — Тридцатилетним планом. Относительно независимым предприятиям, соблюдающим определенные стандарты обращения с работниками и допускающим определенную степень внешнего контроля, технического и финансового, а также поддерживающим определенный уровень эффективности, должна была предоставляться не просто терпимость, но и защита в разумных пределах. Пусть работают! Во всяком случае, не было никакой необходимости в том, чтобы вытеснять их сразу. При условии, разумеется, если их продукты попадают под неусыпный Контроль. Во всяком случае, это стало лучшим отношением, особенно, если сравнивать его с погромами и рейдерскими захватами при конкурентной системе. Точно так же, когда предоставлялась такая возможность, мелкий землевладелец или сельскохозяйственный арендатор не подвергался лишению собственности. Ему назначали фиксированную цену за его продукцию, консультировали или направляли в вопросах улучшения работы. В приемлемой степени его объединяли с классом сельскохозяйственных рабочих.

Как выразился Руперт Бординеско (Краткое пояснение: серия «Исторические документы, 1969»):

«Дайте им время вымереть!»

Воспитывая новое поколение, План на всю жизнь переделывал менталитет собственности в менталитет службы. К 1980 году не должно остаться независимых торговцев и земледельцев моложе двадцати лет, к 1990-му — никого моложе тридцати, к 2000-му — моложе сорока. С одной стороны, это давало старому порядку время для вымирания, а с другой, позволило новому порядку разработать более сложную систему

управления, механизма и доставки. Так новый порядок получал возможность стать в наибольшей степени здоровым и полноценным. Урок ментального разлада и трагических диспропорций в стремительном развитии первой российской пятилетки — диспропорций столь же чудовищных и мучительных, как гипертрофии и атрофии бесплановой «Капиталистической системы» XIX века — был отмечен и усвоен.

Всемирный совет не беспокоил тот факт, что сохранение миллионов малых предприятий и десятков миллионов мелких земледельцев по всему миру в течение столь длительного времени означало гораздо более низкую эффективность производства.

«Пожилых нужно кормить и нанимать на работу, — писал Бординеско, — и теперь они никогда не научатся или не смогут приспособиться к новой жизненной рутине. Помогите им немного лучше выполнять свою работу. Спасите их от умников, которые на них охотятся — ростовщиков, держателей ломбардов, вымогателей и шантажистов, религиозных или светских; а в остальном — оставьте их в покое».

Краткое пояснение черпало мораль из «Периода перенасыщения» двадцатых годов перед крахом тридцатых, когда весь мир переполнился непотребными товарами и безработными. Бординеско указал, что это являлось неизбежным следствием нерегулируемой прогрессивной системы частного предпринимательства.

«Нет смысла увольнять человека с работы, какой бы старомодной она ни была, если для него нет новой работы. Нет смысла приводить детей в мир, если для них нет образования, подготовки и полезной работы. Мы должны видеть, что каждое новое поколение численно организовано в разных категориях обучения и целей, отличающихся от своих предшественников».

Русские поняли эту необходимость в своем великом эксперименте. По мере того как мы продвигаемся к научному производству первичной продукции, фактическая доля сельскохозяйственных рабочих, шахтеров, лесничих, рыбаков и так далее в сообществе должна уменьшаться. Точно так же должна упасть и доля обычных промышленных рабочих. Так тяжелая промышленность поднялась на принципиально иной уровень. Определенная компенсация будет вызвана постоянным повышением уровня жизни и, в частности, тем, что Де Виндт назвал «восстановлением мира», новыми городами, новыми дорогами, повсюду постоянно обновляемыми домами. (В определенной степени этот проект предвосхищен французским планом «*Outillage National*»¹ и немецкими жилищными схемами, действовавшими еще в конце двадцатых годов, а также планами, в конечном счете задушенными фанатиками

¹ *Outillage National* (фр.) — национальные инструменты (Прим. переводчика).

сбалансированности бюджета). Но даже такого отвлечения энергии от производства основных материалов и мелких товаров на крупные структурные предприятия было бы недостаточно для использования постоянно высвобождаемой человеческой энергии в сообществе. В этот момент появилось то, что Бординеско назвал «расширяющимися категориями». Потенциальная опасность заключалась в том, что они должны были потреблять больше, чем давали. Должно было образовываться все большее число людей, занятых образованием, развитием и упорядочением знаний, экспериментальной наукой, художественным производством, чтобы сделать жизнь более обильной и насыщенной. Для этого расширения не могло устанавливаться никаких ограничений.

«Мы, люди, арендуем эту планету, — гласит краткое пояснение, — на несколько миллионов лет. Глупо не стремиться к лучшей жизни, но еще глупее спешить отчаянно и жестко. История последних двух столетий является одним из постоянных предостережений против безработицы среди мужчин и женщин, которым нет другого применения. Прежде чем мы будем учить, наши учителя должны учиться; прежде чем мы будем всесторонне руководить, мы должны иметь опыт в руководстве. Мы всегда должны стараться сделать немного больше, чем можем, но мы не должны пытаться сделать невозможное. Мы должны продвигаться вперед без ненужных задержек, но без потерь, спешки или жестокости. Не бойтесь и не ревнуйте к появлению новых условий. Ни одному честному рабочему, мужчине или женщине, нечего бояться прихода Современного государства.

Глава 11

КАК НАЧАЛАСЬ НАСТОЯЩАЯ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Широкое распространение манифеста Воздушной и Морской полицией ясно показало, что правители Мирового государства не питали иллюзий относительно того, что новый порядок в мире можно установить путем деклараций и «кратких пояснений». Пришлось организовывать местные подразделения полицейских сил и вырабатывать правила, согласно которым местная власть, промышленные предприятия и частные лица могли поддерживать связь с Центральным Контролем только через реорганизованные ядра. Почти в каждой части земного шара они подготовили вспомогательные подразделения из сочувствующих. Как по мановению волшебной палочки, по всему миру разлетелась знакомая нам сегодня униформа цвета хаки. Символ крылатого диска засиял на самолетах, почтовых отделениях, телефонных будках, дорожных знаках, транспортных средствах и общественных зданиях. Разногласий с Россией не возникло. Крылатый герб превосходно ужился с серпом и молотом.

Сначала нигде не возникало вооруженного повстанческого движения. Из этого обстоятельства мы хорошо понимаем, насколько полным оказался крах патриотических государств периода Мировой войны. У них не стало ни национальных газет, ни дипломатов, ни министерств

иностранных дел. Для первых кончилась бумага, для вторых — жалование. Отсутствие информационных и выборных органов заставило национализм замолчать. Тем не менее, местная самопровозглашенная власть продолжала сопротивляться, не желая исполнять предъявляемые требования. Рев моторов Воздушной полиции охлаждал горячие головы, и неповиновение не переходило из пассивной формы в активную, но рано или поздно с этим нужно было что-то делать.

Разумеется, все прекрасно понимали, что фаза молчаливого согласия представляет собой временное явление. Элементов антагонизма было хоть отбавляй. На роль итальянского правительства претендовал фашистский гарнизон в Риме. Фашисты первыми бросили вызов новому мировому порядку. Несколько фашистских летчиков по разным причинам не получили лицензию Транспортного Контроля, поэтому отряд чернорубашечников захватил новый авиационный завод под Турином, а также — аэродром и склад запчастей в Остии. Крылатый диск заменили фашистской символикой. Из уст в уста передавался призыв снова организовать Лигу Наций и возродить пожелание президента Вильсона о «самоопределении народов». Короля отыскивали в Пьемонте, где тот безобидно копался в огороде. Открыли и обжили давно заброшенный Квиринальский дворец.

К подобного рода провокациям Воздушная полиция оказалась готова. Ее оснастили газовыми бомбами нового типа. Газ под названием «Пацификин» лишал жертву сознания на сутки с небольшим. Утверждалось, что вредных отдаленных последствий он не вызывает, и воздушные полицейские с энтузиазмом принялись «лечить» таможеню в Вентимилье, а также спорные аэродром и завод.

В Остии полицейские самолеты столкнулись с определенными сложностями.

На аэродроме шла внеочередная церемония. Туда только что привезли три новых самолета с завода в Турине, и они благословлялись папой (папа Альбан III).

Все еще трепыхавшаяся Католическая церковь по-прежнему благословляла все что угодно: магазины, корабли, мосты, автомобили, флаги, пушки, линкоры, новые здания и тому подобное. Это была церемония, которая рекламировала саму Церковь, доставляла удовольствие верующим и не наносила заметного вреда благословляемым предметам. Этот конкретный случай являлся чем-то вроде демонстрации против Мирового совета. Присутствовали папа, король и правящий дуче. Звуковой фильм запечатлел действо за несколько минут до прибытия Воздушной полиции. Все очень напоминало довоенные времена. Пели хористы в рясах и прелестных кружевных воротничках, прислужники размахивали кадилами, а преподобный святой отец восседал на троне под балдахин, на большом задрапированном малиновом помосте.

Собралось не менее трех тысяч чернорубашечников.

Действия назначенного советом командующего Луиджи Роселли оказались поспешными.

Последующее расследование ясно показало, что он проявил антиклерикальную предвзятость. Его выбрали для выполнения этой задачи, потому что он был итальянцем. Считалось, что благодаря этой причине латентные националистические чувства не вспыхнут (интересно отметить, что фашистским комендантом являлся старший сводный брат командующего, Марко Роселли). Общие инструкции заключались в том, что следовало захватить аэродром и самолеты; по возможности, без применения насилия. Пацификин можно было использовать только в случае вооруженного сопротивления. Но вид ряс, балдахина, украшений и мантий, звуки торжественного пения и общая церковная атмосфера оказались слишком велики для предубеждений молодого человека. Эскадрилья строем кружила над аэродромом. Между тем, церемония не прерывалась, несмотря на рев моторов. Казалось невероятным, что кто-то осмелится применить газ против папы.

«Сбросить!» — прокричал Луиджи Роселли, плохо сознавая, что превышает полномочия.

Газовые бомбы посыпались на площадь.

«На мгновение, написал авиатор в известном письме, — пение стало громче. Они проявили мужество, эти священники. Попадали на колени. Странно было видеть, как газ растекается среди них. Это было похоже на умирающую цветочную клумбу. Старичок на троне даже не дернулся. Только сцепил руки и медленно склонил голову. Трудно сказать, когда именно он окочурился. Фашисты вели себя по-другому. Бегали, жестикулировали, кричали. Наш подарок их успокоил.

Они думали, что их убивают. Никто ничего не знал об этом газе. Нам самим рассказали только накануне.

У меня в самолете отсутствовали противогазы, поэтому я не высаживался и в захвате самолетов не участвовал.

Последний раз, когда я видел этот аэродром, он был похож на местами потертый турецкий ковер. Прекрасный сад во сне. Надеюсь, никто этих бедолаг не ограбил, пока те находились в отключке. Наверняка, Роселли передал Риму надлежащие инструкции на этот счет».

К сожалению, налет не оказался бескровным, как предположил этот молодой человек. Одна из бомб угодила прямо в голову юному послушнику Одету Буанаротти, и он погиб на месте. Впоследствии его канонизировали. Он стал последним мучеником за веру, внесенным в латинское жизнеописание святых.

(На этом месте записи доктора Рейвена внезапно обрываются.)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОИНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1

ПРОБЕЛ В ТЕКСТЕ

До сих пор я переписывал, с очень небольшими исправлениями и без изменений, текст Книги сновидений доктора Рейвена в том виде, в каком он его оставил. В этот самый момент история обрывается. Летопись следующих семидесяти или восьмидесяти лет представлена ворохом плохо сочетающихся друг с другом заметок, да к тому же еще и выполненных почти неразборчивым почерком. Затем следует заключительная глава, полностью переписанная заново.

Я не могу с уверенностью сказать, почему доктор Рейвен оставил эту очень важную часть своей истории неясной и запутанной и сразу перешел к последней. Но у меня имеются кое-какие соображения относительно того, что могло произойти в его мозгу. Вероятно, там возник порыв осознать дело мировой революции. И, наверное, так было легче и более привлекательно — сначала описать более поздние события. С промежуточными делом явно обстояло куда сложнее. Это приходило, если мне позволено использовать выражение «пришло ему в голову», с трудом и вопреки сопротивлению. Его общие идеи подготавливались для новых войн, послевоенного распада и мирового господства, основанного на воздушной мощи, а также для заключительной фазы неуклонно прогрессирующего Мирового государства. Но Ворон¹, предвещавший будущее, оказался не готов к глубокой и сложной духовной борьбе трех четвертей века, которая положила начало новому мировому порядку. Охватить это оказалось не под силу.

Было ли это на самом деле даром ясновидения о реальном учебнике истории будущего? Или речь должна идти об извращении подсознания? Во всяком случае, достаточно очевидно, что эта часть пришла вразрез с духом. Одним из сильнейших аргументов в пользу того, что этот План будущего разработан рассудком доктора Рейвена, представляется тот факт, что в нескольких отрывках, где он, кажется, спорит сам с собой, спокойная неторопливая уверенность в более ранних и более поздних повествованиях не поддерживается в средних частях.

Не думаю, что произошла простая случайность, которая вытащила доктора именно в тот момент, когда он добрался до отравления римского папы газом и мученической смерти Одета Остийского. Полагаю, это происшествие показалось Рейвену кардинальным, ознаменовавшим чрезвычайно важный поворот в истории человечества. Это было то, что

¹ *Raven* (англ.) — ворон (Прим. переводчика).

должно было произойти, и это было то, на чем не должен был заикливаться разум. Это положило конец практическому перемирию, которое длилось почти три столетия в вопросе нравственного воспитания, организации мотивов и того, что понималось как религия. В новом религиозном конфликте произошло первое, хоть и непреднамеренное, но все-таки убийство. Новому правительству предстояло управлять не только планетой, но и человеческой волей. Одно означало другое. Пришедшее осознание немало удивило. Доктор Рейвен понял, что так и должно быть.

Почти годом ранее в Басре было провозглашено Единое Мировое государство. Утверждалось со всей прямотой, что новый мировой порядок должен настаивать на своем собственном специфическом образовании и что он не может терпеть никаких иных форм обучения, кроме той, которую предлагает. Но произнести вслух что-либо подобное, означало бы не осознать смысла. Об этом говорилось и ранее, и оно неявно откладывалось в людских умах, подобно знакомой мелодии. Новое правительство не осознавало полноты своих собственных намерений до тех пор, пока этот непреднамеренный акт высшего святотатства не вынудил принять окончательное решение. Но теперь свершилось нападение на главу католического христианства, и погиб священник, исполняя службу. Так Католическая церковь умолкла на веки вечные. Теперь настало время пробуждаться для своей собственной цели. Что теперь? Отступить, пойти на компромисс или продолжить в прежнем ключе?

Десять дней спустя воздушные полицейские обрушились на Мекку и закрыли главные святыни. В Индии запретили ряд религиозных обрядов. По всему миру закрылись скотобойни, где кошерная пища готовилась устаревшим и неприятным для ортодоксальных евреев способом¹. Повсюду вступил в действие Акт единообразия. Теперь в мире должна была установиться только одна вера, моральное выражение мирового сообщества.

Как и мир 1978 года, доктор Рейвен был застигнут врасплох этим быстрым превращением транспортной монополии в правительство, общественный порядок и всеобщую веру. Эксперимент Советской России и практическое подавление любой другой религии, кроме так называемого коммунизма, вполне могли подготовить разум к тому, что для любого нового общественного порядка необходимо новое образование для всех, кто должен жить при этом порядке добровольно и с пользой, и что образовательным ядром является религия. Очевидно, доктор Рейвен не полностью прочувствовал это утверждение. Как и почти все либерально настроенные люди нашего времени, он не верил ни в одну

¹ Мать Герберта Уэллса звали Сара Нил (*Прим. переводчика*).

из религиозных форм, но терпел их все. Ему казалось вполне разумным, что разные мозги интерпретируют жизнь, как им заблагорассудится, и что это не оказывает на социальную и политическую реакцию никакого влияния. Поразительно, как такие противоречивые жизненные концепции все еще существуют бок о бок в нашем современном мире с небольшим взаимным придирчивым отношением. Но совершенно очевидно, что грядущие поколения этого не примут. В будущем они осознают, что может быть только один правильный взгляд на мир для нормального человека и только одна концепция правильной схемы социальных реакций, и что все остальные должны быть признаны неправильными и вводящими в заблуждение, включая деструктивное поведенческое искажение.

Книга сновидений, раскрыв перед доктором Рейвеном историю последней великой революции, разрушила в его сознании весь уклончивый оптимизм, всю доброжелательную терпимость и доброе товарищество нашего времени. Если по всей Земле воцарится мир и благополучие, если будет положен конец войнам, грабежам, бедности и горькому всеобщему разочарованию, тогда наряду с коллективной организацией должно произойти нравственное становление личности. С формальной точки зрения произошедшая революция послужила лишь прелюдией к более совершенной революции. Та первая лишь создала Временное правительство, которому теперь предстояло заняться самым важным делом — ментальной реконструкцией.

Это захватившее Землю первое мировое правительство с его несколькими миллионами несовершенно ассимилированных сторонников должно было обездвижить или уничтожить каждую, но не слишком сложную, систему ошибок, неверных толкований, компенсаций и самоутешений, призванных смущать людские умы. Оно должно было сражаться со страхом, ленью, жадностью и ревностью в каждой душе во всем мире. И больше всего в душах своих собственных людей, и побеждать. В противном случае, все бы прекратилось, потому что иначе неизбежно возникли бы разногласия и рецидивы, и к долгой истории мученичества пришлось бы добавить еще одно столетие тщетных проб. Этот новый режим должен был либо очистить коллективный разум, либо сгнать. В случае неудачи человек вернется к животному индивидуализму, через хаос к вымиранию. Неудачи в прошлом не приводили к глобальной катастрофе, потому что имели частичный и локальный характер, но это мировое усилие оказалось решающим.

Глава 2

МЕЛОДРАМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Я уже отмечал, насколько безлична эта школьная история 2006 года по сравнению с историями нашего времени. Политики и государственные деятели проходят, как тени, члены королевских семей выглядывают и исчезают, как мыши за обшивкой. Наконец они исчезают вовсе — незаметно. Время от времени эта история отбирает отдельных людей. Например, Генри Форда или Де Виндта, Уинстона Черчилля или Вудро Вильсона. Не как героев и лидеров, а как типажей и свидетелей. В точке максимальной эффективности коллективного социального мозга они проявляли правильные потоки идейных систем.

Но затем, внезапно, история превращается в нечто вроде мелодрамы. В мировых делах доминируют личности. Цезарь и Клеопатра, Мирабо¹ и Мария-Антуанетта. Не думаю, что существует великая необходимость подробнейшим образом излагать мотивы Воздушной диктатуры, но позвольте мне кое-что прояснить в том виде, в каком оно дошло до меня.

¹ **Оноре Мирабо** — деятель Великой Французской революции. Обвинялся в получении взяток от роялистов. Скорострительно скончался 2 апреля 1791 года в возрасте 42 лет (*Прим. переводчика*).

Воздушный и Морской Контроль и связанные с ним вспомогательные органы управления состояли из увлеченных молодых людей, которых побуждали к действию растущий мировой беспорядок и школу Де Виндта. Они были полны великодушия, энтузиазма и уверенности. В первый Мировой совет избрали, в основном, возрастных лидеров. Большинству было крепко за 65 лет, несколько мужчин среднего возраста и только двое из числа молодежи. Со своей энергичной инициативой Арден Эссенден являлся не столько председателем, сколько естественным лидером. По личностной силе с ним мог сравниться только Иван Энглхарт. Остальные обладали утонченными и благородными умами, но не очень-то подходили для грубого использования в общественном восхищении.

Миру захотелось узнать об Эссендене побольше. Он стал гораздо известнее всех остальных своих коллег. Когда газеты снова широко вошли в обиход, его изображения, с его молчаливого согласия, заполнили собою все окружающее пространство. Однако у этого культа личности была своя особенность. В мировом правительстве появился новый метод вести дела. Под публичными заявлениями никто не подписывался. Просто указывалось, что Контроль или Совет предложил, объявил, решил, подытожил. Документ удостоверяла печать Мирового государства с крылатым диском. Подразумевалось, что она олицетворяет собой имя Эссендена. Такова была идея. Его престиж вырос до заоблачных высот, и он, разумеется, об этом знал. Осознание большой внешней поддержки не могло не повлиять на отношение популярного лидера и к коллегам, и к общей задаче.

Авторы нашего учебника, насколько можно расшифровать наиболее сложные фрагменты, внимательно взвешивали хорошие и не очень хорошие последствия роста естественно нетерпеливой решительности Эссендена. Они приводили разные примеры и сравнивали его с другими диктаторами. Бесспорно, бывают кризисы настолько неотложные, что многие достойные соображения лучше игнорировать и отвергать, чем откладывать принятие мер. Критики нашего времени изучали Муссолини, Сталина, Кемаля¹, Гитлера и разных других диктаторов времен экономического краха Запада, пытаясь их выгородить. Я нахожу эти суждения потомков очень несогласованными с моими собственными глубоко либеральными англосаксонскими предрассудками. Наши правнуки подчеркнут безнадёжную неопределённость парламентского режима даже в большой степени, чем это сегодня могу сделать я.

По их мнению, Эссенден явно стоит особнячком. Это лидер сыграл

¹ Подразумевается Мустафа Кемаль Ататюрк (1881 — 1938), первый президент Турецкой республики, образовавшейся по итогам развала Османской империи. (Прим. переводчика).

роль сильного человека с опозданием на полвека. Спустя много лет они решат, что модель развития была полностью представлена Де Виндтом и его теоретическими последователями. И они будут настаивать, что Арден не столько «вел», сколько «говорил первым». Он неоправданно спешил, когда общее решение представлялось неминуемым. Он убедил комитет слишком рано и слишком резко нанести удар по старым религиозным и политическим традициям. Ему казалось, что те стоят на пути Современного государства. Он обнаружил, что коллеги слишком медленно ориентируются в необходимости принятия тех решений, что ему казались очевидными. Он оказался не только слишком нетерпеливым, но и чересчур властным.

Практически сразу же после провозглашения мирового суверенитета на комитетских заседаниях начались стычки между Арденом Эссенденом и группой во главе с Уильямом Райаном и Хупером Гамильтоном. Труднообъяснимой занозой в боку Эссендена стал Ши-лунг-танг. Лидера он принялся коварно обесценивать и всячески ослаблять его влияние. Рин Кей вмешивался в споры с деликатной твердостью, а Иван Энглхарт клеймил разногласия с открытым забралом.

Надо понимать, что новое мировое правительство действовало в условиях, перенасыщенных эмоциями. В перспективе еще оставалось слишком много неопределенности. Возможно, именно это и способствовало некоторой склонности к авантюризму. Фактически Мировой совет получил в свои руки мировую власть, но так думали далеко не все. Даже к 2000 году лишь каждый двадцатый житель Земли оказался ассимилированным в организацию. Мир и был, и не был мятежным. В оппозиции находилось немало бдительных и умных, отчужденных, а также тех, кто полностью подчинился мыслительным формам, противоречащим выстраиванию нормальных человеческих взаимоотношений в условиях Современного государства.

Разногласия между ведущими фигурами в центре событий нарушили солидарность Братства и тысячью путанных полос и пятен слабости привели к образованию странных оттолков и неверных толкований в большом мире за пределами машины. Великое пространство сохранило готовность встречать героев и злодеев, слепые пристрастия и шквальные подозрения. Оно хотело драмы в своем правительстве. Родилась легенда, что Эссенден беспощаден к проявлениям «самовлюбленности» и «мелочной тирании» со стороны различных органов управления. Его хотели видеть благородным. Ему приписывали намерение взять все в свои руки и править миром в великодушном духе.

В истории сказано следующее:

«Автократ всегда был воображаемым убежищем толпы от жесткой аристократии».

Не существует никаких доказательств тому, что Арден Эссенден

действительно замышлял осуществить эти мечты. Не найти ни единого слова, а тем более поступка, свидетельствующего о его неверности Современному государству. Но не может быть никаких сомнений в том, что он чувствовал свою исключительность и незаменимость. Он твердо верил, что Мировой республике без него не обойтись. Он чувствовал, как и Сталин до него, что люди без него окажутся полностью беспомощными.

А потом в историю внезапно вернулись женщины. Мы находим любовную интригу, брошенную через исторический поток. Я как-то не замечал, пока не добрался до этой части всемирной истории, насколько малую роль играли женщины, начиная с Мировой войны. В большинстве стран до катастрофы они были эмансипированы и получили равные с мужчинами политические права. Добившись своего, прекрасный пол исчез из поля зрения на четыре десятилетия непревзойденного насилия. На ранних этапах Русскую революцию продвигали в том числе и женщины-лидеры, но ни одна из них ключевые позиции так и не заняла. Между двадцатыми и восьмидесятыми годами женщинам по большей части отводилось место на кухне, в детской, в больнице или в гареме. Они потеряли то малое политическое значение, что имели, когда королевы вышли из моды. В Братстве Современного государства женщины занимали значительную долю, но ни одна из них так и не получила знаковую должность в этой системе. В Мировом совете женщины отсутствовали. Они выполняли жизненно важную работу, образовательную, секретарскую, исполнительную и тому подобное, но это была вспомогательная работа, которая не приводила к индивидуальной значимости.

В этот самый момент историк 2106 года нарушил непреднамеренное табу. На сцене появились два женских имени, Элизабет Хорти и Джин Эссенден. Нити человеческой судьбы пересеклись в истории страстной любви и страстно скверного поведения.

Элизабет Хорти, ставшая причиной падения и казни Ардена Эссендена, была, очевидно, женщиной с великолепной внешностью и безупречным поведением. Она служила летчицей, и, похоже, любила носить форму даже в тех случаях, когда большинство женщин предпочитали робу. Согласно данным, приведенным в истории, наша новая героиня знала, чего хочет. Высокая и, очевидно, превосходно сложена. «Вздернутый подбородок», «широкий лоб», «безмятежное лицо». На это указывают обращенные к ней письма Эссендена. Эти послания недвусмысленно указывают, что писал их неискушенный в любви. Кроме того, из них не узнать, была ли эта женщина брюнеткой или блондинкой, какого цвета глаза смотрели из под «широкого лба», и каким голосом она говорила. Ее любовные письма, по-видимому, были куда более содержательными и необычайно смелыми. Не может быть никаких сомнений в ее обаянии и яркой исключительности. Она была

одной из тех женщин, в каких мужчины обычно видят необъяснимое сияние. В ней сверкал «солнечный свет», играла «волнительная музыка». Она делала мужчин своими преданными друзьями. И только Хупер Гамильтон испытывал к ней скрытую неприязнь.

Насколько можно судить, эта молодая женщина, с ее очевидной «храбростью» и сильной склонностью к романтике, приехала в Басру в сопровождении Уильяма Райана. Возможно, но маловероятно, что она была его любовницей. Допустимо предположить и то, что мало или совсем не интересовалась грандиозными задачами мировой революции, кроме как в качестве подходящего фона для захватывающего личного приключения. Она, похоже, влюбилась в Эссендена с первого взгляда, а он в нее, хотя, не исключено, что она и ехала в Басру именно с этим намерением. В нем было мало от актера, в то время как в ней, судя по всему, актриса жила неусыпно. Ей нравилось быть в центре внимания, нравилось великолепие, и, возможно, ее вкус к великолепию оказывался куда сильнее аналитических способностей.

Вероятно, она отдалась ему без колебаний, оговорок и без малейшего желания это скрыть. Любовь между этим мужчиной и этой женщиной — тут я снова вынужден цитировать бесхитростные строки из писем мирового властелина — «выставляла себя напоказ, как развевающееся на ветру знамя».

Теперь настало время сообщить читателю о самом главном нюансе этой, по большому счету, довольно примитивной драмы. Несвободными являлись оба. Да-да, хозяин мира к тому времени был женат. Супруга Ардена Эссендена представляла собой женщину, в которой всего было слишком много. Слишком много энергии, слишком много желания владеть и слишком много навязчивой услужливости. Неумное тщеславие реализовывалось через тягу постоянно «вдохновлять» самого главного в мире мужчину. Актерский состав также включал в себя Райана, который громко возмущался по поводу того, что Эссенден «украл» у него «воздушную девушку», и злобно настроенного Хупера Гамильтона. Нам остается только гадать о деталях этого заурядного театрального представления, которое привлекает к себе лишь по одной причине: у него — мировой масштаб. В кульминации Жанна Эссенден выступила перед Мировым советом с обвинениями в адрес собственного мужа, утверждая, что он замешан в реакционном заговоре против Современного государства. Абсурдность такого заявления никого особенно не смутила. Ведь выходило так, что мировой глава готовил бунт против самого себя. Жанна заявила, что перехватывала соответствующие письма, но ни одно из них на общий суд так и не предъявила. Рассматривая подробности этого дела, историк 2106 года обратил внимание, что никаких реальных доказательств вины Элизабет Хорти и Ардена Эссендена так и не было найдено. Обвинение просто показалось правдоподобным. А когда кто-то

из особо рьяных следователей нашел в письме Элизабет строку, где она называла возлюбленного «Мой Король», чаша весов окончательно склонилась не в пользу узурпатора.

Более того, Жанна заявила, что муж неоднократно хвастался будущей славой, высказывал угрозы в адрес коллег и весьма странно отвечал на ее увещевания. Ну и, наконец, она назвала себя нестигаемой сторонницей Современной республики. Гораздо позднее, в порыве раскаяния, она отказалась от всех своих показаний. Правда, было уже слишком поздно. Вполне возможно, что какая-то доля из них все-таки соответствовала действительности, равно как и то, что реальность подверглась преломлению в голове, истерзанной ревностью.

Так или иначе, именно Гамильтон решил судьбу Эссендена. Для рассмотрения дела создали Специальный суд. Гамильтона назначили председателем.

«Нам не нужны доказательства, потому что очевидны мотивы, — ледяным голосом произнес он, с удовольствием наблюдая, как бледнеет лицо обвиняющей супруги. — На самом деле, совершенно не важно, следует ли считать Эссендена участником заговора. Истинное преступление этого человека заключается в том, что он позволил ситуации развиваться именно в таком ключе. Вместо того, чтобы служить Республике, он переключился на личные удовольствия. Стало быть, повинен в эгоизме. Он пожертвовал собой и интересами окружающего мира ради сугубо личной драмы. Вопрос его вины никого не волнует. Перед нами не стоит вопрос «Что сделал Эссенден?», перед нами стоит вопрос «Что мы собираемся делать с Эссенденом?». Наступает нужда в репрессивных действиях. Иначе грянут гражданская война и кровопролитие. Сейчас не время для великих любовников. Эссенден становится слишком мутным. Он больше не может нас вести. А отсюда возникает самый главный вопрос: а сможем ли мы обходиться без него?.. Арден, ты становишься для нас ПОМЕХОЙ. Ты даже не можешь разобраться со своими женщинами, и потому мы обязаны честно и открыто сказать тебе прямо в лицо: ТЫ СТОИШЬ У НАС НА ПУТИ!»

Эти слова цитируются в примечаниях к граммофонным записям судебного процесса. Скорее всего, историк 2106 года, сидя за столом, прослушивал записи на стальной ленте; записывал речи и анализировал интонации голосов.

После паузы слово взял сам Эссенден:

— Да, я вижу, что стою у вас на пути...

Собравшиеся члены решили, что не должно быть ни открытого суда, ни тем более публичного осуждения. Это спровоцирует восстание. Мировому властелину предстояло получить таблетку и сделать выводы наедине с собой в укромном месте. К тому же, его никто не торопил. Ему предоставили возможность «посидеть на весеннем солнце среди

цветов и зеленых деревьев», и он мог покончить с этим в любое удобное для него время.

Все согласились, и только Жанна принялась кричать, что эти последние полчаса влюбленным нельзя позволить провести вместе.

На долгие годы стальные ленты сохраняют пронзительные интонации этого мучительного эпизода.

— Это останется со мной до конца моих дней! — голосила Жанна. — Я ЭТОГО не вынесу!

— Это не так, — приводятся далее слова Элизабет. — У тебя больше нет нужды страдать. Больше нет поводов для ревности. Все кончено. Кончено навсегда. А теперь я ухожу. Прочь отсюда. Я никогда не желала причинить боль Ардену таким способом. Откуда мне было знать? Конечно же, мы не станем с тобой прощаться. Нам нечего сказать друг другу. Ты не смогла справиться со своей ревностью и сделала то, что сделала. Но знай, я никогда не хотела причинять тебе боль. И ему тоже.

Таковы ее слова в том виде, в каком они приведены в стенограммах, но мы никогда не услышим их звучания. Человек, который записал их спустя столетие после того, как они были произнесены, слышал их, когда выводил буквы на бумаге, слышал, как голос Элизабет слабеет, если он слабел. Говорила ли она от души или произносила заученную отрепетированную речь? Нам остается только догадываться, насколько эти слова передавали жестокую драму и действительно ли в них заключалось простое великодушие.

Не сохранилось описания последних мгновений Ардена Эссендена, человека, составившего прокламацию об основании Мирового государства. Вполне вероятно, что он посидел какое-то время в каком-нибудь залитом солнцем саду, а потом тихо и безмятежно проглотил любезно предоставленную таблетку. Возможно, он думал о своей жизни в борьбе, о своих первых днях в годы опустошения и о долгой битве за Мировое государство, за которое он так упорно боролся. А впрочем, по всем законам романтики он мог думать только об Элизабет. Как бы то ни было, гораздо более вероятно, что этот человек был слишком утомлен и сбит с толку, чтобы мыслить связно, и тупо сидел на солнышке, глядя на цветы, составлявшие концовку его рассказа. Эта книга для него закрылась на последней странице. Он умер где-то на севере Франции, но где именно, в записях не сказано.

Сохранившейся информации о судьбе Элизабет Хорти, которая покончила с собой в тот же день, гораздо больше. Для нее таблеток не нашлось. Эта женщина выбрала один из самых доступных для ее профессии путей. Подняла машину на предельную высоту и вышла из кабины. Вверх летчица шла практически вертикально, словно пыталась улететь с планеты, простившейся с романтикой.

«Самолет перестал набирать высоту, повис неподвижно в небе

дрожащей пылинкой. Начал колебаться и падать как сорвавшийся с дерева пожелтевший листик. Среди ветвей небольшой дубовой рощицы недалеко от замка Шантийи был найден изодранный клочок человеческой плоти».

Всего через пару недель Хупер Гамильтон также поддался «эгоизму» и принял смертельную дозу снотворного в своем летнем домике на Аландских островах.

Мелодраматическая интерлюдия, больше похожая на не самую оригинальную новеллу, на том и закончилась. Надо отметить, что в своей элементарной грубости она не вяжется ни с тем, что ей предшествовало, ни с тем, что за ней последовало. Нам говорят, что были и другие подобные «истории» о людях Первого совета, но все остальное, кроме этого единственного образца, оставлено на волю нашего воображения. Он выглядит слишком неуместным в нашей общей истории, и по этой причине безжалостно разрывает саму ткань повествования. Тем не менее, сквозь эту узкую щель мы видим жалкие фантазии человечества, которое устремлялось к наивысшему накалу личной страсти.

Что чувствовала эта молодая женщина, когда ступила в пустоту над перистыми облаками? Считала ли она, что ее жизнь того стоила? Так или иначе, но история называет ее «последним романтиком».

Глава 3

БЕСПОЛЕЗНОЕ ВОССТАНИЕ

Насколько можно судить по тексту, историки 2106 года убеждены, что Элизабет Хорти не являлась тайным агентом федеративных националистов. Тем не менее, они воспользовались ее смертью, как поводом для начала открытого мятежа. В качестве основного аргумента в пользу непричастности любовницы Эссендена к революционной деятельности приводится как раз тот факт, что она не полетела на своем самолете к повстанцам в Германию. Этой женщине явно было наплевать на монархический заговор. Возможно, она даже не знала о его существовании. И она, и Арден Эссенден, вне всяких сомнений, жили и умерли верными, по крайней мере, в намерениях, Современному государству.

Бунтовщики с упоением ухватились за эту трагедию и использовали ее как символ. Долгое время считалось, что Эссенден отрекся от социалистического космополитизма Басрской конференции в пользу федеративного национализма. Весьма любопытно будет отметить, что легенда о старой бедной Лиге Наций стала куда мощнее, чем ее живая реальность. И в этом, безусловно, присутствует своя изуверская ирония, что именно хиленькая структура межвоенного периода породила

формулу для попытки снова разделить мир на «суверенные фрагменты». Декларация так называемого принца Манфреда Баварского поставила Лигу в центр своих обещаний. Принц говорил о Лиге, как о Всемирной федерации свободных народов и обещал свободу мысли, преподавания, торговли, предпринимательства, религиозного исповедания, базового английского, а также свободу от чужеродного влияния. Для того, чтобы подчеркнуть свое отношение к происхождению Собратьев, Манфред устроил небольшой и очень аккуратный еврейский погром в одном из районов Франкфурта.

(От этого места и до другого, которое укажу, когда до него доберусь, могу с достаточной достоверностью растолковать суть записей — РЕД.)

В этот период беспорядков так и не случилось ничего такого, что хотя бы отдаленно можно было бы назвать генеральным сражением. Мировой совет имел огромное преимущество, так как держал в своих руках все средства связи. Военные и военно-морские эксперты могли бы объяснить глуповатым повстанцам, что без эффективной дистанционной связи войны не выигрывают. Перед тем как принять свою таблетку, принц Манфред успел издать несколько смелых прокламаций «ко всему миру», но поскольку базовый английский был отвергнут его движением, они были переведены только на несколько местных языков, напечатаны на ворованной бумаге и оказались востребованы, по большому счету, только коллекционерами. Попытки глушить общественное радио следует воспринимать не более, чем мелкой пакостью, нежели серьезной акцией с далеко идущими последствиями. На начальных этапах произошло некоторое оживление производства боеприпасов на заводах, захваченных повстанческими бандами, но, как правило, производственные мощности сворачивались самое большее через несколько недель под усыпляющим влиянием пауификина. К националистам улетели несколько дезертиров из Воздушной полиции и небольшое количество предателей на частных самолетах, но это, по сути, ни на что не повлияло. Бдительные полицейские патрули при почти полном отсутствии независимых аэродромов смели восстание с лица земли.

Оставались бомба, запрещенный пистолет, кинжал и засада. Именно они сделали восстание грозным. Мировому Контролю пришлось прибегать к шпионажу, поисковым рейдам, ограничению частного передвижения и противодействовать насилию путем карательных экспедиций. Последние этапы борьбы превратились в мрачную и даже ужасную главу в истории человечества. На узких улочках, в толпе и на совещаниях, в административных бюро и на обочинах новых дорог прятался смертоносный патриот. Постепенно и незаметно он слился с преступными группировками.

Именно эта кампания убийств, «Война молчащих и разоруженных», как выразился принц Манфред, на полвека ожесточила сердце Современного государства. Предпринимались «превентивные» меры. Пришлось стать подозрительным и недоверчивым. Это ужасное существо, агент-provokator, снова оказалось при деле еще до наступления XXI века. Этот род деятельности, безусловно, не исчез до Межевской декларации 2059 года, но о нем нигде не упоминается после 2030-го. Правительство, пришедшее к ликвидации через Ардена Эссендена и принца Манфреда, осознало чрезвычайную решительность и легкость смертоносной таблетки. Грубые формы казни уступили место более вежливому методу. Каждый осужденный имел возможность повторить Смерть Сократа, собрать друзей, если хотел, посетить какое-нибудь прекрасное место и удалиться в свое бюро. Напрасно ветеран Рин Кей протестовал в комитете, утверждая, что люди недостаточно хороши, чтобы быть макиавеллистами. Также он заявил, что они недостаточно хороши, чтобы надеяться полномочиями на жизнь или смерть, заключение в тюрьму или облегчение перед Собратьями.

«Убивая, вы убиваете себя!» — провозгласил он.

Между тем, повстанцы продолжали убивать с неиссякаемой энергией и настойчивостью. У их жертв отсутствовали спокойствие и изящество в последние минуты. Кого-то зарезали, кого-то застрелили, кого-то подстерегли и забили до смерти.

«Для террора, — написал Крамер, — смерть должна быть ужасной!»

«За убийство, — сказал Антуан Айала, — смерть должна стать неизбежной!»

В конце концов, Уголовный кодекс достиг своего апогея. В 2005 году совершено 5703 политических убийства, а в 2007-ом — 1114. последний зарегистрированный случай произошел в 2034 году. Общее число составило 120 000 человек. Но за эти двадцать девять лет проведено 47 066 политических казней! По оценкам Рихани, более семи процентов выполнены на основе анонимных, косвенных или иных неудовлетворительных улик. Большинство приговорены военным трибуналом. Третье тысячелетие наступило как угодно, но только не тысячелетним образом.

Глава 4

ОБУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

И вот в рукописных заметках снова появился тревожный оттенок. Они почти не читаемы. Сопротивление доктора Рейвена усиливается и смешивается с оригинальным текстом.

Это вековой вопрос между верой в принуждение и верой в добрую волю. Это влияет на меня даже сейчас, когда пишу. Не понимаю, как это может не влиять на любого моего современника; писателя или читателя. Я снова ощущаю этот привкус; легкий, но будоражащий — как мне назвать это, кроме БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТИ? Людям, о которых мы ведем речь, присущи разные фундаментальные идеи. Этот короткий переход за сто семьдесят лет отмечен незначительными изменениями в человеческом сердце. Я задаюсь вопросом, неужели такие различия возникли бы, если бы светлый ум XVIII века вошел в беспрепятственный контакт с нашими сегодняшними мыслями? Разве такой разум не счел бы нас жесткими и скептически настроенными в отношении уважаемых понятий, чересчур откровенными в отношении физиологии и уродливыми в чувствах?

Это старая забава — оживлять таких литературных персонажей, как доктор Джонсон или Эддисон, и заставлять их обсуждать нынешнее

время. Как правило, веселье не идет дальше облачения современных реакций в старомодные фразы и костюмы. Но в свете моего собственного ответа на резко ясную, холодную и несколько презрительную критику нашего нынешнего сопротивления со стороны автора или авторов этого документа от 2106 года я обнаружил, что пересматриваю старые сопоставления. Если бы Джонсон и в самом деле ожил, он показался бы нам невоспитанным, отвратительным, неприспособленным и занудным старым джентльменом, дурно пахнущим, и со скверным поведением. Его суждения о жизни и событиях оказались бы далеки от истины и окрашены отзвуками устаревших споров. Тем не менее, мы бы обнаружили, что его контакт с нами пронизан неизлечимым страданием из-за нашего темпа, наших странно отличающихся ценностей, нашего бесчеловечного гуманизма, как ему бы показалось, и нашей жестокой рациональности. Тот, кто так стойко придерживался устоявшихся институтов, обычаев и интерпретаций, обнаружил бы, что фон исчез, а он сам стал похож на бедного мученика, и множество глаз обращены на него со всех сторон. Конечно, его отправили бы на встречу с мистером Честертоном, и это могло бы оказаться самой болезненной из всех его встреч. Для мистера Честертона, которого часто изображают аватаром старого доктора, это относится к его собственному времени, как к самому футуристическому для любого из нас.

Я — враждебно настроенный критик нынешних условий и революционер по сути; тем не менее, я могу ладить с окружающими меня людьми. Пусть я пою песню о восстании, но если бы меня перенесло в бесконечно более счастливый и просторный мир, как показывает история доктора Рейвена, я бы постоянно и непоправимо, как в мелочах, так и в больших начинаниях, проявлял несоответствие. Если бы я принялся излагать свои наблюдения, кажущиеся мне разумными, меня никто не понял бы. Сам же я не смог бы уловить, что именно доставляет удовольствие более широким и энергичным людям. Вся жизнь пронеслась бы мимо. Все, на что я надеялся и что предсказывал, могло быть там — но каким-то существенным образом иным и для меня чуждым.

Это — один из важнейших нюансов, которому меня научили заметки доктора Рейвена, что человеческий разум, во всяком случае, разум взрослого человека, гораздо труднее перенести в другое время и другую атмосферу, чем я привык думать. Мне кажется, что история смелого лидерства Ардена Эссендена, его острого самосознания и неуправляемой любви к Элизабет Хорти имеет значение применительно к какой-нибудь другой истории. Скажем, к содержанию романа Джорджа Мередита «Трагические комедианты». Историк 2106 года находит Ардена и Элизабет единственным материалом, откуда можно выделить предательский эгоизм неумной страсти. Что-то во мне восстает против

этого, как и против утверждения, будто Мировая война являлась пустой тратой времени, героизм и жертвы — слепыми и ошибочными, а значение — куда меньшим, чем вызвавшие войну социальные и экономические потрясения.

И вот теперь, когда я перехожу к этим разрозненным записям о сурово рациональном воспитании человеческих мотивов в условиях Воздушной диктатуры, записям, при воспроизведении которых, даже сам доктор Рейвен не испытывал никакого удовольствия, мое отвращение столь же неистребимо, сколь и не разумно. Я чувствую, что, если бы не «причуды пространства и времени», я стал бы одним из активно протестующих духов, чьи сущности корчились в безжалостно благожелательной хватке Воздушной диктатуры. Не важно, насколько эта история соответствует или не соответствует моему моральному настрою и моим умозаключениям. Гораздо важнее другое. Она дошла до меня через доктора Рейвена, а потому я обязан ее рассказать.

Совершившие великую революцию и объединившие мир между 1965 и 1978 годами представляли собой людей почти такого же ментального склада, что и мы. Они находились в прямой умственной и нравственной преемственности с нашими современниками. Пока читатель переворачивает эту страницу, если в этой истории присутствует хоть капля правды, Де Виндт, до сих пор совершенно неизвестный, должно быть, работает либо в Берлине, либо в Лондоне над Теорией зародышевого Современного государства, планом окончательной консолидации. Издатели, должно быть, уже прочитали и отвергли предварительную схему великого творения. Через год или два некая миссис Эссенден выберет имя Арден для своего мальчика. Члены первого Мирового совета видели обе стороны дела и колебались между нашими традициями и новым порядком. Последующее поколение, составлявшее костяк Воздушной диктатуры, с самого начала формировалось в агрессивно ярких новых школах ядер Современного государства. Ученики читали новую литературу, смотрели на свежие горизонты. Социальные психологи и «новые юристы» американской школы доносили до учеников определенную идеологию. Учебный процесс оказался поразительно конструктивным, хотя нюанс заключался в относительной неясности и компромиссной слабости.

Первый Мировой совет со своей политикой и внутренним соперничеством оказался менее эффективен, чем ненавязчивый Образовательный Контроль, который, действуя под его руководством постепенно объединил полицию, гигиену, школу и литературу в одну мощную управленческую систему. В то время как Мировой совет боролся за единое Мировое государство, руководил им и осуществлял его, Образовательный Контроль переделывал человечество. С начала XXI века бывшие революционные лидеры отступили на второй план или вовсе

исчезли. На первый план вышли более простые и решительные правители.

(Ниже я снова цитирую записи)

«Мир достаточно разнообразен и без искусственного разнообразия», — ведущая максима Образовательного Контроля, создающего людей Воздушной диктатуры.

Более развернутый вариант этой максимы:

«Не дело для человеческого сообщества страдать от психических отклонений и недостатков, если их можно избежать».

Группа учителей взялась оберегать новые жизни, начиная с внутриутробного развития, от физического и морального искажения. На этот счет у Образовательного Контроля не возникало и тени сомнения. Отныне все возможные человеческие существа привлекались в новое причастие. Каждый должен подвергнуться заразе современности. С каждым годом мощь Братства увеличивалась. К 2000 году насчитывалось пять миллионов Собратьев, к 2010-му — тринадцать. Образовательный Контроль все глубже погружал пытливые пальцы в недра человеческой жизни. Гигантскими темпами росло число как преобразованных по новому образцу учеников, так и учителей вместе с инспекторами, чьему мнению можно было доверять.

Превосходство новых методов невозможно было отрицать. «Исторические сцены» в ста томах свидетельствуют, что с 1990 года не только возобновился прогресс в технике изобразительного искусства, но и наметилось восстановление физического благополучия. Когда внимательный студент переворачивает страницы, он видит, как человек выпрямлялся, рос физически и становился более бдительным. Сутулые, еле волочащие ноги мужчины и женщины, апатичные лица, толстые и неуклюжие фигуры тех, кто неправильно питался, заплатанная одежда, и постыдное самодельное снаряжение Второго упадка и крушения исчезли. После 1990 года одежда свежа и проста, а после 2010-го строго красива.

Это достигалось за счет того, что либеральная мысль XIX века, несомненно, назвала бы «принуждением». Ранний Мировой совет имел склонность оставлять в покое большие районы планеты, если те не «доставляли хлопот». Новый Мировой совет, также известный, как Воздушная диктатура, действовал принципиально иначе. Началась систематическая атака на «отсталые регионы», как их называли с 2006 года, когда Мировое правительство взяло на себя задачу «привести в порядок» все еще полу-варварское крестьянское население Гаити, Ирландии, Западной и Центральной Африки, Южной Италии, Джорджии в Америке и Грузии на Кавказе¹, и Восточной Бенгалии. То есть речь шла о регионах, где с упрямой настойчивостью отстаивались

традиционные суеверия, тайные общества, магические культы и даже жертвоприношения. Открылась охота на знахарей, колдунов, священников, религиозных учителей и подстрекателей к мятежу. Родителей штрафовали за «препятствия» к обучению их детей в космополитических школах.

Многие критики Воздушной диктатуры придерживались мнения, что не следовало гоняться за умирающими обычаями и верованиями. Дескать, они исчезли бы сами по себе и без внешнего вмешательства, превратившись в простые фантазии и притворства. Однако новое поколение правителей к данному вопросу отнеслось со всей серьезностью. История не знает сослагательного наклонения. Мы можем знать только то, что произошло на самом деле.

Старая католическая церковь, по-видимому, все еще существовала. Последняя сохранившаяся христианская организация, сильно обнищав, страдала от расколов. Один папа находился в Дублине, другой — в Риме, и еще один — цветной — в Пернамбуку². С юридической точки зрения, самым легитимным преемником святого Петра являлся ирландский папа. Конклав избрал его должным образом, но фашистская организация возразила, что он — неитальянского происхождения. Настоящая фамилия — ОДауд. По-итальянски говорил с акцентом. В общем, кардиналов запугали перспективой новых выборов. Похоже, свою лепту в этот раскол внесла вражда между конкурировавшими преступными группировками в Америке, но детали остаются неясными, и они не должны занимать прилежного студента. В результате произошло разделение американского католического мира между дублинской и римской общинами. Это, в свою очередь, привело к серии братоубийственных междоусобиц, беспорядков и мелких локальных войн.

«Долой папу римского!» — провозгласил ирландец.

Это сильно напоминало более ранний раскол Церкви благодаря соперничеству французской монархии и центрально-европейской имперской системы. Результатом стал альтернативный папа в Авиньоне.

Ирландия оказалась последним оплотом христианства. Католическая религия оставалась государственной с 1944 по 1980 год. Кроме того, ирландский гэльский язык сохранял свои позиции, хотя и был в значительной степени подпорчен неизбежными английскими словами и оборотами. В Ирландии запретили агитационную деятельность Контроля за рождаемостью. Да и вообще ядра Современного государства в этой стране бойкотировались особенно яростно. Диктатура обнаружила, что борется с одним из самых упрямых народов. Ирландцы восставали по

¹ Игра слов; *Georgia* (англ.) — Джорджия (штат в США), Грузия (Прим. переводчика).

² Пернамбуку — штат в восточной части Бразилии (Прим. переводчика).

всему миру. После эпидемии Бродячей лихорадки население Ирландии не превышало двух миллионов, но в англоязычном мире существовала сильная и широко распространенная ирландская традиция. Кое-кто из наиболее блестящих и грозных противников обучения и воспитания нашего вида, например, Пейдрик Линд, Артур Фитцджеральд и Бернард Одуа́йер, прибыли именно из Ирландии. Как ни странно, ни один из этих троих не был католиком, а Фитцджеральд даже получил тюремный срок за богохульство, но дух противостояния оказался либо врожденным, либо каким-то образом укоренился в их природе.

Позвольте пытливому студенту отметить открытую альтернативу в конце предыдущего абзаца, где поднимается нерешенный по сей день вопрос. Это ключ к решению нашей моральной проблемы. Воздушная диктатура, имея в своем распоряжении недостаточно разработанную науку — социальную психологию, столкнулась с неясной и спорной образовательной сложностью; с изменчивостью психического сопротивления руководству и с ограничениями, установленными природой для идеала покорного и ориентированного на сотрудничество мира. Де Виндт, поглощенный своими гигантскими схемами мировой организации, относился к «оппозиционному духу», как к абсолютному злу, как к пороку, которого следует остерегаться, как к неполадкам в механизме, которые необходимо свести к минимуму настолько, насколько возможно. Воздушная диктатура осуществляла мировые расчеты, опираясь на утверждения непревзойденного мозга. Крайне сомнительно, что мир можно было объединить в крепкий и нерушимый *Pax Mundi* каким-то иным способом. И все-таки эти теоретические разработки следует назвать ошибочными. В конце концов, от них пришлось отказаться в пользу более тонких и совершенных концепций социального взаимодействия.

Каждому практикующему учителю известно, что сопротивление является необходимым фактором в обучении. Мягкий нестойкий материал легко оставляет след, но и быстро его теряет. Легкие ученики делают обучение небрежным. Сложность, а вместе с ней и обоснованность преподавания, возрастает по мере того, как ученик реагирует. Кажущийся парадокс — сопротивление включает в себя определенный элемент сотрудничества. Усвоенное поглощает привнесенные в борьбу элементы. Вырезать сыр легче, чем хороший кусок дерева, потому что последний имеет предубеждение. С каждым деревянным куском следует разбираться индивидуально, им нужно управлять, ему нужно потакать, но при этом нет никакой разницы по интересу и качеству между нарезанным сыром и резьбой по дереву. Это общие места наших педагогов. Свою работу Образовательный Контроль защищает репрессивными мерами, направленными не на внутреннее, а на искусственное сопротивление, доставшееся нам от дореволюционной

эпохи.

В старом свете начала XX века существовало огромное количество грубых обобщений о так называемых «расовых» характеристиках. Встречались обобщения о произвольно выбранных агломерациях смешанного населения — например, испанцев, «Запада», «России» или евреев. Такие обобщения всегда являлись несправедливыми и неточными, и часто чрезвычайно вредными. В настоящее время мы больше не пишем о расах, но признаем группы характеристик, очевидно, передаваемых, как правило, блоком ассоциированных генов, и антропологи неуклонно развивают научную классификацию человеческих типов. Лишь в немногих аспектах человеческие существа различаются более широко, чем в непокорности. Это не простой случай, когда одни более устойчивы, а другие менее. В этом отношении жизненный цикл сильно различается. Непокорность зависит от возраста и пола, а также от потребляемых продуктов питания. Кто-то упрям в детстве, но впоследствии становится более разумным. Кто-то достигает максимума неповиновения в подростковом возрасте. Вообще говоря, пассивное сопротивление, неучтивость и упрямство, но не мятежная энергия, подрастают с возрастом. У ирландцев стремление не подчиняться крепко проявляется в любом возрасте. Порой до уровня абсолютной огнеупорности.

Апологеты «гонений» со стороны Воздушной диктатуры утверждают, что ее учителя уже достаточно подготовлены с сочувствием и деликатностью, необходимыми для обучения любого типа людей. Апологеты приветствовали сопротивление, но лишь до тех пор, пока оно происходило между учителем и учеником. По крайней мере, они так говорили. Но как не позволить сформировать в молодом человеке равнодушный ум? Ведь именно так и образуется массовое сопротивление и подрывная оппозиция мировому порядку. Таким образом, получается, что Образовательный Контроль совершенно оправдано препятствовал распространению книг и подавлял собрания, учения и всяческую контрпродуктивную агитацию. Если в руке — кнут, таким преимуществом грех не воспользоваться.

Бескомпромиссный меморандум, выпущенный Образовательным советом в 2017 году, гласил:

«Мы не подавляем индивидуальность и не уничтожаем свободу. Мы уничтожаем навязчивые идеи и устраняем искушения. Мир все еще полон вводящих в заблуждение доктрин, опасных имитаций и коварных предложений. Правительство обязано их стереть!»

«Мы должны выработать общий взгляд на существование, — говорится в том же меморандуме, — общую идею о добре и зле. Наша задача — сложить это в умах мирового населения, и КАК МОЖНО СКОРЕЕ. Естественный инстинкт не поможет в лабиринте губительных артефактов. Идею следует дополнять обучением и дисциплиной. Чем

больше мы учимся, тем меньше потребность в угнетении. Чем тщательнее мы искореняем ложные представления, тем свободнее и безопаснее смогут жить люди. Все стремительно возвращается к процветанию, и мы не можем противостоять изобилию при нынешнем моральном состоянии. Требуется его постоянно укреплять, чтобы сохранить сплоченность наших рядов».

В 1955 году человечество страдало по всему миру от беспорядков, голода и эпидемий. Его численность неуклонно сокращалась, и вполне можно было предположить, что оно движется к вымиранию. Судьба человечества менялась с головокружительной скоростью. У нас имеется четкое указание на то, что правители не без ужаса размышляли над переизбытком свободного времени у населения.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Думаю, для читателя станет понятнее, если я приведу краткое изложение политических форм, принятых развивающимся

360

Герберт Уэллс

мировым правительством в период с 1965 по 2106 год. Автор этой истории, попавшей на глаза доктору Рейвену, писал для своих современников. Соответственно, он полагал, что используемые термины и реалии хорошо им знакомы. Нынешний читатель окажется к ним совершенно не готов. К счастью, отношения коммунистических и фашистских партий со своими правительствами преподносят нам полезную параллель в отношениях с Мировым советом, то есть действующим мировым правительством после 1965 года. Это называлось движением Современного государства, а двигали им мощнейший стимул и незапятнанная совесть.

Политическая структура мира развивалась следующим образом:

После военного хаоса (1940-50) и последующей эпидемии с «социальной фрагментацией» (1950-60), среди других попыток воссоздать крупное общество, возник союз выживших авиаторов и специалистов в области торговли и транспорта. Это объединение назвали Транспортным союзом. Вопреки прогнозам Де Виндта, свои потенциальные возможности он не реализовал.

Но зато он инициировал целый ряд различных конференций для технических специалистов. В том числе, и ту самую, в Басре, в 1965 году. Его преобразовали в Воздушный и Морской Контроль, и тогда он создал вспомогательные органы: Поставочный Контроль, Транспортный (и Торговый) Контроль, Образовательный и Рекламный Контроль и другие виды контроля, а затем время от времени их перестраивал.

В 1978 году на Второй конференции в Басре Воздушный и Морской

Контроль побудил Собратьев выстроить Мировой совет. Это было первое официально объявленное Верховное мировое правительство. Позднее Воздушный и Мировой Контроль самоликвидировался, но подчиненные ему органы управления под верховным руководством Мирового совета остались, объединились и размножились.

Между 1978 и 2059 годами в основной политической структуре принципиальных изменений не произошло, зато изменились дух и методы высшего правительства — Мирового совета. Вырос новый тип администратора; куда более жесткий, куда более требовательный и куда более решительный, чем у любого из делегатов на обеих конференциях в Басре. Этих молодых людей, наш неизвестный историк назвал Вторым советом, хотя правильнее было бы назвать его продолжением первого. Сложилась борьба за власть, обусловленная смертью нескольких престарелых Собратьев, но сам режим формально не изменился. Мировой совет по-прежнему составлял высшее мировое правительство. Второй совет в первые годы существования назывался Воздушной диктатурой, позднее его стали именовать Пуританской тиранией. Это сложно назвать точными терминами; скорее, свободными описательными прозвищами. Состав Мирового совета менялся с приходом и уходом отдельных лиц, но характер оставался исключительно единообразным в течение более сорока лет. Правда, важный орган снова принялся стареть, несмотря на регулярные вливания молодой крови. В 2045 году средний возраст членов достиг шестьдесят одного года.

Второй Мировой совет просуществовал до 2059 года, когда Межевская конференция в Савое восстановила мировое правительство в соответствии с принципами, которые достаточно четко изложены в следующих главах.

А теперь поговорим об отношении руководящих органов к движению Мирового государства.

Идеологические разработки были инициированы группой писателей, самой выдающейся фигурой из которых являлся Густав Де Виндт. Основные черты мирового государства он набросал в книге «Социальное зарождение», опубликованной в 1942 году. Внутреннее качество наложило тяжелый отпечаток на бесспорную важность этого труда, как отправной точки. Это медленно кропотливая книга.

Являясь зародышем движения Современного государства, она предвосхитила планирование Воздушного и Морского Контроля. Современное государство никогда не представляло собой формально организованное правительство или что-то вроде административного аппарата. Напротив, оно являлось пропагандой и развитием идейной системы, которая сама по себе создает свои собственные управленческие формы. Сначала «движение» работало как пропаганда и исследование, а затем как пропагандистская, исследовательская и образовательная организация. Его активные полноправные члены назывались Собратьями.

В разных условиях и в разные периоды они меняли свой статус от дремлющего к активному, и обратно. Имелся класс неофитов и учеников, столь же многочисленный или даже более многочисленный, чем у активных Собратьев. По истечении срока обучения Братство получало нового полноценного члена, будь то мужчину или женщину.

Братство никогда не разделялось на региональные ветви. По этой причине Собратьев везде воспринимали одинаково. Локализованные ядра использовались лишь в целях пропаганды и обучения. Для более эффективного функционирования Собратья распределялись по ФАКУЛЬТЕТАМ, а те, в свою очередь, делились на секции и отделы. Перво-наперво, конечно же, факультет научных исследований, затем интерпретационный и образовательный факультет, факультет здравоохранения, факультет социального порядка, факультет снабжения и торговли, ряд производственных, факультетов, а также сельскохозяйственных, минерально-сырьевые и так далее. По мере необходимости разные факультеты могли временно сращиваться. При этом как сращивания, так и разъединения применялись для более эффективной работы разнонаправленных управленческих элементов.

Факультеты, секции и отделы располагали центральными советами, чей персональный состав определялся на выборной основе, но, похоже, в движении Современного государства не существовало генерального директората, начиная с того времени, когда структура представляла собой простую систему ядер пропаганды и научных исследований. Ядра естественным образом дифференцировались на факультеты, каждый из которых рассматривал работу под определенным углом. В целом же движение не требовало постоянного директивного совета. Когда возникали пожелания согласовать действия, созывались конференции.

Пожалуй, не возникало трудностей на пути мужчины или женщины, принадлежащих к двум или даже более факультетам одновременно. Тем самым это значительно облегчало переход одного факультета в другой. Движение Современного государства представляло собой атаку «открытого порядка» на социальные структуры. То есть речь могла идти не о форме, а о растворителе. Формами являлись тот или иной Контроль.

Факультеты, секции и отделы развивались очень неравномерно. Одни сокращались до незначительности, другие, непредвиденно разрастаясь, создавали свою собственную особую организацию и механизм. Так, например, отдел социальной психологии, входящий в состав научного факультета, не только подмял под себя материнскую структуру, но и впоследствии поглотил факультет рекламы. В итоге именно на социальных психологов возложили ответственность за управление Образовательным Контролем.

Так социальные психологи превратились в мощнейший дисциплинирующий организм, который сначала встал на одну ступеньку

с Мировым советом, а затем и вовсе его вытеснил. Об этом будет рассказано в следующих главах.

Складывается впечатление, что с этого момента в мире вообще перестало существовать какое-либо одно постоянное правительство. При этом его самого постоянно опекали и пристально следили за его деятельностью. Такую функцию возложили на себя следующие структуры: Транспортный Контроль, Продовольственный Контроль, Контроль за основными продуктами производства, Контроль за населением (точнее, за ростом его численности и обеспеченностью жильем), Контроль за социальной санитарией (полиция и медицина), Образовательный Контроль (последние два позднее объединились в Поведенческий Контроль) и Контроль за постоянно расширяющейся деятельностью в области научных исследований и творческой работы. Таким образом, мир, который когда-то разделялся между территориальными Великими державами, стал разделяться между функциональными Великими державами.

Спустя весьма непродолжительное время Бюро по примирению и сотрудничеству заявило о необходимости создать интер-Контроль, то есть такой орган, который будет контролировать взаимодействие всех остальных управляющих органов. Это было чем-то вроде Верховного суда, но не правящего совета. Оставалось только придумать, кто будет контролировать интер-Контроль и всю эту образовавшуюся управленческую канитель.

Сложившаяся система в скором времени привела к тому, что абсолютное большинство старых факультетов распались на мелкие технические организации. Единственным исключением стал бывший отдел социальной психологии при научном факультете, который к 2106 году стал, так сказать, литературой, философией и общей мировой мыслью. Проявив феноменальную живучесть, он превратился в мудрую душу общечеловеческого тела.

Отныне социальную психологию можно было на вполне законных основаниях сравнивать с тем, что в начале XIX века называлось общественным мнением; иными словами, консенсусом между активной мыслью и фантазиями всего мира. К 2106 году грандиозный успех этого всепроникающего разума уже ни у кого не вызывал никаких сомнений. На Земле появилась структура, которая вобрала в себя Короля, Президента и Верховное правительство.

Надеюсь, я не слишком утомил тех читателей, кто уже разобрался, что я здесь резюмировал, но мне показалось важным, собрать и пояснить хаотично разбросанные утверждения. Теперь вернусь к самому тексту.

Глава 5

ТЕКСТ ВОЗОБНОВИЛСЯ: ТИРАНИЯ ВТОРОГО СОВЕТА

Некоторыми историками Воздушная диктатура также называется Пуританской тиранией. Наверное, мы могли бы уделить этой точке зрения особое внимание.

«Пуританин» — неправильно употребленное слово. Изначально этот термин использовали для передачи доктринальной скрупулезности протестантизма. Представители этого религиозного течения «протестовали» против римской версии католической веры. Протестанты стали ассоциироваться со строгим аскетизмом и страхом перед праздностью и распущенностью.

В своих лучших проявлениях протестантизм воплощал следующее благородное осознание:

«Я не сделаю ничего стоящего, и ничего стоящего не будет сделано, если я не возьму себя в руки и не укреплю ценность своего поведения».

Если бы Воздушная диктатура строже воспитывала мир, то и сама стала бы более аскетичной.

Кодекс первых строителей Мирового государства был предельно простым.

«Говорите правду! — настаивали они. — Поддерживайте самые высокие технические стандарты! Не копите деньги! Не торопитесь расставаться со своими полномочиями в угоду Мировому государству!»

Последнее особенно позволяло потакать своим низменным желаниям и не брать на себя лишней ответственности. Строители нового мира вдоволь кушали, вдоволь напивались, не отказывали себе и в плотских утехах, завидовали друг другу и боролись друг с другом за власть и знаки отличия. И они не проявляли должной осмотрительности в отношении соперничества и накопления обид. Мы окинули взором трагедию Ардена Эссендена, но это всего лишь один эпизод в долгой и сложной истории частной жизни первого всемирного комитета. Постепенно студенты исторической направленности находят все новые и новые интересные подробности. Жертвы мертвы и не могут слышать, что о них говорят, но результаты так же безжалостны, как и в старой христианской фантазии о воскресшем мученике.

Сегодня эти люди представляются очень жалкими. Грехи и пороки поглотили их едва ли не целиком. Их часто заставляли врасплох лестью и обожанием. Женщин привлекал их престиж. Прекрасный пол предлагал любовное утешение в минуты слабости. Часто моральное падение вызывалось безграничной преданностью, с которой Собратья отдавались мировой задаче. Работали они без отдыха, и в какой-то момент внезапно обнаруживали, что истощились, а моральная энергия утекла. В этих условиях не удавалось установить должный баланс между общественной задачей и внутренним желанием. Более вспыльчивый принимался извергать зло, более ленивый погружался в роскошь. Братство оказалось в замешательстве, когда во внешнем мире разразился скандал.

«Эти Собратья, — заголосили снаружи, — ничем не лучше обманщиков и негодяев от старых режимов. Мудрый Рин Кей сторает от страсти к смазливому ученику. Ардашер, чтобы угодить девушке, заставляет летчиков-испытателей на экспериментальных самолетах выполнять опасные трюки. Моровиц совершенно бессовестно коллекционирует персидские миниатюры, а Федор Галланд половину своего времени проводит в Вавилонском саду».

Амбициозные молодые люди, которые были детьми во время Первой Конференции в Басре, воспитывались достаточно хорошо, потому что учителя ревностно выполняли относительно незаметную работу, не занимались содомией, не собирали дорогие коллекции и не развлекались в роскошных садах. Они живо ощущали недостатки своих лидеров и собственное скромное, но неоспоримое превосходство. Ученики наполнялись конструктивным энтузиазмом. Они учились судить и осуждать слабости предшественников. А еще они узнали, что созданный для них яркий новый мир оказался в опасности из-за тех, кто его создал. Технически более искусное и более интенсивное обучение делало

учащихся более скромными и осторожными в поведении. У них появлялась истинная способность управлять. Они были просты в общем и сложны в деталях. И они были мудры в том, как усмирять свои страсти. Отсутствие должной физической формы считалось преступлением.

На «Исторических изображениях» разница очевидна. Старшее поколение одето либо небрежно, либо живописно. Часто либо застенчиво, либо изящно позирует. Молодежь одевалась куда проще. Но даже не это — главное. Все молодые атлетично выглядели, потому что придерживались соответствующего образа жизни. Жесткая экономия стала для них второй натурой. Преданность и самопожертвование они довели до такой степени, что у них считалось неприличным фотографироваться. По этой же причине после их руководства Центральным комитетом не сохранилось записей об именах председателей и инициаторов предложений. Потребовалось специальное расследование, чтобы некоторые имена все-таки спасти. Таким оно было — второе поколение мировых правителей! Пуританская тирания обеспечила безопасность Социалистического Мирового государства. Наиболее выдающимися фигурами, безусловно, являлись Хан Хсу и Антуан Айала.

Они свергли своих предшественников без какого-либо государственного переворота, одного за другим, благодаря явному превосходству в энергии и рабочей силе. Великая революция завершилась; Мировое государство крепко стояло на ногах, но это было еще не все. Это было время как раз для такой непрерывной детальной работы, на которую мог претендовать только самый одаренный и энергичный выпускник с мощнейшей подготовкой. Представители очередного поколения Собратьев не выбирались ни голосованием, ни политикой. Совет наполнялся ими по мере приобретения опыта и движущей силы. Более мягкие и утонченные не выдерживали темпа и опускались на менее авторитетные позиции. Влияние учителей стало очень значительным. Три школы, Фонд Унамуно в португальском Коимбре, Колумбийский университет Нью-Йорка и Токийский социальный колледж, составили более трети Мирового совета в 2017 году.

Регулярно обновляясь, новый Совет проработал сорок лет. Как и предсказывал Олдос Хаксли (1894-2004), один из самых блестящих реакционных писателей, «они в мире немного прибрались».

Нельзя не обратить внимания на любопытный факт, что во время их правления человечество не только очистилось, но и заметно поредело. В самом Братстве дисциплина существенно ужесточилась. Численное соотношение между Собратьями и остальными людьми неуклонно смещалось в сторону первых. Ментальные привычки и манера поведения, принятые в Братстве, быстро распространялись среди всего населения. По словам Вордина, Тирания навсегда изменила человеческое лицо. Она

не только закрыла рты, но и плотнее сомкнула губы. Чуть приподняв брови, сделала глаза более искренними. Выпрямилась спина. По мере того, как слабела привычка сокращать мимические мышцы, с лица уходили морщины. Это нельзя не заметить, сравнивая портреты более раннего и более позднего времени. Разного рода чудаки начали исчезать из человеческой трагикомедии. Негодяи и непокорные строптивцы старели, сидя на солнышке с протестующим видом, и тоже исчезали. С собой в небытие они забирали неприятные и даже причудливые выражения на лицах. Когда не стало проституток, прекратилось характерное пренебрежение к женскому облику. Продавец вдруг обнаружил, что ему нечем торговать и поступил на службу в Снабженческий Контроль. Выходили из моды азартные игры. Эти странные продолговатые кусочки из картона, «игральные карты», отправлялись в музеи, чтобы никогда больше не появляться. Исчезающие виды деятельности и развлечений забирали с собой и соответствующие виды людей. Лица переставали быть масками.

Для искренних людей мир становился все более безопасным. Потребность в хитрости и осторожной сдержанности уменьшалась с каждым днем. Человечество становилось экстравертным. Пробуждался живой самозабвенный интерес к окружающему миру. Человек освободился от «обеспокоенного» взгляда.

«Каждый должен четко знать, — объявили новые правители, — никого нельзя сбить с толку!»

Старые религии не могли сравниться с популярностью нового культа. Их преследовали, они возмущались, но, в конце концов, их лишили последних обрывков воспитательного воздействия. Почти сорок лет продолжалось это правило новых святых. Это решительное упрощение и сглаживание человеческой жизни.

История превратилась в летопись все более обширных инженерных разработок и все более глубоких скважин, откуда извлекались полезные ископаемые. Новые механизмы появлялись и множились, а затем сметались более совершенными. Лицо Земли изменилось до неузнаваемости. В научных целях население принялось перераспределяться. И, тем не менее, тот мир сильно отличался от того, каким мы знаем его сегодня. Ни одна историческая эпоха не оставляла настолько странных и необычных картин.

Костюм чрезвычайно упростился, а человек, в него одетый, стал очень толерантным. Между тем, научные Пуритане создали самую безобразную и неуклюжую архитектуру, построили самые мрачные и безликие жилые строения, самые отвратительные плотины и электростанции, мосты и трубопроводы из всех, какие когда-либо появлялись на нашей планете. Но, по крайней мере, они перепахали Сахару сетью каналов, наполнили их живительной водой и превратили пустыню в оазис.

Производительность шагала семимильными шагами, несмотря на суровые ограничения. Научные Пуритане были охвачены лютым непреодолимым страхом перед досугом; причем как для себя, так и для других. Они сочли жизненно необходимым беспрестанно идти вперед и поддерживать в этом всех остальных. Работу, как для Братства, так и для всего мира, они ИЗОБРЕТАЛИ. Счастье — в труде! Под их владычеством Земля превратилась в муравейник, чистый и упорядоченный, но чрезмерно «занятый». Они так резко и сурово отреагировали на слабости предшественников, потому что безумно боялись повторения ошибок и по этой причине оказались неспособны смягчить излишне суровые требования.

Сушествуенно уллучшившись, человечество склонно стущать краски при анализе этого странного периода суровости и мрачного подавления. Несмотря на легкий садомазохистский привкус тех лет, добро по всем статьям одолело зло.

«Уничтожение устаревших нравственных ценностей (фраза принадлежит Антуану Айале) и полное установление кодекса строгого и критического самоконтроля, постоянного служения, творческой деятельности, сотрудничества, общественных и личных хороших манер, а также неизменной честности достигнуты на все времена! Мир стал свободным, изобильным и счастливым. Сегодня мы даже не осознаем, что еще в 2000 году требовалось прикладывать усилия, чтобы жизнь текла именно в том направлении, какое представляется нам наиболее естественным и простым. Мы находим почти невозможным представить себе искушение расслабиться на работе, бездельничать, ничего не делать, «искать приключений» или даже «развлекаться», скучать и заниматься тривиальными «убивающими время» занятиями, которые до 2000 года преследовали плохо обученного, недостаточно энергичного и немотивированного рядового гражданина. Еще труднее понять, насколько тонко соблазны проявлялись. Они рассеивались по людской массе, мешая ей упорядочивать жизнь. В данном вопросе мы должны довериться экспертам-психологам.

Новые Пуритане «продезинфицировали» старую литературу. Сейчас это трудно воспринимать, как насущную необходимость. Старые истории, пьесы и поэмы, по нашему общепризнанному мнению, передают самую причудливую и необъяснимую мотивационную систему. Сегодня сложно себе представить, что она может человека каким-то образом смутить, дезорганизовать или дестабилизировать. Это все равно что заподозрить во вредоносном воздействии Великую китайскую стену или античные статуи. Тем не менее, цензор называл книгу «грязной тряпкой». Он выступал за «реальную жизнь». Цензоры определяли модель общественного поведения. Оскорбления и едкие остроты, неискренне сочувственное высмеивание подчиненных и очернение

начальства составляли так называемый «юмор», который сегодня выглядит не иначе, как глупым, либо злонамеренным. Нам сложно понять ту искреннюю радость, какую испытывали наши предки, обнаруживая у окружающих ошибочные суждения или вовсе полную невежественность. Смеялись даже над калеками. Столь же неприятна и откровенно лицемерная «романтика», неизменно сопровождаемая фальшивыми трагедиями, ненужными жертвами и напыщенным отчаянием.

«Романтика, — объявил Пол Хеннесси, — по своей извращенной сути является не более чем жестокой и жалкой реакцией слабых духом на запрет, который они не способны преодолеть».

Мы находим книги, прославляющие войну и массовые убийства, а также сеющие враждебность к другим расам. Человеконенавистнические теории выстраивались на совершенно неубедительной основе. Трудно поверить, что они вообще кого-то захватывали. И, тем не менее, они побуждали совершать неблагопристойные поступки. Толкали бесчисленное множество людей на кровавые убийства и жесточайшие пытки. Облекали самые гнусные преступления в героические тона. Необходимо было порвать с этими традициями, прежде чем их можно было бы увидеть такими, какими мы видим их сейчас. Для этого потребовалась героическая «педантичность» Воздушной диктатуры. Собратья отбросили старую литературу, подавили систему внушения старых религий и суеверий и рассовали по тюрьмам «разжигающих ненависть». Кроме того, из жизни незрелых безжалостно устранялось сексуальное подстрекательство. Собратья настаивали на универсальной и честной сексуальной гигиене. Общечеловеческий разум следовало навсегда очистить и открыть перед ним свободную цивилизацию сегодняшнего дня.

Джозеф Кореновский назвал Пуританскую тиранию «холодным душем для человечества». По его мнению, человек в начале XXI века пребывал в «полубессознательном» состоянии, а его разум только начинал «оттаивать». В этих крайне опасных обстоятельствах важно было не допустить рецидива запутанной и кошмарной жизни по типу Эпохи разочарования. Конечно, вы можете назвать это тиранией, но на самом деле речь шла о высвобождении. Подавлялись не люди, а навязчивые идеи. Никто из нас в должной мере не может осознать всю ценность этого «отречения от традиции», потому что ныне мы все отречены.

Рядом с безжалостной «умственной дезинфекцией» мы обязаны поставить в заслугу Воздушной диктатуре физическую дезинфекцию. Все жилые дома в период между 2000 и 2040 годом были либо разрушены, либо полностью перестроены. Сильно пострадала «живописность». В наши дни мы содрогаемся при виде белых голых улиц, передвижных жилых блоков и унылых общежитий, а также простых холодных

интерьеров с металлической мебелью. Не стало хижин, лачуг, коттеджей, гостевых домиков, старых обветшалых ратушей с каменной или кирпичной облицовкой, рыночных сооружений, церквей, мечетей, фабрик, заводов и железнодорожных вокзалов, где наши суровые, плохо сложенные и низкорослые предки собирались для решения своих никчемных архаичных дел.

В тот же период стали исчезать болезни, суть которых сегодня весьма сложно объяснить, хотя, казалось бы, еще совсем недавно они терзали человечество повсеместно. Катар, грипп, коклюш, холера, сыпной и брюшной тиф, бубонная чума, корь и множество других инфекций (Только желтая лихорадка после 2050 года продолжала представлять собой серьезную опасность. Эту болезнь удалось полностью искоренить только после 2079 года). Сифилис и другие венерические заболевания исчезли в течение жизни двух поколений. Эти бедствия были настолько ужасными и отвратительными, что мы даже не станем описывать их для широкого читателя. Настолько же успешную атаку провели и в отношении болезней растений. Студенту предстоит узнать об этом из курса Ботанической истории.

У историков и социальных психологов до сих пор остается множество нерешенных вопросов в отношении того, как формировался и закаливался управленческий аппарат. Вышеуказанные специалисты признают, что Тирания, по сути, привела к освобождению, но настаивают на том, что она оставляла неудовлетворенными жизненно важные человеческие желания. Между тем, основная проблема заключалась в том, что в этих желаниях тесно переплетались старые традиции и навязчивые идеи. В результате наполненные энтузиазмом правители принялись искоренять решительно все, включая сами желания. В топку полетели сорняки вместе с плодородной почвой. Кипучая деятельность со временем сама превратилась в одержимость и, как следствие, стала не только бессмысленной, но и даже вредной.

Переутомление и постоянное неослабевающее напряжение являлись основной характеристикой большинства правителей прошлого. Это хорошо заметно, например, в Указах Ашоки, и особенно в Указе VI («Ашока», Д.Р. Бхандаркар, 1932, «Классические исторические исследования», 21-118) V

«Я никогда не бываю полностью удовлетворен, — говорится в Указе. — Благополучие всего мира является для меня почетным долгом. И корень сего — в запредельном напряжении!»

Подавляющее большинство успешных цезарей и автократов от Цинь Шихуанди^{1 2} до Гитлера проявили себя в тех же степенях напряжения. В качестве исключения можно привести разве что только Александра Великого, но за него основную работу проделал отец. Воплотивший итальянский фашизм Муссолини в Беседах с Эмилем Людвигом³

(«Исторические документы» 100, 319) всячески демонстрировал склонность достигать успеха в одиночку и не уклоняться от ответственности.

Все главные личности Воздушной диктатуры стремились сделать слишком много и даже больше. Они проявляли черты коллективного усталого, неспособного остановиться, подумать и приспособиться. Продолжали бороться даже после того, как победа уже была одержана. Наведя порядок, продолжали его наводить. После первых ощутимых успехов проявили упорное нежелание приносить новую кровь в административную задачу. Они пришли к власти, потому что прежний управленческий аппарат стал от них зависеть. Сначала они служили основателям Мирового государства, а затем, осознав свою силу, тех смели.

Тремя добродетелями правителя, согласно Хану Хсу, являлись пунктуальность, точность и настойчивость. На самом же деле Хан попросту перефразировал Пайдрика Линда, который говорил о том, что «Лень — мать организации». У новых властителей благословенного дара праздности под рукой не оказалось. Когда оставленное первой мировой революцией трудовое наследие исчерпалось, наступила необходимость окончательной революции из-за неспособности Пуритан организовать прямую преемственность внутри собственной структуры или изобрести новые начинания.

Последняя революция оказалась самым тонким и изящным государственным переворотом. И других больше не предвидится. Диктатура могла подавлять сопротивление и навязывать правила, но ей было не под силу подавить развитие общей психологии или проникнуть в свою собственную законодательную и административную деятельность путем исследования и критики.

Быстро развиваясь, Отдел общей психологии стал самой активной системой в Научном факультете. На предварительных этапах социальные психологи разработали различные учебные программы по «искусству» и праву старого образца, что привело к тотальной модернизации «гуманитарных наук». Более того, основатели Мирового государства поручили Отделу контролировать Образовательный и Правовой Контроль. Так продолжается и по сей день. Социальных психологов официально признали ответственными хранителями теории,

¹ **Ашока** — древнеиндийский правитель с 273 по 232 год до н.э.. покровитель буддизма (*Прим. переводчика*).

² **Цинь Шихуанди** (259-210 г. до н.э.). Известен как создатель и правитель первого централизованного китайского государства (*Прим. переводчика*).

³ **Эмиль Людвиг** (1881-1948), немецкий писатель и журналист. Брал интервью у Муссолини и Сталина. Причем во втором случае это было первое большое интервью, которое Сталин дал иностранцу (13 декабря 1931 года) (*Прим. переводчика*).

посвященной формированию Современного государства, что, в свою очередь, целиком и полностью соответствовало благим намерениям Густава Де Виндта. Это стало мыслью, как Мировой совет стал волей человечества, действующего, как единое целое. И поскольку общегосударственное образование и правовое регулирование находились под руководством постоянно развивающегося исследовательского отдела, они диаметрально отличались по своему характеру от образования и преподавания старого мирового порядка.

Это различие сложно себе представить, поскольку оно представляет собой плоский контраст. Но иначе невозможно понять суть исторического процесса. Старое образование существовало ради сохранения традиций и институтов. Прогрессивные силы возникли в результате несогласия и действовали вне принятых образовательных механизмов. В XVIII, XIX и начале XX века образование всегда на поколение или около того отставало от передовых идей. Школьный учитель был обузой для человечества. Новое образование, основанное на стремительно растущей науке взаимоотношений, больше не сохраняло традиции. Вместо этого оно объясняло творческие усилия в свете самой пронзительной критики. Новый учитель показал путь, и новое образование неуклонно шло впереди социального факта. Старое и новое уже не могло пересечься. Если бы человеку 1900 года рассказали о прогрессивной революции, возглавляемой юристами и школьными учителями, которых вдохновляли научные идеи, он воспринял бы это не самым удачным розыгрышем. Мы же сегодня спрашиваем:

«А как иначе поддержать непрерывность прогрессивной революции?»

Провал немецких революционных событий 1918 года и погружение Германии в социальное детство вместе с грубыми глупостями гитлеризма объяснялись небрежным отношением к элементарному принципу, согласно которому никакая революция не может реализоваться до тех пор, пока пока полностью не изменит в обществе систему образования. Каждая эффективная революция старого света являлась мятежом против устоявшегося образования и устоявшихся законов.

Образовательный Контроль на пути исправления человечества, сместил с ключевых постов в Мировом совете ведущих деятелей Басрской конференции и внедрил туда своих людей, воплотивших впоследствии Воздушную диктатуру. Теперь эти люди, в свою очередь, обнаружили, что инструменты управления в их руках часто оказываются неэффективными. Дорвавшимся до власти новым Собратьям отказывались подчиняться, и, более того, сами они часто покорялись незнакомым идеям. Диктаторский клан расчищал себе место, пока социальная наука готовила идею новой структуры. И вот теперь он столкнулся с импульсом созидать и обогащаться, что полностью противоречило его административным методам.

Подчиненные принялись отсылать обратно выданные начальством инструкции как «недостаточные и не соответствующие психологии рабочих» и других обеспокоенных. Планы оценивались как излишне трудоемкие или даже вовсе бесполезные. Рабочие брали дело в свои руки и требовали более внятных и осмысленных распоряжений. Поначалу комитет настаивал на беспрекословном повиновении, однако Образовательный Контроль решительно заявил, что таковое социально вредно.

Наиболее ярко проявился контраст между старыми революционными кризисами и более поздним конфликтом воли. Безумные, вопящие и сентиментальные старые революции обрastaли уличными баррикадами и громили собственность. Людей расстреливали обильно и небрежно. Вышло так, что новый режим неуклюже споткнулся об ответственность за руины, оставленные предшественниками. Недовольные восставали против закоренелых структур.

Последняя революция стала хладнокровным и действенным обвинением мира в его недееспособной образовательной системе. Это ни в коей степени нельзя назвать бунтом или восстанием. Скорее, окольным вмешательством. Новый порядок возник рядом с тем, кто не справился, забрал у него дела и выпроводил за дверь.

Потребность в нетерпимой воинственности для Мирового государства отпала сама собой. Как бы парадоксально это ни прозвучало, но сама победа Пуританской тирании сделала строгую дисциплину неактуальной или даже ненужной. Последними, кто это понял, были старики, сидящие в бюро Мирового совета. Теперь они ошарашенно и поспешно искали, чем бы занять человечество, чтобы уберечь его от беды.

Глава 6

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ: ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ АРИСТОНА ТЕОТОКОПУЛОСА

Мы часто свободно следуем за обычаем историков подкреплять свои общие утверждения цитатами из произведений писателей-современников. По мере того, как история избавлялась от примитивной одержимости правителями и политикой, она все более широко использовала частные мемуары, дневники, романы, пьесы, письма, наброски, картины и тому подобное. Когда-то считалось недостойным для историка рыться в счетах и записных книжках. Теперь же мы ценим их гораздо выше парламентских актов или дипломатических меморандумов. И конечно же, нет более удобного информационного источника о текущих идеях и чувствах в условиях Воздушной диктатуры, чем зашифрованные записные книжки Аристона Теотокопулоса (1997-2062). В течение тридцати семи лет, вплоть до самой смерти, он писал почти ежедневно, проникательно комментируя текущие события, часто весьма странные и даже курьезные, особо отмечая свои собственные эмоциональные реакции и красочно украшая их множеством набросков, карикатур и тому подобного. Полное собрание этих работ доставит

немало удовольствия каждому книголюбу. Следует отметить, что основная часть приведенного материала вообще никак не касается вопросов общей истории. Тем не менее, именно из него можно извлечь куда больше полезной информации, чем из множества абстрактных описаний.

Более ранние тома окрашены раздражением писателя тремя конкретными позициями: ограничениями на частные полеты, трудностями в реализации своего таланта и нехваткой в жизни изящной красоты. В то время не существовало частных самолетов, и никто не мог выступить в качестве вольнонаемного пилота, поскольку каждый летчик являлся активным Собратором и соответственно состоял в организации Современного государства. И, разумеется, он обязан был подчиняться ее правилам и требованиям. Душа Теотокопулоса переполнялась анархизмом. Он отчаянно стремился свободно бродить по горам выше облаков, отправляться туда, куда заблагорассудится, по своей собственной доброй воле, не будучи стесненным никакими мыслями о необходимости перманентного «служения». В этих желаниях художник стал одержимым.

«Если бы меня оставили в покое, — настроил этот безумец, — я бы дал миру хоть что-нибудь. Но что хорошего в том, что эти проклятые старцы, Мастера-Декораторы, велят мне делать то или это? Неужели я пришел в этот мир только для того, чтобы подражать и повторять?»

«Какой-то проклятый чиновник пролетел у меня над головой. Видимо, отправился что-то предотвращать. Это испортило мне весь день. Я не могу ДУМАТЬ».

Затем раздается агональный крик:

«Весь макет отвратителен. Меня заставляют рисовать фриз со слонами на стене, но я ведь вижу, что из-за дефектов конструкции стена долго не простоит. От меня не требуется вносить коррективы. Я должен скрупулезно выполнить каждый пункт своего задания, ничего не меняя. Если я исправлю макет, стена простоит столетия, но мне нельзя этого делать. И это неправильно. Это неправильно. Это неправильно!»

На нескольких страницах одно слово само по себе:

«СЛОНЫ!»

Затем следует череда карикатур на этих животных, что Ли охарактеризовал, как острую биологическую критику. Теотокопулос живо интересовался слонами, но теперь они ему надоели. Он представлял их просвечивающими или даже вовсе прозрачными, тем самым раскрывая спрятанные внутри страдания. Одна страница полностью посвящена невероятно злобным слоновьим глазам.

Он работал над довольно продуманным оформлением системы магистральных дорог. Она должна была пройти от мыса Финистерре на атлантическом побережье Испании через Северную Италию и вдоль

Северной черноморской дамбы до Крыма и Кавказа. Трассу планировали вести вдоль лигурийского побережья до Генуи, а затем между гор по долине реки По через виадук Кьоджа. Проект единого мирового транспортного конгломерата был не очень хорошо продуман и неоднократно корректировался уже по ходу строительства. Многочисленные доделывания и переделывания прямо указывали на неспособность Мирового совета осознать, что Изменения все еще идут полным ходом. Дороги, похоже, планировались на все времена, но при закладке обнаружилась ментальная коагуляция. Проще говоря, у Собратьев наступил мозговой «затык».

Теотокопулос был задействован на участке между Ниццей и Генуей. Здесь будущая дорога продвигалась по кривой траектории, местами выпрямляясь или даже вовсе вытягиваясь в струнку, грубо прогрызая тоннели в горной породе или перепрыгивая заливы посредством длинейших мостов. Выше и ниже дороги вдоль склонов устанавливались террасы из натурального или искусственного мрамора, где планировалось выращивать апельсины, лимоны, виноград, розы, оливки и агавы. Эти террасы, как отмечает Теотокопулос, «неустанно» поднимались к старой дороге Ла-Корниш, где сохранилось лишь несколько участков с вечнозелеными деревьями. Развалины вилл и садов капиталистической эпохи и большинства прибрежных городов, которые Титус Коббет посетил и описал больше семидесяти лет назад, теперь были расчищены. Лишь кое-где встречались жилые здания. Вычурные лестницы рядом с давно неработающими лифтами вели вниз к пляжам и гаваням, где рыбаки в лодках занимались своим нелегким промыслом. Малоэтажная архитектура тех мест доводила Теотокопулоса до исступления. Он выполнил те низенькие домики в карикатурном стиле и снабдил рисунки пояснениями из непристойных слов. Просто поразительно, насколько правдиво он нарисовал неказистые строения и насколько изобретательно их искажил. Он представил их вжавшимися в землю, как и большинство строительных объектов поздних военных лет, от которых они, несомненно, унаследовали свою приземистость.

«Мы все еще мечтаем о бомбардировках и воздушных баталиях», — написал он.

В другом фрагменте он рассуждает об «обитателях этих укреплений»:

«Ах, если бы раздобыть самолет или бомбу! Наверное, имеет смысл держать таких умников, как я, подальше от неба, когда вокруг такая гадость».

Сама поставленная задача, к несчастью, держала его в тесном контакте со всем этим приземистым архитектурным волшебством. Он получил известность в необычайно юном возрасте благодаря великолепным рисункам людей и животных. У него имелся поразительный талант заглядывать в тела и передавать свое ощущение внутренней деятельности.

Единственной анатомией, известной художникам, была анатомия мышц, и Аристону поручили «украсить» неприглядный участок стены рядом с Алассио фризом со слонами. Необходимо пояснить, что в те времена в сознании людей существовал полнейший разлад между эстетическим и механическим соображением.

«Сначала ты что-то делаешь, — думали они, — и только после этого его украшаешь».

Сейчас это кажется почти невероятным, но инженеры Воздушной диктатуры игнорировали мысли о красоте. Когда до каменщика, наконец, доходило, что его руки ваяют ужас, он звал художника. Беспокойный и чувствительный ум Теотокопулоса предвосхитил идеи сегодняшнего дня.

«Инженеры должны быть художниками, — заявил он, — а художники — инженерами. По-другому нельзя! Иначе оставьте в покое конструкторскую работу!»

Его стена сохранилась, равно как и декор, каким он его предвидел. Урок — студентам, памятник — его несравненному таланту.

«Взял отпуск, — отметил он однажды, — проплыл на веслах в море около пяти миль. Диспропорции усугубляются по мере того, как наблюдатель отдаляется от них. Никогда раньше я не видел ничего более уродливого. Оно реально становится еще хуже на расстоянии. Все побережье такое. Дорога слишком широкая. Там никогда не будет настолько интенсивного движения. Мировое население не увеличивается. Как раз наоборот, уменьшается. Сто двадцать метров в ширину! Бог мой! Это сколько же будет полос? Откуда взяться такому потоку? Ведь все это понимают. Столько автомобилей никогда не будет. Неужели все это только ради того, чтобы чем-то занять кучу рабочих? Маленькие ящерицы теряются на этой зеркальной поверхности, умирают и высыхают. На нее выползают бесхитростные дождевые черви и погибают. После дождя их можно видеть тысячами. На мили вокруг ни единой тени. Террасы плохо выглядят. Да и поддерживающие их стены, откровенно говоря, тоже. И те, и другие не вписываются в гармонию с холмами, что позади. Холмы ЖИВУТ! А наши постройки умирают. Прямо с рождения. И что за ересь, строить такие низенькие домишки? Разве мы не строим, чтобы оторваться от земли?»

А потом вдруг во всю страницу одно слово:

«ПРОПОРЦИЯ!»

Аристон медитировал с карандашом в руке:

«Ключ к жизни. Не просто красота. Нет никакого зла, кроме ОТСУТСТВИЯ ПРОПОРЦИЙ! Боль? Боль возникает из-за диспропорции между ощущениями. Лицемерие? Жестокость? Все дело в отсутствии пропорции между импульсом и контролем...»

Интересно проследить, как он перебирает идеи, которые теперь знакомы каждому. Он мечется между идеями пропорции и гармонии.

Затем он приходит к открытию, что вся история — это записи о пропорциональных колебаниях. Сейчас это ясно каждому. Мы рассказали об экономической и политической истории XX века. Но о чем шла речь по сути? Подверглись освещению нерегулярный рост жизненных элементов, гипертрофия экономического материала, происходившая наряду с прекращением образовательной, правовой и политической адаптации. Первым тусклым осознанием этой дисгармонии явилось «планирование»; точнее, грубые попытки оценить величину общественной жизни. Изначально этим занимались в России путем Пятилетнего плана. После 1930 года мир планами попросту переполнился, но большинство из них были удивительно слабыми.

Из записных книжек Теотокопулоса мы узнаем, насколько несовершенно идея количественной подготовки деятельности нашего вида воспринималась даже в начале XXI века. Точно так же, как военно-промышленный комплекс в свое время унес за собой людские умы, так и политическое единообразие при жизни великого художника, объединившись с заикленностью на производственной эффективности, вышло за пределы разумных рамок. Эти записные книжки интересны прежде всего потому, что не являются трудами научного социального психолога. Человек, их написавший, представлял собой гения в области изобразительного искусства и архитектуры, но, с точки зрения прикладной науки, оставался самым обыкновенным пользователем. Они рассказывают нам, как простые люди проводили время, как недоумевали, ломали головы и задавались вопросом, почему, отменив войну, восстановив порядок, обеспечив изобилие, победив страхи и реализовав самые смелые надежды мучеников, они по-прежнему несчастны и захвачены тревогами о завтрашнем дне.

«Нарастающие боли, — вдруг появляется взбодораженная запись. — Так говорил Ленин незадолго до смерти. Является ли недостаточность в пропорциях неизбежной?»

После этой вспышки, похожей на манифестацию безумия, записи превращаются в подобие диссертации на тему «О значимости любовных уровней», что уже, разумеется, не имеет никакого отношения к нашему исследованию. Но, как оказалось, сама идея «Нарастающих болей» работала под поверхностью с самого начала.

Внезапно появляются страницы с набросками странных эмбрионов, младенцев, котят и щенков; во всех случаях с явными признаками патологической гипертрофии.

«Всегда ли недостаток пропорции сопровождает любой рост? Похоже, так задумано природой, хотя она во все времена работала неуклюже. Она принимается делать ногу, а получается крыло. И тогда она говорит: «Эврика! Да, именно это я и НАМЕРЕВАЛАСЬ сделать, но через ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. Я работаю, как инженер с богатым

воображением!»

Мысли художника все дальше уносились к литейному производству, металлической стружке и проблемам, возникающим при сборке токарного станка.

«Природа исправляет диспропорции роста, внося изменения в эндокринную систему, — продолжал он свои размышления. — Так и мы, когда установлены каркасы и возведены стены, увольняем каменщиков и нанимаем маляров. Так вот, что означает, по сути, смена мирового режима! Новые гормоны! Новые ремесленники!»

Вышеобозначенная запись датирована 7 апреля 2027 года. Это одно из самых ранних проявлений того, что в настоящее время принято именовать модным выражением «режимная ротация».

Озабоченность Теотокопулоса физическими и психическими аспектами любви, а также его необычайная способность связывать физиологические процессы с высшими эмоциональными проявлениями не должна нас интересовать, какой бы важной она ни казалась в истории эстетического анализа. На целый год он сосредоточился на своем великом «Фризе желаний» в Трапезной Библиотеки искусств в Барселоне и больше не думал о политике. Ему нравились коллеги. Он одобрял разработки. И ему была предоставлена полная свобода действий.

«Собратья делают то, что считают нужным, — заметил он. — На лицо великие перемены. Несладко придется всем этим комитетам, которые сначала «санкционируют», а потом «пересматривают».

Затем Аристон попал под влияние очень оригинальной молодой женщины из Аргентины, тоже по-своему великой художницы, Хуаниты Маккайл. Мы видим ее в его набросках. Разные позы, разные жесты.

Вскоре он не без удивления отметил:

«Это существо умеет думать!»

До сих пор он ни разу не назвал ее по имени. Затем она стала появляться, как «Джей». Еще спустя какое-то время этой женщины в его записях становилось все больше.

«Умная женщина меня пугает! Кто это был? По или Де Квинси? Должно быть, Де Квинси. Это ему приснилась женщина с грудями, которые внезапно раскрылись и превратились в глаза. Ужас! Обнаружить, что на тебя вот так смотрят».

Следующую страницу художник вырвал; единственную страницу, которую он когда-либо вырывал. Нам остается только гадать, какие помыслы она запечатлела.

А потом он вдруг резко вернулся к политическим спекуляциям. Многие записи начинаются словами: «Джей говорит, что» или заканчиваются — «Это идея Джей».

Через несколько страниц он повторил:

«Это существо умеет думать!»

А затем продолжил уже в несколько ином ключе:

«А я? Только пальцами. Язык для меня слишком абстрактен. Или это правда, как она говорит, что я умственно ленив. Как же это возможно? Она называет меня УМСТВЕННО ЛЕНИВЫМ после того, как я проговорил с ней, не прерываясь, больше трех часов».

«Кажется, все мои маленькие блестящие мысли ничего не стоят по сравнению с тем, что делают наши социальные психологи. Мне нужно многому научиться. Полагаю, Джей могла бы стать превосходной учительницей для кого угодно».

И по сей день эти записные книжки сохраняют хрупкую грацию и душевную энергию Хуаниты Маккейл. Она была из тех женщин, кто мог бы стать социалисткой-революционеркой в XIX веке, комиссаром в ранней Советской России или труженицей Современного государства в середине XX века. Теперь она с упоением отдавалась ярко выраженной декоративной идиосинкразии¹, свободной для специфической политики своего времени. Очевидно, что еще до встречи с Теотокопулосом Хуанита была политически настроенной и политически мотивированной. У нее зародилось чувство, что мир движется куда-то не туда, но ясное понимание, что именно с этим нужно делать, пришло к решительной женщине только после знакомства с гениальным художником. Записные книжки со всей своей бесстрашной откровенностью показывают не только исключительную историю любви, но и то, что, возможно, неотделимо от любой стоящей истории любви, — взаимное обучение. Теотокопулос был ее первым и единственным любовником. Вначале он обращался с ней столь же небрежно, как и со многими другими женщинами. По мере того, как он ее узнавал, его преданность по отношению к ней становилось столь же огромной, как и ее — по отношению к нему.

Он ее изучал. Он делал бесконечные заметки о ней. И мы знаем, как она на него повлияла. Как он повлиял на нее, нам остается только гадать, но совершенно очевидно, что для нее одновременно существовали великолепие его даров и привлекательность его своенравного ребячества. Он в некотором роде умудрялся ее подавлять, что явно звучит в ее сохранившихся работах. Лучшей из них является самая ранняя.

Он дважды задавался одним и теми же вопросами:

«Я топлю Джей? Из-за меня ее творения теряют характер. Она заимствует мое видение. Та последняя карикатура. Разве я виноват? Такая чудесная штука. Давным-давно».

И дальше он сорвался в мятежное и гнетущее настроение: «Материнская специализация! Подлейшая природная уловка, обкатанная

¹ **Идиосинкразия** — повышенная чувствительность к определенным веществам (Прим. переводчика).

на женщинах. Если они не собираются становиться матерями, если они НЕ МОГУТ ими стать, зачем они насыщаются материнством? Почему Джей думает о том, как дать мне больше свободы в ущерб себе самой? Она ушла в это с головой. Я ее об этом никогда не просил. Или просил? Или каким-то неосознанным образом все-таки попросил? Нет, это просто ее врожденная порочная материнская забота. Я — ее любовник, и я — ее любимый сын, а окружающий мир — мой брат, и с каждым днем ее работа, прежде надлежавшая, ухудшается. Моя возлюбленная становится все более политической и социально психологической. Из-за нас обоих!»

С этого момента политика в записях проходит очень мощным лейтмотивом. Более ранние выражают негодование изолированного человека, обладающего чрезвычайно мощной творческой энергией. Он оказывается одиноким и беспомощным в несимпатично упорядоченном мире. Поздние показывают, что та же самая индивидуальность расширяется до концепции всего мира, как пластичного материала, который поддерживается чувством понимания и движется вместе с родственными умами. Иными словами, Теотокопулос начал мыслить, как пробуждающееся эстетическое сознание мирового сообщества.

«Изменение режима должно походить на то, как цыпленок вылупляется из яйца. Скорлупу надо разбить. НО ЧТОБЫ ЭТО СДЕЛАТЬ, ОНА ДОЛЖНА СУЩЕСТВОВАТЬ! Да, это справедливо, поскольку существует пропорция, как во времени, так и в пространстве. Если скорлупа разбивается слишком рано, ничего не остается. Можно разве что приготовить скверный омлет. Упустишь время, цыпленок внутри умрет.

Сорок седьмая записная книжка почти полностью посвящена критике архитектуры Лигурийского побережья. Эти страницы настолько содержательны, что сегодня некоторые из набросков кажутся реальными рисунками нынешних условий. Так, например, подробно отображены обработка мыса Монако и сокращение террас. Но вот мечты об апельсиновых рощах уже кажутся причудливыми, поскольку Аристон ничего не знал о сюрпризе, который готовили экспериментальные ботаники.

Сорок девятая тоже посвящена планированию.

«Планы на мир, — написал он на первой странице. — Взносы».

Похоже, он попросту развлекался таким образом через разные промежутки времени. При этом в нем проявлялись как блестящие пророческие ожидания, так и невероятные фантазии. Иногда, как и большинство пророков, он находил детали слишком сложными для себя и впадал в бурлеск.

Сохранилась длинейшая запись очень современного оживленного спора об индивидуальности между ним и Хуанитой. В то время они, по-

видимому, жили в Монтсеррате¹. По сути, заметки явились запоздалым анализом после окончания разговора; «выстрелом в убеждение», как это можно было бы назвать. Они уносят внимательного читателя на шестьдесят лет назад, когда влюбленная пара прогуливалась среди обвалившихся скал и ароматных кустарников под искривленными соснами. Оба остро реагировали на поток идей, свершивших окончательную революцию. Хуанита выглядела целеустремленной и критически настроенной. Аристона же болтало, как воздушного змея на сильном ветру.

«Индивидуум существует для вида. Это — бесспорно. Ну так и вид ведь тоже существует для индивидуума.

Человек живет для государства, чтобы жить за его счет — и вопреки — государству.

Жизнь — это маятник, который раскачивается между служением и утверждением. Сопrotивляйся и повинуйся, сопротивляйся и повинуйся.

Порядок, дисциплина и здоровье делают мир безопасным и эстетически насыщенным.

Мы — стоики. А можем стать эпикурейцами².

Физические упражнения и дисциплина — это кухня, но не пища.

Здесь, как всегда — ПРОПОРЦИЯ. Но как ее определить, кроме как эстетически?

Своеволие — суть жизни».

Так они думали в 2046 году. Неужели мы действительно продвинулись намного дальше?

¹ **Монтсеррат** — принадлежащая Великобритании территория на Малых Антильских островах в Карибском море (*Прим. переводчика*).

² **Стоики** — последователи стоицизма, философского течения в Древней Греции, согласно которому следует твердо и мужественно переносить все жизненные испытания. Эпикурейцы — последователи философских идей Эпикура (341-270 до н. э.) согласно которым высшее благо — наслаждение жизнью (*Прим. переводчика*).

Глава 7

МЕЖЕВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Теотокопулос и Хуанита присутствовали на конференции в Межеве, которая положила конец второму Мировому совету. Оба, по-видимому, занимались украшением временного городка, возведенного для этой цели на горных лугах. На нескольких страницах мы можем наблюдать красивые металлические конструкции в главном павильоне. Сохранился эскиз картины, которую впоследствии написал Теотокопулос. Во всех наших иллюстрированных книгах по истории фигурирует это творение. Престарелый Антуан Айала стоит рядом с самолетом, на котором ему предстоит улететь в выбранное им же убежище в Серра-Неваде. На сцену своей отставки он оглядывается с выражением задумчивого недоверия.

На его лице словно застыли две немые фразы: «Кто бы мог подумать?» и «Да будет так».

Заходящее солнце светит ему в глаза. Он щурится, но, кажется, ничего не видит.

В той же степени хорошо известен рисунок девяти членов Мирового совета, внимательно слушающих заявление секретаря Образовательного факультета Эмиля Донадье.

Это была самая мягкая из всех революций. Казалось, со времен боев

на баррикадах, погонь, перестрелок и заказных убийств до нынешних революционных изменений прошло целое тысячелетие. Нельзя сказать, что совет потерпел поражение. Скорее, он достиг своего апофеоза. Созидание утвердилось над формальным строительством и сохранением. Десять лет мнением Центрального совета пренебрегал то один, то другой Контроль. Разные виды Контроля предпочитали взаимодействовать друг с другом напрямую, без внешнего вмешательства. В конце концов, Образовательный факультет, находящийся под Контролем за здоровьем и поведением, инициировал созыв экстренного собрания. Тридцать лет назад Совет ввел «общие правила поведения». Согласно положениям этой инициативы запрещался обнаженный атлетизм. Образовательный факультет единоличным решением данный запрет отменил. Вопрос, при его кажущейся пустяковости, привлек пристальное внимание Совета. Было принято решение подыскать повод и, воспользовавшись им, утвердить свой авторитет.

Ветеранскому руководящему органу поставили прямой вопрос:

А в мире все еще существует Верховное правительство?

Вероятно, кому-то казалось, что существование высшего руководящего органа совершенно необходимо. Деликатный доклад Эмиля Донадье это предположение развеял. На Собратьев спустилось озаряющее откровение об идеях времен юношеского пыла и кипучей энергии. Теперь же вдруг обнаружилось, что Мировое государство по-прежнему представляет собой воинствующий орган.

В те дни потребность в сосредоточенном руководстве преобладала над всеми другими соображениями. Необходимо было бороться и навсегда уничтожить обширные системы привязанностей и убеждений, которые разделяли, вводили в заблуждение и растрачивали энергию человечества. Хаос производства и распределения индивидуальной прибыли следовало заменить упорядоченной мировой экономической системой. Но как только масштабное изменение осуществилось, а его постоянство принялась обеспечивать реконструкция образования на основе всемирной истории и социальной науки, воинствующему Мировому государству пришел конец. Точнее, задача Мирового совета подошла к концу.

— А кто тогда будет править миром? — спросил самый молодой и амбициозный член Совета Эрик Гуннарссон.

— Отпала необходимость им править, — уверенно ответил Донадье. — Мы сделали войну невозможной. Мы освободились от великих антиобщественных традиций, которые настраивают человека против человека. Мы сделали невозможной способность одного человека превращать другого в раба через нищету. Факультеты здоровья, образования и поведения сделают так, что теперь все люди станут правильно себя вести. Продовольственный, Жилищный, Транспортный,

Одежный, Снабженческий, Инициативный, Дизайнерский и Исследовательский Контроль выполняют всю остальную работу. Верховному правительству больше нечего делать. В нем отпала нужда. За исключением разве что только того, чтобы наслаждаться созданным миром и видеть, как он хорош. И да будет так!

— Да, — сказал Эрик Гуннарссон. — Но...

Эти слова отражены в фонографической записи дебатов. И с этими двумя словами Эрик Гуннарссон, амбициозный молодой человек, который, возможно, когда-то мечтал стать мировым президентом, исчез из истории.

Вкратце Донадье рассказал о том, как у человечества складывались управленческие дела. Сначала человек мог мыслить только в персонификациях и должен был постоянно представлять себе племенного Бога и племенного Вождя, потому что не мог себе представить организованного сотрудничества другим путем. Вожди, а затем цари оказывались слишком эгоистичными и мало общественными. Они могли достигать только самых узких племенных и национальных идей, поэтому возникла необходимость этих людей контролировать. С этой целью появились парламенты, ассамблеи и конгрессы, но и они со временем стали ненужным хламом. Правящие органы сковывали людей сквозь века разногласий. И вот, наконец, человечество сплотилось в гарантированном постоянстве благодаря цементу универсального всеобщего образования.

Суть дальнейшего обсуждения отобразилась в «Межевской декларации»:

«Мировое государство поглотило и уничтожило все остальные. Верховное правительство, уничтожив все другие, исчерпало себя. Наши долгие, часто незрячие и неправильно направленные усилия в борьбе за мир и безопасность, наконец, увенчались успехом благодаря этому великому Совету, который теперь уходит в отставку. Он удаляется под аплодисменты и благодарность всего человечества. В спокойствии и безопасности мы смотрим на то, что достигли. Перед нами планета с ее неисчерпаемыми возможностями, наши собственные пока еще не совсем развитые способности и вся полнота изобильной жизни. Это великий день, и это великий час для навеки объединенного человечества. Мученичество человека подошло к концу. От полюса до полюса не осталось ни одного человека без справедливой перспективы самореализации, здоровья, интереса и свободы. Больше нет рабов, нет нищих, нет тех, кто по рождению обречен на низший статус, нет узников, приговоренных к длительным срокам тюремного заключения, нет людей, страдающих умом и телом, которым не помогают наука и соответствующие службы. Перед нами весь мир, и мы вольны поступать с ним так, как нам заблагорассудится по мере сил и воображения. Окончена борьба за материальное существование. Мы победили. Отпала

необходимость в репрессивных и дисциплинарных мерах. Теперь начинается борьба за истину и красоту, не стесненная никакими низменными императивами. Отныне никто не будет жить меньше, чем может. И никто не станет меньше, чем он есть.

Мы должны уважать всех и каждого. Это легко благодаря нашему воспитанию. Мы должны хранить верность денежному обращению, открытости и ответственности за общественный мир, здоровью и порядочности. Это общие обязательства гражданина, с помощью которых достигается всеобщее благо. Каждый должен внести свой скромный вклад в удовлетворение мировых потребностей. Отныне **МЫ МОЖЕМ ЖИТЬ!** Ни в какой части мира, ни в какой работе в мире, ни в каком удовольствии, если оно не причиняет вред окружающим, нам не отказывают. От всего сердца мы говорим спасибо Героическому Совету! Мы благодарны тебе безмерно!»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО
КОНТРОЛИРУЕТ ВСЕ*

Глава 1

УТРО ПОНЕДЕЛЬНИКА В СОТВОРЕНИИ НОВОГО МИРА

Межевская декларация была опубликована в 2059 году. На этом закончился начальный период Эпохи Современного государства. Давайте подытожим эту историю в самых общих чертах. Мировое государство появилось смутно и уклончиво, как стремление, как отдаленная возможность, как предложение Лиги наций, во время Мировой войны 1914-18 годов. В течение нескольких десятилетий краха и катастроф оно набиралось опыта и определений. В 1965 году официально вторглось в мировую политику на Конференции в Басре, как явно единственно возможное решение всех человеческих проблем. И вот теперь оно завершило завоевание человечества.

Систематическое закрепление этого завоевания стало по-настоящему серьезным после Второй конференции в Басре в 1978 году. Мировой совет поставил перед собой настолько немислимые задачи, что даже самые смелые социологи не отваживались смотреть им прямо в лицо. Эти специалисты довольствовались благочестивыми устремлениями и пребывали в трусливой надежде, что, если задачами пренебрегать, они каким-нибудь волшебным способом выполнятся сами собой. Это были не просто задачи! Это были задачи глубочайшей ментальной реконструкции! Их планировалось погрузить как можно дальше в субстрат индивидуальной жизни; то есть сделать то, чего никто не делал раньше. Национальные традиции навсегда отменялись, а расовые предрассудки предстояло заменить на расовое понимание. То есть речь шла о позитивной работе в условиях огромного сопротивления. Язык должен был стать универсальным. Тот или иной из великих литературных языков следовало сделать доступным для всех. Этого опять-таки нельзя было добиться посредством простого желания. Ну и, наконец, следовало как-то решать вопрос с различными квази-вселенскими религиозными и культурными системами, такими как христианство, иудаизм, ислам, буддизм и так далее, которые вплоть до конца XX века еще активно боролись с движением Современного государства за человеческие души. Эти конкурирующие между собой опасные культы, все еще сохраняя свою целостность и становясь убежищами для оппозиционных сил, намеревались не только нанести ощутимый ущерб, но и при возникновении такой возможности разрушить новый мировой порядок.

Мы уже рассказывали, как разрешился данный вопрос, и показали, насколько необходимо было привести всю моральную и интеллектуальную подготовку нашего вида в прямые и простые

отношения с организацией Современного государства. После 2020 года в мире не зарегистрировано ни одной открытой школы, кроме школ Современного государства. Христианство там, где оно оставалось священным и неподатливым, Собратья подавили, но на большей части мира они не стали применять против этой религии слишком суровых мер. Ее попросту растворили в современности довольно деликатным способом. Дары христианства исчезали во всеобщем упадке. Оно больше не могло находить образованных людей, желающих ему служить. Церкви стояли заброшенными и пустыми. Когда началось великое переустройство мира, большинство из них исчезли вместе со всеми другими старыми зданиями, которым не хватало красоты и общественного интереса. Их убрали, как опавшие листья.

История ислама развивалась приблизительно в том же ключе. Он уходил даже более охотно, чем христианство, по причине слабой образовательной базы, что оказалось тесно связано с обучением арабскому языку. Упадок этой сферы разрушил сплоченность верующих точно так же, как это случилось с западным христианством из-за неупотребления латыни. Вера мусульман оставила несколько десятков красивых мечетей, как христианство оставило несколько десятков красивых часовен, церквей и соборов. В изобилии остались легенды и предания, куда более милостивые и прекрасные, чем религия, откуда их извлекали.

Вместе с тем широко распространилась вера в стойкость и солидарность иудаизма. Евреи держались особняком, питаясь особой пищей и следуя особым религиозным обычаям. Нация в нации, — в каждом государстве мира. Всюду нарушая коллективную солидарность, они вызывали хроническую головную боль у большинства государственных деятелей. Им была свойственна специфическая социальная игра под названием «туда-сюда». Никто никогда не мог сказать с точностью, является ли еврей гражданином или он только еврей. Эти люди преимущественно торговали. Еврейские стандарты поведения часто раздражали представителей иных течений.

Можно было бы предположить, что у столь рассеянного народа сформируются и космополитический менталитет, и удобная связующая организация для многих мировых целей, но особая культура изоляции стала настолько сильной, что евреи этого не делали и, казалось, не стремились пытаться. После Мировой войны ортодоксальные евреи играли слабую роль в первых попытках сформулировать идею Мирового государства. Куда больше интересовала мечта, которую повелось называть Сионизмом; мечта о фантастическом независимом государстве в Палестине, которое, согласно Вавилонской легенде, являлось первоначальным домом для семитоязычных народов. Только психоаналитик мог бы рассказать, зачем евреям понадобилось

сионистское государство. Само это желание ярко подчеркивало традиционную волю к отделению от основной массы человечества, что не могло ее не раздражать.

В начале XX века непопулярность Израиля заметно усилилась. Это объяснялось явно денежной сутью экономического спада. Что-то глубоко испортилось благодаря деньгам и кредитам. Евреи всегда имели и поддерживали репутацию непревзойденного понимания денежных процессов. Тем не менее, в трудных условиях от евреев не исходило никакого авторитетного руководства. Почти все ведущие умы, занимавшиеся монетарной реконструкцией, евреями не были. У обычного человека, в связи с этим возникал естественный вопрос: «А где евреи?» Начали возникать нелепые подозрения, которыми отдельные неблагопристойные личности принялись ненавязчиво спекулировать.

«Если евреи гордятся и страдают, — поговаривали лукавые подстрекатели, — из-за своей упрямой решимости оставаться «особенным народом», значит, в этом что-то кроется».

Тем не менее, между 1940 и 2059 годами эта устаревшая упрямая культура исчезла. Сионистское государство, кошерная пища, Закон и все остальные атрибуты полностью слились с человеческим сообществом. Евреев не подавляли и уж тем более не истребляли. Погромы случались в Голодные пятидесятые. Специфического преследования при Тирании не было вовсе. Евреев просто перевоспитали за три поколения. Их отвлекли от Заповедей Моисея, Авраамова Завета и заблуждения о богоизбранности; научили истине о них самих. Мир, как и прежде, полон мужчин и женщин семитского происхождения, но «Израилю» они больше не принадлежат.

Этот успех — люди XIX века сочли бы его чудом — объясним двумя вещами. Первая из них заключается в том, что революция Современного государства была, прежде всего, образовательной и лишь во вторую очередь политической. Она проникла глубже, чем любая предыдущая. Кроме того, происходило это при новых и более благоприятных условиях. В XIX веке семейная группа перестала быть эффективным ядром как экономической, так и культурной жизни. Оказалось, что вся исключительность еврея объясняется закрытостью и охраняемостью плодового дома. Существует огромная коллекция художественной литературы, написанной евреями для евреев в начале XX века, где описывается слабость извечного домашнего обучения и конфликт между старым и обновленным поколением. Распад Израиля начинался уже тогда.

Общий разум следующего поколения формировался не столько евреем или не-евреем, сколько газетой и школой. После 1940 года образование повсеместно перешло в домашнюю форму; теперь же все вставало обратно с головы на ноги. Движение Современного государства

захватывало учителей и воссоздавало народное образование, пресекая любые попытки возродить конкурирующие школы. Даже если бы еврей пожелал, у него уже не оставалось возможности оставаться особенным; ни едой, ни умом, ни телом.

Полной солидарности человечества удалось достигнуть к 2060 году. Исчезли последние тени неприязни и недоверия между различными культурами, расами и языковыми группами. Фалез, один из редакторов Де Виндта, назвал этот процесс «ментальной исторической концепцией». Эпоха разочарования являлась, по сути, эпохой борьбы за достижимые цели, несмотря на сопротивление путанного человеческого разума. Межевская декларация оказалась не только утверждением победы и свободы нашего вида, но и демонстрацией достигнутой ясности.

Итак, завеса сепаратистских мечтаний, расовых фантазий и человеконенавистнических кошмаров исчезла без следа. Всеобщий мозг пробудился. И что же он увидел? Маленькую залитую солнцем планету с крайне скудной флорой и фауной. Хрупкий шарик с неожиданно великими и неиспользованными ресурсами. Перед серым мозговым веществом открылись почти безграничные возможности умственных достижений. Все, что сделал человек до сих пор, казалось каракулями маленького ребенка, прежде чем глаза и руки научились достаточной координации, чтобы рисовать. Это напоминало движения слепого котенка. Теперь же глаза человека широко раскрылись.

Эта маленькая планета, которой он в мечтаниях беззаботно овладел, выглядела недоразвитой и опустошенной. Ее изуродовали слепая ненависть и долгие безрассудные войны. Вплоть до шестидесятых годов XXI века земные пейзажи все еще свидетельствовали о затяжных боевых действиях. Исчезло большинство линий раздела, барьеров и собственно границ между суверенными государствами; не осталось фортификационных сооружений и стратегических укрепрайонов. Тем не менее, у человека все еще сохранялась неуверенность как в эффективности внешнего контроля, так и в собственном достойном поведении. Для того, чтобы полностью ликвидировать саму возможность свободных частных полетов, которые все еще допускались после 2040 года, Собратья разработали широкую систему аэродромов. Дороги отнюдь не случайно строились очень широкими, поскольку в таком виде их также можно было использовать в качестве взлетно-посадочных полос, что, в свою очередь, позволяло практически мгновенно реагировать на любую угрозу мятежа. С воздуха или по карте сложно было заметить, что мир по-прежнему «управляется». Дорожная система выглядела прочной сетью, накинута на опасного зверя.

И столь же заметным выглядело качество недавних завоеваний в социальной и экономической областях. Как и предсказывал Аристон Теотокопулос, Второй совет сильно переусердствовал с набережными.

Более того, казалось, что он недоверчиво относится даже к самой воде. Водохранилища и реки, по словам художника, приобрели «задиристый вид». Все смотрелось очень уродливо — фермы, шахты, свалки, фабрики, сами рабочие, а также трущобы и лачуги, где им приходилось жить. XXI век ставил жирную точку на ужасном убожестве конкурентной эксплуатации. В середине предыдущего столетия вырубка лесов и лесные пожары подвергли мир опустошению. И вот теперь лесной массив практически самостоятельно интенсивно восстанавливался. Деревья росли везде, где только возможно.

«Да будет рост! — громогласно объявил Совет. — И не надо ему мешать!»

Растительный покров принялся отвоевывать прежнее пространство. Тем не менее, повсюду все еще ощущалась скрытая угроза потенциального неповиновения. Человек отчаянно боролся и победил. Но только теперь он нашел время рассмотреть любые, а не только самые непосредственные и поверхностные, возможности своей планеты.

Зрелище из летающей машины, каким его увидели межевские делегаты сорок семь лет назад, действительно резко контрастировало с мировым садом, где нам довелось жить сегодня. Неуклюжая рациональность и страх перед эстетизмом преследовал членов Совета до самого конца. Искусственный ландшафт неизменно получался неэлегантным и невыразительным.

«Мосты и дороги, — однажды заметил Теотокопулос, — проектировались бегемотами или носорогами».

Справедливости ради следует отметить, что пришедшая из эпохи воздушных налетов склонность к приземистым формам постепенно уходила. Появилась новая общая тенденция — строить здания очень прочными и очень большими. Иногда в них ощущалась определенная грандиозная смелость, но чаще в нагромождении нелепых деталей присутствовала какая-то милитаризованная глупость. Дома словно выстраивались по стойке «смирно». Обилие пилонов выглядело явно излишним; так проявлялась неодолимая страсть к безупречной прочности.

Обогащение Земли растительностью шло очень медленно, и далеко не везде. По-прежнему было слишком мало лесов и пахотных земель. Планета очень сильно пострадала полтора столетия назад. Но леса и степи восстанавливались не просто так. Из них тщательно изымались сорняки и разного рода бесполезная флора. Несмотря на недостаточно грамотное руководство со стороны Отдела лесного хозяйства, многие искалеченные болезнями деревья все-таки удалось вылечить. Правда, в то время они были куда ниже, чем теперь. Сегодняшним молодым глазам мир наших отцов и дедов, изображенный в книжках с картинками, кажется не только упорядоченным, но и бесплодным. Облагородить его оказалось

делом весьма трудоемким.

И, тем не менее, по сравнению с пейзажем двухвековой давности этот мир выглядел куда более процветающим, просторным и упорядоченным. Присутствовало что-то очень трогательное в свободно выраженной реакции народа XIX века как на городской и сельский ландшафт, так и на природные пейзажи. Люди того времени вряд ли могли подумать о том, что их потомки окажутся очень сдержанными в эмоциях при виде открывающихся красот. Во всяком случае, и тогда, и сейчас в небесах проплывали одинаково прекрасные облака, так же восхитительно вставало и садилось солнце. Да и побережье Западной Шотландии не переставало удивлять и до, и после установления Современного государства. Наши предки переносили утомительные путешествия только ради того, чтобы насладиться видом заснеженной горной вершины или заглянуть в полузатопленный грот. Они любили воду, леса и далекие поля на широком горизонте, и города, которые воспринимались нагромождениями геометрических фигур. А еще те, кто жил до нас, радовались цветам, зеленому мху и каждой букашке. Сегодня мы понимаем, насколько тщательно они подбирали для эстетической оценки все эти знаки и вкладывали их в свою живопись и литературу. И это позволяет нам ярко осознать, насколько скучными и унылыми на самом деле представляли перед ними все эти бесконечные дороги, однообразные домишки и всеобщее запустение.

Преобладающей нотой XIX века стала слабая безвкусица, которая легко вырождалась в удручающую подлую нескладность. Америка замерзала на севере, неопратно одевалась на юге и везде выглядела нечистоплотной. В те времена люди жили мало, часто болели и по этой причине располагали скудной внутренней энергетикой. Не видя ничего другого перед собой, они не могли сравнивать и соответственно не проявляли недовольство несовершенством природы и пейзажей. Едва ли кто-нибудь в литературе девятнадцатого столетия отваживался признаться, что мир изможден, неудовлетворителен и совершенно несимпатичен. Писатели и поэты не признавались в этом, потому что не имели ни сил, ни надежды изменить что-то к лучшему. Они не видели, как это можно подчинить элементарному закону психики.

При Втором совете всеобъемлющей критике подверглись как человеческий успех, так и естественная недостаточность, потому что ни то, ни другое больше не считались окончательными. Делегаты озаботились не только слишком тяжелой техникой, слишком массивными зданиями и откровенно чересчур широкими дорогами. Другой проблемой стала незаселенность огромных территорий. Болота и кустарники, дикие голые скалы, районы, где месяцами не выпадает ни капли дождя, лавиноопасные склоны. Это был мир обещаний, которые предстояло выполнить.

«Теперь мы можем начать, — отважно заявили новые люди. — Для этого самое время!»

Глава 2

УПРАВЛЕНИЕ ПЛАНЕТОЙ

Известно с незапамятных времен, что растительность земли и моря, от которой зависит объем и сила всей остальной жизни, несоизмеримо превосходит доступную влагу и солнечный свет. Еще в тридцатых годах XIX века английский ботаник-экономист Фредерик Кибл (1870-1975, Коллективные работы в Научном отделе переизданий)¹ отмечал, что в размножении диатомовых водорослей, сезонных трав и овощных культур наблюдались существенные задержки роста и развития из-за того, что при самых благоприятных условиях слишком медленно усваивался азот. Ученый отличался тем, что сельским хозяйством и навозом мерил практически все стороны человеческой жизни и настаивал на том, что мы живем в «мире, страдающем от недостатка азота». В самом деле, этот химический элемент крайне неохотно отдается органической материи. Для большинства людей это наблюдение Кибла пролило новый свет на предполагаемую щедрость природы. Коллеги провели опыты с другими

¹ Фредерик Кибл (1870-1952), ведущий британский биолог, специализировавшийся на ботанике (Прим. переводчика).

элементами. Карлос Метом (1927-2014) в одном из отрывков своей поразительной работы сравнил жизнь на нашей планете с «жеребенком, который умирает от голода на бесплодном участке, потому что так и не научился находить зеленые пастбища».

Эта фундаментальная бедность земного существования прослеживается на протяжении большей части геологических летописей. Жизнь всячески проявляла свою скудность. Мы можем отметить несколько периодов относительного изобилия; например, Угольный, когда казалось, будто что-то начинает налаживаться. Однако значительную часть зарегистрированного времени искатели обгадывали внешнюю сторону земного шара. К безграничным минеральным богатствам у них не было ключа. Ни один отдельный разум не смог бы проникнуть в эти кладовые невиданной природной щедрости. Это стало возможно только тогда, когда родился и вырос коллективный научный менталитет. Став бессмертным, он разъяснял, что гораздо более богатая растительная основа для животного и человеческого существования вполне достижима. И только теперь, когда безумная трата человеческой энергии на войну, несогласованную торговлю и извлечение прибыли навсегда подошла к концу, можно начинать пытаться все это реализовать. Сотни тысяч мозгов загорелись надеждой добиться на нашей планете такого жизненного изобилия и богатства, о каких вся Вселенная не могла даже и помыслить.

Второй Совет в начале своего долгого правления не обладал достаточными знаниями о скрытых возможностях прикладной биологии, чтобы предвидеть фундаментальное обогащение. Он видел свою роль в том, чтобы так или иначе развивать и разрабатывать технические изобретения XIX и XX века. Величайшим следствием такого подхода стали фактическая отмена расстояний за счет запредельных скоростей и тяжелого труда за счет силовых машин. Главная цель Совета состояла в том, чтобы навсегда установить человеческое единство и создать рамки прогрессивной общественной деятельности, которая обеспечит всеобщую занятость и универсальную покупательскую способность в условиях постоянно растущей промышленной эффективности. Собратья защищали мир от любой реакции на частную монополизацию, романтический национализм, религиозную эксцентричность и социальный раскол. Успех был достигнут там, где мировое сообщество никак не ожидало его увидеть. И тогда Совет столкнулся с куда более серьезной проблемой. Что делать с возросшим досугом?

Казалось бы, естественным выходом для избытка человеческой энергии следует считать развитие научных исследований в области глубоких минеральных ресурсов земной коры. На деле же вышло так, что Совет не использовал и трети доступных возможностей. Научная деятельность продвигалась очень медленно. Мировые правители были слишком заняты

подавлением вредных и устаревших сепаратистских доктрин. Общечеловеческий мозг никак не мог уловить и проанализировать, что исчезновение болезней растений и животных существенно поднимет общее благосостояние. Это оказалось за пределами воображения. Сложно было себе представить, насколько изменит жизнь поток биологических изобретений по сравнению с изобретениями техническими. Биологическим знаниям, так же, как и эстетической чувствительности, еще только предстояло достучаться до всеобщего сознания.

Начиная с тридцатых годов XXI века, консерватизм Второго совета сдерживал все большее количество научных открытий, не позволяя им воплощаться на практике. Мир полностью объединился. Он поддерживал свое население (которое держалось значительно ниже скромной черты безопасности в два миллиарда человек) с ненавязчивой легкостью. Здоровье находилось на более высоком уровне, чем когда-либо знала природа, и никакие силы бытия не могли это состояние поколебать. Человечество стало похожим на подростка, но обращались с ним все еще как с малым ребенком. Не раскрывались даже новые возможности того, как увеличить на планете растительный покров. Еще до 2050 года районы, которые требовалось снабжать продовольствием, могли бы сократиться вдвое. Тем не менее, Собратья решили, что если и в дальнейшем перемещать население, это может привести к нарушению социального порядка. Четыре или пять миллионов человек удерживались на здоровой, но не очень интересной работе в области сельскохозяйственного производства. При этом власть поощряла запросы о «промышленном использовании продовольственных излишков». В 2050 году производство и распространение основных продуктов осуществлялось строго по правилам, принятым тридцатью годами ранее. Регулярно появлялись обновленные сдерживающие разработки в области воспитания и жилищного строительства, что, в свою очередь, приводило к еще большей безопасности человечества.

В 2047 году Гомер Ли Пабст опубликовал свои выдающиеся исследования о влиянии некоторых газов на хромосомы. Ученый использовал опыт стерилизующего воздействия химических субстанций, полученных на основе газа «Перманентная смерть». Сегодня они известны как кинетогены Пабста. Разработана целая серия этих веществ, чей общий эффект состоит в том, чтобы вызывать мутации различных типов. То, что раньше относительно редко делала космическая радиация, теперь ученые могли делать обильно и под своим собственным контролем. К 2050 году биологический мир столкнулся с десятками абсолютно новых видов растений. Появились и новые животные. Правда, здесь тоже не обошлось без некоторых нюансов. Так, например, вывелись два крайне прожорливых вида грызунов. Тем не менее, искусственная эволюция стала для человечества доступной.

Перед человеческим воображением открывались воистину безграничные возможности, и Совет поддался панике. Он вдруг обнаружил, что окружающим миром, который с таким трудом удавалось приводить в порядок, на самом деле правят монструозные растения и животные. Кошмар злых сорняков и странных зверей напугал не на шутку. Начало казаться, что угрозе подвергается сам человек. В результате появились законы, запрещающие эксперименты на животных. Всех генно-модифицированных тварей доктора Пабста следовало ликвидировать. При этом к растениям-мутантам отнеслись более терпимо. Однако Пабст проигнорировал запреты и продолжал опыты в своих лабораториях, и научный факультет получил множество ценных знаний в области экспериментальной генетики. Когда Верховный совет лишили возможности вмешиваться, Контроль за транспортом и общим распределением совместно с недавно разработанной секцией Контроля за поведением и службой здравоохранения, рассмотрев результаты доктора Пабста, созвали научную конференцию (2060) для их рационального использования. Ее участники составили общий план направленной эволюции жизни на планете; план, который с различными поправками действует и поныне.

Большинство «диких зверей» наших предков сегодня контролируются в специальных вольерах и резервациях. Построено пятнадцать крупных парков общей площадью более пятисот квадратных миль, где различные представители особо интересной флоры и фауны живут в комфортных условиях без какого-либо человеческого вмешательства. Лишь изредка туда проникают высококвалифицированные наблюдатели, да время от времени над их головами пролетают исследовательские самолеты. Искатели приключений не допускаются. Существа в этих районах меньше подвержены влиянию человека, чем их предшественники. Животные формируют ценный генетический резерв, на основе которого совершенствуются родственные виды. Самым поразительным результатом этих экспериментов стало утверждение Дюморика о том, что с помощью тщательно выверенного скрещивания и культивирования атавистических признаков он восстановил вымершего оленя.

Второй совет не зря занимался проблемой занятости для праздных умов и рук не при деле. Результатом стали грандиозные успехи в минералогии и области прогноза погоды. Правда, далеко не у всех сформировалось понимание, что систематическое наблюдение за ветрами и дождями само по себе способно нарушить стройную мировую упорядоченность. В самом деле, перспектива запретить ветру дуть там, где это подразумевается, полностью соответствовало духу Совета. В той же степени ему крайне импонировала возможность затыкать извергающиеся вулканы или предотвращать землетрясения. До 2000 года человек имел очень поверхностное представление как о земной коре в

целом, так и о залегающих в ее недрах минеральных ресурсах. В своих изысканиях геологи практически полностью полагались на особенности земной поверхности, случайные выбросы и разработки карьерным способом. Но количество доступных для исследования полезных ископаемых постоянно увеличивалось. Тем самым становилось возможным систематически зондировать более глубокие слои. В любом современном учебнике по геологии пытливый студент обнаружит такие потрясающие изобретения, как глубоко-земельный бур Шанси, «прорицатель» Халла-Уоткинса и петрограф Ногучи. Благодаря этим инструментам скрытые объекты обнаруживаются на глубине до двадцати пяти миль. В том же учебнике рассказывается о множестве хитроумных устройств, позволяющих извлекать интересующий ингредиент в чистом виде; то есть без примесей и, не повреждая окружающую породу. Всего сто лет назад такое даже сложно было себе представить. При доставке всего необходимого на поверхность не использовалась энергия, заключенная под землей. Скучный продукт из шахт старого света ВЫВОЛАКИВАЛСЯ наверх, а руды, уголь и соль фактически вырубались из места полчищами потных низкооплачиваемых рабочих.

Стоило Второму совету призадуматься над тем, что неплохо бы иметь более точный прогноз погоды, как метеорология тут же принялась шагать семимильными шагами. Здесь следует сказать, что эта наука получила свое практическое приложение совсем недавно. За исключением отдельных скромных опытов с барометром 1643 года, прогнозирование началось в XIX веке и не предпринималось систематически вплоть до 1850 года. Едва значимое изменение состава воздуха началось в первые годы XX века. Позднее человек обнаружил, что может извлекать из воздушных масс азот. Это делалось для дополнительного насыщения удобрений, но существенного воздействия на атмосферу при этом не оказывалось. До последней войны газ «Перманентная смерть» не применялся в настолько крупных масштабах, чтобы он мог ощутимо изменить состав атмосферного воздуха над отравленным регионом. В тридцатых годах XXI века газ широко и повсеместно использовался для уничтожения саранчи, грызунов и различных вредных насекомых. Поначалу на этом направлении наметился выраженный энтузиазм, но несколько несчастных случаев со смертельным исходом быстро охладили юношеский задор немолодого совета. Постепенно пришло осознание, что забрасывать в воздушные массы те или иные добавки, кроме разве что очищающих, без внятного понимания, куда подует ветер, чревато самыми печальными последствиями. Разработанные газовые смеси закупорили в цистерны и спрятали подальше; что называется, до лучших времен.

Объединенная комиссия по перепланировке мира обнаружила, что три взаимосвязанные группы возможностей бросают вызов духу

приключений. Новая флора, насчитывавшая несколько тысяч видов, ожидала выхода с экспериментальных площадок. Тем не менее, экспериментальная биология останавливаться на достигнутом не собиралась. Огромное и доселе неизведанное богатство минеральных веществ было готово выйти из глубочайших пород и освежить истощенную почву. Однако распоряжаться перемещением атмосферных фронтов по своему усмотрению было еще не под силу, несмотря на устранение частной собственности и локальных правительств. Второй совет, бесспорно, одержал победу, но полной она не виделась. Энергия, высвобожденная Советом, расчистила себе путь и, обернувшись беспрецедентной изобретательностью, устремилась менять лицо и суть жизни.

Комиссия по перепланировке приступила к выполнению своей задачи с неторопливой энергией плоти, в которой нет необходимости испытывать неуверенность или нервозность.

«Жизнь и так хороша, — говорится во Введении к проекту Плана. — Но частью фундаментального жизненного блага является то, что в нашем распоряжении имеется столько постоянной новизны, сколько мы пожелаем. Но мы должны постоянно заботиться о должной пропорции. Именно отсутствие соразмерности в развитии новых вещей являлось главной причиной огромного количества мук и разочарований в течение последних пяти столетий. Теперь у нас есть организация контроля, способная сдержать любой конгломерат спазмолитических предприятий, напичканных наемниками. А ведь это именно они, такие промышленные конгломераты, и привели в итоге к катастрофе весь XX век. Перед нашими глазами все те последствия, что мы сотворили. В конце концов, мы сможем обнаружить, что Верховный совет все сделал правильно. Он не одобрил немедленное применение недавних изобретений. В особенности это касается нашего биологического успеха в области генетики. Поступи он иначе, фундаментальные диспропорции привели бы к катастрофе. Мы бы вернули мир туда, откуда он и пришел; в капиталистическую цивилизацию образца XIX века.

Особая область, в которой мы предлагаем сохранять предельную сдержанность, заключается в применении быстро развивающейся науки генетики к увеличению изменчивости в том, что касается людей и, возможно, некоторых других высших млекопитающих. Мы считаем, что сегодня выразим мнение всего нашего вида, выступив категорически против любых подобных экспериментов. Принят закон, согласно которому безболезненно уничтожаются разного рода монстры и дефектные особи, а относительно безобидные экземпляры подвергаются газовой стерилизации, дабы не допустить оставления потомства с явно нежелательными признаками. Мы полагаем, что человечество должно обращаться со своей наследственностью предельно осторожно до тех пор,

пока наши знания об источниках нашего поведения не окажутся достаточными. В течение века или около того мы можем быть довольны человечеством, каким оно является сейчас; человечеством, которое больше не страдает и не доведено до жестокости перенаселенностью, недостаточным питанием, инфекциями, психической и физической отравой любого рода. В человеческом мозге остается еще целая кладезь сильно недоразвитых способностей. Нам предстоит с радостью, свободно и весело исследовать их посредством творческих усилий, по меньшей мере, несколько следующих поколений. Нормальную человеческую жизнь вполне возможно очистить, продлить и усилить. Этим мы и предлагаем довольствоваться. У нас впереди миллионы лет, прежде чем в нашей окружающей среде произойдут какие-либо фундаментальные изменения.

Как только мы переходим от человечества к другим формам жизни, становится очевидным, что перед нами открывается самая привлекательная область. У нас могут быть новые прекрасные леса, травянистые растения; мы можем заменить сорную или скудную зелень прошлого более тонкой и более живой текстурой. В наших силах вызвать из небытия невиданные плоды и цветы. Можно сделать насекомых, от которых так много зависит, более благоприятными. Мелкую живность уже сейчас можно разнообразить в том ключе, чтобы она переходила в состояние сносного дружественного сосуществования как внутри своего вида, так и между разными видами. По мере такого, как наши руки становятся все более умелыми, мы приобретаем возможность все более и более уверенно нарушать жизненный баланс. Теперь, когда человек в здравом уме, страха перед изобилием больше нет.

Планирование человеческой деятельности на ближайшие несколько поколений не повлечет за собой никаких фундаментальных изменений для нашего биологического вида. Это будет продолжение той жизни, к какой всегда стремилось человеческое создание, какой бы мрачной, запутанной и безуспешной она ни была. В настоящее время преднамеренное управление погодой является для нас слишком сложной задачей, но мы твердо знаем, что отныне способны устанавливать точный календарь погоды на год или даже более того. Следует понимать, что глобальное переустройство почвы, флоры и фауны потребует полной перестройки шахт, глубоких карьеров, дорожной сети и даже морского транспорта. Все это совсем не обязательно должно становиться уродливым и отталкивающим, даже в процессе строительства. Все это можно сделать очень удобным и чрезвычайно интересным. Инженерное сооружение, которое еще совсем недавно выглядело неуклюжим и чудовищным, теперь становится грациозным, как пантера. Раньше заводы густо дымили, извергая золу и сажу; из цехов вывозили тонны промышленного мусора. Теперь же промышленные предприятия в своих привычках больше походят на хорошо обученную кошку. Мировое

планирование Второго совета предназначалось, видимо, для статичного общества, поэтому в дальнейшем устаревшие положения следует отвергать. Не приходится сомневаться, что и наши с вами достижения, спустя какое-то время, уступят место еще более смелым и красивым предприятиям».

Так закрутилось начинание, ставшее известным под названием План ввода-вывода от 2060 года. Сегодня большинство из нас все еще погружены в его реализацию. Он дал миру занятие без рабства и досуг без скуки. Когда на какое-то время нам надоест заниматься своими делами, мы улетим — или зайдем за угол — посмотреть, что делают другие люди. Мир полон интереса и восторга, от джунглей Амазонки с ленивцами, пумами, обезьянами и аллигаторами до заснеженных гималайских полей. У нас имеется возможность отправиться на экскурсию в самые верхние слои атмосферы или самые глубоководные галереи, где сможем понаблюдать за огромными головоногими моллюсками, приходящими на кормежку, или за стремительным ростом гигантской жемчужины.

Мы уже настолько привыкли к изяществу, красоте и разнообразию во всех деталях и общих формах, что просматривая фотографии или слушая аудио-записи семидесятилетней давности, нам сложно уловить, насколько хрупким представлялось спокойствие первых десятилетий человеческого единства. Поначалу казалось, что измученный братоубийственной бойней, болезнями, экономическими кризисами и общей тщетностью бытия человек настолько напуган мыслью о любом возвращении к старым беспорядкам, конфликтам и экономическому каннибализму, что способен только слушаться, и ничего более. Но он набирался храбрости. Это происходило не только в окружающем мире, но и в нем самом.

Глава 3

ГЕОГЕНИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

В основе нашей текущей деятельности лежат так называемые «отсроченные проекты». Перво-наперво это, конечно же, стимулирование изменчивости человека. Вторым вопросом на повестке дня стоит коррекция земных контуров. Здесь также присутствует нечто такое, что кажется нам слишком великим и слишком опасным для нашего теперешнего состояния мудрости. Тем не менее, это представляется нам неизбежной перспективой. Так или иначе, рано или поздно, наш вид в конечном счете начнет пытаться это делать.

В настоящее время и в течение многих поколений мы все еще остаемся созданиями и субъектами географии. Океаны и горные цепи определяют нашу жизнь. И не только. Еще они определяют места обитания и тип человека, который приспосабливается жить в той или иной местности. У каждого из нас вне зависимости от предпочтений, телосложения или, скажем, цвета волос, имеется свое особое лучшее место для воспитания собственных детей, работы и отдыха. Человек может сколько угодно долго скитаться, где ему заблагорассудится, но только в определенном месте он почувствует себя как дома. Нет таких, у кого дом везде. Не бывает универсального человека. Только на плоской и

однородной земле такое существо может появиться. На нашей планете процветает необходимое разнообразие, и никто не собирается его умалять.

Но современный географ все равно ставит перед нами животрепещущие вопросы. Возможна ли классификация мест обитания на желательные, нежелательные и враждебные? Не происходит ли в связи с восстановлением лесов изменение планетарных уровней? Не приведет ли прогресс к значительному увеличению желательных мест обитания за счет перераспределения осадков, изменения стока поверхностных вод, защиты от ветра и так далее? Например, небольшой подъем Апеннин привел бы их к круглогодичному снежному покрову. Это изменило бы характер всего итальянского полуострова. А само по себе увеличение желаемых мест обитания могло бы привести к увеличению разнообразия желаемых типов людей.

Еще вчера подобные вещи казались «химерическими». Сегодня они осуществимы, но не нужны, поскольку способны спровоцировать повышенную вулканическую активность. Так что пока гео-гонист, как и генетик, должен довольствоваться мечтами — в его случае мечтами о том, чтобы приблизить огнедышащую планету к растущим потребностям человека. Черед переделывать мир наступит, возможно, через тысячу лет или около того. То есть у нас еще полным-полно времени.

Глава 4

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТРОЛЕ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ

За последние сорок восемь лет произошли очень серьезные изменения в социальном контроле за индивидуальным поведением. Во всем мире наблюдается весьма значительный рост науки, квалификации и профессионального мастерства учителей, но, помимо этого, глубоко изменились характер цели не только в образовании, но и в полицейском надзоре.

Образование, каким мы его понимаем сегодня, началось примерно в середине XX века. Оно имело лишь самую тонкую связь с образованием предшествующей эпохи, так же как образование христианского мира имело лишь самую тонкую связь с образованием языческого мира. Чтению, письму и счету обучали во всех трех системах, но помимо этого сами цели разительно отличались. После обнародования гениальных идей Густава Де Виндта образование превратилось в пропаганду Современного государства. Оно стремилось установить новую законченную идеологию и новый дух, которые побудили бы человека посвятить себя и направить всю свою деятельность на одну определенную цель — достигнуть и поддерживать прогрессивный мировой социализм, используя эффективную денежную систему в нормальной среде отношений.

Это казалось и было гигантским предприятием. Но оно столкнулось с колоссальными препятствиями в обычной человеческой природе. Для продолжения цивилизации это являлось насущной необходимостью. Альтернативой мог стать только возврат через хаотическое варварство к беспечности животных и окончательное вымирание. Следовательно, модель мышления и поведения должна сформироваться так, чтобы не отвлекаться ни на что другое. Современное государство стало неотъемлемой обязанностью человека. Пропаганда неизбежно переходила как в подготовку к государственной службе, так и во всеобщее государственное образование. Всемирное Братство обязалось навязать свой собственный тип обучения по всему миру. Предстояло сотворить Новое человечество, не признающее никаких компромиссов. Это сделало всю образовательную систему воинствующей. Пресекались любые попытки создать иной тип школы или иную образовательную систему. Никогда еще человек не был настолько направленным и дисциплинированным.

Деятели образования периода Первого совета и Воздушной диктатуры проявляли особенное усердие в сдерживании того, что они называли «отклоняющимися мотивами». Какие же образовательные идеалы отличали этих людей, которые намеревались изменить мир? Строгость в еде и питье, выносливость в физических упражнениях, ревность к досугу и глубокое недоверие к эстетическим и чувственным наслаждениям; в особенности к сексуальному возбуждению. На ранних этапах прогрессивной и революционной мысли XIX века в частном поведении отмечалась определенная распущенность. Это был бунт против того, что называлось «христианской моралью». Так проявилась склонность не только потворствовать, но и поощрять потворство в формах, которые ранее запрещались. Большая часть этого «либерализма» в поведении исчезла из революционных кругов ко второму или третьему десятилетию XX века. По мере своего развития Современное государство проникалось неодобрением ко всякого рода эмоциональным привязанностям, которые мешали общему делу, попусту тратили время и энергию. В них было слишком много интриги, и они подрывали дисциплину, снижали в массах уровень лояльности. Даже христианство на самых воинственных стадиях не настраивалось настолько решительно против рассеивания энергии именно в этом направлении. Новый сексуальный пуританизм отличался от старого терпимостью к контролю за рождаемостью, пренебрежением к формальному браку и определенным милосердием к первым эксцессам молодости, но он с еще большей энергией настаивал на общественной порядочности и желательности сексуального глубокомыслия, а также длительных половых связей и полной верности между любовниками. В результате мир стал гораздо более моногамным, благопристойным и порядочным. Пожалуй, настолько, как никогда.

Сегодня многие критики склонны считать репрессии того времени чрезмерными. Мы находимся в другом временном отрезке. Воинствующая эпоха ушла в прошлое. Существует мнение, согласно которому в те годы строжайшей дисциплины под морозной поверхностью моральных установок скрывалось огромное количество тайных пороков и ментальных искажений, и что бесспорная суровость и упрямство Второго совета стали прямым следствием его негибкого пуританизма. Второй совет, не стесняясь, называют сборищем садомазохистов. Но это ни в коем случае не единодушное мнение. В наше время достаточно сложно со стопроцентной объективностью оценить, насколько были распространены подавленные желания и мотивы под упорядоченной и здоровой деятельностью созидательного времени. Это самая сложная психологическая проблема — подвергнуть качественному и количественному анализу как сексуальное влечение само по себе, так и стремление его в разумных пределах обуздать.

Наши исследователи денно и нощно корпят над литературой, биографиями, дневниками, живописью, полицейскими отчетами, пытаясь восстановить исчезнувшие психические состояния ушедших поколений. Кажется, в этой сфере присутствует какой-то ритм. Сопоставим два контраста: один — между сегодня и условиями семидесятилетней давности, а второй — между общественной жизнью в Англии в 1855 и 1925 годах. Там также образовался период крайней сдержанности и приличия, позднее уступивший место периоду удивительной свободы. Мы можем проследить каждый из них, поскольку все они подробнейшим образом задокументированы. Нет оснований полагать, что предыдущий период заключал в себе сильное напряжение и страдания. Отсутствие яркого возбуждения приводило к упорядоченному течению сексуальной жизни. Это не коснулось политики и деловой активности, но зато проявилось в пьесах и романах, как домашнее животное, о котором не принято слишком много говорить. Оно выходило из комнаты всякий раз, когда это необходимо. К 1920 году Англия оказалась готова к тому, чтобы перевозбудиться в сексуальном плане. Новым веянием заразилась молодежь. По мере того, как серьезность экономических и политических проблем возрастала, а структурная неустойчивость мира становилась все более очевидной, сексуальные увлечения, похоже, стали своего рода убежищем от умственного напряжения, которого требовала борьба. Тем самым люди отвлекали себя от огромных требований ситуации, поднимая большой шум по поводу обострений и отклонений в личной жизни. Среди умной молодежи велась самая настоящая пропаганда наркотиков и гомосексуализма. Будучи крайне отзывчивой к пристрастиям аудитории, литература вдруг встала с ног на голову и продемонстрировала свои интимные места. Это в изобилии породило как торжественную, так и

шутливую порнографию, причем часто с элементами садистского подстрекательства. Ре-сексуализировалась религиозность, и в речи с богатой эффектностью стали использоваться непристойные слова. Сегодня все это доступно для тех, кто хочет более тщательно изучить вопрос. Читатель не найдет это чтиво ни шокирующим, ни отвратительным, ни захватывающим, ни интересным. Скорее, комично претенциозным и прискорбно глупым.

Неудивительно, что, героически борясь с огромными социальными потрясениями и пытаясь наладить реконструкцию общества, Современное государство с откровенной антипатией отнеслось к эстетическим и сексуальным занятиям подобного рода. Скольких подающих надежды молодых людей оно потеряло из-за этой моральной заразы! Надо сказать, что Братство с самого начала склонялось к пуританским взглядам. Но в первое время они были, скорее, ненавязчивыми, а после романтических провалов Первого Мирового совета стали угнетать.

Этот прецедент морального разложения проявился в начале XX века. Спустя сто двадцать лет к проблеме обратился Образовательный Контроль. Началось интенсивное регулирование частной морали и подавление стимуляции. Но развращенный мир эти усилия смог оценить по достоинству далеко не сразу. Грубая сексуальность являлась естественным следствием постоянного разочарования. Повсюду перед лицом слишком серьезных проблем, с которыми невозможно справиться, богатые и бедные одинаково оказывались незащищенными, бесполезными и незанятыми. Неизбежно возрастало плохое самочувствие. Наркотики, алкоголь и секс были доступны, чтобы и возбудить, и успокоить расстроенные нервы. Симпатичная молодежь, которая не могла продать мозги или труд, находила иной рынок сбыта. В каждом, без исключения, ядре несправедливо приобретенного богатства или деморализованной власти процветали проституция и паразитизм. А что еще оставалось делать в этом уродливом, несчастном и опасном мире? Но в 2040 году мир оживился и выздоровел.

В данном исследовании у нас нет возможности подробно останавливаться на общем обзоре снятия запретов. Скажем лишь, что шло оно с затруднениями и неохотно со стороны власти. Теперь мы можем ходить голыми, любить, как нам нравится, есть, пить и развлекаться, как нам заблагорассудится, при условии, разумеется, надлежащего уважения к ^сформированным умам. И еще, конечно же, нам вменяется в обязанность следить, чтобы наша деятельность никому не причиняла вреда. Когда установилась Пуританская тирания, ее руководители сразу почувствовали, что посадили в тюрьму тигра, который в противном случае поглотил бы все богатство и безопасность, какие удалось достичь. В самом деле, очень неохотно, постепенно и после

бесконечных споров запреты ослаблялись. Выйдя из клетки, тигр бушевать не стал. Люди правильно питались и не скатывались в чревоугодие, выстроили правильные интересы и не предавались безудержному сексу. Вместо тигра появилась кошечка-душка, безобидная, тихая, не доставляющая неприятностей. Более того, она полностью отказалась от того, чтобы быть хоть сколько-нибудь заметной.

Человечество менялось. Не произошло ни угрожающей вспышки порнографии, ни извращений, ни даже просто подскока сексуального возбуждения. Любой, кто изучит художественную литературу и драму последних пятидесяти лет и сравнит ее с аналогичной литературой старого света, поймет, что существует гораздо больше личной любви и гораздо больше счастливых любовников, чем когда-либо прежде. Плотская любовь демонстрирует верность, обогащает общение и скрепляет дружбу. Никогда раньше не было ничего прямее и прекраснее. Ревность встречается, но редко злая. Встречается и желание, но редко порочное. Прогресс означал упрощение. Что нас больше всего поражает, когда мы читаем о душах двухвековой давности? Они гротескно путаны, измучены и отвратительны. С желаниями смешивались корысть и ненависть. Ложе осквернялось похотью. Наши предки спаривались нечестно и неискренне.

Воинствующий период завершался освобождением от жестокой сексуальной морали, но в другой области расслабления не последовало. Новый порядок не потерпит никакого вмешательства в объединяющую всех нас систему денежной собственности. Наша полиция не только постоянно предупреждает о намечающихся планах грабежей или мошенничества, как это понимал старый свет, но и пресекает многие прибыльные практики, которые прежде могли бы показаться вполне допустимыми или даже вовсе заслуживающими восхищения. И, судя по всему, любые попытки нажиться самостоятельно будут незамедлительно и жестко караться всегда и повсеместно. Азартные игры — этот подлейший способ извлекать заработок из чужих карманов — наказываются в той же степени, что и подделка финансовых документов. Вся та спекулятивная деятельность, какая, казалось, являлась самой структурой социального порядка XIX века, сегодня вообще не смеет реализовываться ни под какой личиной. Деньги — это только чек на личные нужды или вручение подарка. Не должно быть никакого злоупотребления деньгами, чтобы получить преимущество одного человека над другим, даже при условии попустительства со стороны того другого. В этом отношении мы очень сильно связаны друг с другом. И мы не допустим этого проявления общественного каннибализма. Благодаря нашим гигантским усилиям, свобода увеличивается с каждым днем.

Мы обнаружили, что при правильном воспитании ума и тела, а также

строгой и точной защите собственности и денег от бесчестных побуждений каждому человеку можно предоставить такую свободу передвижения и общего поведения, какая показалась бы невероятной воинствующим социалистам начала прошлого века. Но именно благодаря суровому и тщательному очищению человеческой жизни мы теперь имеем возможность жить спокойно и свободно. Сегодня мы можем отправиться в любую точку мира и делать там практически все, что только пожелаем.

Глава 5

ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗОБИЛИЯ

Точно так же, как учителю истории становилось все труднее доносить до каждого нового поколения, какими были человеческие чувства и мотивы в мире инфекций и вредных привычек или в излишне сентиментальной атмосфере всеобщего недоверия и неуверенности, так и ему приходилось прилагать самые энергичные усилия воображения, чтобы восстановить хотя бы слабейшую тень всепроникающей досады, унижений и напряженного беспокойства, вызванных тотальным дефицитом. В достатке жило лишь малюсенькое меньшинство, но так продолжалось недолго; до конца XX века. К тому же, даже богачам приходилось постоянно держать ухо востро, пытаясь удовлетворить свои прихоти и дорогостоящие желания. Упрощенный порядок нашего сегодняшнего мира работает так гладко, что мы почти не задумываемся о том, что нам нужно в тот или иной момент. Куда бы мы ни отправились, нас ждут кров, еда и одежда. Это все делается настолько просто, что мы даже не в состоянии осознать то громаднейшее очищение от множества трудных препятствий, которое должно было произойти, прежде чем стало так легко.

Одним из результатов изобилия, который наши предки сочли бы

парадоксальным, явилась отмена обременения. В прошлом выходило так, что чем меньше имеешь, тем больше следовало иметь и удерживать. Людям приходилось присваивать вещи, потому что их постоянно не хватало. Ваш дом не был просто местом для уединения или интимной близости; это был склад. В XVI и XVII веке его даже специально укрепляли от воров и грабителей решетками, замками и засовами. Заработанное трудом следовало охранять. Успешный человек тех дней походил на узника в собственном доме, потому что ни днем, ни ночью не осмеливался ослабить бдительность и хватку. Эти качества превращались в определяющие и незаменимые. К ним нельзя было относиться с прохладцей; тем более, открыто игнорировать. Это вынуждало вещи в большей степени хранить, нежели использовать их по прямому назначению. Если преуспевающий человек хотел разнообразить свою городскую жизнь, то при наличии соответствующей возможности он приобретал загородный дом, где начинало функционировать нечто похожее на миниатюрную социальную экономику. Пища готовилась в личном хозяйстве на частном имуществе. Всем этим следовало управлять и следить, чтобы не возникало расточительства, небрежности и обмана. Всю одежду требовалось хранить в шкафах. В подвале — разную утварь на случай тех или иных непредвиденных обстоятельств. Особое внимание уделялось накоплениям, поскольку именно они интересовали грабителей больше всего. В те дни всеобщей недостаточности быть богатым было столь же тревожно и утомительно, как и быть бедным. К тому же, богатый мог обеднеть в любое время по целому ряду причин. И если богатч отправлялся в путешествие, то делал это непременно в своей собственной карете со своими сопровождающими, взяв с собой большую ношу из одежды и общего багажа.

При относительно благополучном завершении XIX века, когда многие признаки предвещали процветание, наметилось некоторое облегчение бремени собственности. Временное достижение ограниченного космополитизма в области денег и кредита, умножение буржуазии, ликвидация собственности акционерными предприятиями, расширение возможностей для общения и передвижения сделали успешных людей менее склонными сидеть возле своего имущества. Предпринимались постоянные общие усилия, которые мы сегодня, безусловно, найдем гротескными и даже бессмысленными, чтобы сохранить собственность и в то же время перестать о ней беспокоиться. Идеалом успеха становилась не собственность сама по себе, а покупательная способность. Дома, мебель и прочее с повышенной готовностью переходили из рук в руки.

Вместо того, чтобы жить в больших домах и обедать у себя, люди стали жить в домах поменьше или даже в квартирах и обедать в ресторанах. Они отказались от собственных загородных домов и путешествовали свободно и разнообразно, вызвав огромную индустрию отелей и

арендованных вилл. По сравнению с предыдущими столетиями путешествия стали проще и легче. По мере организации розничной торговли отпадала потребность хранить все в частном порядке. Отныне можно было купить все, что угодно, когда и где угодно. В больших магазинах начала XX века имелся огромный и весьма разнообразный ассортимент.

Во времена Шекспира новая одежда, новая мебель, новые дома и всевозможные новые вещи были редкостью; в начале же XX века появились первые намеки на общую свежесть новизны нашего времени. Возможности для демонтажа и утилизации все еще были развиты недостаточно. Это, в свою очередь, приводило к избыточному количеству отходов. Тем не менее, за счет высокой покупательной способности обновление и замена шли с высокой скоростью. Если бы не социальная катастрофа, вызванная невежеством, индивидуализмом, денежной инфляцией и национализмом, то мировая распределительная организация, вполне вероятно, могла бы развиваться прямо от системы связанных магазинов, каковая процветала в Америке в 1925 году, до наших нынешних условий. И точно так же произошло расширение гостиничной жизни и запоздалое начало строительства переносных загородных домов, что явно предвещало наши нынешние договоренности.

После катастроф и новых начинаний средних десятилетий XX века, в конце Первой эпохи Изобилия Транспортный союз обратился к моделям крупного бизнеса. Мы уже рассказывали, как легко и необратимо эта структура монополизировала глобальный рынок и как Воздушный и Морской Контроль фактически превратился в правительство возрождающегося мира. Новый орган неумолимо замкнул на себя вообще все. Его расчетные дома, став, по сути, новым банковским учреждением, выпускали и получали обратно в обмен на товары энергетические банкноты, его Торговый совет стал осуществлять новую розничную торговлю, его Поставочный Контроль поглотил, наконец, всю мировую продуктивную деятельность. С самого начала новые силы прониклись идеей высокой мобильности. Не осталось и следа от скупых традиций эры дефицита. Постоянно растущее производство на планете позволяло начать, прежде всего, с обеспечения просторным и разнообразным жильем всех и каждого.

Громадные распределительные базы предыдущей эпохи обеспечили модели, на основе которых в эпоху восстановления развивались новые механизмы эффективного снабжения. Реконструировались старые города и поселки, а рядом с ними архитекторы Воздушного и Морского Контроля возводили грандиозные сооружения, сначала по старинке большие и красивые, а затем более тщательно спланированные. Изначально вещи продавались по старому методу. Позднее организовали

систему обмена изношенной одежды на свежие модернизированные образцы. Обувь или костюм шили и подгоняли индивидуально под каждого клиента. Старье забирали и утилизировали. В наши дни ничего не мостят булыжником, ничего не латают и не ремонтируют. Сломалось — в мусор! Испачкалось — туда же. Постепенно этот метод полностью отменил целый древний институт — прачечную. Развевающаяся, заплатанная и изодранная одежда, столь характерная для деревенского пейзажа старого света исчезла с лица земли. Новые быстрые методы измерения и подгонки пришли на смену ножницам и ручному шитью прежних времен. Во времена гуверовского кризиса американцы носили одно и то же нижнее белье годами. Стирали, сушили, гладили, и так еженедельно. Верхняя одежда представляла собой чересчур усложненные конструкции; со всеми этими бесконечными и бесчисленными застежками, пуговицами, ремнями, пряжками и так далее. Носили ее также порой годами. Шили из темной ткани с разными узорами, чтобы скрыть мрачность фасона. Одежда Средневековья была еще более гадкой. В настоящее время средний срок службы нашей гораздо более простой и яркой верхней одежды с удобными застежками на молнии составляет не более недели, а легкого нижнего белья — не более трех дней. Фактически мы не нуждаемся в шкафах; наши шкафы — это наши магазины. Если изменится погода, они мгновенно отреагируют сменой ассортимента. В том, чтобы создавать запас одежды, нуждается разве что только длительная экспедиция в необжитые места. Мы носим меньше одежды, чем наши предки, отчасти из-за нашего более здорового состояния, отчасти потому, что нам не нравится прятать великолепные тела. В прошлом люди часто укутывались на всякий случай. Они носили шляпы всякий раз, когда не были под крышей, носки в ботинках, пуговицы на манжетах рукавов, воротники и галстуки. Похоже, все эти разработки создавались только для того, чтобы подчеркнуть свой престиж в условиях всеобщей бедноты и дефицита. В нищий век это свидетельствовало о том, каких трудов стоит полностью и хорошо одеться. В XIX веке зажиточные носили золотые цепочки для часов, а перчатки — даже в жаркую погоду, тем самым всячески выделяя значительность накопленных средств.

Воздушный и Морской Контроль помимо всего прочего взялся за переделку жилья. Больше не возводились мелкие дома на одну-две семьи. К тому же, требовалось обеспечить выполнение всех, без исключения, санитарных норм. Всюду таилась инфекция. Четыре десятилетия социальных беспорядков превратили едва ли не каждое здание в рассадник болезнетворных микробов. Жилищный Контроль восстановил жилые кварталы прогнивших старых городов. Появились новые дома — чистые, просторные и удобные. Правда, на наш взгляд, недостаточно высокие и слишком невзрачные. Обычно десять-двенадцать этажей,

сделаны очень основательно и честно. Везде — водопровод, канализация, электрическое освещение. В холодном климате — отопление. Дома сельского типа повсеместно заменили на однотипные концентрированные жилые кварталы. Стилль и материал варьировались в той или иной степени в зависимости от климатических условий. Деревни были буквально сметены. Там, где все еще продолжалось небольшое частное земледелие, крестьяне выезжали к своим владениям на велосипедах. В каждом квартале имелись ясли, школа, магазин и залы для собраний.

Когда мы оглядываемся назад, нам кажется, что хижины и лачуги без удобств ушли очень быстро, но на самом деле потребовался период с 1980 по 2030 год. Иными словами, у молодого человека, который все это начинал, ушла целая жизнь на то, чтобы все это закончить. И, тем не менее, уже в пожилом возрасте он увидел повсюду вокруг себя восхитительную красоту и умиротворяющий комфорт.

«Исторические картины» показывают нам весь этот процесс. Мы видим беспорядочные заросли ранней фазы XX века; высокие многоквартирные дома и отели поднимаются высоко над церквями, мечетями, общественными зданиями и густыми зарослями трущоб. Потом всему этому пришел конец. Картины начинают напоминать мрачные рисунки Альбрехта Дюрера; руины, сараи, картонные коробки. Среди них появляются бомбоубежища с «жу- чьими» крышками, столбы первой помощи и зенитные форты. Дальнейшие разрушения множились. И все — жизнь полностью дезорганизована Великой чумой.

И вдруг на сцену вышли крепкие, приземистые кварталы, и потрепанное прошлое исчезло. Началась новая Эра. Города стали больше, красивее и разнообразнее. Жилые кварталы группировались с расширяющимися магазинами, общественными клубами, отелями, парками и садами. Вскоре рядом появлялся аэродром. Постепенно подтягивались разные отрасли, которые придавали агломерации особое значение. После 2000 года общественный клуб стал заметным явлением как в архитектурном, так и социальном плане. В некотором роде это являлось возрождением двух старых идей; английского или американского клуба и римской бани. В клубе находились гимнастический и спортивный зал, танцполы, конференц-залы, кинотеатр, библиотеки, читальные залы и так далее. В общем, это было средоточие оживающей общественной жизни.

XXI век заново открыл для себя опыт девятнадцатого и первых веков христианской эры, открытие, которое сделал еще Александр Македонский. Оно заключалось в том, что гораздо проще настроить большие современные города в новых местах, чем перестраивать старые центры. И чем более важными оставались старые центры, тем труднее было их реконструировать, поскольку это означало прекращение и

перенос важных видов деятельности в новые кварталы. Такое отставание в восстановлении было очень характерно, например, для Нью-Йорка. До недавнего времени он оставался одним из самых низких городов и уникальным в своей мрачной древности. Последний из древних небоскребов, Эмпайр стейт билдинг, все еще находится в процессе сноса. До сих пор! А ведь на дворе 2106 год.

Это произошло не потому, что Нью-Йорк выпал из общей концепции, а как раз наоборот, потому что находился в авангарде нового движения. Мы уже цитировали отчет Николсона 1960 года. Там он упоминал и о важности правильной реконструкции американских городов. В 1961 году в Нью-Йорке открылась штаб-квартира американского отделения Морского и Воздушного Контроля. По сути, это был западный эквивалент Басры. Деятельность нового правительства быстро расширялась. Это требовало немедленного размещения в самых разных местах, и уцелевшие коробки Нижнего Нью-Йорка подошли наилучшим образом. Они поддерживали сами себя некоторое время, выполняя соответствующую функцию, а потом между конкурирующими школами планирования реконструкции этого странно важного города возник длительный спор. Верно не только то, что чем беднее мир, тем он больше обременен собственностью, но и то, что чем энергичнее используется место или здание, тем его сложнее поддерживать в рабочем состоянии.

С середины XXI века во всем мире вновь появился индивидуальный дом. Особенно в сельской местности, на берегу моря, среди лесов и горных пейзажей. Но появился он в новой форме. На самом деле это не то же самое, что старый коттедж и загородный дом.

Идея дома из легких материалов, который можно легко собрать и разобрать и так же легко переместить в какой-нибудь удобный промышленный центр, приходила в головы многим неутомным новаторам еще до краха прежней цивилизации. Например, Генри Форду. Загородный колледж или загородный дом — это отдушина для воображения. Для немалого числа мужчин и женщин однажды наступает этап, когда желание этого маленького необычного места с тщательно выбранным участком, с отличительными, давно желанными удобствами, выходом в лес, горы или море становится непреодолимым. Там можно жить, мечтать, работать и быть счастливым. Немногие из многих, у кого была эта мечта, могли удовлетворить ее в прежние времена. Некоторые редкие, богатые люди могли покупать землю, искусно строить по своему желанию, разбивать сады. Когда они умирали или становились банкротами, другие, кто не располагал свободным временем строить собственное жилье, покупали опустевший дом. Они предпочли бы создать место для себя, но желание предшественника было заключено в кирпиче или камне, прочном и неустрашимом. И они переделывали то, что могли переделать, избавляясь от чужого вкуса.

По мере увеличения изобилия и механической мощности новая дорожная система делала землю все более доступной. По мере распространения водопровода и электросетей стало гораздо легче избавляться от старых домов. Индивидуальный загородный дом приобретал ощутимый покупательский спрос. Современное общество отличается от всех своих предшественников, прежде всего, высочайшей производительностью. В наши дни мужчина или женщина попросту приезжает на незанятое место, проводит там несколько приятных недель, планирует, составляет и пересматривает проекты и делает заказ. Через месяц его дом готов в том или ином производственном цеху, еще через пару дней новенькое жилье доставляют на место. В течение суток закладывают фундамент. Вуаля! Дом стоит там, где пожелал заказчик. Подключен к электросети, снабжен водой, обставлен по вкусу хозяина. Все это едва ли более сложная задача, чем заказать самолет или автомобиль.

На более ранних стадиях возведение предварительно построенного дома происходило не так быстро, но с самого начала это было намного быстрее, чем трудоемкая работа строителя старого света.

И с такой же легкостью дом теперь расчищается. Мы больше не считаем уместным носить чужой дом, как не считаем уместным носить одежду мертвеца.

«Расчистка, — заявил Майкл Кемаль, — характерная черта современной эпохи».

Эпоха разочарования являлась, по сути, эпохой, которая не могла избавиться ни от долгов, ни от суверенитета, ни от патриотизма, ни от старых классов, ни от старых границ, ни от старых зданий, ни от старых классов, ни от старых обид. Только в прошлом столетии человек усвоил настоящий урок изобилия. Гораздо важнее, чем получить что-то, — это избавиться от чего-то. Мы богаты универсально, потому что больше не богаты лично.

Мы упомянули путешествующего богача XVII века, поскольку в то время аристократы могли свободно путешествовать. Нам представилась возможность осмотреть громоздкие препятствия на его пути. Сравните его сегодня с любым обычным человеком, который решает взять отпуск и отправляется на край света. В туристическом бюро договариваешься о ночлеге и летишь, куда хочешь, вообще без багажа и почти без одежды, потому что все, что потребуется, можно будет получить на месте. Все, что нужно взять с собой, это бумажник, документ, удостоверяющий личность и, возможно, записную книжку. Кто-то вешает на себя какую-нибудь побрякушку в качестве украшения, другой берет книжку, чтобы не скучать в дороге. Причем и то, и другое можно приобрести прямо в пути. Никакие другие вещи с собой не нужны, потому что они повсюду. И они универсальны. Мы решили проблему социализации собственности;

проблему, которую в начале XX века решить оказалось никому не под силу. У нас есть величайшее из благ — мы потребляем материальные блага, не обременяя себя собственностью.

Глава 6

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ СТАРШЕ И МУДРЕЕ

Численность и качество человеческой популяции очень сильно изменились за последние два столетия. Один признак слабо зависел от другого. Каждый вид животных и растений постоянно колеблется в количестве и качестве особей, но только с недавних пор данные процессы регистрируются и изучаются. В начале XX века антипрогрессионисты утверждали, что «человеческая природа» никогда не менялась; воображали, будто люди каменного века, разводя костер в пещере, чувствовали и думали, как банковские клерки. Кроме того, даже утверждалось, что идеи Конфуция и Будды легко взаимозаменяемы с идеями Руссо, Карла Маркса или Де Виндта. Эти так называемые знатоки были не просто невежественны, но и дезинформированы почти обо всех существенных фактах как прошлого опыта, так и складывавшейся ситуации. Только в XXI веке появилось более или менее верное понимание первичных действующих сил в биологии человека.

В 1800 году общая численность населения земного шара составляла 900 миллионов человек, средний возраст — около 22 лет. В 1900 году население удвоилось, а средний возраст вырос на десятилетие. В 1935

году был достигнут максимум в два миллиарда человек, а средний возраст вырос до 40 лет. За век возможности для общения и физического реагирования возросли сверх всякой меры, но государственные деятели, педагоги и юристы той эпохи, как мы очень ясно показали в этой истории, сути процесса не понимали и не хотели разрабатывать методы его изучения. Реакция следовала только на следствия, но не на причины, поэтому, по сути, мало что менялось. Мы рассказали о самых главных составляющих катастрофы, которая началась с массовых убийств во время войны 1914-18 годов и завершилась циклом эпидемий до 1957 года. За тридцать лет население Земли сократилось примерно до миллиарда или даже меньше, а средний возраст снизился до 23 лет. Это был колоссальный спад не только в цифрах, но и в зрелости среднего ума.

С появлением Воздушного и Морского Контроля, а также Первого и Второго совета гигиенические условия начали восстанавливаться. И, более того, их начали научно планировать. В течение столетия за ростом населения наблюдали, по мере возможности и по необходимости его сдерживали. В настоящее время средний возраст составляет 62 года, и он все еще продолжает расти. В 2060 году численность населения достигла полутора миллиардов; планка в два миллиарда преодолена в 2085-ом. Наша популяция более не является громоздкой. Благодаря научному образованию и Поведенческому Контролю можно безо всякой тревоги ожидать значительного увеличения и в дальнейшем.

В настоящее время население Земли составляет два миллиарда пятьсот миллионов человек, и, вероятно, оно увеличится до четырех миллиардов, как только мир настроится на полную поддержку и счастье. Вероятность того, что оно опасно разрастется или впадет в панику, психические расстройства, давки и антисанитарные заторы, становятся все меньше и меньше. По мнению современных властей, четыре миллиарда — это оптимальный вариант. Через несколько десятилетий абсолютное большинство людей, по причине того, что родились они в активном и счастливом обществе, будут доживать до 90 лет. Тем не менее, вопрос о возможности и целесообразности продлевать потолок продолжительности жизни на три или четыре десятилетия после «ста двадцати»¹ библейского варвара все еще остается открытым. Вполне возможно, что существует некий предел для воспоминаний, которые способен накопить мозг. Возможно и то, что ограничены его способности проявлять новый интерес к свежим событиям. Для большинства людей в

¹ Согласно Ветхому Завету, Бог после Всемирного потопа сократил продолжительность человеческой жизни примерно в десять раз и установил потолок в 120 лет. Как показывает вся человеческая история, «библейский варвар» не ошибся. Согласно Книге рекордов Гиннеса, максимальная продолжительность человеческой жизни составляет 122 года (*Прим. переводчика*).

будущем естественная смерть будет наступать в возрасте ста лет с небольшим, такая же безболезненная и приемлемая, как лечь в кровать и уснуть после долгого и интересного дня.

Эти количественные биологические изменения связаны с глубочайшими различиями в качестве каждой отдельной жизни. Дело не просто в том, что теперь у каждого человека присутствует обоснованная вера в долгую собственную жизнь, но и в том, что условия, в которых он живет, вызывают совершенно иную систему реакций, чем в прошлом. До Средневековья люди думали о своих бабушках и дедушках, как о более старших и, следовательно, более могущественных представителях человеческого рода, но мы о своих предках думаем, как о людях более молодых и слабых. Те ранние поколения напоминали пресноводных рыб, живущих в мелкой, соленой и быстро пересыхающей воде, по сравнению с другими представителями того же вида, живущими в глубоком, изобильном, хорошо аэрируемом, да и в целом очень благоприятном озере. Они постоянно испытывали неудобства, постоянно оказывались в затруднительном положении из-за суровых обстоятельств; они дико метались и рано умирали. Хотя они были одинаковы по сути, их поведение, и даже сами движения походили на существ другого вида.

Представим себе молодого человека времен Шекспира. Если он не умирал молодым, то быстро старел. В сорок он уже грузный, старый и напыщенный. Целый рой недугов подчеркивал и ускорял его разложение. Молодость длилась совсем недолго. Красота и жизненная сила женщин были еще более эфемерными. И люди ошалело хватались за любовь и приключения. Мир был полон Ромео и Джульетт на пике их страстной жизни в подростковом возрасте. В настоящее время они еще дети, учатся в колледже, и до какой-либо драмы у них еще остается несколько десятилетий. Литература того времени кричит о быстротечности. Простая история стремительной любви, ревности, безудержной мести и так далее создавала основу для драмы или романтической поэмы. Часто все это сопровождалось захватом несметных сокровищ. Карьера делалась и портилась недельной глупостью, а времени чтобы что-то поправить совсем не оставалось. Особенно интересно в этом смысле следить за перипетиями в литературе елизаветинской эпохи.

Изменение биологических условий между 1840 и 1940 годами наиболее точно отобразилось именно в литературе и искусстве. Роман, который поначалу пронизан веселым приветствием, который принимает все так же радостно, как жеребенок, далее становился рефлексивным, аналитическим и целеустремленным. Жизнь больше не заканчивалась на первом порыве. Доля романов по сравнению с другими книгами неизменно уменьшалась. Индивидуальное сознание все глубже проникало в социальные и экономические процессы. Когда в конце XX века литература возродилась, это была литература для взрослых, выражающая

менталитет читателей и писателей, которые были достаточно взрослыми мужчинами и женщинами. Жить им довелось в мире, который, во-первых, планировался, а, во-вторых, перестал быть случайным и непоследовательным. В преобразованном новом романе больше говорится о личной любви и взаимодействии характеров и меньше (эта доля продолжает уменьшаться) о главном любовном приключении.

Это уменьшение поспешности и жадности, быстрого эгоизма и быстрых некритических суждений молодежи все еще продолжается. В обычной жизни увеличивались обдуманность, спокойствие и широта взглядов. Раньше годы от тридцати до семидесяти фактически представляли собой свалку из последствий первых трех десятилетий. Теперь это основная часть жизни; годы работы, самовыражения и полного самопознания, к которым ранние этапы являются яркой и восхитительной прелюдией. Было время, когда мужчина или женщина старше сорока чувствовали себя в некотором роде выжившими. И они пытались в некотором роде «выживать», а мир вокруг них кипел молодостью, скоростями и соперничеством. Победитель быстро устаревал, его быстро сменяли более молодые. Беда плохо защищенного тела усугублялась увядающей физической формой. Тем, кому «за пятьдесят», ловить и вовсе ничего не оставалось. Сегодня в безопасности себя ощущает и стар, и млад. Время, когда старики стремились подражать молодым, закончилось Мировой войной и экономическим крахом. Затем последовала борьба, сначала бессознательная, а позднее и открыто декларируемая, между молодостью и умственной зрелостью.

В худые годы после Мировой войны в течение нескольких поколений наблюдался очень печальный рецидив в сторону преобладания молодежи. Старики не смогли предотвратить крах, для нового периода они оказались мертвы, сломлены и морально дезорганизованы. В последовавшем бурном высвобождении ребячества заключалась своего рода поэтическая справедливость. Италию бичевали прихрамывающие парни в черных рубашках, Россией правила молодежь, называвшая себя синими подбородками, Ирландию опустошили патриотически настроенные хулиганы. Судорожный рецидив безумного мальчишества случился и у нацистов в Германии после десятилетнего размышления над причинами своего провала. Родственную незрелость заимел индийский патриотизм. Нежные годы многих молодых революционеров, казненных англичанами, возмущают наши стандарты терпимости. Повсюду царило юношеское невежество со смертоносным оружием в руках, тщеславное, самодовольное, возвышенное, слепое к рассказам о последствиях. Молодежь всегда отличалась склонностью разрушать, но скоро ей предстояло проникнуться созиданием. Либерализм и Средневековье переживали фазу беспрецедентной неэффективности. В какой-то момент даже начинало казаться, что в мире не осталось никакого осуждения для

молодых налетчиков. В масках на украденных автомобилях по ночам они совершали карательные набеги; избивали, грабили, пытали, сеяли панику и были близки к тому, чтобы разрушить цивилизацию.

Это весьма интересная задача — проследить за постепенным взрослением этих подростков-организаторов, которые захватили значительную часть контроля над миром в эпоху переходного расстройств. Существуют очень объемные книги, где сравнивается фашизм образца 1920, 1930 и 1940 года. После нетерпимости и сентиментальности, низменного патриотизма и реакционного невежества мы вдруг обнаруживаем, что эти молодежные движения ненавязчиво подкрались к планированию, дисциплине и научным методам. Миллионы молодых людей, кто начинал, как фашист, нацист, коммунист, слепой националист или бестолковый партизан, достигнув среднего возраста, стали служить Современному государству. Наконец-то они стали орудиями для реализации планов тех самых людей, на кого охотились и кого убивали в грубом рвении своих первых начинаний.

Отныне молодость навсегда в наших руках. Когда мы говорим о человеке нынешнего дня, то подразумеваем существо, отличное от человека девятнадцатого столетия. Физически новый человек здоров, практически не подвержен никаким заболеваниям, умственно ясен и чист, и образован до уровня, о котором нельзя было даже мечтать еще двести лет назад. Ему преимущественно за пятьдесят, а не меньше тридцати. Он менее привязан к своим инстинктам и менее внушаем, потому что существенно отдален от менталитета «дома и мусора», но он гораздо более социален и бескорыстен в своей идеологии и ментальных привычках. Он, по сути, при всей идентичности своей наследственности, другое животное. Он больше и сильнее, у него более ясная голова, он лучше контролирует себя и более определенно относится к своим сородичам.

Это проявляется повсюду, но особенно заметно в таких регионах, как Бенгалия и Центральный Китай. Там мы находим прямых потомков визгливых, несчастных, недоедающих, малообразованных, недоразвитых и маложивущих особей среди самых прекрасных, долгоживущих и способных представителей современного человечества. Это было достигнуто без применения методик позитивной евгеники. Это стало результатом честного применения Очевидного в здравоохранении, образовании и экономической организации в течение немногим более ста лет. Эти народы ужасно истощались из-за эпидемий эпохи беспорядка, и Тирании пришлось обе популяции жестко дисциплинировать. Теперь, после некоторой обрезки и обучения, они несут такие же прекрасные цветы литературных и научных достижений, как и любые другие расовые массы.

Глава 7

ЯЗЫК И УМСТВЕННЫЙ РОСТ

(Я воспроизвожу этот раздел в точности так, как его записал доктор Рейвен. Читатель, конечно же, заметит, что это самый обычный английский язык XX века. И все же ясно, что если это часть учебника всеобщей истории XXII века, то он не мог быть написан изначально на нашем современном языке. Подразумевается какое-то языковое уточнение и расширение. Кажется, как будто они уже произошли, но никакого уточнения или расширения не видно. Должно быть, доктор Рейвен старательно переводил текст будущего времени в прозу сегодняшнего дня. Если он вообще видел эту свою книгу, то не глазами, а разумом. На настоящей странице не могло быть ни наших букв, ни нашей орфографии, ни наших фраз, ни нашего словаря).

Одним из непредвиденных достижений XXI века стало быстрое распространение базового английского, как общего мирового языка. При этом, быстро распространяясь по миру, он стал быстро видоизменяться. Английский, на котором большинство из нас говорит и пишет сегодня, сильно отличается от английского Шекспира, Аддисона, Баньяна или Шоу. Он избавился от последних следов таких архаичных изощрений, как сослагательное наклонение. Он упростил правописание,

стандартизировал произношение, перенял многие иностранные обороты и тысячи иностранных слов. Не предпринималось каких-либо преднамеренных усилий для того, чтобы установить английский в качестве мирового языка. Тем не менее, у него имелся ряд естественных преимуществ перед его главными конкурентами — испанским, французским, русским, немецким и итальянским. Он проще, тоньше, гибче и более широко распространен¹. Базовый английский является изобретением гениального ученого из Кембриджа в Англии Чарльза Кей Огдена (1889-1990)². Упрощению выражения он и посвятил свою долгую жизнь. Интересно отметить, что он был современником Джеймса Джойса (1882-1955)³, который также посвятил себя задаче создать новый вид английского языка. Но, в то время как Огден стремился к научному упрощению, Джойс работал над эстетикой. Он пытался разработать некое богатое предложение, но кончилось все разочарованием читателей, которые запутались в прозе, почти неотличимой от бормотания сумасшедшего. Тем не менее, он добавил к языку около двадцати пяти слов, которые используются до сих пор. Огден после долгих и усердных экспериментов в обратном направлении получил английский язык из 850 слов и нескольких правил построения, которые позволяли любому иностранцу выразить практически любую обычную идею просто и ясно. Стало возможным научиться разговаривать и переписываться на понятном английском всего за несколько недель. В целом было труднее научить носителей английского ограничиваться выбранными формами и словами, чем обучать других базовому. Учитель Рудольф Бойль (1910-1959) разработал метод, с помощью которого носители английского обходились лишь самым необходимым.

Это удобство распространилось, как лесной пожар, сразу после Первой конференции в Басре. Оно превратилось в официальное средство связи во всем мире с помощью Воздушного и Морского Контроля, и к 2020 году вряд ли в мире нашелся бы кто-нибудь, кто не мог бы говорить на базовом английском или понимать его.

Именно из фонетически написанного базового английского, как новой отправной точки, развился язык, на котором мы пишем и говорим сегодня, главным образом за счет постепенного возобновления глаголов и идиом с материнского языка и усвоения иностранных терминов и фраз.

¹ Скромно умалчивает, что последнее обстоятельство было обусловлено размерами Британской империи. Во времена написания романа это фактически треть земного шара (*Прим. переводчика*).

² Чарльз Кей Огден (1889-1957). создатель международного искусственного языка — базового английского (*Прим. переводчика*).

³ Джеймс Джойс (1882-1941). ирландский писатель. Наиболее известным его произведением является роман «Улисс» (*Прим. переводчика*).

В настоящее время мы говорим на языке, состоящем почти из двух миллионов слов, фактически синтетическом языке, в который влились корни, слова и идиомы из каждой речи в мире. К. Вонт в недавнем эссе показал, что все еще существуют специализации словарного запаса. Так, например, писатели итальянского происхождения тяготеют к словам, взятым из латыни, а писатели из Юго-Восточной Азии испытывают пристрастие к китайским и, как это ни странно, к американизмам. Тем не менее, все они понимают друг друга, находясь в едином и неделимом культурном поле.

В современном английском мало избыточных форм. В будущем их станет еще меньше. Чаще употребляются синонимы и то, что раньше классифицировалось как «редкие» или «устаревшие» термины. С их помощью передаются тончайшие оттенки значения. Прежде чем допустить то или иное дополнение, Словарное бюро его тщательно изучает. В наши дни точность того или иного выражения на порядок выше, чем в английской классике XVIII или XIX века. Ранний английский представляется нам неумелым, ограниченным и неуклюжим.

Чем полнее терминология, тем тоньше ум. Человеческий мозг XX века по сравнению с нынешним мозгом, хотя и не уступал по сути, был гораздо хуже отшлифован и отлажен. К тому же он был искажен вредными привычками, обременен клубком нездоровых ассоциаций, забит неразрешенными комплексами; он был похож на прекрасную машину, утонувшую в грязи. Современный мозг гораздо более аккуратно упакован и лучше устроен, лучше начищен и лучше смазан. Современный простой читатель склонен находить философов и «мыслителей» двухвековой давности скучными и косноязычными. Дело не столько в том, что он находит их неясными, сколько в том, что, когда он, наконец, из джунглей высказывания извлекает смысл, то вдруг обнаруживает, что ему не сказали вообще ничего нового.

Интересная и ценная группа исследователей, чья работа продолжается по сей день, впервые появилась в зачаточной форме в XIX веке. Лидером этой группы являлась некая леди Уэлби (1837- 1912), которую большинство ее современников считали глупой занудой. Она обильно переписывалась со всеми, кто уделял ей внимание, постоянно твердя о том, что язык может быть более точно выражен и что должна существовать «наука о значении». Чарльз Кей Огден и один из его коллег по колледжу Магдалины Айвор Армстронг Ричардс (1893-1977)¹ были одними из немногих, кто принял ее всерьез. В 1923 году эти двое выпустили книгу «Значение смысла», которая считается одной из первых попыток улучшить языковой механизм. Базовый английский стал

¹ Айвор Армстронг Ричардс (1893-1979). английский литературный критик. Как видим, он пережил отведенный ему Уэллсом срок на два года (*Прим. переводчика*).

побочным продуктом этих изысканий. Новая наука оказалась заброшенной, едва родившись. Она не привлекла сторонников, и о ней забыли на десятилетия ужасных бедствий. Возродилась она только в начале XXI века.

Группу энтузиастов, вдохновленных идеей сделать английский более понятным, всеобъемлющим и по-настоящему универсальным языком возглавил Карл Ратан. Постепенно его работа расширялась, и в результате возникла новая обширная организация. Сегодня она известна под именем Языкового бюро. Работу этой структуры сравнивали с деятельностью монетарных экспертов, которые, в конце концов, смогли сотворить единую денежную систему. Произошло это, кстати, ровно сто пятьдесят лет назад. На протяжении нескольких столетий развитие цивилизации сдерживалось именно несовершенством денежной системы. Сегодня, как мы начинаем понимать, наш интеллектуальный прогресс отнюдь не так быстр, как хотелось бы, прежде всего, из-за бесконечных недостатков и слабости языковой связи.

Помимо всего прочего у нас на руках имеется интереснейшая подборка, которая обещает стать настоящей историей философии и знаний. Речь пойдет об Отказе от языка. Проект принялась разрабатывать Секция словарей Языкового бюро. Изначально он задумывался как простой отчет об устаревших терминах или о терминах, которые сильно изменились по сравнению с первым значением; но исследование причин этих изменений привело к исчерпывающему анализу первичных процессов человеческого мышления. К примеру, серия слов «душа, дух, материя, сущность» встраивались в арийскую и семитскую мысль с момента их зарождения, и только совсем недавно Юань Шань с коллегами установил, что китайское и негритянское мышление пересекались. Перевод с языка на язык, кроме вопросов материального изложения, практически всегда получается слишком вольным. Что же касается литературы Восточной Азии и попыток африканцев себя выразить, то мы можем увидеть общие черты, когда грубость приближается к насилию. Это видение столкновения, вероятно, приведет к обширным нововведениям в нашей философской (общенаучной) и технической номенклатуре. Сегодня мы говорим и пишем на предварительном языке. Наши правнуки будут относиться к нашим терминам и оборотам, как мы сегодня относимся к «паровозу», «пароходу» или «телеграфу».

Сейчас происходит гигантская перестройка ассоциативных систем человеческого мозга. Сложно себе даже представить, насколько широко разовьются умственные способности человека. Будут решаться вопросы, которые в настоящее время находятся вне нашего понимания. Давным-давно рука была подобна копыту. Ею нельзя было рисовать или продеть нитку в иголку. Но потом большой и указательный палец

противопоставились. Так появилась хватка, за которой последовали ремесло и искусство. Стали появляться механизмы, один сложнее другого. Точно так же и мы можем ожидать огромного расширения исследований и гораздо более глубокого проникновения в реальность по мере того, как язык, наша интеллектуальная рука, будет выведен на новый уровень эффективности.

Происходит не только обострение способностей и совершенствование мозга, но и то, что наши прадеды посчитали бы необъятным увеличением количества, качества и доступности знаний. По мере того, как индивидуальный мозг ускоряется и становится более умелым, появляется также Коллективный Мозг, система фундаментальных знаний, которая накапливает, сортирует, поддерживает в порядке и делает доступным все, что известно. Энциклопедическая организация, центр которой находится в Барселоне, с семнадцатью миллионами активных работников — это Память человечества. Ее щупальца тянутся не только к исследователям, контролерам и корреспондентам, но и к живому контакту с умственным развитием. Она быстро растет по мере того, как постоянное повышение эффективности производства высвобождает новые массы работников для новых услуг. Между тем, ментальный механизм человечества находится еще только в зачаточном состоянии.

Возможно, это не младенчество, а уже все-таки подростковый возраст. Именно потому, что разум человека взрослеет, он впервые осознает, что молод.

Глава 8

СУБЛИМАЦИЯ ИНТЕРЕСА

Современный средний человек не только старше и серьезнее своего предка три столетия назад, но и работает он сегодня совсем по-другому. Его интерес сильно отвлекается от насущных жизненных потребностей.

Три столетия назад более девяноста процентов населения Земли было поглощено либо непосредственным производством предметов первой необходимости, либо борьбой за их получение от первоначального производителя. Прямые производители, крестьяне и рабочие, предприниматели и управленцы, а также прямые распространители составляли более восьмидесяти процентов от общего числа людей. Помимо них миллионы посредников, ростовщиков, лиц, предъявлявших претензии, земледельцев, адвокатов, спекулянтов, грабителей и воров. Причем грабители и воры, наравне с остальными, считались необходимой защитой ускорения экономического процесса. Силы правопорядка и образования, исключая временную воинскую повинность и сборы в военных целях, занимали пять или шесть процентов. Совсем небольшое меньшинство, менее пяти процентов, обеспечивало художественные усилия, научные исследования, общественную и политическую мысль; иными словами, живую душу всего общественного организма.

Система интересов большинства людей почти полностью ограничивалась работой и борьбой за обладание. Им приходилось постоянно думать о работе, которую они выполняли либо для собственной выгоды, либо для личной выгоды, комфорта или фантазии какого-либо работодателя, а еще о том, чтобы сохранить работу или получить новую. Во время гуверовского кризиса, когда занятость резко сократилась, страх потерять рабочее место превратилось в чудовищную навязчивую идею. То, что зарабатывалось, приходилось тратить с величайшей осторожностью, а остаток тщательнейшим образом охранять, потому что кругом свирепствовало мошенничество. Всюду стремились забрать накопленные денежные средства, и ничего не дать взамен. Иногда, устав от узости жизни, человек бросался в азартные игры в отчаянной надежде на судорожный фарт. Все заканчивалось разочарованием и раскаянием. Добавьте к этим тревогам немного любви, изрядную долю ненависти, отчаянную жажду похвалы и борьбу за то, чтобы увидеть все это в обнадеживающем и достойном свете, и вы получите содержание девяноста девяти процентов человеческих мозгов, которые ваяли мир в 1930 году. Невозможно было сбежать из этого ограниченного круга неотложно шумных интересов, едва ли более широких, чем у животного в лесу.

Этот круг разорвало Современное государство. Мы все еще существа с мозгами, как у наших предков. Нервный ганглий — к нервному ганглию, нервное волокно — к нервному волокну. Но и существенное отличие между нами тоже имеется. **МЫ НЕ ИСПОЛЬЗУЕМ ЭТИ МОЗГИ ДЛЯ ТЕХ ЖЕ ЦЕЛЕЙ!** Современное государство, обеспечивая изобилие и контролируя рост населения, отстранило от деятельности индивидуального мозга все интересы, связанные с борьбой за пропитание и вытеснение конкурентов. Контроль за данной сферой обеспечивает относительно небольшой контингент специализированных работников. Мы больше не беспокоимся о еде, питье, одежде, здоровье и личной свободе. Работа, которую мы **ДОЛЖНЫ** выполнить, не обременительна по объему. Наши воспитательные опекуны нагружают нас ровно настолько, насколько это необходимо. Делая свою работу, мы точно знаем, что сделаем ее хорошо. Нас не обманут, не задержат жалованье и выплатят его в полном объеме. Мы все еще соперничаем, возможно, даже больше, чем когда-либо. Ревность все еще борется в нас с великодушием. Наша работа — это мастерский, а не движимый интерес. Наше соперничество направлено на самоутверждение, но не во вред ближнему. Умственная энергия нормального человека высвободилась от прежних неизбежных забот.

Неуклонное стирание первичных мотивов наиболее ярко проявилось в статистике того, что раньше называлось «Преступлением и наказанием», в цифрах противоправных действий, нарушения

субординации и преднамеренных нарушений общественного порядка, а также в последующих исправительных процедурах, которые назначаются дисциплинарной организацией при Поведенческом Контроле. Мы не располагаем статистическими данными периода упадка, но имеется обильное количество материала, относящегося к сравнительно упорядоченному и процветающему периоду между 1890 и 1930 годами. Великобритания тогда представляла собой самое здоровое и законопослушное сообщество в мире, но криминальные цифры, которые открываются перед историком, производят совершенно ужасающее впечатление. Воровство, всевозможные виды мошенничества, подделки документов, кражи со взломом, грабежи с применением насилия, отравления и другие формы убийств происходили ежедневно. Казалось, эти гнусные деяния в отношении собственности никогда не прекратятся. Бесконечные заботы, связанные с деньгами, приводили к бесчисленным самоубийствам. Все эти преступления возникали в результате борьбы за деньги и собственность в эпоху недостаточности. Тюремны были переполнены. Человечество разуверилось, что этому можно положить конец, но вот все это закончилось. В отчете Поведенческого Контроля за 2104 год (отчет за 2105 год еще недоступен) зарегистрировано 715 случаев воровства по всему миру. Почти в каждом случае украденным предметом являлось произведение искусства, маленькая драгоценность, кусочек вышивки или домашнее животное. Кроме того, злоумышленники похитили нескольких детей и — в одном случае — луковицу нового сорта лилии, которая, вероятно, пробудила инстинкт обладания и заботы. Крайне сомнительно, что какая-либо из краж осталась незарегистрированной.

Статистика по остальным видам преступлений не столь радужная, хотя они и уменьшились. Если количество противоправных действий, касающихся имущества, сократилось до одной десятимиллионной по сравнению с прежними временами, то другие виды снижаются более плавно. Приходится с горечью констатировать, что наше население все еще часто склоняется к сексуальному беззаконию. Красивые и привлекательные, и в особенности красивые и привлекательные дети, еще не полностью защищены от нежелательных домогательств и даже нападений. Ревность по-прежнему остается опасной страстью, особенно в возрасте до сорока лет. На этой почве Поведенческий Контроль насчитал 520 000 преступлений. Причем они сопровождалась побоями различной степени тяжести, а в 67 случаях дело заканчивалось смертью потерпевшего. Нельзя не обратить внимания и на достаточно высокие цифры самоубийств — 2192. Они показывают лишь незначительное улучшение по сравнению со среднегодовым показателем за предыдущее десятилетие.

Еще одним сложным классом преступлений, который не находит

точного аналога в уголовной статистике прежних времен, если только к этой группе не следует отнести британское преступление «злостного вреда», являются акты раздражения, вызванные завистью. Такого рода действия варьируются от черной ненависти и ярости неконтролируемого эгоизма до того, что в некоторых случаях граничит с оправданной критикой глупого самодовольства. Четыре убийства, несколько сотен нападений и актов бессмысленного разрушения в этой категории свидетельствуют о том, что этот мир все еще не является раем для всех и каждого. Всякий раз нам приходится сталкиваться с кем-то, чей внутренний мир переполняется злобой. Тем не менее, мы не можем не отметить обнадеживающую тенденцию. В прошлом году общее количество преступлений, включая самые незначительные проступки, составило 750 000. И это в мире с населением в 2,5 миллиарда человек! На лицо стойкий прогресс и уверенность в стремительно улучшающемся человеческом мировоззрении. В воображении человека больше не доминирует постоянное зло. Места для него осталось совсем немного, и практическая задача наших социальных психологов как раз в том и состоит, чтобы злу больше не было, куда приткнуться.

Вследствие материального изобилия образовалось изобилие ментальное. И теперь оно направляется в новые каналы. Те жалкие полпроцента или даже меньше творческих работников старого режима, несколько любопытных людей, которые забавлялись новыми идеями, странные любители досуга, которые собирали «редкости» и изобретения, превратились в мощную группу исследований, экспериментов, верификации и записей, которая в настоящее время становится большей частью мирового населения.

Теперь мы точно знаем то, о чем три столетия назад люди даже не догадывались. Человеческий мозг, освобожденный от голода, страха и других первичных стрессов, легко поддается не только творческим и руководящим желаниям, но также добрым и полезным импульсам. Те, кто поддерживает наши производственные, распределительные и транспортные услуги, находят свою работу очень интересной, потому что им нравится быть полезными и помогать друг другу. Они испытывают громадное удовлетворение от способности искусно сделать для других то, что они вряд ли сделают с тем же мастерством для самих себя. Парикмахеры, сапожники, портные, шляпники, торговцы одеждой и так далее в больших магазинах сегодня очень сильно отличаются от тех подобострастных и почтительно «униженных», кто делал презентабельными наших прапрадедов. Основной интерес работников сферы услуг в далеком прошлом заключался в том, чтобы клиент чувствовал себя максимально комфортно, а также в том, чтобы положить себе в карман побольше в ущерб работодателю. Старая литература вся насквозь пропахла презрением к парикмахеру, портному и сапожнику;

порой презрением вперемежку с глубоким негодованием. Если простой человек презирал сапожника, тот платил ему тем же. Парикмахер только стриг волосы, а портной только шил одежду. Сегодня все иначе. В парикмахерской оценят не только волосы, но и зубы, а также общее состояние здоровья; проведут тщательнейшую диагностику и при необходимости перенаправят к профильному специалисту. Пока все это крутится и вертится, зайдет портной; снимет мерку и предложит ряд подходящих вариантов обновить гардероб.

Сильно изменились консультанты. Во многом потому, что они поддерживают постоянную связь со стражами развития, которые заменили школьных учителей, медсестер, гувернанток и воспитателей. Общие советники взяли на себя функцию семейного адвоката, духовника и врача общей практики. Количество специалистов консультативных и направляющих профессий, по меньшей мере, в три раза превышает количество юристов, педагогов и врачей XIX века вместе взятых. Постепенно формируются новые профессии. Например, учителя-специалисты, которые занимаются развитием и передачей навыков, а также формированием и поддержанием общей идеологии. Этот класс незаметно переходит в мир технической работы, искусства, литературы и научных исследований.

Первичные производители и разработчики материалов, агрономы, инженеры, химики, транспортники и промышленные директора выполняют свою работу, потому что им это нравится. Это их удовлетворяет. Им нравятся материалы, которые они разрабатывают, трудности, которые приходится преодолевать, и распорядок дня. Несмотря на увеличение производства и разнообразия инновационных вещей, доля этой части населения остается неизменной. Эффективность по-прежнему опережает потребность и желание. Два с половиной года обязательной государственной службы, которая является неотъемлемой частью нашего образования, обеспечивают достаточным уровнем труда; зачастую весьма тяжелого.

Высвобождение человеческой энергии из первичных потребностей — процесс, который, по-видимому, будет продолжаться бесконечно. Создавшие и поддерживающие нашу всемирную социальную жизнь могучие силы направляют высвободившуюся энергию на достижение новых знаний, накопление и передачу свежего опыта. Происходит постоянная сублимация интереса. С каждым годом человек становится все более любопытным, все более точным, все более смелым, умелым и приятно занятым. Чем больше мы узнаем о возможностях нашего мира и возможностях самих себя, тем богаче наше наследие. Эта планета, которая когда-то казалась суровой матерью, теперь предстает неисчерпаемой в своей щедрости. Величайшим открытием, какое сделал человек, является открытие самого себя. Леонардо да Винчи с его

необъятной широтой видения, творческим пылом и способностью к интенсивной работе был предшественником обычного человека, каким его сейчас создает мир.

Глава 9

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП

С точки зрения эколога, создание Современного государства знаменует собой эпоху в биологической истории. Произошла слишком быстрая адаптация нашего вида к меняющимся условиям, которые в противном случае его бы уничтожили. Огромные бедствия XIX и XX веков показали нам, что человечество едва избежало непоправимой катастрофы.

Бесконечный труд миллионов измученных мозгов настойчиво придавал форму и четкую цель тому, что поначалу представлялось простым блужданием и стремлением к безопасности. Вид, которому угрожала острейшая опасность, не скатился в пропасть вымирания, где погибло так много смелых экспериментов. В боли и неуверенности он преодолел самую опасную фазу, и теперь боролся за такой уровень стабильности, понимания и защищенности, каких никогда не достигало ни одно живое существо.

Посредством образования и социальной дисциплины нормальный человеческий индивид сегодня приобретает характеристики, без которых его дальнейшее существование стало бы невозможным. В будущем, по мере того как более скрытые процессы отбора будут ускоряться и направляться евгеническими усилиями, приобретенные характеристики

будут включаться во врожденную природу. Образовательная энергия высвободится для дальнейшей адаптации. Человек будет поколение за поколением становиться новым видом, все более отличающимся от того заросшего сорняками, трагичного, жалкого, жестокого, фантастического, абсурдного, а иногда и откровенно ужасного существа, которое в порыве идиотского высокомерия умудрились окрестить *Homo Sapiens*.

Отличия грядущего человека от человека прошлого будут многочисленными и запутанными, но уже сейчас появляются первые широкие линии сравнения. Мы уже отмечали разницу в возрастном цикле между нами и нашими предками. Значительно удлинилась фаза юности, а период от тридцати пяти до восьмидесяти становится куда более полноценным. Обусловленное высвобождением жизненной энергии полное физическое развитие позволяет успешно противостоять различным инфекциям, ядам и болезням роста. Мы, вероятно, находимся только в начале очень значительной физической модификации. Скорее всего, сами эстетические идеалы прошлого определяют направление, по которому прекрасные изменения нас поведут. И тем не менее следует отметить, что физическая перестройка все же не так важна, как ментальная. Краткое рассмотрение этого вопроса позволит нам сделать правильный вывод из общей исторической выжимки.

По сути, речь пойдет о приспособляемости индивида к общевидовой жизни. Когда мы возвращаемся назад во времени на миллион лет или около того, то обнаруживаем, что наш вид — предок находился в фазе почти фундаментального индивидуализма. За исключением тех случаев, когда включались половой инстинкт или инстинкт сохранения потомства, подчеловек находился в состоянии заикленности на самом себе. У него не было сообщников в охоте за пищей, не было союзников для защиты. Он представлял собой такого же одинокого зверя, как тигр. Позднее он прошел через стадии возрастающей коммуникабельности. Наступление этих стадий стало возможным благодаря сохранению незрелых характеристик вступления во взрослую жизнь. То же самое происходит сегодня со львами, которые остаются дружелюбными не только, будучи детенышами, но и гораздо позднее, чего не наблюдалось в стародавние времена. Человек миновал стадию, когда был таким же общительным, как современный лев, и перескочил на новую ступень, где оказался вровень с волком или охотничьей собакой.

Но на этом он не успокоился. Все условия его жизни благоприятствовали формированию еще более крупных сообществ и еще более тесной взаимозависимости. Он стал земледельцем, хозяйственным животным, и его общины расширились до тысяч и десятков тысяч людей, объединенных взаимным служением. Он создал язык и религию, чтобы связать волю и деятельность этих объединений в эффективную общую политику. История человечества, как мы ее раскрываем современному

студенту, — это история возрастающей коммуникации и взаимозависимости. Незаметно для самой себя материальная сторона индивидуальной свободы перевоплотилась в неизбежное сотрудничество с сообществом.

Ударение следует делать на слове «материал». Физическое подчинение и социализация человеческого животного намного превосходили его моральное подчинение. История человечества — это также история воспитания и принуждения. Это запись отдачи и взятия. Человек почти до наших дней оставался в глубине души недоразвитым дикарем, который заботился только о себе, о своей сексуальной жизни и о своих детях, пока те не могли сами о себе позаботиться. Он проявлял готовность объединиться для агрессии или для защиты, но очень неохотно для общего счастья. Когда у него появилась возможность обменять свою свободу на преимущества коллективных действий, он сделал это вопреки здравому смыслу, нуждаясь в убеждении, давлении и полезных заблуждениях.

История человечества должна была в значительной степени стать историей череды религиозных и эмоциональных изобретений и реконструкций с тем, чтобы преодолеть врожденное отвращение индивида к подчинению и самопожертвованию. При каждой возможности индивид стремился восстановить свои личные инициативы. Его эгоизм инстинктивно боролся с необходимостью извлечь максимальную выгоду от сделки и получать как можно больше, как можно меньше отдавая.

Естественное «я» человека борется за это сейчас так же сильно, как и раньше. Но сейчас он борется в лучшем свете и более разумно. Он понимает, что полная реализация его желаний никогда не наступит. Именно поэтому длительный конфликт индивидуализма с обществом, в конце концов, привел к рациональному компромиссу. Мы научились ловить и приручать эго на ранней стадии и тренировать его для целей, больших, чем оно само.

То, что произошло за последние три с половиной столетия с человеческим сознанием, по сути, является сублимацией индивидуальности. Эта фаза — квинтэссенция современной истории. Основная часть обычной жизни человека — охота за пищей, охота за убежищем, охота за безопасностью — выведена из индивидуальной сферы и навсегда социализирована. На это человеческий эгоизм волевым образом дал свое согласие. Он отказался от азартных игр, погони за прибылью и всех остальных диких притязаний на собственность. Он совершенно перестал хватать, бороться и вытеснять. Простой человек лишился всякого оружия, с помощью которого можно было бы стремиться к свободе и освобождаться от сдерживающих социальных механизмов. В наши дни дело дошло до того, что даже дети перестали

драться между собой. Мягкость в различиях стала нашей второй натурой.

Сама жизнь и интересы человека социализировались поперек естественного положения дел. Весь наш вид слился воедино. Он становится таким же колониальным организмом, как ветвящийся коралл или полип. Связывающие нас узы не плотской природы. Они бесконечно эластичные, невидимые и очень тонкие. В ряде глав этой всемирной истории мы рассмотрели и показали, с особым вниманием из-за ее кульминационного характера, существенный индивидуализм процесса мировой войны, и мы рассказали, как, с какими трудностями и после каких невыносимых бедствий наш вид достиг нынешнего уровня организованного самоконтроля. Творческая сила победила, действуя через индивидуальности в более разумном меньшинстве. Воспользовавшись всеобщим замешательством большинства, они прямо у него на глазах установили нынешний порядок. Это своевольное меньшинство открыло врата к мощи и изобилию, которые превзошли все прежние мечты. Но наше Современное государство не поглотило и не разрушило индивидуальность, которая теперь, принимая необходимые ограничения на материальную агрессивность, возобновляет при каждой возможности свою свободу и предприимчивость на более высоком жизненном уровне.

Индивидуальность, лишенная или освобожденная, если хотите, от своей основной инстинктивной озабоченности приобретением и сохранением, разочаровавшаяся в приоритете, личной демонстрации и подобном варварском тщеславии, постоянно и быстро растущая в мудрости и знаниях, теперь должна пойти дальше, чтобы найти себя. Не будучи больше самодостаточным существом, находящимся в состоянии войны со всем своим видом, она стала ответственной частью своего вида. Это стало важным экспериментом по ощущению, знанию, принятию решений и реагированию.

Общечеловеческое тело в настоящее время представляет собой единый организм, состоящий из двух с половиной миллиардов человек. Индивидуальные различия каждого из этих людей подобны исследующему щупальцу, протянутому, чтобы проверить и изучить, насладиться жизнью во всей ее полноте и привнести новый опыт для общего запаса. Мы все члены одного тела¹. Только в самой смутной аналогии что-либо подобное происходило во Вселенной, какой мы ее знали раньше. Чувство индивидуального различия делает наше осознание общего бытия более острым. Мы работаем, думаем, исследуем, спорим, рискуем и страдаем — ибо кажется, что нет конца трудным и опасным приключениям, которые могут попытаться совершить отдельные мужчины и женщины; и нам становится все более ясно, что не наши маленькие я, а Человек Бессмертный достигает этого через нас.

По мере того, как более медленные процессы наследственности захватывают и подтверждают эти социальные адаптации, по мере того

¹ Это была фраза интересного мистика Святого Павла (Савла) из Тарса (2-62 гг. н.э.; с анализом и комментариями Хирша и Поттера в «Исторических переизданиях»: серия «Развитие идей»), который так много сделал для извращения и расширения более простого космополитического братства Иисуса из Назарета (4-30 гг. до н.э.), прежде чем оно было окончательно подавлено и потеряно в жертвенном священнодействии формального христианства. В течение непродолжительного времени культ Святого Павла имел легкий привкус Современного государства. Присущая Павлу политическая неискренность придавала ему неоспоримую интеллектуальную силу. Он неоднозначно относился к кровавым жертвоприношениям, бессмертию, частной собственности и рабству. Все это было идеологически обесцвечено еще до окончания I века. См. Иван Маккензи, «Общие элементы религии», 2103 год. У Маккензи имеется превосходная глава о предвосхищении идей Современного государства древними писателями. Особенно интересны два абзаца о Высшей Личности (Обобщенном или Сверхчеловеке) Конфуция (551-478 гг. до н.э.) и «О граде Божьем» Аврелия Августина (354-430) (*Прим. автора*).

как слияние воли вытесняет индивидуальные мотивы и теряет свои нынешние факторы искусственности, история жизни перейдет в новую фазу, фазу с общим сознанием и общей волей. Мы в наше время все еще поднимаемся к вершине этого перехода. И когда этот гребень будет достигнут, сложно даже себе представить, какое жизненное величие откроется перед Человеком! Глаз не видел, и ухо не слышало; и не приходило в голову человеку постичь... А пока мы видим, как в зеркале темно...

На этом переписанная рукопись доктора Рейвена подошла к концу. Мне кажется, что это несколько неожиданно. Но это конец; доктор Рейвен написал здесь слово «Finis». Добавлю совсем немного от себя в качестве комментария. Я назвал эту рукопись Книгой сновидений. Является ли она ею в самом деле? Он утверждал и, судя по всему, верил в то, что видит облик грядущего. А впрочем, наверняка существует и третья возможность. Как сон, Книга слишком последовательна, а как видение, заставляет сомневаться. Не был ли доктор Рейвен слишком занят и слишком одержим чувством неотложности, чтобы приступить к детальному анализу развития мира, пытался ли он, тем не менее, набросать общий тезис о закономерностях течения грядущих событий? Если это не Книга сновидений и не сивилинская история, то это теория мировой революции. Ясно, что тезис состоит в том, что история теперь должна оставаться чередой случайностей со все более катастрофической тенденцией, пока всеобъемлющая вера в модернизированное Мировое государство, социалистическое, космополитическое и творческое, не овладеет человеческим воображением. Когда существующие правительства и правящие теории жизни, разлагающиеся религиозные и разлагающиеся политические формы сегодняшнего дня в достаточной степени потеряют престиж из-за неудач и катастроф, тогда и только тогда станет возможно всемирное восстановление. И это должна быть работа, прежде всего, агрессивного ордена религиозно преданных мужчин и женщин, которые будут пробовать, устанавливать и навязывать нашему виду новый образ жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА СНОВИДЕНИЙ ДОКТОРА ФИЛИПА РЕЙВЕНА3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: НАСТУПАЛА ЭПОХА РАЗОЧАРОВАНИЯ15

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛЕЗАВТРА: ЭПОХА РАЗОЧАРОВАНИЙ109

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

*МИРОВОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ: РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВА 233*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОИНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА316

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КОНТРОЛИРУЕТ ВСЕ365

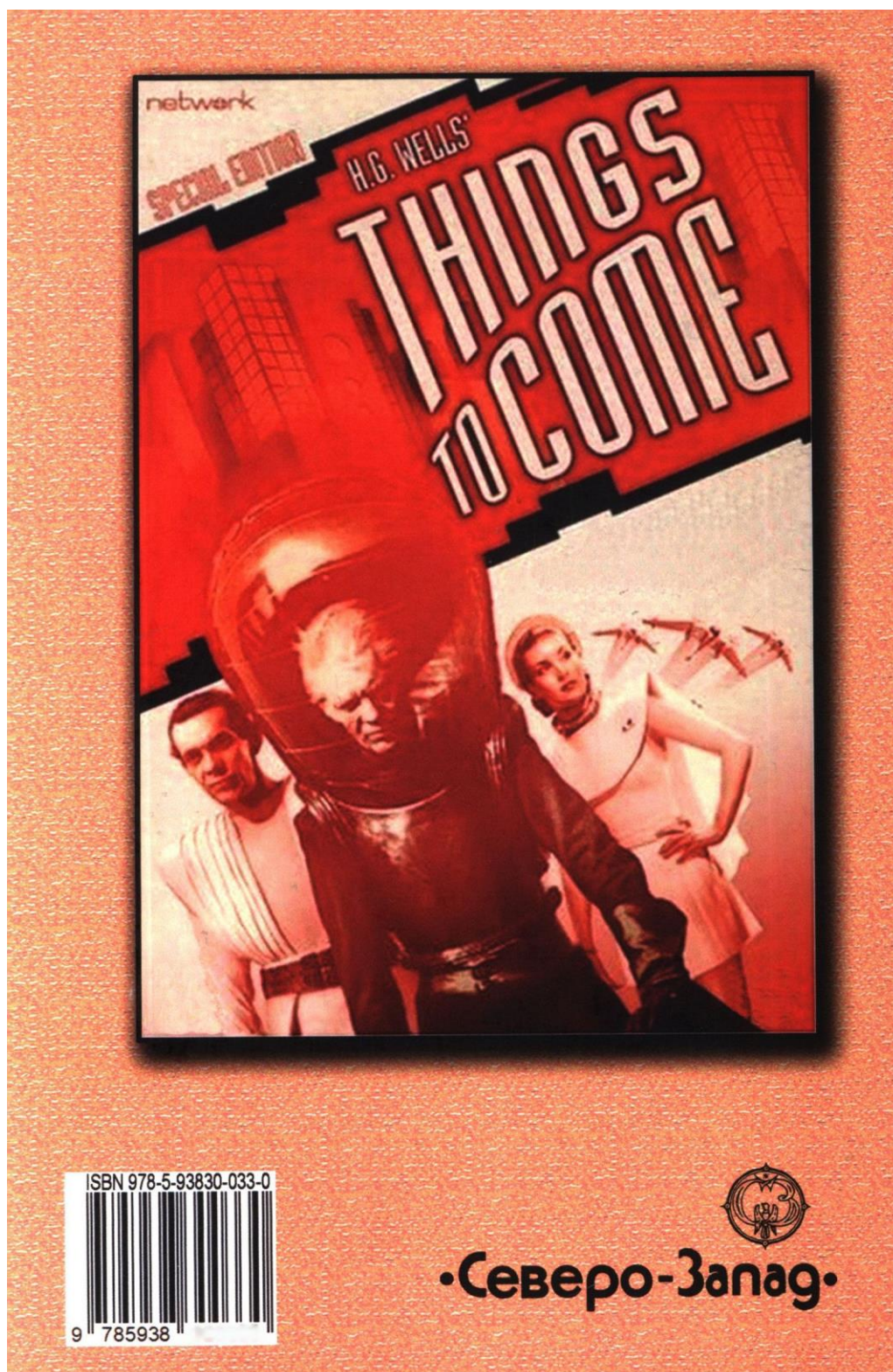
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КЛУБНОЕ
ИЗДАНИЕ

Герберт УЭЛЛС

ОБЛАК
ГРЯДУЩЕГО

16+

Составитель серии *А. Лидин* Ответственный редактор *М. Чернова*
Главный художник *А. Соловьева* Верстка *В. Кудрешов*

300330